Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Байкальский государственный университет»

На правах рукописи

Попова Ирина Павловна

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СУЩНОСТЬ, ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПОСТАНОВЛЕНИЯ

12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Смолькова Ираида Вячеславовна

Иркутск – 2018

Оглавление

Введение ……...…….……...……. 3
1 Сущность обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве …… 16
1.1 Обвинительный приговор без назначения наказания как средство реализации восстановительного подхода в современной парадигме уголовного судопроизводства..16
1.2 Возникновение, становление и развитие уголовно-процессуального законодательства, регулирующего постановление обвинительного приговора без назначения наказания…….. 52
1.3 Понятие и значение обвинительного приговора без назначения наказания в современном российском уголовном судопроизводстве ….……...…...…. 72
2 Основания и порядок постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве …… 119
2.1 Основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве …….... 119
2.2 Процессуальный порядок постановления обвинительного приговора без назначения наказания……..……...…..... 165
2.3 Особенности постановления обвинительного приговора без назначения наказания в отношении несовершеннолетних и при изменении обстановки ……... 192
Заключение ……..…….…….....….. 234
Список использованных источников и литературы ……..….....…. 237
Приложение А Сравнительные данные по результатам работы судов общей юрисдикции Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел…….…..……. 298
Приложение Б Сравнительные данные по осужденным, освобожденным от наказания судами общей юрисдикции Российской Федерации ……..……..…..….. 299
Приложение В Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» с пояснительной запиской 300
Приложение Г Проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации»……...……...…… 306
Приложение Д Анкета …….…….……...…… 309
Приложение Е Результаты анкетирования …….……...…. 312

Введение

Актуальность темы исследования. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривается продолжение судебной реформы, обеспечивающей действенность и справедливость принимаемых судом решений, что предполагает, в том числе, осуществление мер, направленных на развитие механизмов ювенальной юстиции, формирование и развитие механизмов восстановительного правосудия, и реабилитационное насыщение приговоров судов в части реализации принудительных мер воспитательного воздействия, расширение технологий восстановительного правосудия и проведения примирительных процедур[1].

Декларативность отдельных положений уголовно-процессуального закона, отсутствие единства судебной практики, современные тенденции развития отечественного законодательства выявляют потребность в новой идеологии уголовного правосудия, ориентированной на восстановление нарушенных преступлением отношений с минимальным карательным воздействием, а также соблюдение разумного баланса интересов государства и личности. В этих условиях одним из актуальных вопросов уголовного судопроизводства является поиск оптимальных средств достижения его назначения в части определения соответствующей степени воздействия на подсудимого при постановлении обвинительного приговора и выборе его вида[2].

Обвинительный приговор может быть постановлен в трех видах, одним из которых является приговор без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ). Отнеся обвинительный приговор без назначения наказания к итоговым судебным решениям, законодатель не регламентировал основания, особенности порядка его постановления и процессуальные последствия. Данный вид обвинительного приговора имеет свое самодостаточное значение, отличающее его от других видов итоговых судебных решений. О необходимости постановления обвинительного приговора без назначения наказания свидетельствует судебная практика, которая не отторгла его. Проведенное автором исследование показало, что обвинительные приговоры без назначения наказания выноси-

---

[1] О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.

[2] Основным итоговым решением суда в современном уголовном судопроизводстве является обвинительный приговор. Доля оправдательных приговоров в 2010–2011 гг. составляла 1%; начиная с 2012 г. наблюдается тенденция сокращения числа оправдательных приговоров: в 2014 г. – 0,7%, в 2015 г. – 0,6%; в 2016 г. – 0,5%; в 2017 – 0,4% от числа всех постановленных приговоров судами первой инстанции в судах общей юрисдикции. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 1.04.2018).

лись в более чем 50 субъектах Российской Федерации, а 87% опрошенных судей полагают, что требуется более детальная законодательная регламентация его постановления[1].

Несмотря на то, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»[2] определяет значение судебного приговора как важнейшего акта правосудия и обязывает суды неукоснительно соблюдать требования законодательства, предъявляемые к приговору, однако, в нем не содержится разъяснений и рекомендаций по порядку постановления обвинительного приговора без назначения наказания, поэтому судья, рассматривающий конкретное уголовное дело, не обладая нормативным механизмом применения данного вида обвинительного приговора, находится в состоянии правовой неопределенности, которая не позволяет ему постановить все предусмотренные уголовно-процессуальным законом виды итоговых судебных решений.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости комплексной теоретической разработки вопросов, связанных с постановлением обвинительного приговора без назначения наказания, в целях повышения эффективности его применения в уголовном судопроизводстве, и актуальности темы исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы восстановительного правосудия изучались в работах Х. Зера, Л. М. Карнозовой, Р. Р. Максудова, Е. В. Марковичевой и других ученых. Между тем, в них не исследован вопрос об обвинительном приговоре без назначения наказания как одном из средств реализации восстановительного подхода в уголовном правосудии.

Отдельные вопросы постановления приговора, вне зависимости от его вида, рассматривались в трудах дореволюционных юристов: Я. И. Баршева, С. И. Викторского, М. В. Духовского, В. А. Линовского, С. В. Познышева, Н. Н. Розина, В. К. Случевского, И. Я. Фойницкого и другими правоведами. Различные аспекты постановления приговора были предметом исследования в трудах: В. Д. Адаменко, В. А. Азарова, А. С. Барабаша, В. М. Бозрова, Т. Г. Бородиновой, А. А. Брестера, С. В. Бурмагина, С. А. Ворожцова, Л. А. Воскобитовой, Л. В. Головко, Ю. М. Грошевого, А. П. Гуськовой, И. С. Дикарева, В. Я. Дорохова, В. Г. Заблоцкого, Г. И. Загорского, О. В. Качаловой, А. С. Кобликова, Ю. В. Козубенко, Н. А. Колоколова, Э. Ф. Куцовой, П. А. Лупинской, Л. В. Майоровой,

---

[1] В ходе исследования было опрошено 425 судей в 7 субъектах РФ.

[2] О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. С. 23–31, (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 55).

Е. Г. Мартынчика, С. Г. Мирецкого, А. Д. Назарова, В. С. Николаева, И. Д. Перлова, И. Л. Петрухина, И. И. Писаревского, М. К. Свиридова, И. Ф. Соловьева, М. С. Строговича, Т. В. Трубниковой, Ф. Н. Фаткуллина, М. А. Чайковской, А. С. Шагиняна, Ю. К. Якимовича и других ученых.

В той или иной степени вопросам постановления приговора посвящены кандидатские диссертации А. В. Буниной «Приговор суда как акт правосудия и его свойства» (2005 г.), В. Ю. Миронова «Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора» (2005 г.), А. Н. Серой «Правовые и нравственные аспекты постановления приговора военным судом» (2006 г.), Н. В. Костовской «Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу» (2010 г.), Т. М. Алексеевой «Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы» (2015 г.). Свойства приговора были предметом исследования в диссертациях А. И. Ивенского (2006 г.), И. А. Остапенко (2007 г.), О. В. Гладышевой (2009 г.), Р. А. Трахова (2010 г.), А. А. Маганковой (2013 г.), В. В. Рудича (2013 г.), Н. С. Ершовой (2014 г.). Отдельные общие вопросы постановления приговора раскрыты в диссертациях, предметом исследования которых являлся оправдательный приговор: А. В. Абрамова (2005 г.), О. Ю. Александровой (2005 г.), Н. Н. Сухановой (2008 г.), Ю. Ю. Чурилова (2009 г.).

Работы указанных авторов внесли весомый вклад в формирование научного базиса для изучения проблем постановления обвинительного приговора вне зависимости от его видов. В то же время в юридической литературе основная часть работ посвящена или в целом приговору, или оправдательному приговору. Самостоятельных диссертационных и монографических исследований, предметом изучения которых являлись понятие и значение обвинительного приговора, в том числе, без назначения наказания, нет. Имеющиеся отдельные научные публикации об обвинительном приговоре без назначения наказания, отражают, как правило, обсуждение вопросов оснований его постановления, однако их фрагментарное освещение не позволяет считать исследования исчерпывающими и комплексными. Изложенное позволяет заключить, что обвинительный приговор без назначения наказания в науке уголовно-процессуального права ранее не являлся предметом самостоятельного изучения.

Объектом диссертационного исследования являются уголовно-процессуальные отношения, возникающие в уголовном судопроизводстве в связи с разрешением уголов-

ного дела по существу и постановлением обвинительного приговора без назначения наказания.

Предмет исследования составляют нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие постановление обвинительного приговора без назначения наказания судом первой инстанции, материалы судебной практики по данному виду приговора, а также теоретические научные положения, посвященные исследуемой проблеме.

Цель исследования заключается в разработке концептуальных положений об обвинительном приговоре без назначения наказания, предоставляющих возможность соблюдения баланса интересов участников уголовно-правового конфликта и реализации восстановительного подхода в современной парадигме уголовного судопроизводства на основе изучения норм международного, уголовно-процессуального, уголовного законодательства, а также научных трудов в области философии, общей теории права, уголовно-процессуального и уголовного права, а также в разработке комплекса предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего основания и порядок постановления данного вида обвинительного приговора.

Задачи исследования обусловлены указанной целью и состоят в следующем:

– определить роль обвинительного приговора без назначения наказания в восстановительном подходе современной парадигмы уголовного судопроизводства;

– выявить исторические закономерности возникновения, становления и развития уголовно-процессуального законодательства России, регулирующего постановление обвинительного приговора без назначения наказания;

– на основе сущности обвинительного приговора без назначения наказания сформулировать авторское определение его понятия, рассмотреть значение и выявить отличительные признаки;

– определить основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания и рассмотреть вопрос о возможности их классификации;

– проанализировать судебную практику постановления обвинительного приговора без назначения наказания и выявить проблемы процессуального порядка его постановления, а также особенности его постановления в отношении несовершеннолетних и при изменении обстановки;

– сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего вопросы постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическая основа исследования включает всеобщий диалектический метод научного познания, позволивший определить сущность обвинительного приговора без назначения наказания; общенаучные методы системного исследования: анализа, синтеза, обобщения, индукции и дедукции, для обоснования предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и аргументации выводов, полученных в ходе исследования; а также частно-научные методы: историко-правовой (в целях изучения процесса развития постановления обвинительного приговора без назначения наказания в уголовном судопроизводстве), сравнительно-правовой (позволивший выделить особенности данного вида приговора в ряду других судебных решений), формально-логический, аксиоматический, статистический, социологический (метод анкетирования).

Теоретической основой исследования послужили научные труды в области философии, общей теории права, социологии, уголовно-процессуального и уголовного права. В работе широко использованы научные воззрения российских и зарубежных исследователей, диссертационные и монографические исследования, научные статьи и интернет-ресурсы по вопросам, относящимся к предмету исследования.

Нормативной базой исследования являются Конституция Российской Федерации, международно-правовые акты, действующее уголовно-процессуальное и уголовное законодательство Российской Федерации, ранее действовавшее уголовно-процессуальное законодательство и правовые акты, законодательство СССР и РСФСР, ведомственные нормативно-правовые акты, а также современное уголовно-процессуальное законодательство отдельных зарубежных стран (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и других).

Эмпирической основой исследования послужили:

– 717 обвинительных приговоров, в том числе, 285 – обвинительных приговоров без назначения наказания, постановленных судами общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации (59 субъектов) в 2010–2018 гг. (в том числе, размещенных на официальных электронных ресурсах сети Интернет, полученных методом случайной выборки); 245 постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, постановленных судами Российской Федерации (в том числе, размещенных на официальных электронных ресурсах сети Интернет, полученных методом случайной выборки);

– обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, аналитические справки и обобщения судебной практики; опубликованная судебная практика; статистические данные, опубликованные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ;

– результаты проведенного автором в 2011–2017 гг. анкетирования 425 судей Алтайского края, Забайкальского края, Иркутской области, Кемеровской области, Красноярского края, Новосибирской области, Республики Бурятия.

Автором также использован личный практический опыт в должности судьи Ангарского городского суда Иркутской области, судьи Иркутского областного суда, председателя Усть-Илимского городского суда Иркутского области.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые на монографическом уровне было проведено исследование обвинительного приговора без назначения наказания, в результате которого разработаны концептуальные положения об основаниях и порядке постановления данного итогового судебного решения. Полученные результаты предоставляют возможность рассматривать обвинительный приговор без назначения наказания как средство достижения баланса интересов участников уголовно-правового конфликта и реализации восстановительного подхода в современной парадигме уголовного судопроизводства.

Выявлены не исследовавшиеся ранее исторические закономерности правового регулирования постановления обвинительного приговора без назначения наказания; определена сущность, сформулировано понятие и значение обвинительного приговора без назначения наказания; выявлены отличительные признаки данного приговора; определены основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания, раскрыто их содержание и разработана их новая классификация; выявлены проблемы процессуального порядка постановления приговора данного вида обвинительного приговора и предложены варианты их разрешения; установлены особенности постановления обвинительного приговора без назначения наказания в отношении несовершеннолетних и при изменении обстановки; сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона по исследуемым проблемам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обоснован тезис о том, что изменение теоретических представлений о сущности уголовного судопроизводства на основе парадигмы «преступление – наказание» и закономерный переход к парадигме «преступление – виновность» должно найти отражение в уго-

ловном правосудии. Наказание, как таковое, при этом не исключается, но не является самоцелью, а рассматривается как один (но не единственный) из возможных способов реагирования государства на преступление. Указанные концептуальные изменения свидетельствуют о необходимости пересмотра действующей карательной парадигмы российского уголовного правосудия, имеющей своей целью назначение осужденному справедливого наказания. Модель восстановительного правосудия, предусматривая иные подходы в разрешении уголовно-правового конфликта, вместе с тем, на современном этапе развития уголовно-процессуального права не способна полностью заменить существующую парадигму уголовного правосудия, так как это привело бы к нивелированию публичного начала уголовного процесса, лежащего в его основе. Поэтому для обеспечения баланса в защите и восстановлении интересов государства и личности, пострадавших от преступления, в условиях переходной модели парадигмы правосудия (от карательной к восстановительной) представляется оправданным разумное снижение карательного воздействия государства на личность, не противоречащее назначению уголовного судопроизводства и его принципам. Обвинительный приговор без назначения наказания является одним из эффективных процессуальных инструментов для решения этой задачи.

2. Аргументировано, что обвинительный приговор без назначения наказания имеет свои исторические корни, и его существование обусловлено закономерностями развития уголовного судопроизводства (от карательной к восстановительной модели), которые отражают стремление законодателя предусмотреть соответствующую процессуальную форму разрешения уголовного дела с минимальным карательным воздействием на личность. Поиск законодателем соответствующей процессуальной формы итогового судебного решения, постановляемого при доказанности виновности подсудимого в совершении преступления, но без необходимости применения к нему наказания, привел к нормативному закреплению обвинительного приговора без назначения наказания в качестве самостоятельного вида приговора в п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ.

3. Обосновано положение о том, что обвинительный приговор без назначения наказания является итоговым судебным решением, которым реализуется механизм уголовной ответственности, позволяющий достигать назначения уголовного судопроизводства без применения к осужденному наказания. Данный вид обвинительного приговора, также позволяя достигать баланс процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта, является одним из средств обеспечения восстановительного подхода в российском уголовном судопроизводстве.

4. Предложено авторское определение обвинительного приговора без назначения наказания: «решение о виновности подсудимого, постановленное судом первой или апелляционной инстанции, в котором, с учетом данных о личности подсудимого и содеянного им, наказание не назначается в связи с фактическим достижением целей наказания, либо отсутствием необходимости в их достижении, либо возможностью их достижения без назначения наказания».

5. Выявлены признаки обвинительного приговора без назначения наказания, совокупность которых позволяет отграничивать его от других видов итоговых судебных решений. Он: 1) является одной из форм реализации уголовной ответственности; 2) обусловлен изменением общественной опасности личности или содеянного к моменту постановления приговора (утратой общественной опасности либо возможностью ее утраты в результате применения принудительных мер воспитательного воздействия), что возможно как по решению законодателя (амнистия), так и по решению правоприменителя (судейское усмотрение); 3) не предполагает назначение наказания, его отсрочку, освобождение от отбывания наказания либо возможность его применения на более позднем этапе; 4) правовые последствия его постановления не сопряжены с какими-либо обязанностями, ограничениями или испытательным сроком для осужденного; 5) исключает возможность возврата к вопросу о назначении наказания на стадии исполнения приговора. Оценка этих признаков в совокупности позволяет утверждать то, что обвинительный приговор без назначения наказания обладает наименьшим репрессивным воздействием среди итоговых судебных решений в отношении виновного.

6. С учетом выявленных признаков обвинительного приговора без назначения наказания проанализированы основания постановления итоговых судебных решений (за исключением оснований постановления оправдательного приговора и применения принудительных мер медицинского характера), что позволило выделить основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Обоснован тезис о том, что нормативными основаниями постановления обвинительного приговора без назначения наказания являются: 1) изменение обстановки; 2) издание акта амнистии, применение которой не находится в зависимости от определенного вида и размера наказания; 3) применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему при освобождении от наказания без его назначения. Кроме того, на практике имеют место случаи постановления обвинительного приговора без назначения наказания в

отсутствие нормативных оснований. К таковым могут быть отнесены случаи постановления обвинительного приговора без назначения наказания в связи с невозможностью назначения в силу положений уголовного закона ни одного из видов наказания, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ (например, если при совершении преступления против военной службы предусмотрены лишь виды наказания, связанные с нею, которые к моменту постановления приговора не могут быть назначены в связи с увольнением с военной службы или по иным причинам утраты подсудимым признаков специального субъекта). В отсутствие нормативных оснований обвинительный приговор без назначения наказания выступает как средство устранения правовых пробелов при невозможности назначения наказания.

7. Разработана и предложена классификация оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, критерием которой является возможность судейского усмотрения при выборе процессуальной формы итогового судебного решения: 1) императивные основания для постановления только обвинительного приговора без назначения наказания (изменение обстановки; издание акта амнистии, применение которой не находится в зависимости от определенного вида и размера наказания) и 2) альтернативные основания, наличие которых может повлечь постановление различных видов процессуальных решений, в том числе, постановление обвинительного приговора без назначения наказания (применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему при освобождении от наказания без его назначения). Значение данной классификации состоит в том, что она может служить ориентиром для законодателя при разработке новых оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, приоритетными среди которых, по мнению автора, должны быть альтернативные основания. При переходе к восстановительной модели правосудия это позволит расширить возможности выбора судом оптимального процессуального средства для достижения назначения уголовного судопроизводства и снижения карательного воздействия на осужденного.

8. Предложен алгоритм постановления обвинительного приговора, который предполагает, что после рассмотрения вопроса о виновности подсудимого в совершении преступления, суд, в первую очередь, должен рассмотреть вопрос о наличии оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания (как соответствующей процессуальной формы реализации уголовной ответственности с наимень-

шим карательным воздействием). И только при отсутствии таких оснований суд может перейти к обсуждению вопроса о том, какое наказание должно быть назначено осужденному и имеются ли основания для его освобождения от отбывания наказания или применения к нему отсрочки наказания.

9. Предлагается содержание части первой ст. 432 УПК РФ выделить в самостоятельную норму «Статья 431.1. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия» и включить в нее положение о возможности применения судом принудительных мер воспитательного воздействия обвинительным приговором без назначения наказания. Данное предложение позволит разграничивать применение принудительных мер воспитательного воздействия при наличии схожих условий и отграничить обвинительный приговор без назначения наказания от постановления о применении принудительных мер воспитательного воздействия.

10. Обоснован тезис о том, что различные обстоятельства, которые рассматриваются в конкретном приговоре как изменение обстановки, свидетельствуют об индивидуализации ответственности на основе оценки личности и конкретных обстоятельств содеянного, что обусловливает восстановительные подходы в уголовном правосудии при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания, и поэтому не требуется нормативного закрепления исчерпывающего перечня указанных обстоятельств.

11. Аргументировано, что формирование и развитие технологий восстановительного подхода в уголовном правосудии возможно на основе полученных результатов реализации механизмов ювенальной юстиции. Обвинительный приговор без назначения наказания может быть процессуальным решением, завершающим процедуру реализации механизмов восстановительной модели уголовного судопроизводства не только в отношении несовершеннолетних, к которым применяются принудительные меры воспитательного воздействия, но и всех осужденных, и содержать соответствующие реабилитационные программы. В зависимости от возможности достижения баланса процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта путем проведения восстановительных технологий основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания могут быть разделены на две группы: 1) основания, применение которых не зависит от инициативы (действий) подсудимого и применения восстановительных технологий (например, амнистия); 2) основания, которые могут возникать либо по инициативе (в результате действий) самого подсудимого, либо их появление возможно в

результате применения восстановительных технологий (например, применение восстановительных технологий к несовершеннолетнему подсудимому. При разработке новых оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, приоритетными для законодателя должны стать основания, входящие во вторую группу, поскольку только в таком случае возможно достижение оптимального баланса процессуальных интересов сторон в уголовном судопроизводстве.

Теоретическая значимость диссертации. Положения, выдвинутые и обоснованные в диссертационном исследовании, образуют концептуальные основы постановления обвинительного приговора без назначения наказания, которые также могут послужить теоретическим базисом для дальнейших научных разработок в сфере уголовного-процессуального права, конструктивной научной дискуссии и дальнейшего изучения.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что содержащиеся в нем научные идеи и выработанные на их основе рекомендации могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства; в правоприменительной деятельности органов дознания, предварительного следствия, суда, прокуроров и адвокатов. Изложенные в диссертации положения и выводы могут использоваться в учебном процессе при преподавании курса «Уголовно-процессуальное право», повышении квалификации следователей, прокуроров, адвокатов и судей, а также при подготовке монографической литературы, диссертационных исследований по данной тематике, учебных и учебно-методических пособий по данной теме.

Достоверность результатов исследования обеспечивается его комплексным характером, апробированными методами проведенного исследования, широким использованием монографических и других научных источников, нормативных правовых актов, решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) и Конституционного суда РФ, материалов судебной практики, анкетирования 425 судей 7 субъектов Российской Федерации.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена, обсуждена и одобрена на заседании кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса юридического института ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

Сформулированные в диссертации идеи, предложения и рекомендации обсуждались в 2010–2018 гг.: на 23 международных научно-практических конференциях в гг. Иркутск, Минск, Москва, Новосибирск, Самара, Саратов, Симферополь и др.; на

9 всероссийских научно-практических конференциях в гг. Екатеринбург, Иркутск, Казань, Москва, Томск и др.; а также на I Региональной научно-практической конференции, посвященной проблемам ювенальных технологий, различных научно-практических круглых столах и межвузовских научных конференциях.

Положения исследования используются:

– в учебном процессе Национального исследовательского Томского государственного университета на кафедре уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности при проведении занятий по дисциплинам «Уголовный процесс» для студентов 4-го курса, обучающихся по направлению «Юриспруденция», а также по дисциплине «Актуальные вопросы теории и практики уголовного процесса» для магистрантов направления подготовки «Юриспруденция» (2-й год обучения);

– в учебном процессе Бурятского государственного университета на кафедре уголовного процесса и криминалистики при проведении занятий по дисциплине «Уголовный процесс» для студентов 3-го курса, обучающихся по направлению «Юриспруденция»;

– в учебном процессе Байкальского государственного университета на кафедре уголовного права, криминологии и уголовного процесса при проведении занятий по дисциплине «Уголовный процесс» для студентов 3-го курса, обучающихся по направлению «Юриспруденция», а также по дисциплинам «Оформление процессуальных документов по уголовным делам» для магистрантов направления подготовки «Юриспруденция» (1-й год обучения), «Актуальные проблемы постановления приговора в российском уголовном судопроизводстве» для магистрантов направления подготовки «Юриспруденция» (2-й год обучения);

– в учебном процессе Иркутского государственного университета на кафедре судебного права при проведении занятий по дисциплине «Уголовный процесс» для студентов 3-го курса, обучающихся по направлению «Юриспруденция»;

– в учебном процессе Восточно-Сибирского филиала «Российского государственного университета правосудия» на кафедре уголовно-процессуального права и криминалистики при проведении занятий по дисциплине «Уголовный процесс» для студентов 3-го курса, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по дисциплине «Ювенальная юстиция» для студентов 4-го курса, обучающихся по направлению «Юриспруденция»; а также в практической деятельности при повышении квалификации судей – слушателей

факультета повышения квалификации и переподготовки судей, государственных служащих судов и Судебного департамента;

– в практической деятельности Верховного суда Республики Бурятия, Иркутского областного суда и судов Иркутской области, Института повышения квалификации Байкальского государственного университета (для слушателей мировых судей и аппарата мировых судей Иркутской области Центра правового обучения и медиации).

Публикации по теме исследования. Выводы, рекомендации и основные положения диссертации нашли отражение в 33 научных публикациях, в том числе в 7 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; в 1 статье в российском научном журнале, входящем в Web of Science (ESCI); в 7 статьях в прочих научных журналах; в 5 статьях в сборниках научных трудов; в 13 статьях в сборниках материалов международных, всероссийских и региональной научно-практических конференций. Общий объем публикаций – 16,6 а.л., авторский вклад – 15,85 а.л.

Структура и объем диссертации обусловлены предметом, целью и задачами исследования. Работа включает введение, две главы, состоящие из 6 параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, 6 приложений.

1 Сущность обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве

1.1 Обвинительный приговор без назначения наказания как средство реализации восстановительного подхода в современной парадигме уголовного судопроизводства

Совершение преступления порождает уголовно-правовой конфликт между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим. Стороной в уголовно-правовом конфликте в случае нарушения публичных интересов, является и государство, взявшее на себя обязательства по защите установленных норм и правил поведения в обществе[1]. Восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов, как частных, так и публичных, зависит от того, насколько эффективным является механизм разрешения уголовно-правового конфликта. Процедура разрешения уголовно-правового конфликта закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве, в качестве назначения определившем защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и равно, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Уголовно-процессуальный закон закрепляет процессуальную форму осуществления правосудия по уголовным делам, и именно в процессуальной форме должны быть определены оптимальные условия уголовного судопроизводства, позволяющие, если и не достигать справедливости и восстановления нарушенных преступлением правоотношений, то, во всяком случае, отражающих стремление к этому, и обеспечивающих соответствующую процедуру разрешения уголовно-правового конфликта, возникшего в связи с совершением преступления. Представляется, что разрешение конфликта в кратчайшие сроки, с минимальным карательным воздействием и максимальным восстановлением (по возможности) и (или) компенсацией причиненного вреда соответствует интересам всех участников уголовно-правового конфликта[2]. По сути, в этом и заключается цель уголовно-процессуальной

---

[1] Категория «интерес» представляет предмет серьезного самостоятельного исследования. И. В. Смолькова и Р. В. Мазюк полагают, что следует рассматривать процессуальный интерес, под которым они понимают нормативно допустимое, обусловленное осуществляемой функцией целеполагающее отношение участника уголовного судопроизводства к производству какого-либо процессуального действия или принятию какого-либо процессуального решения по уголовному делу. См.: Смолькова И. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве / И. В Смолькова, Р. В. Мазюк // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 161–162.

[2] Подробнее см.: Попова И. П. Обвинительный приговор как итог разрешения уголовно-правового конфликта // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика (Конфликты и конфликтные ситуации в досудеб-

деятельности участников уголовного правосудия.

В каждый период своего существования государство, реализуя свои полномочия, с учетом исторического опыта прошлых лет и сложившихся общественных отношений отражает соответствующую модель правосудия по уголовным делам в законодательстве. Соответственно, изменение общественных отношений, в настоящее время характеризующихся имплементацией в национальное право норм международного права и реализацией взятых на себя нашим государством обязательств, находит, или, во всяком случае, должно отражаться как в законодательстве, регламентирующем уголовное правосудие, так и в правоприменительной практике. Уголовное судопроизводство России обладает только ему присущими чертами на основе национальных правовых традиций, сложившихся в результате собственного правового развития, на которые в настоящее время, бесспорно, оказывают влияние новые правовые институты и идеи других правовых систем в связи с интеграцией России в мировое правовое пространство. Но заимствовать сложившиеся модели, институты или технологии следует взвешенно, с учетом как инновационных, так и традиционных начал развития парадигмы современного уголовного правосудия[1].

Приговор является итоговым актом процедуры разрешения уголовно-правового конфликта. Традиционное понимание последствий признания лица виновным включает осуждение обвинительным приговором с назначением наказания. В соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в предусмотренном уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. В уголовном праве сущность наказания заключается в каре, под которой понимается «воздаяние злом за зло», «социально-государственный укор преступнику, его осуждение, порицание, выраженное в соразмерном воздаянии за совершенное им преступление»[2]. В Толко-

---

ном производстве по уголовному делу и в суде; Особенности преподавания уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная практика): Сб. матер. всерос. науч.-практ. конференции. (57-е криминалистические чтения). М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 790–796.

[1] Впервые термин «парадигма» использован в науке Т. Куном. Под парадигмами он понимал признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений. См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11. В философском энциклопедическом словаре под парадигмой понимается совокупность предпосылок для конкретного научного исследования. См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1998. С. 332. И. Г. Смирнова рассматривает парадигму как долговременно существующий способ мышления научного сообщества. См.: Смирнова И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 7.

[2] См.: Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб., 2005. С. 11, 33. Этимологический словарь под ред. М. Фасмера отмечает, что существительное «кара» произошло от глагола «корить» – укорять, упрекать, порицать, позорить кого-то за что-либо, и в своем первоначальном значении как существительное означало «осуждение», «порицание», «упрек», т. е. негативную оценку какого-то проступка и лица, его совершившего. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. / пер. с нем. О. Н. Трубачева, М., 1986. С. 190, 320.

вом словаре русского языка В. И. Даля значение слова «кара» определено как «казнь, наказанье, строгое взысканье»; «карать» – означает «казнить, наказывать»[1], значение слова «наказание» – как «кара, казнь», а «наказывать» – «подвергать наказанию, налагать взысканье, карать, взыскивать за вину»[2]. По словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «кара» имеет значение «наказание, возмездие»[3], «наказание» рассматривается как «мера воздействия на того, кто совершил проступок, преступление»; слово «наказать» употребляют в двух значениях: «1) подвергнуть наказанию, строгому воздействию за какую-нибудь вину, проступок; 2) ввести в убыток, в излишние расходы, привлечь к суду»[4]. Приведенные значения терминов подчеркивают суть наказания, которое воспринимается практически, как синоним кары. Таким образом, правосудие, предусматривающее неотвратимость наказания как меры воздействия за преступление, рассматривается как карательное (punitive (retributive) justice), иначе – карательная модель правосудия в современной парадигме уголовного судопроизводства.

Однако как показывают многочисленные исследования ученых, изучающих науки криминального цикла, обвинительный приговор с назначением наказания не всегда является эффективным процессуальным средством для достижения назначения уголовного судопроизводства: карательная модель правосудия не может выступать единственным способом реагирования на преступление[5], а «преступника исправляет не колония, а общество в целом»[6]. Так, профессор Ан. С. Барабаш в качестве существенного недостатка Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации отметил, что среди задач, предлагаемых для модернизации системы уголовно-правовых последствий совершения преступления, находится карательная[7].

Л. В. Головко на первых страницах своей работы, раскрывающей альтернативы уголовного преследования, и являющейся одним из первых фундаментальных исследований,

---

[1] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 2. С. 144.

[2] Там же. С. 686.

[3] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1997. С. 265.

[4] Там же. С. 383.

[5] См.: Карнозова Л. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России / Л. Карнозова, Р. Максудов, Р. Флямер // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 42; Виницкий Л. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон / Л. В. Виницкий, М. В. Нагуляк. М., 2012. С. 3, 5. Как справедливо отмечал И. Л. Петрухин, «бессилие кары и мести подтверждается тем фактом, что применяя их, человечество не добилось главного – искоренения или хотя бы сокращения преступности». См.: Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. II. М., 2005. С. 166.

[6] Колоколов Н. А. 25 лет Концепции судебной реформы: утраченные иллюзии // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4. С. 6.

[7] См.: Барабаш Ан. С. Уголовно-правовая политика: объем понятия, идеологическая основа // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 39–48.

посвященных этому вопросу, высказался о кризисе концепции наказания, отмеченной и русскими исследователями еще в начале XIX века: «устои великой уголовно-правовой дихотомии (преступление – наказание) несколько зашатались, но, как стало ясно теперь, это было лишь начало», и «кризис традиционной концепции наказания одновременно породил появление в науке и, как следствие, в позитивном праве новых идей, связанных с реакцией общества и государства на преступления, главным образом, небольшой тяжести»[1]. Анализируя выводы английского профессора Э. Эшуорта о влиянии положения и статуса потерпевшего в рамках уголовного судопроизводства и предложенные в связи с этим две модели, Л. В. Головко отмечает, что роль потерпевшего не выступает единственным критерием разграничения указанных моделей, так как речь идет о моделях уголовно-процессуальной политики в целом, а не только о моделях политики в отношении потерпевших. Но, тем не менее, отмечает их удачное изложение[2]. Смысл «парадигмы наказания» заключается по Э. Эшуорту в том, что ключевой целью уголовного процесса остается применение наказания (репрессии), которое восстанавливает «мир» между государством и преступником. Суть второй из предложенных Э. Эшуортом моделей – «парадигмы восстановления», заключается в том, что ключевая цель уголовной юстиции должна быть не в том, чтобы наказать (покарать), а в том, чтобы восстановить права лица, пострадавшего от преступления, и эвентуально права государства. «Происходит некая реституция, интересам которой подчинены почти все уголовно-процессуальные механизмы», – отмечает автор парадигм[3].

О кризисе обозначенной концепции наказания высказываются и другие авторы. Так, К. Сесар писал, что «модель «преступление-наказание» отражает не столько нужды и интересы общества, сколько интересы уголовной юстиции»[4], а Л. М. Карнозова рассматривает древнейший архетип «преступление-наказание» как препятствующий «институциональной фантазии», способной вывести на новые подходы[5]. Подтверждением этому является то, что уголовное правосудие, большую часть своего исторического развития рассматривая в качестве главной задачи борьбу с преступностью, тем не менее, поставленной цели так и не до-

---

[1] См.: Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 11, 13. Дихотомия – (греч. «надвое» + «деление») – раздвоенность, последовательное деление на две части, более связанные внутри, чем между собой. Способ логического деления класса на подклассы, который состоит в том, что делимое понятие полностью делится на два взаимоисключающих понятия. См.: Свободная энциклопедия Википедия // [электронный доступ]: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дихотомия (дата обращения: 13.04.2018).

[2] См.: Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию… С. 45–48.

[3] Ashworth A. The criminal process. An evaluative study. Oxford, 1994. P. 34–35. Цит. по: Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию… С. 45–46.

[4] Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Правоведение. 1998. № 4. С. 171.

[5] Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М., 2010. С. 137.

стигло. С. С. Босхолов, изучая дефекты парадигмы «борьба с преступностью», и данную цель, поставленную перед органами уголовной юстиции государством и обществом, как не содержательную, дезорганизующую их деятельность по обеспечению безопасности и правопорядка, которая влечет, как правило, массовые нарушения законности, прав и свобод граждан, справедливо подчеркивает, что «слово «борьба» практически во всех словарных источниках толкуется как схватка, сражение, поединок, главной целью которых является подавление, искоренение, уничтожение чего-нибудь или кого-нибудь. Борьба зачастую предполагает непримиримое противостояние вступивших в нее сторон с конечной целью победы, для достижения которой могут быть использованы любые средства»[1].

В свою очередь И. Г. Смирнова справедливо подчеркивает, что законодательно закрепленный приоритет защиты прав и свобод личности в сфере уголовного преследования в современных условиях не способствует реализации концепции борьбы с преступностью. Обоснованно утверждая, что в настоящее время актуальна исключительно задача удержания преступности на социально терпимом уровне, автор предостерегает об опасности абсолютизации идеи защиты прав человека, полагая такую тенденцию препятствующей обеспечению безопасности жизненно важных интересов, в первую очередь, общества и государства, без чего фактическая защита прав и свобод личности представляется немыслимой[2]. С. В. Бурмагин верно акцентирует внимание на то, что сущность судебной власти, в целом, заключается в защите права, в широком смысле этого понятия, и в обеспечении режима правопорядка посредством правосудия, а не в борьбе с преступностью. По его мнению, «суд призван быть гарантом прав личности, а не выступать в качестве органа уголовной расправы»[3], а судебная деятельность преимущественно имеет правовосстановительный характер[4].

Таким образом, солидаризируясь с указанными авторами, следует констатировать, что законодателю, в первую очередь, предстоит не только определиться с целями и задачами, стоящими перед уголовной юстицией, охраняемыми и защищаемыми ею ценностями, а также с назначением уголовного судопроизводства, (что, безусловно, влияет и на выбор средств, которыми это достигается), но и предусмотреть механизм, обеспе-

---

[1] См.: Босхолов С. С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 2004. С. 36, 37.

[2] Смирнова И. Г. Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2014. № 3. С. 204.

[3] Бурмагин С. В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 891.

[4] Бурмагин С. В. Роль суда в уголовном процессе / Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: уч-к /под ред. В. М. Бозрова. М., 2017. С. 54.

чивающий разумный баланс процессуальных интересов личности и государства. Соблюсти указанный баланс действительно довольно сложно в силу конфликтности самих возникших в результате преступления правоотношений, где интересы участников, как правило, противостоят друг другу. Уголовное судопроизводство нуждается в новой модели уголовного правосудия, и как верно отмечает Л. А. Воскобитова, не приходится рассчитывать на «готовую к применению технологию», но необходимо приступить к ее созданию. Следует согласиться с Л. А. Воскобитовой и в том, что «такая технология должна быть оптимально адекватной как традиционной для нас публично-правовой природе реагирования государства на совершенное преступление, так и принципиально новому состоянию общественных отношений, когда государство впервые на конституционном уровне признало, что права человека являются высшей ценностью и обеспечиваются государством (ст. ст. 2, 18 Конституции РФ), а судебная власть и правосудие становятся единственными эффективными средствами их защиты (ст. ст. 46, 52, 118 Конституции РФ)». В качестве главных проблем автор справедливо рассматривает «столкновение и пересечение публичных интересов государства при реагировании на совершенное преступление и прав и свобод человека, вовлекаемого в той или иной процессуальной роли в уголовное судопроизводство», то есть потребность в разумном балансе прав и интересов государств и личности, и сокращении мер государственной репрессии и принуждения в уголовном судопроизводстве, замену их восстановительными технологиями и примирительными процедурами[1].

Примечательно, что поиск новых парадигм в уголовном правосудии других стран, возникновение и становление восстановительного правосудия практически совпали с обсуждением проектов УПК и судебной реформой в России. В последние десятилетия также отмечается рост внимания юридического сообщества, подкрепляемый нормотворчеством отечественного законодателя, к альтернативным способам разрешения уголовно-правового конфликта. В российском уголовном судопроизводстве альтернативные механизмы завершаются применением иных мер уголовно-правового воздействия, или освобождением от уголовной ответственности или наказания. Спецификой так называемого «альтернативного правосудия» в российском уголовном судопроизводстве является то, что процессуальные решения принимаются только судом. При этом отдельные процессуальные решения, которые можно рассматривать как альтернативу уголовного пре-

[1] См.: Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Философские науки. 2014. № 10. С. 41, 44.

следования, принимают лица, осуществляющие производство по уголовному делу в досудебном производстве, но без разрешения главного вопроса – вопроса виновности.

В связи с этим возникают закономерные вопросы: можно ли утверждать, что в современной парадигме российского уголовного судопроизводства существуют две модели: официальное правосудие и альтернативное правосудие, если вообще правосудие в соответствии с Конституцией РФ может осуществляться только судом (ст. 118), а никакие иные органы или общественные организации не могут принимать процессуальные решения по уголовному делу? Можно ли охарактеризовать парадигму российского уголовного судопроизводства, как основанную исключительно на карательной модели, если в законе предусмотрены различные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, и иные, помимо обвинительного приговора с назначением наказания, процессуальные решения, в которых реализуются меры реагирования на преступление? Скорее всего, для терминологической ясности не следует рассматривать восстановительную модель как самостоятельную модель правосудия, противопоставленную современной парадигме уголовного судопроизводства России.

Представляется очевидным, что наказание не может являться единственным средством реакции государства на преступление при положительном ответе на вопрос виновности, а модернизация уголовного судопроизводства должна идти постепенно, и его реформа должна быть продуманной. Начавшаяся в 90-х годах прошлого века в России судебная реформа внесла существенные коррективы в регламентацию судопроизводства в целом, и в уголовном правосудии, в частности, но когда эта реформа будет завершена, и каковы ее дальнейшие стратегические направления – не ясно, поскольку даже такие концептуальные положения, как назначение уголовного судопроизводства, остаются остро дискуссионными. По меткому выражению Л. В. Головко, «что-то все время делается, и в то же время ничего не меняется»[1], а «вместо того, чтобы сконструировать в России новую современную и отвечающую сегодняшним задачам стабильную модель уголовного процесса, УПК РФ фактически «заморозил» российский уголовный процесс в некоем «транзитном» (переходном) состоянии[2]. Л. М. Володина верно резюмирует по поводу отсутствия направления продолжающейся реформы уголовного судопроизводства, что «в юридической науке много говорят о парадигмальных изменениях уголовной юстиции, однако следует при-

[1] Головко Л. Блуждание в трех соснах (размышления о российской судебной реформе) // Неволя. 2010. № 22. С. 105.

[2] Головко Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юрид. фак-та Южного федер. ун-та. 2014. № 1. С. 75.

знать, что единой концептуальной модели постановки решения проблем уголовного судопроизводства не существует»[1].

В связи с этим обоснованно предлагается на основе изучения эволюционного развития национального законодательства и современных тенденций развития международного права, выработать стратегию развития уголовно-процессуального законодательства[2], поскольку верно, что «если государство определится в ценностных приоритетах, процесс правотворчества наконец-то станет логичным и осмысленным»[3]. Изменение общественных отношений должно найти отражение и в содержании назначения уголовного судопроизводства. Соответственно, нужны и новые процессуальные средства для достижения назначения уголовного судопроизводства в современных условиях. Определение назначения играет важную роль для выбора соответствующей модели уголовного судопроизводства. Однако, как известно из истории, нередко законодатель допускает нарушения юридической техники или запаздывает в корректировке норм закона, которые не всегда в точной мере отражают происходящие в обществе изменения. Так, с середины XX века, мировое юридическое сообществе именно в связи с кризисом концепции наказания активно обсуждает новую модель восстановительного правосудия, расставляющего несколько иные ориентиры в задачах, в том числе, и уголовного судопроизводства[4]. Идеи восстановительного правосудия не остались не замеченными и в российской юридической науке. Можно ли считать, что идеи восстановительного правосудия чужды нашему российскому правосудию? И что в себя включает это понятие?

Термин «restorative justice» в 1998 г. был обозначен как «восстановительное правосудие» авторами перевода работы Х. Зера «Восстановительное правосудие: новый

---

[1] Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства – целеполагающее направление уголовно-процессуальной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 31.

[2] См.: Воскобитова Л. А. Реформа уголовного судопроизводства продолжается: знать бы направление // Вестник юрид. фак-та Южного фед. ун-та. 2014. № 2 (2). С. 73–79; Назаров А. Д. Прогнозирование, выявление, устранение и предупреждение ошибок в уголовном судопроизводстве: уголовно-политический подход // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 275–284; Дорошков В. В. К вопросу о стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI веке. С. 39–53; Масленникова Л. Н. Требования к стратегии развития уголовно-процессуального права современной России // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI веке: матер. V межд. науч.-практ. конференции. 10–11 нояб. 2016 г. (г. Москва). М., 2017. С. 68–79.

[3] Пиюк А. В. Ценности и приоритеты современного уголовного судопроизводства Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 67 / отв. ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович, под ред. О. И. Андреевой, И. В. Чадновой. Томск, 2015. С. 44.

[4] Д. Брэйтуэйт по этому поводу верно указывает, что «из всех великих институтов, подаренных западной цивилизации эпохой Просвещения, ни один не обернулся таким провалом, как система уголовного наказания». См.:Braithwaite, J. Foreword // Civilizing Criminal Justice: An International Restorative Agenda for Penal Reform / Cornwell D., Blad, J., and Wright, M. Hook, Hampshire, Great Britain: Waterside Press, 2013. P. 11–14. Цит. по Кульман А. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовным наказаниям – уроки истории / А. Кульман, Х. Кури // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4. С. 126.

взгляд на преступление и наказание»[1]. Л. М. Карнозова, один из авторов перевода работы Х. Зера, сама обозначает, что к термину «восстановительное правосудие» можно относиться критически, но «он уже живет собственной жизнью»[2]. Именно термин «восстановительное правосудие» вошел и в официальные документы Российской Федерации[3], в официальных документах ООН употребляется термин, означающий в переводе «реституционное правосудие»[4].

Понятие «восстановительная юстиция» используется как синоним «восстановительного правосудия», исходя из перевода «justice» как правосудие. Латинское слово «justitia» прямо заимствовано русским языком для обозначения сферы профессиональной юридической, в первую очередь государственной деятельности («юстиция»), и переводится как «правосудие», «справедливость»[5]. Примечательно, что в Толковом словаре русского языка В. И. Даля значение слова «восстановить» определено как «приводить в первобытное состояние, обновлять, возобновлять, воссозидать», по словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «восстановить» – значит «привести в прежнее состояние»[6]. Следует признать, что понятия «восстановительное правосудие» «восстановительная практика», «восстановительный подход» пока остаются достаточно не конкретными, и каждый исследователь подразумевает их различное содержание[7].

---

[1] Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. пер. с англ. / Зер Х.; пер.: М. М. Стерник, Е. В. Топникова; общ. ред.: Л. М. Карнозова; коммент.: Л. М. Карнозова; закл.: Р. Р. Максудов; коммент.: С. А. Пашин; закл.: М. Г. Флямер. М., 1998. 354 с.

[2] Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): М., 2017. С. 7.

[3] О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.: Указ Президента РФ от 1.06.2012 г. № 761 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 23. Ст. 2994; Об утверждении Концепции развития до 2017 гг. сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе, совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность: Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 г. № 1430-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32. Ст. 4557 и др.

[4] См.: Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: Резолюция № 56/261 Генеральной Ассамблеи ООН (Принята в г. Нью-Йорке 31.01.2002 г. на 93-м пленарном заседании 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 21.06.2018); Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия: утверждены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24.07.2002 г. // Сб. стандартов и норм Организации Объединенных наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2007. С. 133–137 и др.

[5] См.: Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М., 1989. С. 611. Также см.: Соловьева Н. А. Терминологическая проблема определения восстановительного правосудия / Н. А. Соловьева, В. М. Шинкарук // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5., Юриспруд. 2013. № 3 (20). С. 104–108.

[6] См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 1. М., 2004. С. 424; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 99.

[7] Л. В. Головко, сравнивая восстановительное правосудие с альтернативами уголовному преследованию, находит эти понятия не совпадающими и не поглощающими друг друга, а пересекающимися. См.: Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. 2003. № 5.

Представляется достаточно дискуссионным вывод о синонимичности этих понятий[1]. Соотношение понятий восстановительного правосудия с понятиями альтернативного разрешения (урегулирования) спора, альтернативным правосудием, медиацией также является предметом обсуждений, но выходит за рамки данного исследования[2]. Как справедливо отмечает А. А. Арутюнян, сама по себе, концепция восстановительной юстиции настолько широка и многообразна, что даже по состоянию на сегодняшний день ученые и практики не пришли к единому выводу и определению понятия восстановительной юстиции. Более того, до сих пор дискуссионным является вопрос о том, какие именно механизмы и практики входят в данную концепцию и соответствуют ее целям и задачам[3]. Следует отметить, что авторы перевода и комментария к известной работе Х. Зера значительное внимание уделяют изучению проблем восстановительного подхода и мониторингу восстановительных практик. В одной из первых публикаций, посвященных этому, подчеркивалось, что «восстановительное правосудие – это другой взгляд, другая философия ответа общества на преступление, «другая парадигма»[4], «набор ведущих принципов и ценностей, являющихся основой для выявления и заглаживания вреда и осознания ответственности»[5].

В числе базовых элементов критики «карательно-юридического способа ответа на преступление» сторонниками восстановительного подхода отмечается: усиление публичных начал правосудия, с одновременным вытеснением частных интересов и возрастанием зависимости от тюрьмы как средства наказания; замена понятия преступления, как причинение вреда пострадавшему, на рассмотрение преступления, как акта неподчинения власти, в качестве искупления за преступление рассматривается наказание, как акт возмездия, восстанавливающий нарушенный порядок; обвиняемый становится «предметом исследования»[6], установление виновности и назначение наказания фактически происходят на осно-

---

[1] См.: Брукс Д. Различия между медиацией и восстановительным правосудием / практикой / Д. Брукс, Й. Макдона // Вестник восстановительной юстиции. 2016. № 13. С. 108–123.

[2] См.: Соловьева Н. А. Восстановительное производство / Н. А. Соловьева, В. М. Шинкарук. Терминологическая проблема определения восстановительного правосудия // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруд. 2013. № 3 (20). С. 104–108. Ц. Шамликашвили рассматривает ювенальную юстицию как институт, направленный на дифференцированный подход к правонарушениям, совершенным несовершеннолетними, и на защиту их прав; восстановительное правосудие – как подход к реагированию на правонарушения в обществе в целом. См.: Шамликашвили Ц. Что восстанавливает восстановительное правосудие? // Медиация и право. 2010. № 3. С. 22–30.

[3] Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 23. Автор определил концепцию «восстановительная юстиция» как совокупность учений о способах реагирования на противоправные деяния, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, возникающего в результате противоправного деяния, с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, удовлетворения интересов стороны, которой деянием причинен вред, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего деяние. См.: Арутюнян А. А. Указ. соч. С. 23–24.

[4] Карнозова Л. Восстановительное правосудие… С. 42.

[5] Зер Х. Восстановительное правосудие, медиация и альтернативное разрешение споров // Вестник восстановительной юстиции. 2015. № 12. С. 11.

[6] Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие... С. 10, 14.

вании отождествления преступления и человека, его совершившего и наказание, цели которого (исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений) носят декларативный характер, не формирует у него чувство ответственности за преступление[1].

По мнению сторонников восстановительного правосудия, «вряд ли наказание преступника может существенно помочь исцелению жертвы»[2], поскольку после установления виновности, назначения и исполнения наказания «правонарушитель чаще всего уходит от осознания своей ответственности, а чувства и переживания жертвы игнорируются»[3]. По мнению Р. Максудова в этом случае «мышление представителей правоохранительных органов и судей построено на связке «правосудие-наказание»[4]. В результате наказания рушатся способности осужденного к социальной адаптации в обществе, происходит стигматизация личности виновного, в понятие социальной справедливости, требующей восстановления, заложено понятие о причинении вреда, в первую очередь государству, а не возмещение и заглаживание вреда, кому этот вред причинен[5]. В целом, указанное свидетельствует о неэффективности карательного способа в отношении преступников, пренебрежении нуждами жертв, которые утрачивают «право на участие в собственном деле»[6], а также о неэффективности и ценностной неприемлемости карательного способа реагирования для общества, которое стало чуждым в решении собственных конфликтов[7], в связи с чем восстановительное правосудие должно в определенной мере заменить собою существующее на сегодняшний день карательное правосудие, которое является достаточно затратным и неэффективным, предложив новые способы восстановления и защиты нарушенных прав, поскольку основано на расширении диспозитивности[8].

Как полагают теоретики восстановительного подхода, «общество должно реагировать на возникающие проблемы, но делать это не только с помощью карательных и стигматизирующих практик»[9], по их мнению, наказание не исключается полностью, в определен-

---

[1] См.: Ансель М. Новая социальная защита. Гуманистическое движение в уголовной политике: пер. с фр. / Ансель М.; пер.: Лапшина Н. С.; под ред. и со вступ. ст.: Пионтковский А. А. М., 1970. С. 161-162; Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд… С. 75–99, 116, 127–148; Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие… С. 43; Кульман А., Кури Х. Указ. соч. С. 126–128.

[2] Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество… С. 254.

[3] Максудов Р. Восстановительное правосудие // Неволя. 2005. № 4. С. 53.

[4] Максудов Р. Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. М., 2012. С. 22.

[5] См.: Ван Несс Д. У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие. М., 2003. С. 39–40; Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие… С. 47.

[6] Кристи Н. Конфликты как собственность // [электронный доступ]: http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/08/Нильс-Кристи.-Конфликты-как-собственность.pdf (дата обращения: 5.04.2018).

[7] См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие… С. 42–43.

[8] См.: Соловьева Н. А. Восстановительное уголовное правосудие – гуманное правосудие. Лекция (уч. пособие) / Н. А. Соловьева, В. М. Шинкарук // Волгоград, 2013. С. 8–9, 13–14.

[9] См.: Брэйтуэйт Д. Восстановительное правосудие ради лучшего будущего // Неволя. 2005. № 4. С. 93–98.

ных случаях наказание неизбежно, но должно быть минимизировано[1], суровость карательных мер должна выверяться с предельной осмотрительностью[2], при этом некоторые преступники в целях общественной безопасности должны быть изолированы от общества, а чрезмерные требования пострадавших к правонарушителю должны быть ограничены в случае их несоразмерности тяжести совершенного деяния правонарушителя[3].

Модель восстановительного правосудия основана на следующих концептуальных положениях: 1) Преступление рассматривается, в первую очередь, как конфликт между индивидами, в результате которого вред причиняется жертвам, то есть это насилие, обида, нанесенные другому человеку, а не выпад против государства, нарушение абстрактной правовой установки. 2) Понятие ответственности заключается в обязательствах по заглаживанию вреда, причиненного преступлением конкретному человеку или определенной социальной группе (общности). Приоритетом и одновременно принципом восстановительной юстиции является признание несправедливости, совершенной по отношению к жертве, и возникновение у обидчика обязательств по возмещению нанесенного им ущерба. 3) В качестве цели уголовного правосудия рассматривается не наказание, а восстановление – исцеление, примирение и возмещение ущерба, восстановление нарушенных отношений в социальной общности; более быстрое возвращение правонарушителя в общество. 4) Уголовный процесс должен способствовать активной вовлеченности в него жертв, правонарушителей и представителей их сообществ, потому основными действующими лицами новой процедуры становятся сами участники события – правонарушитель и жертва. В качестве важнейшего принципа восстановительного правосудия предусмотрено предоставление самим сторонам полномочий на разрешение их конфликта: «в значительной степени сокращается роль государства, которое утрачивает свою нынешнюю монополию на уголовный процесс» – пишет один из теоретиков восстановительного правосудия Д. У. Ван Несс[4]. 5) Процессы восстановительного правосудия являются неофициальными и допускают проявление эмоций и чувств; ответ на преступления – это определенный набор процедур, не исходящих сверху вниз, но направленных снизу вверх с участием, на правах совещательного голоса, тех, кто прямо заинтересован в последствиях, а итогом является не только пропорциональное возмещение

---

[1] См.: Кристи Н. Без наказания // Неволя. 2005. № 4. С. 12–13.

[2] См.: Кристи Н. Правосудие и современное развитие // Неволя. 2015. № 43. С. 45–46.

[3] См.: Карнозова Л. М. Использование программ восстановительной ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М., 2009. С. 24.

[4] Ван Несс Д. У. Указ. соч. С. 43.

ущерба, но и социально приемлемое или восстановительное решение проблемы, вызванной преступлением[1].

Сама концепция восстановительного правосудия, по мнению отдельных авторов, не только позволяет добиться целей уголовного наказания без применения такового, но и способствует «исцелению» как конкретной личности, так и общества в целом, что, на их взгляд, обуславливает заинтересованность в развитии альтернативных форм правосудия[2], к тому же «применение восстановительных технологий способно существенно оздоровить социальные отношения, а в отношении несовершеннолетних они должны преобладать над карательными»[3].

С течением времени не только появились сторонники и противники восстановительного правосудия, но менялись и воззрения самих ученых, разделяющих идеи другого подхода к реагированию на преступление. Так, их оценки стали более реалистичными, к тому же свои сомнения относительно становления восстановительного правосудия как самостоятельной парадигмы высказывал и сам Х. Зер, чья работа лежит в основе концепции восстановительного подхода[4]. Л. М. Карнозова, анализируя парадигмальные сдвиги в уголовной юстиции, пишет о концепции восстановительного правосудия, которая «начинает сдвигать классические доктринальные представления об уголовном правосудии», а подводя итог своему исследованию, констатирует, что действительно существует необходимость в новой парадигме правосудия, но считает, что «сегодня нельзя говорить о восстановительном правосудии как ставшей парадигме, это потенциальная парадигма». Более осторожны высказывания автора и относительного того, что восстановительное правосудие – это альтернативное правосудие. Автор полагает, что уместнее «говорить о восстановительных программах», которые позволят сузить область карательного реагирования и расширение сферы восстановительного подхода[5], встраивая

---

[1] См.: Кури Х. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт / Х. Кури, О. Ю. Ильченко // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9, № 1. С. 124. Также см.: Максудов Р. Р. Проведение программ восстановительного правосудия для несовершеннолетних: метод. пособие. М., 2009. С. 15; Ван Несс Д. У. Указ. соч. С. 41–48; Карнозова Л. М. На пути к новой парадигме уголовной юстиции // [электронный доступ]: http://index.org.ru/journal/18/18-karnoz.html (дата обращения: 8.04.2018).

[2] См.: Смолькова И. В. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве / И. В. Смолькова, Н. С. Пахолкин // Известия ИГЭА. 2012. № 3 (83). С. 135.

[3] Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология… С. 44.

[4] См.: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд… С. 219–211.

[5] См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие... С. 208–210. О том, что восстановительное правосудие, как сравнительно новое явление не имеет пока четкой парадигмы, отмечают и другие авторы. См.: Медведева С. В. Восстановительное правосудие – краткий экскурс / С. В. Медведева, О. М. Дементьев // SCIENCE TIME. 2014. № 7. С. 258.

программы восстановительного правосудия «в тело официальной системы реагирования на преступления»[1].

Таким образом, вопросам восстановительной модели уголовного правосудия в последние годы посвящено много публикаций, в которых она рассматривается как концепция[2], модель или парадигма[3] восстановительного правосудия. Представляется, что правильнее восстановительное правосудие рассматривать как новую модель в современной парадигме уголовного судопроизводстве, поскольку она не может урегулировать все, возникающие в уголовном судопроизводстве правоотношения, хотя бы по той причине, что провозглашенные ею подходы, чаще всего, могут быть применены на преступления, относящиеся к категории небольшой и средней тяжести. Именно как модель рассматривают восстановительное правосудие и отдельные исследователи. Так, М. В. Ожиганова также считает, что «чаще всего восстановительное правосудие связывают с новой моделью правосудия, которая не исключая традиционную модель, позволяет сменить акценты с применения государственного принуждения к правонарушителю на осознание им противоправности собственного деяния и восстановление нарушенных преступлением правоотношений, в том числе, возмещение ущерба потерпевшему, активное участие в таком разрешении уголовно-правового конфликта самого виновного»[4].

Восстановительную модель правосудия положительно оценивают многие исследователи. Т. Г. Морщакова, справедливо отмечая, что в основе восстановительного правосудия статус личности в обществе и отношение к нему государства, указывает, что формы восстановительного правосудия демонстрируют свою высокую социальную полезность, а подобная форма правосудия, возможно, является «одним из последних достижений, развивающих демократические гуманитарные ценности и процедуры»[5]. Е. В. Марковичева уверена, что введение элементов восстановительного правосудия в

---

[1] Карнозова Л. Восстановительное правосудие в российской правовой системе // Восстановительное правосудие в России / под общ. ред. Н. В. Путинцевой. М., 2012. С. 12.

[2] См.: Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2014. С. 142; Яковлева Л. В. Медиация как альтернативная процедура в уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7. С. 138–142; Ширкин А. А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид наук. Люберцы, 2015. С. 5.

[3] См.: Шестакова Л. А. Восстановительное правосудие как новая аналитическая парадигма // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2013. Вып. 4. С. 66; Махов В. Н. Элементы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве / В. Н. Махов, А. С. Василенко, Л. В. Чебуханова // Вестник Пермского ун-та: Серия «Юридические науки». 2017. № 35. С. 109.

[4] См.: Ожиганова М. В. Восстановительное правосудие как альтернативная форма уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 38–40.

[5] Морщакова Т. Г. К дискуссии о восстановительном правосудии // Неволя. 2005. № 4. С. 25.

российский уголовный процесс способно ускорить судопроизводство, а наличие адекватных примирительных процедур будет способствовать восстановлению прав потерпевшего, уменьшит травмирующее воздействие системы уголовного правосудия на участников судопроизводства и будет являться закономерной предпосылкой как быстрого разрешения уголовно-правового конфликта, так и обеспечения возмещения вреда, причиненного потерпевшему[1]. А. А. Арутюнян полагает, что применение некоторых аспектов восстановительной юстиции может свидетельствовать о высоком уровне развития национального уголовного судопроизводства, его демократическом характере и прогрессивной направленности[2]. И если А. К. Большова полагает, что восстановительная юстиция предприняла попытку изменения устоявшихся взглядов на правосудие, новых форм воплощения идей о справедливости, поиск нового понимания и ответа на преступление[3], то в свою очередь Л. А. Шестакова восторженно предрекает, что в результате научной революции «установится новая аналитическая парадигма – парадигма восстановительного правосудия, несущая в себе ранее не достижимые ценности и идеалы»[4].

Видится два пути интеграции восстановительного подхода в современную парадигму уголовного судопроизводства. Первый путь основан на том, что восстановительное правосудие рассматривается как альтернатива карательному правосудию, которое завершается наказанием виновного. Однако смена целевых ориентиров у правоприменителя возможна только на основе существенных изменений закона, пересмотра подходов ко многим концептуальным положениям, традиционно сложившимся в результате эволюции уголовно-процессуального закона. Представляется, что к этому уголовное судопроизводство не только не готово ментально, но не готов и законодатель, не определившийся в поиске ключевых стратегий уголовной юстиции (свидетельством чему является хаотичность и частота изменений закона, что не получает одобрения как со стороны представителей научного сообщества, так и со стороны правоприменителей, что верно подчеркивал Ю. К. Якимович[5]). Кроме, того, восстановительный подход предусмат-

---

[1] Марковичева Е. В. Восстановительное правосудие в контексте целерантного производства // http://www.iuaj.net/node/435 (дата обращения: 7.04.2018).

[2] Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе… С. 59.

[3] Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд…С. 112; Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие… С. 202; Большова А. К. Восстановительные процедуры // Правосудие в современном мире / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2013. С. 669–682.

[4] Шестакова Л. А. Восстановительное правосудие… С. 66.

[5] Якимович Ю. К. Уголовная политика и уголовно-процессуальное законодательство // Вестник Том. гос. ун-та. Право. 2014. № 3 (13). С. 84–88. И. Г. Смирнова также справедливо подчеркивает, что «реализовывать назначение уголовного судопроизводства в условиях перманентного изменения «правил игры» – задача сложно выполнимая». См.: Смирнова И. Г. К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовно-процессуальной политики: заметки на полях // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 286.

ривает несколько иную роль суда и участие посредников в примирительных процедурах, что требует тщательного изучения для поиска оптимальных форм интеграции[1].

Думается, вне сферы внимания восстановительной модели могут остаться категории преступлений, по которым применение альтернативы наказания будет рассматриваться как самим виновным, так и обществом как безнаказанность. Н. Г. Стойко также вполне обоснованно предостерегает, что это ведет к «созданию юстиции без процесса, способной в высокой степени учитывать интересы потерпевших (жертв) и обвиняемых (преступников), но не способной в той же мере обеспечивать поддержание общественного порядка»[2]. Сами сторонники восстановительного подхода отмечают, что восстановительное правосудие не является ни панацеей, ни заменой действующей системы правосудия, но имеет возможность различными способами оказывать положительное влияние на традиционные акты карательного правосудия[3]. По их мнению, под термином «восстановительное правосудие» подразумевается «взгляд, концепция, потенциальная парадигма и соответствующая ей совокупность практик, связанных с официальной системой, а не некое «правосудие», осуществляемое вне суда, или какая-то новая юрисдикция». Введение в уголовный процесс медиации, которая используется как часть процесса, возможно в соответствии с фундаментальными правами человека и с участием суда в качестве гаранта их соблюдения, а если медиацию рассматривать как альтернативу уголовному процессу – то это потребует разработки специальных правил[4].

Нельзя не согласиться с мнением Т. Г. Морщаковой о том, что возникнут трудности изменения правовых представлений при замене восстановительным правосудием общего правосудия, и в таком случае «идея понесет больше потерь, чем получит поддержки». При этом автор обоснованно полагает, что «связь восстановительного правосудия с действующей системой судопроизводства, их взаимопроникновение как раз и есть тот институциональный уровень, не осмыслив который невозможно решить проблему внедрения

---

[1] Примечательно, что как показало обсуждение докладов по вопросам восстановительного подхода, во время конференции, (в которой принимал участие автор исследования), поручение восстановительных технологий посредникам при рассмотрении дела в суде отдельными судьями воспринимается, как подрыв их репутационного авторитета в связи с неспособностью судьи принять меры к примирению сторон в отсутствие третьих лиц. Между тем именно участие посредников лежит в основе восстановительного подхода.

[2] Стойко Н. Г. Современная уголовная политика и уголовный процесс: стратегический подход и его реализация // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 292; также см.: Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию… С. 225–230.

[3] Платек М. Восстановительное правосудие – теория, порожденная практикой // Неволя. 2005. № 4. С. 69.

[4] См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие... С. 213–214. Предложения о введении медиации на основе не изменений в УПК РФ, а путем принятия самостоятельного нормативного акта высказывают и другие авторы. См. Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Том. гос. ун-та. С. 132–136.

альтернативных форм правосудия»[1]. С учетом изложенного наиболее приемлемым видится второй путь интеграции модели восстановительного правосудия, предусматривающий «встраивание» аспектов восстановительного подхода в уголовное судопроизводство. Данный способ также не может реализоваться без ревизии назначения уголовного судопроизводства и механизмов его достижения, но представляется предпочтительным.

Во-первых, сами исследователи считают, что парадигма восстановительного правосудия еще не оформилась окончательно, и на смену моделей потребуется значительный период времени. Они полагают, что в современных условиях, «хотя восстановительное правосудие как теоретический тип противостоит карательному, воплощение его концепции невозможно без взаимодействия с официальной системой юстиции». По их мнению, выход видится не в конфронтации с системой уголовной юстиции, а путем «органического развития и «доращивания» тех ее институтов, которые уже присутствуют в отечественном законодательстве и правоприменительной практике»[2]. Исследователи отмечают, что восстановительное правосудие, как более широкое понятие, будучи фактической альтернативной карательному подходу, через восстановительные программы встраивается в систему официального уголовного судопроизводства и используется в кооперации с преобразованным уголовным процессом[3].

Рассматривая приведенные аргументы, следует согласиться, что восстановительный подход может обогатить уголовное судопроизводство отдельными технологиями и институтами, поскольку они во многом обусловлены гуманистическим подходом к уголовному правосудию на идеях о правах человека. Однако, данный подход не является моделью, способной стать полноценной заменой действующей. Как верно в этой связи пишет В. А. Лазарева, «возможно построение различных моделей уголовного судопроизводства в зависимости от критерия лучшей модели. В последнее десятилетие XX века мы наблюдали своеобразный конкурс моделей уголовного судопроизводства, в которых так или иначе, но весьма не одинаково предлагалось построить уголовное судопроизводство. Ни одна из этих либо других моделей уголовного судопроизводства не нашла в России своего полного законодательного воплощения, а тем более практической реализации[4].

---

[1] См.: Морщакова Т. Г. Указ. соч. С. 27, 31.

[2] Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие… С. 126, 228.

[3] Программы восстановительного правосудия: пособие для ведущих / под ред. Л. М. Карнозовой и Р. Р. Максудова. М., 2005. С. 31.

[4] См.: Лазарева В. А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе России // Уголовная юстиция: связь времен. Избр. матер. межд. науч. конференции. Санкт-Петербург, 6–8 окт. 2010 г. / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. М., 2012. С. 78.

Во-вторых, нельзя не учесть и сомнения одного из теоретиков восстановительного правосудия Х. Зера, который по поводу самостоятельности парадигмы пишет, что в своей книге «стремился представить две модели правосудия: карательную («легистскую») и восстановительную – как взаимоисключающие системы». Подчеркивая, что такой подход помог наглядно продемонстрировать различия, тем не менее, он расценил, что он «слишком наивен, не реалистичен и даже не совсем честен». В итоге Х. Зер отметил, что склоняется к тому, что «правосудие должно включать элементы обеих систем, учитывая не только недостатки, но и достоинства легистской модели»[1]. Следует отметить, что не сформировавшаяся окончательно альтернативная модель, вряд ли, сможет заменить официальное правосудие и обеспечить достижение его назначения.

В-третьих, следует солидаризироваться с Н. Г. Стойко, который убедительно аргументировал свою позицию, отражающую не отказ, а преобразование традиционной системы правосудия за счет объединения в одно целое различных уголовно-политических подходов, основой для чего «должна стать так называемая интегрированная теория, где теории искупления вины (примирение через наказание) и возмездия (причинение справедливого зла) «уживаются» с теориями позитивной ответственности (повышение уровня правосознания и доверия к правосудию и правопорядку), устрашения, индивидуальной ресоциализации (работа с конкретными правонарушителями по изменению их жизненной позиции в положительную сторону) и общественной безопасности (изоляция от общества с целью оградить людей от криминальной активности конкретного преступника)»[2].

В-четвертых, именно отсутствие терминологической ясности также может рассматриваться как самостоятельный аргумент в выводе о том, что еще не оформилась парадигма уголовного судопроизводства, в основе которой восстановительная модель правосудия[3].

В-пятых, как справедливо отмечал Т. Кун, ни одна парадигма, обеспечивающая базис научного исследования, полностью никогда не разрешает все его проблемы, но при этом каждая парадигма более или менее удовлетворяет критериям, которые она определяет сама, но не удовлетворяет некоторым критериям, определяемым ее противниками. В связи с тем, что ни одна парадигма никогда не решает всех проблем, которые

---

[1] Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд… С. 5.

[2] Стойко Н. Г. Современная уголовная политика… С. 295.

[3] Проблема терминологической ясности обусловлена не только отсутствием фундаментальных исследований восстановительной модели правосудия, но и тем, что во многих теоретических исследованиях процессуалистами при определении понятий уголовно-процессуальной науки используются философские категории, о чем отмечает ряд авторов. См.: Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособие / Ю. К. Якимович. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 12; Скоблик К. В. Гносеология российского уголовного процесса и критерии ее выбора // Известия Байкальского гос. ун-та. 2017. № 2. С. 247.

она определяет, и поскольку ни одна из двух парадигм не оставляет нерешенными одни и те же проблемы, постольку обсуждение парадигмы всегда включает вопрос: какие проблемы более важны для решения?[1]. Наиболее важным аргументом против замены официальной модели восстановительной является поиск оптимального соотношения публичных и частных интересов в уголовном правосудии.

Некогда казавшаяся бесспорной точка зрения о возможности достижения цели восстановления социальной справедливости только путем применения к виновным мер наказания, соответствующих по тяжести лишений и ограничений тяжести совершенного преступления и личности виновного[2], – в настоящее время таковой уже не является. Думается, что именно игнорирование кризиса концепции наказания и замены парадигмы «преступление-наказание» на парадигму «преступление-виновность», то есть отсутствие ревизии уголовно-процессуального закона с учетом изменившихся представлений сущности уголовного правосудия, не позволяет рассматривать действующую модель уголовного правосудия, как отвечающую современным реалиям. Пока идет поиск оптимальной модели уголовного правосудия, обеспечивающей достижение назначения уголовного судопроизводства, необходимо выработать критерии, позволяющие оценить достоинства как карательной, так и восстановительной моделей, а потому следует солидаризироваться с авторами, разделяющими позицию о том, что, при определении парадигмы реформирования уголовного судопроизводства России необходимо учитывать, что «уголовный процесс наряду с уголовным и уголовно-исполнительным правом является элементом механизма, с помощью которого государство обеспечивает правопорядок, мир и спокойствие в обществе, устойчивость общественных отношений»[3].

При рассмотрении существенно различающихся приведенных выше подходов следует учитывать и концептуальные моменты, составляющие их стержень, основу каждой из моделей правосудия. Так, сторонники восстановительного правосудия считают, что публичность уголовного правосудия отождествлена с наказанием: «нести ответственность» тождественно «претерпеванию наказания»[4], и если карательное правосудие служит публичным интересам, то восстановительное правосудие, с учетом доктринального изменения реакции государства на преступление, призвано служить частным инте-

---

[1] См.: Кун Т. Указ. соч. С.113, 149–150.

[2] См.: Мицкевич А. Ф. Указ. соч. С. 85.

[3] Андреева О. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства / О. Андреева, С. Лонь, А. Рукавишникова, Т. Трубникова // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5.

[4] Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество... С. 157.

ресам. На этом строится и иное отношение к преступлению, и к методам разрешения конфликта, возникшего в связи с его совершением, и средства, достаточные и необходимые для того, чтобы удовлетворить интересы правонарушителя и жертвы.

Действующая модель уголовного правосудия России основывается на публичном начале[1]. Несмотря на то, что в УПК РФ публичность не закреплена в качестве принципа уголовного судопроизводства, представляется очевидной значимость для всего построения уголовного процесса публичного характера отношений, возникающих в связи с совершением преступления, поскольку вопросы уголовной ответственности преимущественно являются сферой публичного права (за исключением дел частного и частно-публичного обвинения, где превалирует частное начало). Как справедливо полагает Ан. С. Барабаш, при публичном начале уголовного судопроизводства «реагирование на каждый случай преступления признается не частным, а государственным делом по реализации общих интересов, в рамках которых находится также соблюдение при расследовании и рассмотрении уголовных дел свобод, прав и законных интересов всех участвующих в уголовном судопроизводстве»[2]. По мнению А. А. Брестера, начало уголовного процесса предъявляет несколько требований к его организации: в части целей − чтобы они соответствовали назначению уголовного процесса, «социальному заказу» на него; в части надлежащего субъекта − чтобы он был способен реализовать преобладающий интерес; в части познавательной схемы − чтобы позволяла субъекту в полной мере реализовывать преобладающие и непротиворечащие ему иные интересы и достичь поставленных целей; именно изменения в указанных аспектах будут существенно влиять на форму и эффективность деятельности[3].

Однако изменившиеся отношения в связи с кризисом наказания не могут не оказывать влияние на содержание публичности в уголовном правосудии. Следует солида-

---

[1] Под началом уголовного процесса следует понимать обусловливающее построение уголовно-процессуальной деятельности соотношение частных и общественных интересов, при котором одни преобладают над другими и которое сложилось в обществе (конкретном социуме) под влиянием объективных факторов на протяжении всего его развития. См.: Барабаш Ан. Метод российского уголовного процесса / А. Барабаш, А. Брестер // СПб., 2013. С. 7. Как верно отмечает, С. В. Бурмагин публичный интерес по делам частного обвинения не задействован и не защищается органами уголовного преследования. См.: Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37). С. 14.

[2] Барабаш Ан. С. Начало российского уголовного процесса, определяющее возможность конвергенции уголовно-процессуальной формы // Библиотека криминалиста. 2015. № 5. С. 59.

[3] Брестер А. А. Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 30. Публичность в уголовно-процессуальной науке расценивается и как принцип уголовного процесса, и как начало. См.: Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М., 2000. 179 с.; Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России // под ред. А. П. Кругликова. Волгоград, 2005. 164 с.; Касаткина С. А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе / науч. ред. И. Л. Петрухина. Ставрополь, 2006. 188 с.; Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 483 с.

ризироваться с Л. А. Воскобитовой, что при совершении преступления государство сохраняет свое присутствие, но позволяет себе другую реакцию на него, в связи с чем «требуется доктринальное осмысление того, как меняется позиция государства в отношении «преступление-наказание», в котором, по ее мнению, «роль и место государства здесь должны сохраняться, но последнее должно принципиально изменить взгляд на собственное место»[1]. В этом контексте принципиально важным становится понимание идеи защиты прав и интересов личности, то есть частного начала, в качестве основного содержания публичного интереса и цели публичной власти[2]. В свою очередь, В. А. Лазарева отмечает, что переосмысление положения человека в обществе, его взаимоотношений с государственной властью не могло не повлиять на представления о характере уголовного судопроизводства, его назначении и принципах. Автор полагает, что в России формируется процесс нового, охранительного типа, а сущность публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства выражается через интересы, охраняемые и защищаемые в сфере уголовного судопроизводства: «субстанция публичного начала в целом предопределена главным уголовно-процессуальным интересом, обусловленным главным уголовным интересом, и выражена через назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ)»[3].

Таким образом, в юридической литературе в качестве концептуальной основы УПК РФ обоснованно рассматривается признание публичной правовой природы уголовного процесса как средства, предназначенного для защиты интересов как государства, так общества и частных лиц. Справедливо подчеркивается, что частное начало не исключается, а охватывается содержанием публичного интереса, реализуемого в уголовном судопроизводстве, так как именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства, предопределяют назначение деятельности всего государственного аппарата, в том числе, и органов предварительного расследования и суда. При условии поддержания разумного баланса прав и обязанностей, как различных участников уголовного судопроизводства, так и общества в целом[4],«пределы расширения прав потерпевшего должны быть

---

[1] Воскобитова Л. А. Выступление на экспертном семинаре «Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия». Цит. по Карнозова Л. М. Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия (Экспертный семинар, проведенный сектором проблем правосудия Ин-та гос-ва и права РАН совм. с Общественным центром «Судебно-правовая реформа» // Государство и право. 2006. № 9. С. 116.

[2] См.: Морщакова Т. Г. Указ. соч. С. 26.

[3] Лазарева В. А. Стереотипы мышления… С. 79–80; Лазарева В. А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // LEX RUSSICA (научные труды МГЮА). 2010. Том LXIX, № 3. С. 543–544.

[4]Подробнее см.: Андреева О. Вектор направления дальнейшего развития… С. 6; Попова И. П. Справедливое правосудие // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 7–13; Попова И. П. «Игры разума» в уголовном процессе: кто в выигрыше? // Мировой судья. 2016. № 8. С. 27–33.

ограничены публично-правовыми интересами»[1], тогда как «государство не имеет какого-либо другого интереса, отличного от охраняемых законом интересов своих граждан»[2].

Применительно к данной части исследования заслуживает внимания и иная точка зрения. О. П. Сауляк рассматривает интерес личности как величину постоянную: «вне зависимости от своего процессуального статуса (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый) и фактических обстоятельств дела (причастности или непричастности к преступлению) человек, как правило, стремится (нередко всеми правдами и неправдами) избежать уголовной ответственности»[3]. Нет оснований спорить с такими выводами автора, остается лишь их дополнить. Скорее всего, это возможно только в некоем идеальном обществе, чтобы человек, преступивший закон, «жаждал» ответственности за это в максимальном размере и чтобы процесс этот был как можно дольше с максимальными негативными последствиями. Процессуальный интерес личности, как видится, заключается если не в стремлении избежать ответственности, то, во всяком случае, ее минимизации. Данный базовый интерес совпадает с интересами государства при условии, что рассмотрение уголовного-правового конфликта будет сопровождаться сокращением временных и материальных затрат, в немалой степени обусловленных позицией самой личности по делу (о чем свидетельствует и введение различных сокращенных производств, сложившиеся институты освобождения от уголовной ответственности и наказания).

Далее О. П. Сауляк анализирует интерес в уголовном судопроизводстве государства, выступающего в нескольких ипостасях, реализующего взаимосвязанные, но вместе с тем относительно самостоятельные функции: расследование уголовного дела (поручаемое органам дознания и предварительного следствия); поддержание обвинения в суде (возлагаемое на органы прокуратуры); отправление правосудия (осуществляемое судами общей юрисдикции). По мысли автора, «несмотря на тот факт, что различные функции реализуют разные органы, истинный интерес государства в уголовном процессе в конечном итоге есть тоже величина постоянная. Но он заключается не в том, чтобы победить в «состязании» любой ценой, положив сторону защиты «на лопатки»: не в том, чтобы возбудить процедуру уголовного преследования или поддерживать обвинение в отношении человека, виновность которого в совершении преступления выглядит сомнительно, а уж тем более осудить его за это преступление. Главный интерес государства (которое провозглашает себя право-

---

[1] Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в уголовном процессе. М., 2015. С. 105.
[2] Лазарева В. А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод… С. 550.
[3] Сауляк О. П. Дилемма в уголовно-процессуальном законодательстве: состязательность процесса или законность приговора?// Уголовное судопроизводство. 2009. № 1. С. 11.

вым) – обеспечить торжество закона на всех этапах движения уголовного дела с тем, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и ни один преступник не избежал законного и справедливого наказания»[1].

Вот именно итоговый вывод автора и вызывает возражения. Во-первых, при анализе процессуальных интересов вообще не упоминается такой участник, как потерпевший, не рассмотрено, каким интересом он обладает, не показана его роль в уголовно-правовом конфликте. Это представляется принципиально важным, во многом обусловливающим реализацию интересов и других участников уголовного судопроизводства. Во-вторых, вновь стоит усомниться, что неотвратимость ответственности и справедливое наказание будут способствовать восстановлению нарушенных правоотношений, возмещению причиненного ущерба и (или) его компенсацию личности и государству, чьим интересам причинен вред, и в конечном итоге – восстановлению справедливости. Однако приведенная точка зрения является подтверждением сложившегося стереотипа мышления, характерного для карательной модели правосудия. Вместе с тем, переход от карательной модели правосудия к восстановительной потребует не только определенного времени как от законодателя, так и правоприменителей, но и поиск научно-обоснованных предложений по результатам осмысления новых приоритетов на основе гуманистического направления уголовного правосудия.

Некоторые авторы, обосновывая необходимость неотвратимости ответственности за каждое совершенное преступление, отмечают, что устанавливая обстоятельства конкретного преступления, изобличая виновных в совершении преступлений лиц, привлекая их к ответственности и подвергая заслуженному ими уголовному наказанию, «правоохранительные органы государства тем самым защищают права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ)», а при всей своей значимости «защита таких социальных ценностей носит по отношению к раскрытию преступлений, изобличению виновных в их совершении лиц производный (в определенном смысле – вторичный) характер»[2]. Думается, при таком подходе назначение уголовного судопроизводства будет недостижимым, то есть декларативным, в первую очередь, по причине высокой латентности и низкой раскрываемости преступлений. Следовательно, деятельность уголовного правосудия окажется, по сути, бесцельной.

---

[1] Сауляк О. П. Указ. соч. С. 11–12.

[2] Зинатуллин З. З. Предмет уголовного судопроизводства и правосудие / З. З. Зинатуллин, Ф. А. Абашева // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 38.

Оценивая значение восстановительной модели правосудия для современной парадигмы уголовного правосудия можно резюмировать, что она позволила иначе, как отмечает Х. Зер, через другую призму, смотреть на современную парадигму уголовного правосудия. Именно эта модель дала очередной виток развитию в Российской Федерации ювенальной юстиции, выступающей своеобразным индикатором взаимоотношений государства и личности, а полученные результаты исследований и практик могут быть учтены при дальнейшем реформировании закона.

Существующая модель правосудия, закрепленная в УПК РФ, определяет порядок уголовного судопроизводства и выступает в качестве ориентира для правоприменителя. Основным критерием для оценки законности и справедливости принятых решений выступает закрепленное в ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства, определяющее то, к чему должны стремиться все участники уголовного судопроизводства. В конечном итоге именно с помощью норм уголовно-процессуального закона государство обеспечивает жизнедеятельность и реализацию норм материального уголовного права. В этой связи следует солидаризироваться с С. Б. Россинским, отмечающим, что «раскрывая назначение уголовно-процессуальной деятельности, законодатель подчеркивает, что реализация уголовного закона не является самоцелью государства, а необходима исключительно для защиты общественно значимых ценностей от преступных посягательств»[1]. Поэтому, представляется не случайным закрепление ст. 6 УПК РФ в главе, раскрывающей принципы уголовного судопроизводства, поскольку именно содержание указанной нормы выступает неким камертоном для всех иных положений, закрепленных в уголовно-процессуальном законе, определяя их пригодность.

К числу концептуальных вопросов уголовно-процессуальной науки относится содержание назначения уголовного судопроизводства как определяющее цели уголовного правосудия, соответствующие правовые институты и нормы. Зачастую при обсуждении одной и то же нормы ученые рассматривают ее компоненты вне их системной связи, либо применительно к какому-то исследуемому вопросу обсуждают отдельные аспекты. Как определяющая парадигму уголовного судопроизводства норма о цели, задачах и назначении была предметом бурных дискуссий в период обсуждения проектов УПК, не завершилась дискуссия и с введением в действие УПК РФ.

---

[1] Россинский С. Б. Уголовный процесс России: курс лекций. М., 2007. С. 10.

Многими исследователями вполне обоснованно отмечается правозащитный характер ст. 6 УПК РФ, отражающей стремление законодателя к международным стандартам при осуществлении правосудия по уголовным делам[1]. Так, И. Б. Михайловская расценила назначение уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ как установление прав личности в качестве нового приоритета УПК РФ: «в нормативной модели уголовного судопроизводства «защитительная» функция юстиции получила приоритет над «карательной», рассматривая уголовный процесс как «щит, оберегающий личность от государственной репрессии»[2]. Вместе с тем, анализируя указанную норму, не следует забывать, что данный аспект назначения уголовного судопроизводства возникает в связи с совершением преступления, которым затрагиваются интересы всех участников уголовно-процессуальных правоотношений. Если ранее отмечалось, что УПК РСФСР (ст. 2) провозглашал своей основной задачей борьбу с преступностью, то сейчас нередко звучит одностороннее толкование назначения уголовного судопроизводства на основе только ч. 1 ст. 6 УПК РФ, в отрыве от содержания ч. 2 ст. 6 УПК РФ. Раскрывая назначение уголовного судопроизводства, законодатель подчеркивает, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

В качестве цели настоящего исследования не ставится поиск концептуально нового назначения уголовного судопроизводства, но, тем не менее, следует проанализировать указанную норму с учетом озвученной переходной модели современного уголовного судопроизводства от карательной к восстановительно-охранительной. Представляется, что именно игнорирование законодателем изменившейся парадигмы, отражающей современное состояние общественных отношений, и нарушения юридической техники в ч. 2 ст. 6 УПК РФ вызывает противоречия, как в самой норме, так и в отдельных, основанных на ней, положениях уголовно-процессуального закона.

---

[1] См.: Зажицкий В. И. Нужны ли уголовному процессу задачи? // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 23; Кондрат И. Н. Защита прав человека как системообразующая мера уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. № 6. С. 32; Качалова О. В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 1. С. 8.

[2] Михайловская И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2. Как верно указывает И. Н. Кондрат, «при такой трактовке целей уголовного судопроизводства подчеркивается не карательная, а правозащитная, гуманистическая, социально значимая сущность этого вида правоохранительной деятельности». См.: Кондрат И. Н. Правозащитное назначение российского уголовного судопроизводства и социальная деятельность государства // Законодательство. 2013. № 5. С. 77.

В юридической литературе имеет место научная дискуссия о том, что положения, закрепленные в ст. 6 УПК РФ, содержат назначение, цели или задачи уголовного судопроизводства[1]. Так, Ан. С. Барабаш, исследуя публичное начало уголовного судопроизводства, отмечает, что, вводя термин назначение, законодатель «возможно, в первый раз посмотрел со стороны на уголовный процесс как на явление общественной и государственной жизни и попытался вербально оформить те ожидания, которые связываются в обществе с реализацией его норм»[2]. Не противоречит такому мнению и позиция Т. Г. Бородиновой о том, что «использование термина «назначение» в уголовном процессе обозначает и область применения норм права, и собственно цель такого применения»[3]. Обоснованной является и точка зрения И. В. Смольковой о том, что ст. 6 УПК РФ раскрывает, достижение каких результатов является принципиально важным для уголовного судопроизводства, будучи основой существования системы принципов, направленных на обеспечение этого назначения[4]. По сути, приведенные высказывания не содержат противоречий, отражают ценностный подход законодателя и с ними следует солидаризироваться. Обсуждается также обоснованность размещения нормы, регламентирующей назначение уголовного судопроизводства в главе 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства», и само содержание назначения уголовного судопроизводства[5]. Для целей настоящего исследования особо следует рассмотреть различные точки зрения через призму двух моделей правосудия. Так, можно выделить два подхода авторов, исследующих указанные проблемы.

Первый подход основан на таком толковании содержания действующей (или предложений новой редакции) ст. 6 УПК РФ, которое включает в качестве цели в назначении уголовного судопроизводства наказание (справедливое наказание) виновного.

---

[1] Подробнее см.: Азаров В. А. Цели нового российского уголовного производства // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения. Омск, 2003. С. 7; Мезинов Д. А. О соотношении понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 340. С. 129–131; Смирнова И. Г. Социальная ценность… С. 71–92; Овчинников Ю. Г. Назначение уголовного судопроизводства (цель или задачи): научные взгляды на проблему // Библиотека криминалиста. 2015. № 3 (20). С. 146–152; Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности / под общ. ред. В. М. Бозрова (автор главы – И. М. Комаров). М., 2016. С. 179–190.

[2] Барабаш Ан. С. Публичное начало российского уголовного процесса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 23.

[3] Бородинова Т. Г. Теоретические и правые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России: М., 2014. С. 7.

[4] Смолькова И. В. Понятие и система принципов российского уголовного судопроизводства / Принципы современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И. В. Смолькова. М., 2015. С. 16.

[5] См.: Бородинова Т. Г. Значение пересмотра судебных решений для достижения назначения уголовного судопроизводства // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 540–543; Качалова О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и практика. 2016. № 3 (37). С. 109–112.

Например, с точки зрения Л. М. Володиной, назначение уголовного судопроизводства предопределено, прежде всего, потребностью конкретного человека в защите нарушенных прав и законных интересов, а справедливая судебная защита и восстановление нарушенного права может быть достигнута в результате деятельности государства, заключающейся в обязанности «найти преступника, изобличить его и наказать, чем достигается цель уголовно-процессуальной деятельности – защита потерпевших от преступного посягательства[1]. Думается, что при таком подходе достаточно сложно убедиться в удовлетворении интересов потерпевшего наказанием виновного, а уж, тем более, что таким образом (в результате наказания) будут восстановлены нарушенные правоотношения в состояние «до прежнего».

А. П. Попов, предлагая новую редакцию ст. 6 УПК РФ, как видно, стремился отразить, что наказание – не является единственно возможной реакцией на преступление, но не устранил противоречий между двумя частями нормы: так, в ч. 1 ст. 6 УПК РФ автор рассматривает в качестве назначения уголовного судопроизводства «1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, общества и государства, пострадавших от преступлений; 2) уголовное преследование лиц, виновных в совершении преступления; привлечении их к уголовной ответственности и назначении уголовного наказания или в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом, освобождение от уголовной ответственности и уголовного наказания; 3) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и не вызываемого необходимостью выполнения пунктов первого и второго настоящей статьи ограничения ей прав и свобод»; а во второй части предлагаемой новой редакции ст. 6 УПК РФ подчеркивает, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию»[2].

По мнению К. А. Бунина назначением уголовного судопроизводства является раскрытие преступления, обеспечение неотвратимости ответственности виновных, равно как и непривлечение к уголовной ответственности невиновных путем всестороннего, полного исследования обстоятельств дела при обязательном соблюдении прав и закон-

---

[1] Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М., 2018. С. 50. Следует отметить, что такая позиция встречается не редко. См.: Евлоев Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования): автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

[2] См.: Попов А. П. Целеполагание в отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. … д-ра юрид наук. Н. Новгород, 2006. С. 16–17.

ных интересов личности[1]. Думается, что автор не учитывает, что изменилось не только отношение к неотвратимости наказания, но и к неотвратимости ответственности. Так, по мнению А. А. Арямова, принцип неотвратимости приобрел новое звучание: «неотвратимость не ответственности/наказания, а неотвратимость государственного реагирования на факт совершенного преступления, которое (реагирование) может реализоваться и помимо традиционной процедуры привлечения к ответственности»[2], и думается, это более точно отражает изменение карательного подхода на восстановительный.

В. М. Волошин отмечает обязательное реагирование на преступление как непременное условие восстановления нарушенной преступлением справедливости, верно подчеркивая, что справедливость восстанавливается не наказанием виновных: «восстановление справедливости не всегда требует назначения и исполнения наказания, порой для этого достаточно назначения иных уголовно-правовых мер либо освобождения виновных от уголовной ответственности или от наказания». Вместе с тем, представляется, в противоречие собственной позиции отмечает, что справедливость восстанавливается раскрытием преступлений, своевременным изобличением виновных и привлечением их к уголовной ответственности[3].

Второй подход основан на том, что авторами не рассматривается вопрос наказания как цели уголовного судопроизводства, и, хотя отдельные сторонники этого подхода включают реагирование на преступление в качестве назначения уголовного правосудия, но нет того акцента на наказание как способ реагирования на преступление, что отличает авторов, разделяющих первый подход[4]. Так, Е. В. Марковичева отмечает, что «целевая установка, нашедшая свое законодательное закрепление в ст. 6 УПК РФ, ориентирует правоприменителя на разрешение уголовно-правового конфликта допустимыми законом средствами и в первую очередь в интересах потерпевшего. Это не исключает возможности использования различных альтернатив уголовному преследованию, для чего существуют соответствующие материально-правовые и процессуальные основания»[5].

---

[1] См.: Бунин К. А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. … канд. юрид. наук, Ростов-н/Д., 2011. С. 10–11.

[2] Арямов А. А. Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта: новые направления развития // Российский следователь. 2015. № 23. С. 26.

[3] Волошин В. М. Неотвратимость и целесообразность уголовной ответственности несовершеннолетних// Российская юстиция. 2007. № 3. С. 48.

[4] См.: Пучковская М. Е. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства / М. Е. Пучковская, С. В. Березиков // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 30 / под ред. М. К. Свиридова. Томск: изд-во Том. ун-та, 2006. С. 11–14; Вершинина С. И. О необходимости законодательного регулирования задач уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 30; Смирнова И. Г. Назначение уголовного судопроизводства // Принципы современного российского уголовного судопроизводства… С. 39.

[5] Марковичева Е. В. О примирении сторон в современном российском уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2016. № 5. С. 281.

Н. Г. Стойко в качестве аспектов назначения уголовного судопроизводства рассматривает реагирование на преступления, восстановление справедливости и регулирование криминальных конфликтов[1]. Ан. С. Барабаш, исследуя различные подходы, полагает, что урегулирование конфликтов возможно только восстановлением справедливости, и, отмечая их неразрывную взаимосвязь, считает более правильным говорить об урегулировании последствий криминальных конфликтов[2]. Данное уточнение следует признать не только верным, но и принципиально важным. В широком смысле, основным последствием преступления является нарушение справедливости общественных отношений[3].

Думается, что наиболее соответствующей современной парадигме уголовного судопроизводства и полно раскрывающей основное содержание его назначения является позиция О. И. Андреевой. Подчеркивая необходимость соблюдения баланса интересов государства и личности, автор в качестве назначения (цели) уголовного процесса рассматривает защиту в установленной законом форме личности, общества, государства от последствий совершенного преступления, так же как и ограждение личности и общества от незаконных и необоснованных действий (бездействия) со стороны должностных лиц уполномоченных государственных органов, направленных на применение принуждения и ограничение прав и свобод человека и гражданина»[4]. О. И. Андреева справедливо акцентирует внимание на двух факторах, оказывающих влияние на соотношение прав и обязанностей государства и личности: первым фактором является преобладающий взгляд государства на преступление (как на личную обиду либо как на деяние, имеющее общественный характер), вторым – господствующее направление на предназначение уголовного процесса (как способа урегулирования конфликта, возникшего в результате совершения преступления, либо как инструмент для установления истины и обеспечения неотвратимости наказания лица, совершившего преступление)[5]. По сути, эти факторы и составляют основу модели уголовного судопроизводства и оценки ее как карательной или восстановительной.

Представляется, что второй подход демонстрирует содержание назначения уголовного судопроизводства модели уголовного правосудия, сочетающей публичное

---

[1] Стойко Н. Г. Новое уголовно-процессуальное право России и проект Уголовно-процессуального кодекса РФ // Российский бюллетень по правам человека. М., 2000. Вып. 13. С. 85.

[2] Барабаш Ан. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 102.

[3] См.: Гуляихин В. Н. Проблема гуманизации российской системы правовой ресоциализации // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 52–54.

[4] Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2007. С. 98.

[5] Андреева О. И. Концептуальные основы… С. 128.

начало уголовного процесса и восстановительный подход. В отличие от авторов первого подхода, поскольку представляется, что отражение наказания в качестве назначения уголовного процесса соответствует модели карательного правосудия. Кроме того, обращает на себя внимание указание в ч. 2 ст. 6 УК РФ о назначении справедливого наказания. Несмотря на то, что справедливость является одной из базовых социальных ценностей, излишним представляется включение в качестве назначения уголовно-процессуального судопроизводства положений о назначении справедливого наказания, поскольку это сфера правового регулирования уголовного права. Назначение справедливого наказания регламентировано и закреплено в качестве принципа справедливости в уголовном законе (ст. 6 УК РФ). К тому же, назначение наказания является факультативным, в уголовном судопроизводстве возможны итоговые судебные решения, где наказание не назначается, в связи с иной реакцией государства на преступление (например, постановление (определение) о прекращении уголовного преследования, оправдательный приговор, обвинительный приговор без назначения наказания). В свое время П. И. Люблинский верно подчеркивал, что «целью процесса должно быть вынесение правосудного приговора, а не осуществление карательного права государства»[1].

Обязательным для наступления уголовной ответственности в результате виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания, то есть, преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), является установление виновности лица в совершении преступления. Именно наличие возможности назначения наказания в качестве самой строгой меры воздействия позволяет разграничивать уголовную ответственность от иных видов ответственности. Но формулировка «под угрозой наказания» не предполагает, что наказание будет обязательно назначено в качестве санкции за преступление. В этой связи уместно вспомнить высказывание И. В. Михайловского: «уголовный закон есть лишь законное предположение наказуемости, которое с одной стороны полагает пределы судейской власти, а с другой – дает суду право наложить на преступника наказание»[2]. В зависимости от рассмотрения вопроса виновности в установленном уголовно-процессуальном законом порядке на основании норм уголовного права, судом рассматривается вопрос назначения или неназначения наказания. Наказание, как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, применяется только к лицу, при-

[1] Люблинский П. И. Процесс, как судебный порядок и процесс, как правоотношение // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 1. С. 241.

[2] Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск, 1905. С. 72.

знанному виновным в совершении преступления[1]. Согласно п. 28 ст. 5 УПК РФ под приговором понимается решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой инстанции. Изучение норм уголовного права, раскрывающего понятие вины, как элемента состава преступления, позволяет различать понятие вины с понятием виновности как основанием уголовной ответственности в уголовно-процессуальном праве. Так, вина характеризует психическое субъективное отношение лица к совершенному им общественно-опасному деянию и к его последствиям, выступает в качестве признака состава преступления и элемента уголовно-правового отношения. С точки зрения уголовного права лицо совершило преступление виновно, при наличии в его деянии вины как обязательного элемента состава преступления[2].

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ к обстоятельствам, подлежащим обязательному доказыванию, наряду с событием преступления, отнесены вопросы виновности[3] лица в совершении преступления, а также форма его вины и мотивы преступления. Виновность выступает уголовно-процессуальным понятием, охватывающим установление совершения преступления вообще, а не только отдельных его элементов (признаков). В этой связи И. Б. Михайловская справедливо подчеркивала, что «уголовно-процессуальный закон, включая в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, виновность обвиняемого в совершении преступления, понимает ее значительно шире, чем субъективную сторону преступления. Установление виновности означает прежде всего доказывание того факта, что именно данное лицо совершило уголовно-наказуемое деяние»[4]. Как процессуальную категорию рассматривает виновность и С. А. Гавриленков, понимая под ней «качественный статус подсудимого, позволяющий суду вынести обвинительный приговор и придать виновному статус осужденного»[5].

---

[1] Как справедливо отмечает И. В. Смолькова, в УПК РФ законодатель использует понятия «вина» и «виновность», но не всегда употребляет в значении, придаваемом им уголовным законом. Исследуя соотношение указанных понятий, указанный автор приходит к выводу, что термин «виновность» как производное от термина «вина», может означать форму явления, наполненную, в любом случае, либо умыслом, либо неосторожностью, а именно виновность есть форма существования вины. См.: Смолькова И. В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение. М., 2017. С. 37–39.

[2] См.: Мурадов Э. С. Вина, виновность, общественная опасность / Э. С. Мурадов, П. С. Яни // Вестн. Акад. Ген. Прокуратуры РФ. 2007. № 1 (1). С. 13–18; Липинский Д. Виновность деяния – общий принцип юридической ответственности // Законность. 2015. № 4. С. 37–41.

[3] Р. В. Мазюк, определяя сущность уголовного преследования, проанализировав разные точки зрения о понятии виновности, пришел к выводу, что «виновность» является уголовно-процессуальной категорией, в основе которой лежит установление субъективных признаков состава преступления (признаков надлежащего субъекта и субъективной стороны). См.: Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 85–91.

[4] Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008. С. 81.

[5] См.: Гавриленков С. А. Юридическое содержание вины и виновности в уголовном законе РФ // Вестник

Для установления виновности лица в совершенном преступлении и привлечения его к уголовной ответственности требуется установление всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ, в деянии лица (ст. 8 УК РФ). Без установления виновности приговором суда лицо не может считаться совершившим преступление в силу действия презумпции невиновности. Как справедливо в свое время отмечал М. С. Строгович, обвинительный приговор суда не делает человека преступником, а признает преступником того, кто стал им в момент совершения преступления[1]. Подсудимый после постановления обвинительного приговора становится осужденным (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). Вместе с тем, в случае признания лица невиновным в отношении него постановляется оправдательный приговор, которым вопросы назначения наказания либо освобождения от наказания вообще не рассматриваются (ч. ч. 2, 3 ст. 302 УПК РФ). Равно и в обвинительном приговоре без назначения наказания. Наказание, соответственно, не является обязательным признаком приговора как судебного решения, и не входит в понятие преступления. Выступая в качестве уголовно-процессуальной категории, виновность занимает соответствующее место в парадигме «преступление–виновность», пришедшей на смену ранее действовавшей парадигме «преступление–наказание».

Главным вопросом уголовного судопроизводства является установление виновности, а не назначение наказания. В связи с этим и необходимо конкретизировать норму, содержащуюся в ч. 2 ст. 6 УПК РФ. Кроме того, указанная норма допускает «назначение наказания невиновным», что следует исключить. На методологическую ошибку в ч. 2 ст. 6 УПК РФ справедливо указывает Л. М. Аширова, подчеркивая, что логическое толкование указанной нормы предполагает возможность освобождения невиновных от наказания, чем презюмируется возможность привлечения невиновного к уголовной ответственности[2]. С. А. Пашин, рассматривая итоги судебной реформы, также акцентировал внимание на дефект нормы: «даже цели уголовного судопроизводства авторы не смогли уяснить и сформулировать грамотно: по их мнению, назначению процесса соот-

---

Том. гос. ун-та. Право. 2014. № 2 (2). С. 44–45. Автор также пишет: «в соответствии с буквой и смыслом процессуального закона «виновен» нельзя истолковать иначе, чем как сложное составное понятие, включающее в себя отражение всех необходимых элементов состава преступления, т. е. кроме наличия непосредственно вины в форме умысла либо неосторожности предполагающее наличие факта деяния, причинившего вред и совершенного подсудимым. Автор отмечает, что процессуальный закон никоим образом не противоречит закону материальному, вкладывая различный смысл в категории «вина» и «виновность». См.: Гавриленков С. А. Указ. соч. С. 45.

[1] Строгович М. С. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Советское государство и право. 1983. № 2. С. 75.

[2] Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Уфа. 2006. С. 75. См. подробнее: Попова И. П. Методологическая основа обвинительного приговора без назначения наказания // Современные проблемы защиты прав человека в судебной и прокурорской деятельности: матер. Всерос. науч.-практ. конференции. (Екатеринбург, 20–21 апр. 2017 г.). Екатеринбург, 2017. В 2-х ч. Ч. 2. С. 68–76.

ветствует «освобождение невиновных от наказания» (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), – хотя даже студент-второкурсник знает, что невиновных следует оправдывать, а институт «освобождения от наказания» существует в уголовном праве как раз для осужденных, то есть для виновных»[1]. С учетом изложенного представляется необходимым из положений ч. 2 ст. 6 УПК РФ исключить указание на «освобождение от наказания невиновных», так как это некорректная формулировка, использованная законодателем.

Ф. Н. Багаутдинов верно обращает внимание на то, что назначение виновным справедливого наказания не охватывает в полной мере всех видов решений, принимаемых по результатам уголовного преследования[2], а неудачное упоминание в одном предложении термин «назначение» дважды в различных смыслах и в содержании (ч. 2 ст. 6 УПК РФ) вносит путаницу[3]. Справедливо отмечают А. М. Баранов и С. В. Супрун, что назначение уголовного судопроизводства, как процессуального права, производного от материального, должно соответствовать задачам уголовного закона, иначе могут возникнуть коллизии в правоприменении[4], что и наблюдается в отечественном праве, однако даже материальное право не устанавливает такой задачи как справедливое наказание (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Представляется, что изменение теоретических представлений о сущности уголовного судопроизводства на основе парадигмы «преступление-наказание» и закономерный переход к парадигме «преступление-виновность» должно найти отражение и в действующей модели уголовного правосудия. Наказание как таковое при этом не исключается, но не является самоцелью, а рассматривается как один (но не единственный), из возможных способов реагирования на преступление. Указанные концептуальные изменения свидетельствуют о необходимости ревизии действующей, карательной, модели правосудия, предусматривающей в качестве своей цели назначение осужденному справедливого наказания.

Изменение назначения уголовного судопроизводства, отказ от такого его элемен-

---

[1] Пашин С. Флюгер судебной реформы // Неволя. 2003. № 18. [электронный доступ]: http://index.org.ru/journal/18/18-pashin.html (дата обращения: 7.04.2018). А. Д. Хачиров также считает, что освобождение от наказания невиновных как задача уголовного процесса не имеет вообще юридического смысла, так как согласно УК РФ к ним не может быть применено наказание. См.: Хачиров А. Д. Уголовно-процессуальный статус субъектов судебного разбирательства и постановления приговора. Кисловодск, 2008. С. 16.

[2] На его взгляд, «упущен» вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного характера, не затронуты вопросы освобождения от уголовной ответственности и от наказания. См.: Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 107.

[3] Багаутдинов Ф. Н. Отражение публичных и личных интересов в принципах уголовного судопроизводства. // Уголовное право. 2002. № 4. С. 55.

[4] Баранов А. Соотношение задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства / А. Баранов, С. Супрун // Уголовное право. 2005. № 5. С. 117.

та, как «назначение справедливого наказания», позволяет определить современную модель уголовного судопроизводства, отражающую стремление к восстановлению нарушенной преступлением справедливости. Кроме того, это, будет свидетельствовать об отказе от карательной модели в современной парадигме уголовного судопроизводства. Напротив, сохранение справедливого наказания в качестве цели уголовного правосудия, обоснованно может расцениваться как единственно возможная реакция государства на преступление, что не соответствует современным общественным отношениям. В связи с изложенным ч. 2 ст. 6 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«2. Уголовное преследование и признание виновным в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, их оправдание, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Следует констатировать, что современная парадигма уголовного судопроизводства характеризуется как переходная от карательной к восстановительной. Предложенная редакция позволяет более четко сформулировать назначение уголовного судопроизводства, при этом отдельные его аспекты, приведенные в двух частях ст. 6 УПК РФ, не вступают в противоречие между собой. В настоящее время модель восстановительного правосудия, предусматривая иные подходы в разрешении уголовно-правового конфликта, не способна полностью заменить официальную модель правосудия, так как это привело бы к нивелированию публичного начала уголовного процесса, лежащего в его основе. Вместе с тем для обеспечения баланса в защите и восстановлении интересов государства, общества и личности, пострадавших от преступления, представляется оправданным разумное снижение степени уровня уголовной репрессии и карательного воздействия государства на личность, не противоречащее назначению уголовного судопроизводства и его принципам. Традиционное понимание дихотомии «преступление-наказание», как отмечено выше, обусловлено стереотипами мышления, как законодателя, так и правоприменителя. Как верно заметила В. А. Лазарева, «разрушение стереотипов – процесс болезненный, но необходимый, если мы хотим добиться изменения ситуации. Устаревание идей и представлений – процесс естественный, отказ от них, пересмотр научных концепций – процесс закономерный»[1].

Восстановительный подход в уголовном правосудии не противоречит общим поло-

[1] Лазарева В. А. Стереотипы мышления… С. 72.

жениям института юридической ответственности в теории государства и права. Так, выделяются две главные функции юридической ответственности: правовосстановительная (репарационная), участвующая в реализации охранительной функции права, и репрессивная (карательная), заключающаяся в наказании правонарушителя, при этом одним из принципов юридической ответственности является гуманизм и индивидуализация[1]. Однако, представляется, что исходя из этих же теоретических положений для обеспечения эффективности юридической ответственности необходим разумный баланс реализации указанных функций, а не выбор одной из них.

Законодатель не может регламентировать процессуальную деятельность настолько подробно, чтобы предусмотреть все возможные ситуации. Отсутствие правовых механизмов, в свою очередь, не должно снижать эффективность судебной защиты прав участников судопроизводства. Поэтому представляется логичным, что, наряду с регламентацией прав и обязанностей суда в судебном разбирательстве, законодатель допускает и достаточно широкие дискреционные полномочия суда в целях обеспечения его независимости и процессуальной самостоятельности, реализации индивидуального правового регулирования. Индивидуализация ответственности реализуется через различные процессуальные средства, предоставляя суду право выбора одного из нескольких законных решений, в свою очередь, выбор решения с наименьшим карательным воздействием реализует восстановительный подход.

Достижение назначения уголовного судопроизводства возможно только с помощью процессуальных инструментов, регламентированных законом. Одним из таких средств может рассматриваться обвинительный приговор без назначения наказания. В данном итоговом судебном решении, венчающем рассмотрение уголовного дела по существу с разрешением вопроса виновности, суд дает оценку содеянного как преступления и принимает решение не назначать наказание. Само существование трех видов обвинительных приговоров позволяет дифференцировать уголовную ответственность, в целях чего суд реализует предоставленные ему законом дискреционные полномочия при наличии соответствующих оснований.

Следует рассмотреть обвинительный приговор без назначения наказания с точки зрения восстановительного подхода в уголовном правосудии. Появление данного вида обвинительного приговора и его развитие свидетельствуют о трансформации назначе-

---

[1] См.: Баранов В. М. Цели, функции и принципы юридической ответственности в Российском государстве. Теория государства и права: уч. / под ред. В. К. Бабаева М., 2003. С. 515–516.

ния уголовного судопроизводства в условиях меняющихся общественных отношений, при этом его постановление не ограничено законодателем в зависимости от категории совершенного преступления и вида уголовного преследования. Как показало изучение судебной практики, данный вид приговора не постановляется по преступлениям, отнесенным законодателем к категории особо тяжких; по тяжким преступлениям такие приговоры имели место лишь в случае изменения категории преступления на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ. Обвинительный приговор без назначения наказания в большинстве случаев постановляется в отношении осужденных, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, не представляющих повышенной общественной опасности, как по делам публичного, так и частного и частно-публичного обвинения.

На выбор данного процессуального средства не влияют диспозитивные возможности сторон, но при этом реализуются дискреционные полномочия суда. Осужденный обвинительным приговором без назначения наказания получает возможность его скорейшего возвращения в общественные отношения, т. к. не возникает судимость[1]. В отношении несовершеннолетних осужденных могут применяться принудительные меры воспитательного воздействия, способствующие их исправлению. С учетом предусмотренных законом оснований постановления обвинительного приговора такого вида, отдельные из них устанавливаются с учетом позитивного посткриминального поведения подсудимого, что может свидетельствовать об осознании им ответственности за содеянное и стремлении загладить причиненный вред, восстановить нарушенную им справедливость. К моменту постановления приговора, зачастую, восстановлены и права потерпевших, а в случае возмещения ущерба в части, это не освобождает осужденного от обязанности возместить вред полностью. Наступление оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания может быть достигнуто в результате восстановительных технологий, однако это пока не нашло своего нормативного закрепления в уголовно-процессуальном законе. Следовательно, обвинительный приговор без назначения наказания является одним из возможных средств реализации восстановительного подхода в уголовном судопроизводстве.

Подводя итоги исследованию обвинительного приговора без назначения наказания как средства реализации восстановительного подхода в современной парадигме уголовного судопроизводства, следует отметить, что изменение теоретических представлений о сущности уголовного судопроизводства на основе парадигмы «преступле-

[1] См. подробнее: Попова И.П. Практический смысл вынесения обвинительного приговора без назначения наказания // Уголовный процесс. 2010. № 6. С. 70–73.

ние – наказание» и закономерный переход к парадигме «преступление – виновность» должно найти отражение в уголовном правосудии. Наказание как таковое при этом не исключается, но не является самоцелью, а рассматривается как один (но не единственный), из возможных способов реагирования на преступление. Указанные концептуальные изменения свидетельствуют о необходимости пересмотра действующей, карательной, парадигмы российского уголовного правосудия, имеющей своей целью назначение осужденному справедливого наказания. Модель восстановительного правосудия, предусматривая иные подходы в разрешении уголовно-правового конфликта, вместе с тем, на современном этапе развития уголовно-процессуального права не способна полностью заменить существующую парадигму уголовного правосудия, так как это привело бы к нивелированию публичного начала уголовного процесса, лежащего в его основе. Поэтому для обеспечения баланса в защите и восстановлении процессуальных интересов государства и личности, пострадавших от преступления, в условиях переходной модели парадигмы правосудия (от карательной к восстановительной) представляется оправданным разумное снижение карательного воздействия государства на личность, не противоречащее назначению уголовного судопроизводства и его принципам. Обвинительный приговор без назначения наказания является одним из эффективных процессуальных инструментов для решения этой задачи.

1.2 Возникновение, становление и развитие уголовно-процессуального законодательства, регулирующего постановление обвинительного приговора без назначения наказания

Комплексное исследование любого правового явления окажется не полным без изучения истории его возникновения и генезиса. Изучение исторических традиций национального права, безусловно, способствует не только пониманию современных проблем законодательства и правоприменительной практики, но и позволяет выработать наиболее эффективные рекомендации по его совершенствованию. Как справедливо подчеркивает И. В. Смолькова: «…в вопросах организации уголовного судопроизводства нельзя не учитывать уровень исторического развития общества и государства: в этих вопросах история не прощает ни опережения времени, ни опоздания. Закон, не имеющий корней в историче-

ских условиях жизни страны и народа, обречен на то, что станет мертвой буквой»[1].

Первое упоминание о приговоре появляется в середине XVI в. в Судебнике 1550 г.[2]. Как субъект правотворческой деятельности Боярская Дума принимала решение: «бояре приговорили», что означало «решили». Отсюда, скорее всего, и пошло наименование такого юридического акта, как решения – приговора[3]. Суд был «по правде» (справедливости) и наказание дифференцировалось государем «посмотря по человеку», «смотря по делу», «смотря по вине» (ст. 25 Судебника 1550 г.). «Виноватый» означало проигравший дело. Приговоры были краткими, содержали указание на состав суда, и решение о том, что судья «оправил» (оправдал) или «обвинил»[4]. Начиная с XV в. уголовный процесс стал приобретать публичные черты: преступление перестало рассматриваться как обида, а стало восприниматься как посягательство кроме частных, и на публичные (государственные) интересы, а наказание не носило характер имущественного возмещения вреда, а рассматривалось как кара (возмездие). Представляется, что учет интересов потерпевшего в восстановительной модели правосудия не может свидетельствовать о стремлении возврата к приведенным позициям прошлого, где частные интересы были в основе производства в связи с преступлением, и вопросы их защиты по большей части разрешались без вмешательства государства. Восстановительное правосудие не рассматривает исключение государства в реагировании на преступление, а лишь предлагает акцент этого реагирования сместить в сторону интересов жертвы. Межу тем теоретики восстановительного подхода в обоснование своих позиций в этой связи ссылаются на исторический опыт, демонстрируя приверженность традициям в праве, предусматривающим возможность не только карательного подхода в реагировании на преступление.

Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г. Петра I[5] регламентировало процессуальное право и судоустройство в военной юстиции. Глава первая третьей части Краткого изображения процессов именовалась «О приговоре», согласно которой требовалось отразить все обстоятельства дела и мотивы («фундамент» приговора), то есть со-

---

[1] См.: Лекции по истории уголовного процесса России / науч. ред. И. В. Смолькова, (автор главы – И. В. Смолькова). Иркутск, 2010. С. 8–9.

[2] Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. М., 1986. С. 97–129.

[3] История государства и права России: учеб. / под общ. ред. Ю. В. Оспенникова, (автор главы – В. И. Федосеев). В 2 ч. Ч. 1. М., 2015. С. 180.

[4] Таким образом, следует признать, что в этот период уже имели место обвинительные и оправдательные приговоры.

[5] Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 408–425.

держалось требование обоснованности приговора. По Артикулу воинскому 1715 г[1]. смягчение наказания или полное его исключение влекли установленные обстоятельства: 1) «крайней голодной нужды», а украдены были «съестное или питейное или иное, что невеликой цены украдет»; а также преступления, 2) совершенные в лишении ума или 3) малолетними, «которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть» (арт. 195). Таким образом, следует отметить, что появляются основания, при которых исключается лишь карательный подход к лицу, совершившему преступление, они были обусловлены не только обстоятельствами его совершения, но и особенностями личности. Активность потерпевших была практически утрачена, защиту его интересов осуществляло государство.

Дальнейшее развитие законодательство России об обвинительном приговоре получило в Своде законов Российской Империи (далее – Свод законов), в Томе XV которого содержались процессуальные нормы, регламентировавшие «Судопроизводство по преступлениям»[2]. В соответствии с требованиями Свода законов наказание «отменялось» в связи со смертью преступника, вследствие примирения с обиженным и вследствие давности (ст. 155), а помилование и прощение виновных не зависело от суда и было в руках Верховной Самодержавной власти, «коим участь виновных могла смягчаться или даровалось прощение» (ст. 165). Освобожденный от суда ввиду давности, манифеста или другой законной причины имел право просить суд об определении его вины и наказания, которому он подвергся бы, без указания на срок подачи такой просьбы[3]. В приговоре должны были приводиться «существо и ход дела, сведения, какие в соображение с делом приняты могут быть, и законов, которые могут быть положены в основание решения и само судейское решение, которое должно быть изложено столь ясно и определенно, чтобы ясно было видно, осужден ли обвиняемый, к какому он приговорен наказанию и за какое преступление или он признан невинным и в какой степени»[4]. По мнению В. А. Линовского, приговор должен был основываться на несомнительных доказательствах и удовлетворять началам справедливости, поскольку «цель уголовного судопроизводства есть удовлетворить требованиям правды»[5]. Свод законов включал и Уложение о наказаниях уголовных

---

[1] Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. С. 327–365.

[2] Свод законов Российской Империи, повелением государя Императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб., 1832. 562 с.

[3] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.:,1991. С. 332.

[4] См.: Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 233–234.

[5] См.: Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 156, 186.

и исправительных 1845 г.[1], согласно которому суд был обязан назначать наказание только по закону. «Наказание вовсе отменяется: 1) За смертью преступника; 2) Вследствие примирения с обиженным; 3) Вследствие давности» (ст. 160)[2].

Давая оценку основным чертам следственного процесса, существовавшего до принятия 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства[3] (далее – УУС), многие ученые-процессуалисты критиковали саму возможность существования наряду с обвинительным и оправдательным приговором приговора о подозрении («absolutio ab instantia»)[4]. По дореформенному законодательству оправдательный приговор мог быть постановлен в случае полного отсутствия улик. Обвинительный приговор мог быть постановлен лишь на совершенных доказательствах, при этом в отдельных случаях несколько несовершенных доказательств в совокупности могли образовывать совершенное доказательство (ст. 308). Если же для постановления обвинительного приговора совокупности собранных доказательств оказывалось недостаточной, то в отношении подсудимого выносился приговор об оставлении в подозрении[5].

В. К. Случевский указывал на то, что из принципа необходимости разрешения предъявленного суду обвинения уголовным приговором следует, в первую очередь, необходимость постановить приговор по делу, вне зависимости от отказа прокурора от обвинения на суде; во-вторых, «суд должен разрешить в своем приговоре вопрос о виновности по существу, не оставляя подсудимого в подозрении...; и, наконец, постановленный судом приговор с соблюдением существенных обрядов и форм судопроизводства по вступлении его в законную силу, признается приговором, вмещающим в себе истину и не допускающим нового рассмотрения (non in idem)»[6]. Я. И. Баршев, комментируя дореформенное законодательство, указывал, что приговор – это «решение, данное

---

[1] Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 174–309.

[2] Российское законодательство X–XX веков. В. 9 т. Т. 6. С. 174, 192.

[3] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8. С. 120–251.

[4] См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. В 2 т. Т. 2. С. 332; Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – Судопроизводство. СПб., 1913. С. 44; Кони А. Ф. Введение. Цит. По: Устав уголовного судопроизводства. Системный комментарий. Вып. I. / под общ. ред. М. Н. Гернета. М., 1914. С. 6; Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 65–66.

[5] Согласно имеющимся статистическим сведениям, большинство уголовных дел в судах до Судебной реформы 1864 г. разрешалось постановлением приговора об оставлении в подозрении. Так, И. В. Гессен указывал, что по сведениям Министерства Юстиции «судебными местами постановлялось приговоров обвинительных только 12,5 %, остальные же 87,5 % приходились главным образом на приговоры об оставлении в подозрении». См.: Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 7.

[6] Случевский В. К. Указ. соч. С. 71. Исключение из уголовного процесса такого вида приговора, как приговор об оставлении в подозрении, был отнесен составителями Уставов к главнейшим основным положениям Судебной реформы. См.: Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны: В 4 ч. Ч. 2. СПб., 1866. С. 5–7; Набоков В. Работы по составлению Судебных Уставов. Общая характеристика Судебной реформы. Цит. по: Судебная реформа Т. I. под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М., 1915. С. 314.

уголовным судом на основании предварительного исследования и обсуждения какого-либо уголовного дела относительно всего дела или какой-либо его части или какой-либо стороны его, то есть, относительно главных или сторонних в нем пунктов»[1].

Приговор постановлялся по Указу Его Императорского Величества (т. XV, ст. ст. 1068–1072), изготавливался письменно, его структура включала: 1. Предисловие, содержащее имя, возраст и другие данные лица, в отношении которого постановлен приговор, предмет приговора, указание на суд и все пункты рассмотренного дела. 2. Часть, в которой излагались основания принятого решения с изложением обстоятельств дела, основанных на законе, и сам приговор, основанный на главных и относительно сторонних пунктах в деле. 3. Заключение[2]. Таким образом, можно констатировать, что именно Сводом законов была предусмотрена такая структура приговора, которая сохранилась и в действующем уголовно-процессуальном законе: вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части, постановление его от имени государя подчеркивало публичный характер уголовного правосудия.

Следует отметить, что дореформенное законодательство отмечено расширением числа оснований, при наличии которых реагирование государства на преступление не завершалось лишь наказанием. Перечень этих оснований был не широк, но уже включал учет мнения потерпевшего. Вопросы помилования и прощения не входили в компетенцию суда, но могли рассматриваться только в отношении лица, признанного виновным. Существование приговора об оставлении в подозрении заслуженно вызывало критику прогрессивной части российского общества, поскольку в этом случае не разрешался главный вопрос уголовного судопроизводства: вопрос виновности[3].

УУС 1864 г. не только отражал преобладание публичного начала в уголовном процессе, но стал закреплять отдельные элементы частных начал, а также изменил виды приговоров, порядок их проверки и вступления в законную силу, упорядочил порядок и субъекты постановления приговоров. С принятием УУС изменилось и само понятие приговора. В. К. Случевский подчеркивал, что «приговоры представляют ту форму судебных актов, в которой выражено решительное слово Суда по существу вопросов о виновности и наказании»[4]. А. С. Лыкошин определял приговор как «решение уголовного

---

[1] Баршев Я. И. Указ. соч. С. 191.

[2] См. подробнее: Линовский В. А. Указ. соч. С. 183.

[3] См. подробнее: Попова И. П. Постановление приговора по Уставу уголовного судопроизводства // ГлаголЪ правосудия. 2014. № 2 (8). С. 37–42.

[4] Случевский В. К. Указ. соч. С. 313.

суда относительно вины или невиновности подсудимого и последствий, как этой виновности, так и вообще судебного по делу производства», из чего вытекает, что «решение суда о вине или невиновности является необходимою составною частью уголовного приговора, при отсутствии которой немыслимо само понятие приговора»[1]. Более полное понятие приговора было сформулировано С. И. Викторским, который отмечал, что приговор – «такой акт судебной власти, коим по поверке в судебном разбирательстве всех имеющихся по делу доказательств, разрешается вопрос о виновности или невиновности подсудимого и об его ответственности, то есть, наказании, или же – об одной виновности или одной ответственности»[2].

Ст. 771 УУС предусматривала два вида приговора: обвинительный и оправдательный[3]. Оправдательный приговор мог быть постановлен, если деяние не было доказано, не подлежало вменению по законным причинам или не запрещено законом под страхом наказания. Обвинительный приговор постановлялся, когда было доказано обвинение и не имелось оснований для освобождения от ответственности. Видом обвинительного приговора был приговор, освобождающий от наказаний (освобождающий от суда), он постановлялся, когда преступное деяние «покрывалось давностью, милостивым манифестом или другою законною причиною прекращения дела». Наказание в этом приговоре не назначалось.

Между тем, некоторые процессуалисты относили такой вид приговора, как освобождающий от наказания, к разновидности оправдательного приговора[4]. Однако, при вынесении оправдательного приговора и приговора об освобождении от наказания наступали разные правовые последствия. Так, освобожденный от суда после провозглашения приговора (резолюции), в случае, если суд не указал его вины, мог просить, чтобы суд определил его виновность и то наказание, которому бы он подлежал, если бы не имелось законных оснований к прекращению уголовного преследования (ст. ст. 118, 772, 773 УУС). Такого права не возникало при постановлении оправдательного приговора, однако, в отличие от освобожденного от суда, оправданный подсудимый имел право на возмещение вреда и убытков, причиненных ему незаконным уголовным пре-

---

[1] Лыкошин А. С. Порядок постановления приговоров в военных судах. СПб., 1896. С. 5.

[2] Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 375.

[3] Ряд процессуалистов высказывался о существовании трех видов приговоров. Например, см.: Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1872. С. 523; Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 358; Таубер Л. Я. Уголовный приговор и частное определение, и их обжалование. СПб., 1913. С. 6–7.

[4] См.: Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. 1913. С. 303; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. С. 333.

следованием (ст. ст. 780, 783 УУС). Н. Н. Розин в этой связи подчеркивал, что эти приговоры, «не различаясь в бытовом отношении, отличаются в отношении юридическом»[1].

Также необходимо отметить, что освобождение подсудимого от уголовного преследования (от ответственности) всегда предполагало признание его виновным. Некоторые авторы рассматривали такой вид обвинительного приговора, как «освобождающий от ответственности за содеянное», «запрещающий применить наказание», но с признанием подсудимого виновным[2]. Равно и запрет применения наказания в силу имеющихся на то законных оснований (давность, смерть и т.д.) мог быть только в отношении лица, признанного заслуживавшим наказания, то есть виновного[3]. Как указывал А. С. Лыкошин, «при освобождении подсудимого от наказания вслед за определением, какому преступлению соответствует его деяние, в приговоре должна быть указана законная причина, погашающая ответственность подсудимого, и изложены основания, по которым суд пришел к убеждению в ее наличности»[4]. Таким образом, УУС предусматривал обвинительный вид приговора, в котором наказание не всегда назначалось. Кроме того, ст. 775 УУС предоставляла суду возможность ходатайствовать перед Императором о помиловании осужденного и полном освобождении его от назначенного наказания.

В зависимости от того, каким судом принималось решение, постановление приговора состояло либо из одной части (в производстве мирового судьи), либо из двух: 1) постановка вопросов о виновности, наказании и других условиях, которые влечет преступление; 2) постановка по указанным вопросам приговора (коллегиальный суд без участия присяжных заседателей). Главный вопрос, который должны были разрешить присяжные заседатели, вопрос виновности подсудимого в предъявленном обвинении. Согласно ст. ст. 754–759 УУС формирование главного вопроса о виновности подсудимого, имело решающее значение, все остальные вопросы, подлежащие разрешению в приговоре, были второстепенными.

Так, согласно ст. 754 УУС «вопросы о том, что совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину, соединяются в один совокупный вопрос о виновности подсудимого, когда никем не возбуждено сомнения ни в том, что событие преступления действительно совершилось, ни в том, что оно должно быть вменено подсудимому в вину, если признано будет его дея-

---

[1] Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. СПб., 1914. С. 395.

[2] См.: Устав уголовного судопроизводства. Системный комментарий. Вып. V. / под общ. ред. М. Н. Гернета. М., 1916. С. 1292.

[3] Там же. С. 1292.

[4] Лыкошин А. С. Указ. соч. С. 476.

нием. В случае какого-либо сомнения по которому-либо из сих вопросов они должны быть поставлены отдельно».

Не всегда обвинительный вердикт присяжных заседателей в качестве последствий мог повлечь только наказание подсудимого. На основании вердикта присяжных мог быть постановлен судом приговор о прекращении судебного преследования и прекращении дела в случае смерти подсудимого, в случае истечения сроков давности – приговор о прекращении судебного преследования и об освобождении подсудимого от суда (п. 2 ст. 771 УУС). Руководствуясь внутренним убеждением, основанным на результатах исследования всех обстоятельств дела в совокупности, суд должен был установить вину или невиновность подсудимого (ст. ст. 119, 766 УУС), при этом предусматривалась его обязанность мотивировать свои выводы на основании норм закона[1]. В приговоре суд должен был излагать обвинение, доводы обвинения по представленным по делу доказательствам и уликам, применению норм закона, а также «подробное изложение, согласно с разумом и словами закона сущности приговора» (ст. 797 УУС).

УУС содержал требования, которые предъявлялись к приговору: приговор должен быть постановлен компетентным органом; должен был соответствовать внешним признакам, установленным в законе; приговор должен быть справедливым (ст. ст. 174, 912). Следует отметить, что УУС устанавливал хорошо разработанный порядок постановления приговора различными составами суда. Многие положения УУС, регламентировавшие порядок принятия итогового документа уголовного дела, вошли в современное уголовно-процессуальное законодательство. УУС предусматривались основания, при наличии которых лицу, признанному виновным, наказание не назначалось, то есть появляются различные виды реагирования на преступление со стороны государства, но такое решение принималось при наличии права суда назначить наказание, то есть при окончательном разрешении вопроса виновности. В отсутствие указанных в законе оснований суд был лишь вправе ходатайствовать об освобождении осужденного от назначенного наказания.

Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних характеризуются тем, что до середины 60-х гг. XIX столетия к несовершеннолетним в России относились как к взрослым преступникам, они содержались вместе в предварительном заключении, арестных домах и тюрьмах. Вместе с тем, новый порядок судопроизводства по делам несовершеннолетних был введен законом от 2 июня 1897 г.

---

[1] Щегловитов С. Г. Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1887. С. 154.

«О малолетних и несовершеннолетних подсудимых» (первоначальное его название «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также в законоположениях»[1]). На основании ст. 22 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., уголовная ответственность наступала с 10 лет (ст. 10), но в случае совершения преступления в возрасте от 11 до 17 лет мировой судья был вправе, не подвергая несовершеннолетнего наказанию, отсылать его к родителям, опекунам или родственникам для домашнего исправления (ст. 11)[2].

Создание советского государства потребовало регламентации новых отношений в обществе. Первым документом Советской власти после Октябрьской революции 1917 г. стал Декрет ВЦИК «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 г.[3], которым была ликвидирована дореволюционная система судов. Примечательно, что уже в первые годы советской власти справедливость включалась в число требований к приговору, но в законе она рассматривалась через основания отмены или изменения приговора.

Так, Декрет ВЦИК «О суде» № 2 от 7 марта 1918 г.[4] в качестве основания для отмены приговора предусматривал и явную несправедливость обжалованного решения. УУС действовал до 30 ноября 1918 г., пока в ст. 22 Положения о народном суде РСФСР[5] не был закреплен запрет на «ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств». На основании данного Положения, которое регулировало процессуальные вопросы, суд был вправе по своему убеждению определять меру наказания, а также постановить приговор об условном или полном освобождении обвиняемого от всякого наказания. В тех случаях, когда в Декрете было установлено наказание не ниже известной нормы, Народный Суд был вправе уменьшить наказание или совсем освободить от него, только мотивировав основания смягчения приговора (ст. 23). На основании ст. 73 Положения в приговоре должны были указываться сущность приговора и его основание. В ст. 16 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. предусматривалось, что с исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию[6].

---

[1] Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также в законоположениях // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. Т. 17. СПб., 1900. Ст. 14233.

[2] Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. С. 384–419.

[3] СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

[4] СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

[5] СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

[6] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: Постановление Народного Комиссариата юстиции

УК РСФСР 1922 г.[1] устанавливал, что назначение наказания производится судебными органами по их социалистическому правосознанию с соблюдением руководящих начал и статей УК РСФСР (ст. 9). В УК РСФСР 1926 г.[2] понятие «наказание» было заменено на понятие «меры социальной защиты». Суд был вправе выйти с ходатайством о полном освобождении осужденного от применения к нему назначенного приговором наказания в Президиум ВЦИК, когда с учетом обстоятельств дела и по социалистическому правосознанию признавал применение наказания к осужденному явно не целесообразным (ст. 52 УК РСФСР 1926 г.). Первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят 25 мая 1922 г.[3], а уже 15 февраля 1923 г. в связи с проводимой реформой судебной системы был принят новый УПК РСФСР[4]. УПК РСФСР 1922 г. предусматривал следующие виды приговоров: 1) оправдательный; 2) об освобождении подсудимого, признанного виновным, от наказания по амнистии или давности; 3) о назначении подсудимому наказания. В случаях, когда суд по внутреннему убеждению, основанному на обстоятельствах дела, признавал справедливым не подвергать подсудимого наказанию, он мог, изложив основания своего постановления войти с ходатайством в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) об освобождении осужденного от наказания (ст. 330).

В уголовно-процессуальном законе требования к приговору не раскрывались, но могли быть сформулированы из оснований его изменения или отмены. Так, приговор мог быть отменен или изменен в связи с его явной несправедливостью: 1) когда он, не находя себе никакого подтверждения в данных судебного следствия, являлся совершенно голословным, и 2) когда назначенное судом наказание, хотя и не выходило за законные пределы, но по размеру своему резко не соответствовало содеянному (ст. 363 УПК РСФСР 1922 г.). Таким образом, справедливым мог быть только обоснованный приговор, устанавливающий виновность. Уже в УПК РСФСР 1923 г. требование справедливости стало употребляться в более узком смысле: приговор признавался явно несправедливым, когда назначенное судом наказание хотя и не выходило за законные пределы, но по размеру своему резко не соответствовало содеянному (ст. 417 УПК РСФСР 1923 г.). Как верно отмечает М. Л. Поздняков, произошло сокращение понятия справедливости, что привело к уходу от такой важной темы как «справедливость правосудия»[5].

РСФСР от 12.12.1919 г. // СЗ. 1929. № 67.

[1] СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

[2] СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

[3] СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

[4] СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

[5] Поздняков М. Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном про-

УПК РСФСР 1922 г. (п. 9) и УПК РСФСР 1923 г. (п. 9) рассматривали приговор как решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого. По мнению ряда авторов, термин «виновность» рассматривался в процессуальном смысле, как технический, означавший «причастность подсудимого к имевшему место преступному деянию и наличие в его действиях состава преступления (как по объективным, так и по внутренним признакам деяния)»[1].

Полагая, что суд не имеет права не назначать наказание (меры социальной защиты), подсудимому, в связи с тем, что суду не предоставлено право помилования, И. А. Крастин, заместитель Генерального прокурора СССР и директор Всесоюзной Правовой Академии при Наркомюсте РСФСР, указывал на возможность в том случае, когда суд признает справедливым, не применять меры социальной защиты, выйти в Президиум ВЦИК с соответствующим мотивированным ходатайством[2]. Действительно, вопросы назначения наказания в понятие приговора не включались, при этом уголовно-процессуальным законом предусматривалась возможность суду выйти с ходатайством во ВЦИК об освобождении от наказания подсудимого, если внутреннее убеждение судей позволяло прийти к выводу о возможности не назначать наказание обвинительным приговором (ч. 2 ст. 326 УПК РСФСР 1923 г.). Возбуждение ходатайства было инициативой суда, который мог учитывать не только обстоятельства конкретного дела, но и «предшествующую жизнь подсудимого, его социальное положение, заслуги, раскаяние и т.д., действуя во всех случаях по внутреннему убеждению и соображениям справедливости»[3], указав эти основания в своем определении, которое обжалованию не подлежало. Такое ходатайство принималось одновременно с приговором и вместе с ним подлежало оглашению в судебном заседании, по вступлению приговора в законную силу направлялось в надлежащий ЦИК[4].

Суд, который по исключительным обстоятельствам, находил не целесообразным подвергать осужденного даже самому небольшому наказанию, был вынужден назначать в приговоре то минимальное наказание, которое было предусмотрено в законе. И лишь в отдельном определении, выносимом одновременно с приговором и оглашенным вместе

цессе. М., 2015. С. 38.

[1] Андреев М. Уголовный процесс РСФСР / М. Андреев, Г. Бахров, С. Лозинский // под ред. А. Я. Эстрина. Лен., 1927. С. 173.

[2] Крастин И. А. Уголовный процесс РСФСР (в доступном изложении). М.,1927. С. 116–117.

[3] Люблинский П. И. Уголовно-процессуальный кодекс. Научно-популярный практический комментарий / П. И. Люблинский, Н. Н. Полянский. М., 1928. С. 276–277.

[4] См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами / сост. С. Аскарханов, А. Иодковский. М., 1927. С. 313.

с ним, суд был вправе ходатайствовать в Президиум Верховного Совета республики[1] (ранее – во ВЦИК) о неназначении наказания. Представляется, что возможность обращения суда лишь с ходатайством в органы исполнительной власти, подтверждает отсутствие в указанный период самостоятельности суда в принятии решения о постановлении обвинительного приговора без назначения наказания. Но сам факт существования такой возможности свидетельствует о том, что необходимость в данном виде судебных решений существовала, не был лишь отрегулирован процессуальный порядок его постановления.

В УПК РСФСР не существовало обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от отбывания назначенного наказания. Постановлялся обвинительный приговор без назначения наказания, законодатель использовал термин «освобождение от наказания». Так, в качестве оснований постановления обвинительного приговора с освобождением от наказания Б. А. Галкин и Н. Я. Калашникова приводили следующие обстоятельства: 1) необходимость применения амнистии; 2) истечение срока давности уголовного преследования, что прямо было предусмотрено п. 2 ч. 1 ст. 326 УПК РСФСР, а также 3) если к моменту рассмотрения в суде деяние потеряло характер общественно-опасного вследствие или изменения уголовного закона, или в силу одного факта изменившейся социально-политической обстановки, или 4) если лицо, его совершившее, по мнению суда, к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным (ст. 8 УК РСФСР 1926 г.)[2]. Таким образом, кроме учета изменившейся обстановки в связи с изменением общественной опасности содеянного, важна была и оценка личности виновного, при этом эта оценка была необходима на момент принятия судом решения о наказании и могла его исключать.

П. И. Люблинский и Н. Н. Полянский в качестве основания, указанного в п. 2 ч. 1 ст. 326 УПК РСФСР, также рассматривали издание нового уголовного закона, устраняющего наказуемость деяния и международные договоры, предусматривающие взаимное освобождение от наказания за определенные преступления граждан другой страны[3]. По их мнению, в отличие от обвинительного приговора об освобождении от наказания, обвинительный приговор с назначением наказания выносился в случае утвердительного ответа на указанный в п. 4 ст. 320 УПК РСФСР вопрос: подлежит ли подсудимый наказанию за учиненное им деяние[4]. Таким образом, предусматривая основания не назначать наказание в обвинительном приговоре, УПК РСФСР 1923 г. рассматривал его как «приговор об освобожде-

---

[1] Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 358.
[2] Галкин Б. А. Уголовный процесс // Б. А. Галкин, Н. Я. Калашникова. М., 1949. С. 149.
[3] Люблинский П. И., Полянский Н. Н. Указ. соч. С. 275.
[4] Там же. С. 276.

нии подсудимого, признанного виновным, от наказания», наряду с этим в отсутствие таких оснований, давая суду возможность инициировать ходатайство во ВЦИК об освобождении осужденного от наказания, которое суд был вынужден назначать.

Таким образом, с первых лет становления советской власти расширяется перечень оснований, исключающих наказание, появились такие основания, которые свидетельствовали об изменении общественной опасности содеянного или личности подсудимого. Суд, лишенный самостоятельности, вновь был лишь вправе ходатайствовать перед исполнительной властью об освобождении от назначенного наказания. Межу тем, имелся перечень решений, позволяющих говорить о возможности некарательного реагирования на преступление, примером чему служат и дела в отношении несовершеннолетних. Так, в отношении несовершеннолетних могли быть применены меры социальной защиты медико-педагогического характера (ст. 25 УК РСФСР 1926 г): а) отдача несовершеннолетнего на попечение родителей, родственников, если таковые имели возможность его содержать, или иных лиц и учреждений; б) помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение. В связи с чем УПК РСФСР 1923 г. сформулировал модель российской ювенальной юстиции, которая дальнейшего развития не получила, и последующие нормативные акты были, в основном, направлены на переориентацию правосудия в отношения несовершеннолетних из восстановительного на карательное.

Характерной чертой правосудия 1917–1940-х гг. являлось наличие различных несудебных органов, полномочных выносить приговоры и применять меры внесудебной репрессии. Решения о наказаниях выносились, исходя из революционной целесообразности. В отсутствие у судей и адвокатов необходимых юридических знаний и профессионального опыта при принятии решений они часто апеллировали к так называемому «социалистическому правосознанию», обеспечивая, таким образом, постановление приговоров, не противоречащих основным направлениям политики советских органов власти[1]. Характеризуя в целом парадигму уголовного судопроизводства того времени, С. Г. Чаадаев верно подчеркивал, что «в 30–50-е годы органы уголовной юстиции назывались карательными, что вполне отражало существо их деятельности. Считалось, что задача органов милиции, следствия, прокуратуры, суда – наказывать, причем, чем строже – тем лучше»[2].

---

[1] Бабенко В. Н. Судебная система России: История и современность. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 163.

[2] Чаадаев С. Г. Уголовная политика и преступность: проблемы, пути решения. М.: Знание, 1991. С. 37.

Дальнейшее развитие уголовно-процессуальное законодательство получило с принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г[1]., которыми в ст. 7, а затем и в УПК РСФСР1960 г.[2], наряду с иными концептуальными положениями был введен в законодательство принцип признания лица виновным лишь по приговору суда (ст. 13), как положение принципа осуществления правосудия только судом. С принятием Конституции СССР 1977 г. указанный принцип впервые был закреплен в качестве конституционного положения (ст. 160). Задачи уголовного судопроизводства заключались в быстром и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных и обеспечении правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.). Эти задачи решались на основе того, что «судопроизводство было выстроено по типу розыскного процесса, в котором судебное рассмотрение являлось, по сути, продолжением предварительного расследования, редко отклонялось от заданной обвинительной властью линии, и возникающие помехи к быстрому завершению процесса быстро устранялись не без помощи суда»[3].

УПК РСФСР 1960 г. предусматривал два вида приговоров: обвинительный и оправдательный (ч. 1 ст. 309 УПК РСФСР). При этом обвинительный приговор не мог быть основан на предположениях и постановлялся лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. Суд мог постановить **обвинительный приговор без назначения наказания**, если к моменту рассмотрения дела в суде деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным (ч. 2 ст. 309 УПК РСФСР). Впервые законодатель внес одновременно нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с изменением обстановки, закрепив процессуальный порядок их применения.

Лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, могло быть освобождено от уголовной ответственности, если было признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершенное им деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть

---

[1] Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс]: закон СССР от 25 дек. 1958 г.: (ред. от 28 нояб.1989 г.) // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 1.05.2018).

[2] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

[3] Бурмагин С. В. Воплощение идеала «скорого суда» в реформах уголовного правосудия // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 99.

общественно опасным (ч. 1 ст. 50 УК РСФСР, ст. 6 УПК РСФСР). В. Д. Адаменко считает, что суд был вправе прекратить уголовное дело в связи с изменением обстановки до окончания судебного следствия. По тем же основаниям, но в совещательной комнате, суд был вправе постановить обвинительный приговор без назначения наказания[1]. Правовым основанием постановления обвинительного приговора без назначения наказания служила норма, закрепленная в ч. 2 ст. 50 УК РСФСР: лицо, совершившее преступление, могло быть по приговору суда освобождено от наказания, если было признано, что в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду это лицо ко времени рассмотрения дела в суде не может быть сочтено общественно опасным. Таким образом, законодатель при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания в качестве материально-правовой предпосылки его постановления предусматривал основание, именуемое как освобождение от наказания.

Несмотря на то, что ст. 301 УПК РСФСР именовалась как «Законность и обоснованность приговора», в качестве требования к приговору закон указывал и на такое требование, как мотивированность. Требования справедливости к приговору в УПК РСФСР не содержалось, но приговор мог быть изменен или отменен в связи с несоответствием назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного (ст. 347)[2].

Характеризуя в целом парадигму советского уголовного правосудия, следует отметить декларативный характер многих положений закона и ориентацию исключительно на публичный характер взаимоотношений, который явно не учитывал проблемы прав человека и интересы личности, оказавшейся в сфере уголовно-процессуальных взаимоотношений. Закрепление в УПК РСФСР комплекса процессуальных прав участников уголовного судопроизводства не ослабило доминирование публичных интересов, при конфликте интересов приоритет всегда был на стороне государства. Главной задачей уголовного правосудия были обозначены проблемы быстрого и полного раскрытия преступления, неотвратимости наказания, поиска истины, которая, как верно отмечает Л. А. Воскобитова, «должна была быть единой для дознавателя, следователя, прокурора и суда, что приводило к нивелированию прав личности, частных интересов человека, вовлекаемого в процесс»[3].

---

[1] Адаменко В. Д. Приговор и его изменение в кассации. Кемерово, 2000. С. 47.

[2] М. Л. Поздняков верно отмечает, что «справедливость стала не более чем итогом арифметического действия, в ходе которого складываются не цифры, а усмотрения вышестоящих должностных лиц», поскольку отсутствовали критерии оценки назначенного наказания. Отмечая, что сложилась традиция очень узкого толкования справедливости, указанный автор подчеркивает, что «перевод справедливости в понятие формального соблюдения правил о назначении наказания сделал бессмысленным данное основание, которое стало частью статьи о нарушении норм материального права». См.: Поздняков М. Л. Указ. соч. С. 88, 90.

[3] Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология… С. 40.

24 октября 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Постановление «О концепции судебной реформы в РСФСР»[1] (далее – «Концепция») как программный документ, определивший основные направления судебной реформы. С учетом выдвинутых в «Концепции» предложений в 1993 г. была начата разработка нового Уголовно-процессуального кодекса РФ. Наиболее широкое обсуждение получили следующие проекты УПК РФ: 1. Проект УПК Государственно-правового управления Администрации Президента РФ (далее – Проект УПК ГПУ[2]). 2. Проект УПК Министерства юстиции РФ (далее – Проект УПК Минюста[3]). Кроме того, самостоятельный Проект УПК предложила группа ученых-процессуалистов под руководством В. М. Савицкого, представивших Теоретическую модель Уголовно-процессуального кодекса РСФСР[4].

Проект УПК Минюста, принятый во 2-м чтении, предусматривал три вида обвинительных приговоров. При этом Проект не регламентировал основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 349), что сохранилось и в принятом УПК РФ 2001 г. К числу положительных моментов Теоретической модели УПК можно отнести и указание на правовые основания постановления разных видов обвинительного приговора (ст. 513). Обвинительный приговор без назначения наказания, по мнению разработчиков Теоретической модели УПК, мог быть постановлен в случаях, когда: 1) издан акт амнистии, исключающий назначение наказания за преступление, совершенное осужденным; 2) истек срок давности привлечения к участию в деле в качестве обвиняемого за данное преступление; 3) ко времени постановления приговора деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным; 4) исправление и перевоспитание осужденного могут быть достигнуты мерами общественного воздействия, применяемыми общественными организациями трудовыми коллективами, или мерами административного взыскания; 5) к моменту постановления приговора наступила смерть подсудимого. Таким образом, данный проект предусматривал широкий перечень оснований для принятия решения, отражающего возможность некарательного подхода государства к виновному.

По инициативе Российской Федерации и активном участии российских экспертов на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников

---

[1] О концепции судебной реформы: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Проект // Российская юстиция. 1994. № 9. С. 2–92.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Проект // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 35–63; Юридический вестник. 1995. № 31.

[4] Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и союзных республик: Теоретическая модель / под ред. В. М. Савицкого. М., 1990. 317 с.

СНГ 17 февраля 1996 г. был принят Модельный Уголовно-процессуальный кодекс, предназначенный для стран-участников СНГ (далее – Модельный УПК)[1]. К числу обстоятельств, исключающих уголовное преследование, указывается, в том числе, на смерть лица к моменту осуществления уголовного судопроизводства, издание акта амнистии, истечение срока давности (п. п. 3, 6, 7 ч. 2 ст. 36 Модельного УПК). На основании ч. 5 ст. 36 Модельного УПК прекращение уголовного преследования в силу указанных обстоятельств является обязанностью прокурора, следователя, дознавателя и суда. Суд первой инстанции выносит постановление о прекращении уголовного преследования подсудимого, обнаружив в ходе главного разбирательства, что дальнейшее осуществление уголовного преследования по делу невозможно ввиду смерти лица (ч. 1 ст. 40 Модельного УПК). К числу дискреционных полномочий, позволяющих не осуществлять уголовное преследование, в Модельном УПК относится изменение обстановки (п. 2 ч. 1 ст. 38). Прекращение дела в силу изменения обстановки возможно с согласия сторон (ч. 3 ст. 40 Модельного УПК). Думается, что перечисленные основания, закрепленные в Модельном УПК, позволяют, в зависимости от их наличия, более четко дифференцировать различные виды процессуальных решений, чего нет в УПК РФ.

Основанием постановления обвинительного приговора может быть только виновность подсудимого в совершении преступления, которая была с несомненностью установлена в результате главного судебного разбирательства (ч. 1 ст. 41, ст. 416 Модельного УПК). Примечательно, что в Общей части Модельного УПК регламентированы виды возможных решений суда. На основании ч. 2 ст. 41 Модельного УПК обвинительный приговор может быть постановлен при отсутствии оснований для постановления оправдательного приговора и прекращения уголовного дела, и, в первую очередь, суд должен обсудить, имеются ли основания наказание не назначать, либо освободить осужденного от его отбывания. И лишь затем решать вопрос о назначении наказания. Представляется, что перечисленные положения позволяют суду выработать алгоритм принятия решения, начиная с обсуждения оснований для принятия решений с наименьшим карательным воздействием.

Обвинительный приговор может быть трех видов: 1. без назначения подсудимому наказания – в случаях: 1) истечения срока давности; 2) деятельного раскаяния; 3) изменения обстановки; 4) с согласия пострадавшего от небольшой или средней тяжести преступления, при условии, что прокурор сочтет подсудимого загладившим причиненный им вред и спо-

[1] Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. М., 1996. 374 с.

собным исправиться без применения к нему наказания; 5) малозначительности вреда от совершенного деяния; 6) искупленности содеянного мерами взыскания, правоограничениями, другими лишениями, понесенными лицом в связи с совершенным им деянием; 7) неизлечимой тяжелой болезни лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 2 ст. 41 Модельного УПК); 2. с освобождением подсудимого от назначенного ему наказания – в случае издания акта амнистии (п. 2 ч. 2 ст. 41 Модельного УПК); 3. с назначением подсудимому наказания – в случае истечения срока давности, когда суд в силу положений Уголовного кодекса независимого государства решит не применять срок давности, а также во всех других случаях (п. 3 ч. 2 ст. 41 Модельного УПК).

Предложенный в Модельном УПК перечень оснований постановления каждого вида обвинительного приговора также выгодно отличается от положений ст. 302 УПК РФ о видах приговора. При этом прямо предусмотрено семь оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, что предоставляет более широкие возможности некарательного подхода к виновному. Содержит Модельный УПК и особенности решения в отношении несовершеннолетних: на основании ст. 543 Модельного УПК при постановлении приговора суд может освободить несовершеннолетнего от наказания и применить к нему принудительные меры воспитательного характера, если придет к выводу о том, что несовершеннолетний может исправиться без применения мер уголовного наказания.

И. Л. Петрухин, разделяя концепцию восстановительного правосудия, справедливо отмечал, что суровые уголовные наказания не снизили уровень преступности. С точки зрения И. Л. Петрухина, в качестве одной из задач судебной реформы является освобождение судопроизводства от избытка публичности и подчинении его интересам человека, при этом он подчеркивал, что на смену карательному правосудию в определенных пределах приходит правосудие восстановительное и кардинально меняет парадигму уголовного судопроизводства[1]. Однако, несмотря на то, что обсуждение проектов УПК и основных положений судебной реформы вызвало активизацию дискуссий относительно расширения частных начал в уголовном судопроизводстве и поиске возможностей некарательного воздействия на виновных, к сожалению, далеко не все они были восприняты законодателем. Вместе с тем, желание законодателя сменить парадигму уголовного судопроизводства с розыскной на состязательную с началом судебной реформы 90-х годов XX столетия не привело к реа-

[1] См.: Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. М., 1991. С. 163; Петрухин И. Л. Введение // Восстановительное правосудие / под общ. ред. И. Л. Петрухина, М., 2003. С. 5.

лизации значительного числа новых позитивных положений законодательства.

Исследуя сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета Ал. С. Барабаш пишет: «Происшедшие в постсоветский период социально-экономические преобразования основаны на качественно новом представлении о месте и роли человека в социуме. Это принципиально не повлияло на целеполагание уголовного процесса, призванного, как и прежде, защищать от преступлений и общество в целом, и отдельную личность, тогда как методы и формы осуществления этой деятельности подверглись значительному изменению»[1]. Солидаризируясь с автором, следует дополнить, что данное противоречие возникло в виду игнорирования законодателем кризиса концепции наказания, и замены парадигмы «преступление – наказание» на существенно отличающуюся от нее парадигму «преступление – виновность». «Существующее карательное правосудие направлено только лишь на преступное деяние, и основная его цель – наказать виновного, применить к нему соответствующее наказание»[2], – указывает М. Н. Аббасова, что подтверждается и приведенным анализом назначения уголовного судопроизводства, ставящего перед уголовным правосудием в качестве цели справедливое наказание. Именно эта цель определяет деятельность всей уголовной юстиции.

Между тем анализ исторических традиций российского уголовно-процессуального законодательства свидетельствует, что при постепенном расширении публичного начала в уголовном судопроизводстве, не исключались, а со временем расширялись предоставленные суду возможности некарательного воздействия. При этом если изначально вопрос виновности как главный перед уголовным правосудием не ставился (подтверждением чего является существование приговоров об оставлении в подозрении), со временем развития отношений вопрос о возможности освобождения от наказания мог быть рассмотрен только в отношении виновного. Начиная с УУС, вопрос о виновности становится главным в уголовном судопроизводстве, в зависимости от рассмотрения этого вопроса стали возникать виды обвинительного приговора, так как потребовалась новая процессуальная форма для решений, когда отсутствуют основания для назначения наказания или не имеется оснований для отбывания назначенного наказания.

Наказание является основным средством реагирования государства на преступление, при этом со временем в уголовно-процессуальном законодательстве появляются,

---

[1] Барабаш Ал. С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета: автореф. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 8.

[2] Аббасова М. Н. Восстановительное правосудие – новый взгляд на уголовное судопроизводство // Мир юридической науки. 2015. № 7. С. 62.

во-первых, основания, наличие которых исключало уголовное преследование, и в силу чего наказание не могло быть назначено, а во-вторых, основания, наличие которых свидетельствует о необходимости или возможности учета определенных особенностей личности виновного, в том числе, обусловленные его возрастом, или изменением обстановки на момент принятия решения. Наличие таких оснований влекло признание лица виновным приговором суда, наказание в котором не назначалось. Об отсутствии изначально самостоятельности суда в вопросах наказания свидетельствует наличие права на обращение с ходатайствами об освобождении от наказания осужденного, тогда как такое убеждение формировалось у судей еще в ходе судебного разбирательства. С принятием УПК РСФСР 1960 г. вопросы наказания – исключительная компетенция суда, а вопросы помилования и амнистии принимаются с участием органов власти.

Требования к приговору как акту правосудия менялись на протяжении эволюции закона и наполнялись в различный период времени разным содержанием. Если изначально требование справедливости охватывало вопрос обоснованности обвинения, то затем стало связываться законодателем лишь с соразмерностью назначенного наказания в обвинительном приговоре, что привело к утрате данного требования как универсального ко всем решениям, принимаемым в уголовном судопроизводстве.

Подводя итоги исследованию возникновения, становления и развития уголовно-процессуального законодательства, регулирующего постановление обвинительного приговора без назначения наказания, следует отметить следующее. Термин «виновность» получил свое окончательное законодательное закрепление в нормах УУС. После судебной реформы 1864 г. главным вопросом уголовного судопроизводства становится вопрос о виновности лица в совершении преступления, а не вопрос назначения ему наказания, как это было в розыскном типе уголовного судопроизводства при карательной модели уголовного правосудия. С развитием отношений и поиском баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве появляется потребность в поиске иных форм реагирования на преступление. Наказание назначается в обвинительном приговоре и только судом, но не является обязательным последствием признания лица виновным в совершении преступления, начиная с XVIII в. Обвинительный приговор без назначения наказания зародился в XVIII веке, когда Артикул воинский предусматривал в некоторых случаях возможность не назначать наказание.

Появление видов обвинительных приговоров в УУС обусловлено отказом от такого вида приговора, как приговор об оставлении в подозрении, в котором не разрешал-

ся основной вопрос уголовного судопроизводства: вопрос виновности. Наибольшее свое развитие обвинительный приговор без назначения наказания получил в советский период, и был предусмотрен как вид обвинительного приговора в УПК РСФСР 1960 г., закрепляя процессуальную возможность реализации принципов гуманизма, справедливости и индивидуализации наказания, провозглашенных в уголовном праве, и стал результатом поиска процессуальной формы некарательного воздействия на виновного в совершении преступления со стороны государства в уголовном правосудии. С развитием уголовно-процессуального закона обвинительный приговор стал постановляться в различных видах в зависимости от разрешения вопроса о наказании. В результате в уголовно-процессуальном законе закрепилась такая процессуальная форма, как обвинительный приговор без назначения наказания в качестве самостоятельного вида приговора (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ), который имеет свои исторические корни и его существование обусловлено закономерностями развития уголовного судопроизводства (от карательной к восстановительной модели), которые отражают стремление законодателя предусмотреть соответствующую процессуальную форму разрешения уголовного дела с минимальным карательным воздействием на личность. Поиск законодателем соответствующей процессуальной формы итогового судебного решения, постановляемого при доказанности виновности подсудимого в совершении преступления, но без необходимости применения к нему наказания, привел к нормативному закреплению обвинительного приговора данного вида.

1.3 Понятие и значение обвинительного приговора без назначения наказания в современном российском уголовном судопроизводстве

Для уточнения понятия обвинительного приговора без назначения наказания, необходимо раскрыть признаки данного вида обвинительного приговора, в связи с чем следует проанализировать понятие «приговор» в российском уголовном судопроизводстве. Дефиниция приговора, приведенная законодателем в п. 28 ст. 5 УПК РФ, содержит лишь основные признаки приговора, характеризующие его содержание как итогового судебного решения по уголовному делу.

Обвинительный приговор без назначения наказания непосредственно предусмотрен в УПК РФ (п. 3 ч. 5 ст. 302) и является самостоятельным итоговым судебным реше-

нием, так как соответствует всем его признакам, перечисленным в уголовно-процессуальном законе (п. п. 53.1, 2 ст. 5 УПК РФ): постановляется по уголовному делу только в судах первой и второй инстанций; данным судебным решением уголовное дело разрешается по существу с разрешением вопроса виновности[1]. В связи с этим вызывает возражения позиция отдельных авторов, согласно которой норме, содержащейся в п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ, отводится роль «запасной» нормы, оставленной законодателем на будущее, в случае внесения изменений, по которым суд, признав лицо виновным, сочтет возможным не подвергать его уголовному наказанию, как полагает А. И. Ивенский[2], или роль функции «резервной нормы, позволяющей устранять процессуальные ошибки в иных случаях вынесения обвинительного приговора»[3], как полагают отдельные авторы. Представляется, что единичные случаи ошибок судебной практики не могут давать почву для таких категоричных выводов. Действительно при проверке вышестоящими судами состоявшихся обвинительных приговоров, в некоторых из них имелись ошибки, свидетельствующие о фактическом неназначении наказания (например, не указан срок или вид наказания, назначен вид наказания, который не может быть определен данному лицу и др.). Вышестоящие суды, сохраняя в силе такие приговоры, отмечали, что не усмотрели оснований к их отмене, расценивая такие приговоры как обвинительные приговоры без назначения наказания[4].

По существу законодатель устанавливает, что вопросы виновности и наказания – это основные вопросы, которые должен разрешить суд в приговоре. Понятие приговора ряд исследователей предлагает уточнить следующими положениями:

1) дополнить, что приговор – решение, вынесенное именем государства[5];

---

[1] Эти признаки отличают приговор от других итоговых и промежуточных судебных решений. Понятие промежуточные судебные решения впервые было использовано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 2.07.1998 г. № 20-П 39, и было более узким по содержанию: промежуточными признавались судебные решения, принятые до вынесения приговора. См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 2.07.1998 г. № 20-П // Собрание законодательства Российской Федерации 1998. № 28. Ст. 3393. См.: Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: автореф. … канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 9, 11; Азаров В. А. Приговор и промежуточные судебные решения: соотношение, взаимосвязь и взаимообусловленность / В. А. Азаров, В. А. Константинова // Сб. матер. межд. науч.-практ. конференции «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты». М., 2016. С. 11–19.

[2] Ивенский А. И. Понятие и свойства приговоров. Классификация приговоров.: учеб. пособие. Самара, 2007. С. 70.

[3] Артеменко Н. Уголовно-правовые аспекты вынесения судом обвинительного приговора без назначения наказания / Н. Артеменко, Н. Шимбарева // Уголовное право. 2012. № 3. С. 106.

[4] Например, в приговоре Ирбейского районного суда Красноярского края при условном осуждении Л. не были указаны обязанности, возложенные на осужденного. Красноярский краевой суд пришел к выводу приговор изменить: считать Л. осужденным без назначения наказания. См.: Архив Красноярского краевого суда за 2015 г. Апелляционное постановление № 22-7584/2015 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/BKgAEhwWlN dP (дата обращения:7.12.2017).

[5] Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 12-13; Мартынчик Е. Г. Основы

2) отразить вопрос разрешения в приговоре обвинения, указав, что приговор – акт правосудия, разрешающий предъявленное подсудимому обвинение; или решение о невиновности или виновности подсудимого в совершении деяния, по обвинению в котором он предан суду[1];

3) включить в рассматриваемое понятие существенные моменты процедуры постановления приговора, указав, что приговор – решение, постановленное на основе непосредственно исследованных судом в судебном разбирательстве доказательств, в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом; в результате судебного разбирательства уголовного дела; процессуальный документ, постановленный только в совещательной комнате[2];

4) указать наиболее существенные требования к приговору и его свойства, подчеркнув, к примеру, что приговор – наделенное законной силой окончательное судебное решение[3].

Анализируя изложенные позиции, следует признать, что приведенные признаки отражают различные аспекты понятия приговора в уголовном судопроизводстве, но для включения их в норму-дефиницию в УПК РФ нет оснований, представляется достаточным отразить лишь те признаки приговора, которые относятся ко всем его видам, отражают его сущность, не усложняя дефиницию, что дает возможность ее использования как в науке, так и на практике. В подтверждение этого уместно сослаться на результаты анкетирования судей. Большинство опрошенных в ходе исследования респондентов (65%) расценивает положения п. 28 ст. 5 УПК РФ, как не требующие дополнений, поскольку, с их точки зрения, данная норма закона достаточно полно раскрывает понятие приговора. Дополнить норму указанием на то, что приговор постановляется именем Российской Федерации, было предложено 9% опрошенных респондентов; возможность

формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1969. С. 20–21; Бандурин С. Г. Приговор – итог осуществления правосудия / С. Г. Бандурин, Н. А. Громов, А. И. Ивенский // Российский судья. 2005. № 1. С. 35; Ивенский А. И. Понятие и свойства приговоров... С. 13–14; Головинская И. В. Судебный приговор / И. В. Головинская, И. А. Остапенко. Владимир, 2008. С. 10, 27; Абашева Ф. А. Осуществление правосудия по уголовным делам судами первой инстанции (концептуальные основы): Ижевск, 2012. С. 217; Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учеб.-практич. пособие. М., 2015. С. 11.

[1] Абашева Ф. А. Осуществление правосудия по уголовным делам судами первой инстанции (концептуальные основы). С. 217; Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 138-139; Ивенский А. И. Понятие и свойства приговоров… С. 12, 17; Головинская И. В., Остапенко И. А. Указ. соч. С. 16.

[2] Загорский Г. И. Постановление приговора… С. 11. Отдельные предложения об этом были изложены судьями в анкетах при опросе автором исследования. Также см.: Перлов И. Д. Указ. соч. С. 12-13; Грошевой Ю. М. Правовые свойства приговора – акта социалистического правосудия: уч. пособие. Харьков, 1978. С. 12–13; Головинская И. В., Остапенко И. А. Указ. соч. С. 12.

[3] Головинская И. В., Остапенко И. А. Указ. соч. С. 27; в отдельных анкетах на необходимость этого указывалось и опрошенными судьями.

постановления приговора без назначения наказания в предусмотренных законом случаях – 17%, указанием на то, что приговор постановляется в совещательной комнате – 7%[1]. Причем, некоторые респонденты дополнительно указывали на то, что необходимо включить в понятие приговора лишь основной вопрос – вопрос о виновности или невиновности подсудимого. В одной из анкет обоснованно обращалось внимание на то, что все иные вопросы, разрешаемые в приговоре (наказание, разрешение гражданского иска, и иные), – это последствия решения суда о виновности или невиновности подсудимого. Комментируя достаточность полноты нормативного понятия, судьи подчеркивали, что иные характеристики и требования к приговору и процедуре его постановления приведены в других нормах УПК РФ.

Таким образом, в понятие приговора необходимо включить основной вопрос о виновности или невиновности подсудимого, потому что значение приговора, как акта правосудия, в первую очередь, связано с разрешением главного вопроса уголовного судопроизводства: виновности (невиновности) подсудимого в предъявленном ему обвинении. Относительно необходимости указания на то, что в понятии приговора следует отражать вопросы наказания, освобождения от наказания, оправдания лица, рассмотрения иных вопросов, подлежащих разрешению одновременно с вопросом виновности, мнения процессуалистов расходятся. Так, по мнению И. Д. Перлова, в понятие приговора входят три взаимосвязанные составные части: 1) вопросы о преступлении и виновности подсудимого в его совершении; 2) вопросы, связанные с наказанием; 3) вопросы, связанные с гражданским иском, вещественными доказательствами, процессуальными издержками и некоторые другие[2]. В. Д. Адаменко рассматривает как позитивное дополнение, появившееся впервые в УПК РСФСР 1960 г., указание в понятии приговора на разрешение вопросов наказания (ненаказания) лица, в отношении которого рассмотрен вопрос виновности (невиновности)[3]. Е. Г. Мартынчик полагал важным подчеркнуть, что приговор – это вынесенное от имени государства решение суда первой инстанции, принятое в результате судебного разбирательства по всем вопросам уголовного дела, в том числе, о виновности подсудимого и его наказании или освобождении от наказания либо о невиновности и оправдании подсудимого, и по связанным с этим вопросами[4].

Наряду с главным вопросом о виновности, суд в приговоре одновременно разре-

---

[1] См.: Приложение Е. Рисунок Е.1.
[2] Перлов И. Д. Указ. соч. С. 13.
[3] Адаменко В. Д. Указ. соч. С. 3
[4] Мартынчик Е. Г. Основы формирования приговора… С. 21.

шает вопросы формы реализации уголовной ответственности, в частности, наказания, и иные вопросы. Перечисление всех вопросов, которые разрешаются судом, излишне усложнит дефиницию приговора. В поддержку приведенной позиции уместно привести мнение процессуалистов, в разное время пришедших к аналогичному выводу. «Основной вопрос, который должен быть поставлен и разрешен судом, есть вопрос о виновности подсудимого в деянии, по обвинению в котором он предан суду», – подчеркивал в начале XX века Н. Н. Розин[1]. В свое время, рассматривая предложения о расширении понятия приговора, путем включения в него многих других вопросов, Г. Н. Агеева справедливо отмечала, что «эти вопросы решаются в приговоре постольку, поскольку они связаны с вопросом о виновности»[2]. А. П. Гуськова обоснованно пришла к выводу, что вопрос о виновности – главный, а вопрос назначения наказания – производный от него[3].

Ю. М. Грошевой, в свою очередь, верно акцентировал внимание на суть приговора как акта правосудия, в котором «суд от имени государства разрешает основной вопрос каждого уголовного дела – о наличии или отсутствии события преступления, о виновности или невиновности подсудимого, приговор выражает убеждение судей в правильности принятых ими решений»[4]. Реализовать назначение уголовного судопроизводства возможно лишь посредством установления лиц, виновных в совершении преступления. В связи с чем вопрос виновности лица в инкриминируемом ему преступлении как основание уголовной ответственности выступает в качестве главного[5] (основного[6]), центрального[7], подлежащего рассмотрению и разрешению.

В юридической литературе встречаются высказывания о том, что при назначении судебного штрафа на основании ст. 76.2 УК РФ в порядке, предусмотренном главой 51.1

---

[1] Розин Н. Н. Указ. соч. С. 457.

[2] Агеева Г. Н. Законность и обоснованность приговора. Его правовые гарантии // Актуальные вопросы развития и совершенствования законодательства о судоустройстве, судопроизводстве и прокурорском надзоре: сб. науч. тр. М., 1981. С. 101. Ретроспективный анализ также показал, что в понятие приговора в уголовном судопроизводстве не всегда входили вопросы наказания.

[3] См.: Гуськова А. П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики): дис. … д-ра юрид. наук. Оренбург, 1997. С. 92–95.

[4] Грошевой Ю. М. Общественное мнение и приговор советского суда. Конспект лекции. Харьков, 1972. С. 19.

[5] Бунина А. В. Приговор как акт правосудия. Его свойства. Оренбург, 2006. С. 13; Зинатуллин З. З., Абашева Ф. А. Указ. соч. С. 39; Кленова Т. В. Мировому судье о правосознании, правовой культуре и квалификации преступлений // Мировой судья. 2016. № 12. С. 19; Бородинова Т. Г. Пересмотр приговоров, вынесенных в отсутствие подсудимого // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 80.

[6] Грошевой Ю. М. Общественное мнение… С. 19; Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 7; Кудрявцев В. Л. Назначение уголовного судопроизводства: теоретико-прикладной аспект // Российский судья. 2008. № 11. С. 23; Хачиров А. Д. Указ. соч. С. 164; Зинатуллин З. З. Основной вопрос уголовного процесса и правосудие / Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности: монография / под общ. ред. В. М. Бозрова, М., 2016. С. 33, 37.

[7] Абашева Ф. А. Осуществление правосудия в системе уголовно-процессуальных функций. Ижевск, 2007. С. 75; Басова О. О. Предмет правосудия по уголовным делам // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2014. Вып. 2. С. 121–122.

УПК РФ, суд при освобождении от уголовной ответственности исследует вопросы виновности лица[1], а сам судебный штраф отдельными авторами расценивается как наказание («паранаказание»[2]; «административное наказание»[3]). С точки зрения отдельных авторов, судебный штраф на практике воплотился в аналог ускоренного производства по уголовному делу с тем отличием, что производство завершается не осуждением, а прекращением уголовного дела (или уголовного преследования)[4], то есть в упрощенную форму приговора[5].

Действительно, следует отметить, что положения о судебном штрафе, отраженные в нормах уголовного и уголовно-процессуального закона, не только не предусматривают порядок применения этих норм, но и содержат противоречия. Однако стремление их устранить и дать механизм реализации указанных положений правоприменителю путем разъяснения Пленума Верховного Суда РФ[6] создало ситуацию, когда разъяснение вышло за пределы нормативной регламентации и на практике отдельные постановления о судебном штрафе представляют новую процессуальную форму, содержащую элементы, как постановления, так и приговора[7]. Если рассматривать судебный штраф в аспекте восстановительной модели правосудия, то он не в полном объеме соответствует интересам жертвы, т. к., несмотря на то, что одним из условий возможности применения положений ст. 76.2 УК РФ является возмещение вреда, однако, позиция потерпевшего не влияет на принятие судом решения[8].

Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 104.4 УК РФ следует

---

[1] См.: Рыжаков А. П. Новое основание прекращения уголовного дела и последствия его введения // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 52; Рябцева Е. В. Правовая природа производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российское правосудие. 2017. № 4 (132). С. 105; Власенко В. В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) // Уголовное право. 2017. № 1. С. 54.

[2] Трофимова Г. А. Судебный штраф – альтернатива? // Российский судья. 2017. № 8. С. 34.

[3] Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. С. 270.

[4] Арутюнян А. А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: последние изменения // Закон. 2017. № 3. С. 82.

[5] Головко Л. В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 42–43.

[6] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (в ред. от 29.11.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. С. 5–8; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. С. 31–35.

[7] См.: Архив Сибайского городского суда Республики Башкоторстан за 2017. Уголовное дело № 1-183/2017 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/Gq4pVUHgeaWb/ (дата обращения:7.01.2018); Архив Стерлитамакского городского суда Республики Башкоторстан за 2017 г. Уголовное дело № 1-670/2017 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/jSjwEBv5AigW (дата обращения: 6.01.2018).

[8] Так, по уголовному делу в отношении С. потерпевший, указывая, что похищенное возвращено в результате действий сотрудников полиции, полагал, что вред ему не заглажен действиями обвиняемого и возражал прекращению уголовного дела с назначением судебного штрафа. См.: Архив Ангарского городского суда за 2017 г. Уголовное дело № 1-908/2017 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/1xbbC6UJD11c (дата обращения: 9.01.2018).

признать условным: невыполнение условия уплаты судебного штрафа лицом, в отношении которого судом принято решение, влечет за собой отмену решения о его освобождении от уголовной ответственности. Следовательно, постановление суда не означает установления виновности лица в совершении преступления, и кроме того, в отношении подозреваемого (обвиняемого или подсудимого) не вынесен обвинительный приговор (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). Таким образом, при прекращении уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ лицо решением суда виновным не признается и осужденным не является, а введение в закон нового основания освобождения от уголовной ответственности и порядок принятия решения судом не влияет на понятие приговора в уголовном судопроизводстве[1]. Сложившаяся противоречивая судебная практика требует реагирования законодателя.

Требования закона о том, что наказание может быть назначено только приговором суда на основе ст. 49 Конституции РФ и закреплено в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 8 УПК РФ). Единственным процессуальным решением, в котором после рассмотрения вопроса виновности возможно решение вопроса о наказании осужденному является приговор. Однако, указание в п. 28 ст. 5 УПК РФ о том, что приговор – это решение не только о наказании виновного, но и «об освобождении его от наказания», представляется не совсем удачным, не раскрывающим сущность данного судебного решения.

Как следует из норм материального права (глава 12 УК РФ «Освобождение от наказания») под освобождением от наказания рассматриваются основания: 1) при которых наказание не назначается; 2) при которых наказание назначено и имеются основания для освобождения от его отбывания или отсрочки назначенного наказания, 3) освобождения от дальнейшего отбывания назначенного наказания; 4) при которых вопрос уголовной ответственности не разрешен. Законодатель разграничивает указанные основания и упоминает их в нескольких нормах УПК РФ: 1) при постановлении приговора на основании п. 8 ч. 1 ст. 299 УПК РФ суд обсуждает «имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания, освобождения от наказания или применения отсрочки отбывания наказания»; 2) на основании п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать «мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбывания, применению иных мер воздействия»; 3) на основании ст. 308 УПК РФ «в случаях освобождения подсудимого от отбывания наказания, применения отсрочки отбывания

[1] Подробнее см.: Мазюк Р. В. Судебный штраф // Уголовное право. 2017. № 1. С. 132.

наказания или вынесения приговора без назначения наказания об этом также указывается в резолютивной части приговора».

В УПК зарубежных стран в понятии приговора заключены разные существенные признаки, но отличает их одно общее свойство: большинство дефиниций приговора не обременены всеми признаками и свойствами данного судебного решения. Так, в некоторых УПК закреплено, что приговор постановляется судом. УПК Азербайджана, Армении[1], Таджикистана[2], Республики Беларусь, включают в понятие приговора только указание на рассмотрение вопроса о невиновности или виновности подсудимого. В некоторых УПК с указанием на то, что приговор постановляется судом первой инстанции (п. 42 ст. 6 УПК Молдовы[3], п. 30 ст. 6 УПК Беларуси[4]), в некоторых – включается и возможность постановления приговора судом апелляционной инстанции (ст. 7.0.45 УПК Азербайджана[5], п. 52 ст. 7 УПК Казахстана[6], ст. 5 УПК Кыргызстана[7]). В УПК Грузии понятие приговора не содержит норму о последствиях осуждения с назначением или без назначения наказания: приговор – решение суда первой инстанции, апелляционного или кассационного суда, признающее обвиняемого виновным в совершении преступления или оправдывающее его (п. 14. ст. 3)[8]. По УПК Молдовы – «приговор – решение, вынесенное судом первой инстанции по рассмотренному по существу делу».

Таким образом, на основании норм уголовно-процессуального закона вопрос наказания виновного суд обсуждает при рассмотрении вопросов, подлежащих разрешению при

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1.09.1998 г. № ЗР-248 (с изм. и доп. на 7.07.2016 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31425005#pos=0;325 (дата обращения: 12.01.2018).

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3.12.2009 г. (с изм. и доп. на 24.02.2017 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 24.02.2018).

[3] УПК Республики Молдова от 14.03.2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 30.03.2017 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729#pos=0;0 (дата обращения: 13.02.2018). Согласно ст. 341 УПК Молдовы решение, которым уголовное дело разрешается по существу в суде первой инстанции, называется приговором.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-З (с изм. и доп. на 18.07.2017 г.) // [электронный доступ]: //http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958&doc_id2=30414958#activate_doc=2&pos=105;0&pos2=3140;-6 (дата обращения: 23.01.2018).

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 г. № 907IQ (с изм. и доп. на 30.09.2016 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 21.01.2018).

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4.07.2014 г. № 231-V (с изм. и доп. на 11.07.2017 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575852#sub_id=3870000 (дата обращения: 15.02.2018).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30.06.1999 г. № 62 (с изм. и доп. на 28.07.2017 г.) // [электронный доступ]: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30241915&page=11 (дата обращения: 28.01.2018).

[8] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9.10.2009 г. // [электронный доступ]: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/90034/45/ru/pdf (дата обращения: 12.02.2018).

постановлении приговора, принимая следующие решения: 1) о неназначении наказания, 2) о назначении наказания, 3) о назначении наказания и освобождении от его отбывания (или применении отсрочки его отбывания). Как верно отмечают некоторые авторы, назначение норм-дефиниций состоит в том, чтобы «закрепить однозначное понимание тех или иных процессуальных терминов и тем самым исключить возможность конфликтной ситуации, вызванной их неодинаковым толкованием», а поскольку нет единства мнений относительно любой дефиниции, то такие определения должны быть «функциональными, точными как в своем содержании, так и использовании, не должно быть громоздких теоретических определений в текст закона»[1], а определение дефиниции должно отражать существенные, качественные признаки предмета или явления, закрепленные в УПК РФ в целях обеспечения единства правового регулирования[2]. Подводя итог исследованию дефиниции приговора, следует подчеркнуть, что главное в нем – вопросы виновности и наказания.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что норму-дефиницию, необходимо уточнить, исключив из п. 28 ст. 5 УПК РФ указание на «либо об освобождение его от наказания», и предложить следующую редакцию п. 28 ст. 5 УПК РФ: **«28) приговор – решение о невиновности либо о виновности и наказании подсудимого, постановленное судом первой или апелляционной инстанции;».** Сформулированная дефиниция приговора позволяет выявить сущность обвинительного приговора[3]. В уголовно-процессуальном законе нет определения понятия «обвинительного приговора». Вместе с тем, такой вид приговора имеет ряд отличительных особенностей, обусловленных его содержанием. В Толковом словаре русского языка В. И. Даля значение слова «приговор» определено как «судебное постановление, определение, решение; или чье-либо решительное заключение, не допускающее иного мнения»[4], значение слова «обвинять» – как «винить, взводить на него вину; считать причинным, виновным»[5]. По словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «приговор» также имеет два значения: 1) решение суда после слушания уголовного дела;

---

[1] См.: Бахта А. С. Нормы-дефиниции в уголовно-процессуальном праве // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 56, 59. Словарь иностранных слов толкует дефиницию как краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления. См.: Словарь иностранных слов. 18-е изд. М.: Русский язык, 1989. С. 162.

[2] Крашенинников С. В. Сущность дефиниции в уголовном процессе // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 29.

[3] Следует согласиться с В. В. Николюком, что вопросы, относящиеся к резолютивной части приговора, обозначенные законодателем в ранге не «иных», а существенных, принципиальных, за исключением решений технического характера и составляют главное в приговоре, т. е. его существо. См.: Николюк В. В. Совершенствование правового регулирования устранения судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора // Российское правосудие. 2017. № 6 (134). С. 85–87

[4] Даль В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 675.

[5] Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 933.

2) осудительная оценка, осуждающее решение, мнение»[1], слово «обвинять» употребляют в двух значениях: «1) счесть виновным, упрекнуть, укорить; 2) считая виновным, привлечь к суду»[2]. Приведенные значения терминов подчеркивают суть понятия обвинительного приговора: 1) постановление решения судом, 2) основной вопрос, который разрешен в обвинительном приговоре – признание виновным лица, привлеченного к суду. Таким образом, понятие обвинительного приговора можно сформулировать следующим образом: «обвинительный приговор – решение о виновности без назначения наказания, с назначением наказания, подлежащего отбыванию или освобождением от его отбывания, постановленное судом первой или апелляционной инстанции».

Как отмечалось, теоретические представления о сущности уголовного судопроизводства изменились благодаря переходу парадигмы «преступление – наказание» к парадигме «преступление – виновность». Л. В. Головко справедливо отмечает, что уголовная ответственность перестала сводиться к одной своей форме – наказанию. В праве закрепился принцип неотвратимости ответственности, а не наказания (принцип неотвратимости реагирования государства на преступление)[3]. Совершение преступления является необходимым юридическим фактом, предпосылкой для возникновения уголовной ответственности в силу ст. 8 УК РФ[4]. В свою очередь, обвинительный приговор является единственным процессуальным документом, устанавливающим основания реализации уголовной ответственности[5]. Однако, уголовная ответственность не приравнивается законодателем к наказанию[6], которое, в свою очередь, не является единственной формой реализации уголовной ответственности, а является лишь одним из возможных последствий привлечения лица к уголовной ответственности. Уголовная ответственность может быть реализована в различных формах, в том числе, в форме осуждения без назначения наказания, поскольку уголовная ответственность – это последствие совершения преступления, которое, прежде всего, связано с государственным осуждением[7].

В юридической литературе выделяется два принципиально разных подхода к по-

---

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 589.

[2] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 425.

[3] См. Головко Л. В. Альтернативы уголовного преследования … С. 346–357.

[4] Понятие уголовной ответственности, являясь одной из фундаментальных уголовно-правовых категорий, не раскрывается в российском законодательстве, а в науке является дискуссионным. См.: Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность и уголовно-правовое воздействие // Библиотека криминалиста. 2013. № 6 (11). С. 96–116.

[5] См.: Головинская И. В., Остапенко И. А. Указ. соч. С.14.

[6] См.: Кобозева Т. Ю. Проблема ответственности в уголовном праве: социально-правовая характеристика категории уголовная ответственность // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 25–26.

[7] См. подробнее: Попова И. П. Правовая природа обвинительного приговора без назначения наказания // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / науч. ред. О. И. Андреева, Т. В. Трубникова; отв. ред. И. В. Чаднова. Томск: Издат. дом Томского гос. ун-та, 2018. Ч. 75. С. 231–237.

следствиям постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Ряд авторов полагают, что обвинительный приговор без назначения наказания является процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности. Такого подхода придерживаются, в частности, П. М. Давыдов[1], А. С. Зиновьев[2], Г. И. Загорский[3]. В. Д. Филимонов, указывая наказание (или иную меру уголовно-правового характера) в качестве обязательного признака уголовной ответственности, не усматривает как противоречие возможность вынесения обвинительного приговора без назначения наказания в случае истечения сроков давности или акта амнистии. Полагая, что в этих случаях уголовная ответственность исключается, В. Д. Филимонов считает, что такой приговор необходим только лишь для признания лица виновным в совершении преступления, без чего невозможно освобождение от уголовной ответственности по указанным основаниям[4].

Второй подход основан на том, что обвинительным приговором без назначения наказания реализуется уголовная ответственность. Так, А. В. Бриллиантов и С. Курганов считают, что уголовная ответственность может иметь место и без наказания, в случае постановления обвинительного приговора без назначения наказания она состоит только в порицании, осуждении лица[5]. В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев и А. Н. Тарбагаев, исследовавшие механизм уголовно-правового регулирования, пришли к выводу, что уголовная ответственность – это результат основанного на уголовном законе порицания (отрицательной оценки) совершенного общественно опасного деяния и лица, его совершившего со стороны государства, выраженного в обвинительном приговоре суда[6].

Разделяя позицию авторов, рассматривающих обвинительный приговор без назначения наказания как процессуальную форму реализации уголовной ответственности,

---

[1] См.: Давыдов П. М. Обвинительный приговор – основная форма реализации уголовной ответственности // Процессуальные проблемы реализации уголовной ответственности. Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1979. С. 34–42.

[2] См.: Зиновьев А. Можно ли приговором освободить от уголовной ответственности? // Уголовное право. 2008. № 5. С. 78–79. См. также: Михайлов К. Обвинительный приговор без назначения наказания… С. 42–45; Благов Е. В. Теория применения уголовного права: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 219, 376. Е. В. Благов в качестве основания исследуемого вида приговора ссылается на ст. ст. 80.1, ч. 1 ст. 81, ч. ч. 1, 2 ст. 92 УК РФ. См.: Благов Е. В. Указ. соч. С. 216–217.

[3] Загорский Г. И. Комментарий… С. 874.

[4] Филимонов В. Д. Основания уголовной ответственности // Уголовное право. 2015. № 1. С. 106.

[5] См.: Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: науч.-практич. пособие. М., 2015. С. 9; Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 60–61. Осуждение без назначения наказания как форму реализации уголовной ответственности, рассматривают и другие авторы. См.: Андреев А. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности / А. В. Андреев, Л. В. Лобанова // LEGAL CONCEPT. 2006. № 8. С. 121; Уголовное право. Общая часть: уч-к / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева, (автор главы – А. И. Рарог). М., 2008. С. 81.

[6] Прохоров В. С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. Красноярск, 1989. С. 167. Также см.: Бытко Ю. И. Справедливость и уголовная политика. М., 2017. С. 182.

следует отметить, что обвинительный приговор суда (любого вида, в том числе, без назначения наказания) не может быть процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности, поскольку как раз напротив, данным судебным решением уголовная ответственность реализуется[1]. Вопрос виновности рассматривается судом, который получает право назначить наказание. Однако суд, в силу имеющихся указанных в законе оснований, наказание не назначает. Данный приговор постановляется, когда уголовная ответственность может быть реализована, а цели наказания достигнуты без реального отбытия наказания, или если цели наказания достигнуты досрочно либо их достижение объективно становится не возможным, а также, если они заведомо не целесообразны[2]. В обвинительном приговоре без назначения наказания суд дает оценку содеянному как преступлению, признавая лицо виновным в его совершении, и указывает основания, по которым осужденному наказание не назначается. Таким образом, данный вид обвинительного приговора является процессуальной формой реализации уголовной ответственности – осуждение без назначения наказания. Если имеются основания, исключающие наступление уголовной ответственности, то вопрос виновности не рассматривается, выносится постановление о прекращении уголовного преследования (уголовного дела). В этой связи не утратили актуальности высказывания И. В. Михайловского, считавшего закономерным «право суда совершенно освобождать признанного виновным обвиняемого от наказания и таким образом не отождествлять понятий «виновен» и «заслуживает наказания», а строго разделять их и каждый из соответствующих вопросов решать самостоятельно»[3].

На протяжении нескольких лет более 70 % от числа всех осужденных составляют лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести[4]. Оптимизация уголовного судопроизводства по делам в отношении указанных лиц позволит обеспечить реализацию дополнительных гарантий при разрешении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, повысить качество и доступность уголовного правосудия. С учетом перехода от карательной модели правосудия к восстановительной законодатель предусматривает различные основания правомерного освобождения лиц, совершивших преступления, от предусмотренного уголовным законом наказания, обоснованно пола-

---

[1] См.: Горшенин А. А. Возможно ли освобождение от уголовной ответственности на основании обвинительного приговора суда без назначения наказания? // Российский судья. 2011. № 12. С. 20–22; Лобанова Л. В. Развитие института освобождения от уголовной ответственности и презумпция невиновности // Вестн. ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. 2016. Т. 15, № 4 (33). С. 208.

[2] См.: Сухарева Н. Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве. М, 2005. С. 87–97.

[3] Михайловский И. В. Указ. соч. С. 72.

[4] См.: Приложение Б. Число осужденных в 2015 г. меньше в связи с изданием акта амнистии.

гая, что наказание не всегда является необходимым при реализации механизма привлечения виновного к уголовной ответственности. Так, главы 12–14 УК РФ закрепляют 10 оснований освобождения от наказания. В этой связи Г. Б. Виттенберг справедливо подчеркивал, что институт освобождения от уголовного наказания обеспечивает возможность воздействовать на лиц, совершивших преступления небольшой общественной опасности, менее интенсивными и суровыми средствами, чем уголовное наказание, что в свою очередь, создает дополнительные возможности для дальнейшего снижения пределов применения судебной репрессии[1].

Изложенное позволяет сделать вывод, что материально-правовые предпосылки обвинительного приговора без назначения наказания обусловлены нормами уголовного закона, предусматривающими возможность реализации уголовной ответственности без применения к виновному наказания. Уголовно-процессуальный закон предусматривает различные процессуальные формы освобождения от уголовной ответственности и реализации уголовной ответственности: 1) постановление (определение) дознавателя, следователя или суда является формой освобождения от уголовной ответственности и не включает ни осуждения, ни назначения наказания; 2) обвинительный приговор без назначения наказания является процессуальной формой привлечения к уголовной ответственности, включает только осуждение; 3) обвинительный приговор с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным, является процессуальной формой привлечения к уголовной ответственности, включает осуждение и назначение наказания, подлежащего отбытию; 4) обвинительный приговор с назначением наказания, и освобождением от его отбывания, является процессуальной формой привлечения к уголовной ответственности, включает осуждение, назначение наказание, и освобождение от его отбывания.

Результатом судебного разбирательства может быть постановление (определение) о прекращении уголовного преследования (уголовного дела), то есть решение, констатирующее отказ от уголовной ответственности. Итоговым судебным решением может быть приговор (оправдательный или обвинительный (трех видов)). Обвинительный приговор является решением, констатирующим реализацию уголовной ответственности (в том числе, отказ от назначения наказания). Представляется, что для реализации уголовной ответственности только двух видов обвинительного приговора недостаточно. Необходима такая процессуальная форма, как обвинительный приговор без назначения

[1] Виттенберг Г. Б. Вопросы назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности и наказания: уч. пособие / отв. ред. Г. Б. Виттенберг. Иркутск, 1976. С. 8.

наказания, поскольку имеются основания минимизировать уголовную репрессию в отношении осужденного без назначения ему наказания.

Некоторые авторы выделяют еще несколько видов обвинительных приговоров, кроме приведенных в ч. 5 ст. 302 УПК РФ. В частности, приведенная законодателем в ч. 8 ст. 302 УПК РФ формулировка «обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания» отличается от использованных в ч. 5 ст. 302 УПК РФ формулировок «с назначением наказания и освобождением от его отбывания» и «без назначения наказания». Ряд авторов полагает, что при наличии оснований, указанных в ч. 8 ст. 302 УПК РФ постановляется обвинительный приговор без назначения наказания[1]. Сторонники второй точки зрения считают, что это тот же самый вид обвинительного приговора, который непосредственно указан в п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ (с освобождением от отбывания наказания)[2]. Авторы, занимающие третью позицию, усматривают основания для вынесения судом постановления в связи с освобождением лица от уголовной ответственности, а не приговора при наличии оснований, приведенных в ч. 8 ст. 302 УПК РФ[3]. И, наконец, отдельные авторы рассматривают ч. 8 ст. 302 УПК РФ в качестве основания для постановления самостоятельного вида обвинительного приговора.

Так, С. В. Бородин истечение сроков давности уголовного преследования, а также исключение актом амнистии применения наказания, рассматривал как основания для постановления четвертого вида обвинительного приговора – обвинительного приговора с освобождением от наказания, не отмечая – требуется ли назначение наказания в этом случае, и в чем отличие данного приговора от других видов обвинительного приговора[4]. Позже С. В. Бородин уточнил, что данные основания влекут постановление обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания, указывая, что эти же основания УПК РФ относит и к вынесению обвинительного приговора с освобождением от уголовной ответственности (ч. 6 ст. 302 УПК РФ)[5].

---

[1] Демидова Е. Т. Судебное разбирательство в уголовном процессе: уч. пособие. Самара, 2009. С. 46; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева, (автор главы – В. В. Дорошков). М., 2014. С. 568; Загорский Г. И. Постановление приговора… М., 2015. С. 112.

[2] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева, (автор главы – А. С. Червоткин). М., 2013. С. 562–563; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков, (автор главы – Л. П. Ижнина). М., 2014. С. 575; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. А. Рарог, (автор главы – В. С. Савельева). М., 2015. С. 174.

[3] Коробов П. В. Природа норм о давности совершения преступления // Российский судья. 2009. № 11. С. 11.

[4] Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева, (автор главы – С. В. Бородин). М., 2002. С. 533.

[5] Уголовно-процессуальное право РФ: уч-к / отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская, (автор главы – С. В. Бородин). М., 2014. С. 502–503.

В. В. Дорошков, комментируя ст. 302 УПК РФ, указывает на четвертый самостоятельный вид обвинительного приговора: в одном издании автор указывает на приговор с освобождением осужденного от назначенного наказания до наступления определенного события, предусмотренного ст. 81 УК РФ[1], в другом – на приговор с освобождением осужденного от назначенного наказания «до наступления определенного события, предусмотренного ст. ст. 389.8, 389.9 УПК РФ»[2]. При этом в каждом приведенном случае не раскрывает, при наличии каких оснований такой приговор может быть постановлен, и в чем его отличие от видов обвинительных приговоров, указанных в ст. 302 УПК РФ. С точки зрения А. И. Ивенского и А. В. Орлова существует в качестве самостоятельного вида обвинительный приговор с освобождением несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органов управления образование, постановленный в порядке ст. 432 УПК РФ[3].

Возражая приведенным позициям о существовании самостоятельных видов обвинительных приговоров, кроме приведенных в ч. 5 ст. 302 УПК РФ, следует отметить, что применение норм уголовного закона в порядке ст. 432 УПК РФ не порождает существование нового самостоятельного вида обвинительного приговора, а классификация судебных приговоров должна производиться в зависимости от их отношения к предъявленному обвинению[4]. В основе классификации видов приговоров на оправдательный и обвинительный лежит рассмотрение вопроса о невиновности или виновности лица по предъявленному обвинению. При установлении виновности постановляется обвинительный приговор, в котором критерием выделения видов приговоров служит отношение к наказанию. Приведенная дискуссия наглядно демонстрирует то, что законодатель не предусмотрел все основания для постановления различных видов обвинительных приговоров.

Для определения сущности обвинительного приговора без назначения наказания также необходимо проанализировать, насколько он соответствует требованиям, предъявляемым к приговору[5]. В УПК РФ предусмотрено обязательное соблюдение предъявляемых к

---

[1] Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие. / под общ. ред. В. М. Лебедева, (автор главы – В. В. Дорошков). М., 2011. С. 446.

[2] См.: Дорошков В. В. Научно-практический комментарий… С. 568; Ивенский А. И. Многоосновная классификация приговоров / А. И. Ивенский, А. В. Орлов // Российский судья. 2006. № 6. С. 8.

[3] См. Ивенский А. И., Орлов А. В. Многоосновная классификация… С. 8.

[4] См.: Маликов М. Ф. Эффективность приговора в советском уголовном процессе: учеб. пос. Уфа, 1980. С. 9–10.

[5] К приговору могут быть предъявлены различные требования, но не каждое из них может быть расценено как свойство приговора. Под требованием следует понимать обязательное условие, которому должен соответствовать при-

приговору требований: законности[1], обоснованности[2], справедливости[3] (ст. 297 УПК РФ). Требование мотивированности[4] приговора следует из принципа законности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), анализа норм УПК РФ и сформировалось судебной практикой, кроме того, рассматривается ЕСПЧ как необходимый элемент справедливого судебного разбирательства[5]. Мотивированность судебного решения рассматривается и в качестве средства формирования в обществе убеждения в справедливости уголовного судопроизводства и принимаемых в итоге судебных решений[6]. Все требования к приговору взаимосвязаны, но обладают относительной самостоятельностью. Как верно указывает С. Г. Мирецкий, мнение о справедливости приговора во многом создается в зависимости от убедительности мотивировки наказания[7]. А. А. Тарасов и А. Р. Шарипов, в свою очередь, обоснованно подчеркивают, что приговор должен быть убедительным не только для самих судей и профессиональных юристов, но приговор «пишется для людей и должен быть понятен и убедителен для любого среднестатистического гражданина страны»[8].

Согласно опросу судей, большинство из них (90%) полагает излишним закрепление в уголовно-процессуальном законе понятий законности, обоснованности, мотивированности и справедливости приговора[9]. Очевидно, это объясняется сложностью выработки единого понятия каждого из требований к приговору. Содержание требований к приго-

---

говор, тогда как свойства – это качественная характеристика того, чем приговор уже обладает по вступлении его в законную силу. Толковый словарь рассматривает «требование» как правило, условие, обязательное для выполнения; «свойство» – как качество, признак, составляющий отличительную особенность кого-чего-нибудь. См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 704, 809.

[1] Подробнее см.: Горобец В. Законность, обоснованность и справедливость приговора в условиях состязательного процесса // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 37–39; Попова И. П. Требования, предъявляемые к приговору, как акту правосудия в российском уголовном судопроизводстве // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-в 20-й межд. науч.-практ. конференции. Иркутск, 2015. С. 219–224.

[2] Подробнее см.: Заблоцкий В. Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 1971. 236 с.; Александрова О. Ю. Обоснованность как одно из требований, предъявляемых к приговору // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. С. Д. Назаров. Красноярск, 2006. С. 15–23.; Лютынский А. М. Стандарты доказанности по уголовному делу // Российское правосудие. 2015. № 10 (114). С. 101–106.

[3] Подробнее см.: Попов В. Т. Справедливость судебных решений // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства: сб. науч. ст. / под общ. и науч. ред. О. В. Гладышевой и В. А. Семенцова. Краснодар, 2014. С. 188–191.

[4] Подробнее см.: Узалов И. Д. Должен ли приговор суда быть мотивированным? // Уголовный процесс. 2010. С. 46–50; Петров А. Мотивированность как гарантия законности и обоснованности // Законность. 2014. № 2. С. 3–4.

[5] См.: Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: уч. пособие. Томск, 2011. С. 153–155; Качалова О. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство как принцип современного российского уголовно-процессуального права // Российский судья. 2014. № 6. С. 15.

[6] См.: Андреева О. Вектор направления дальнейшего развития… С. 6.

[7] Мирецкий С. Г. Приговор суда. М., 1989. С. 50.

[8] Тарасов А. А. Судейское усмотрение и мотивированность приговоров / А. А. Тарасов, А. Р. Шарипов // Вестн. СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 210. См. подробнее: Попова И. П. Форма и содержание обвинительного приговора как итогового решения по уголовному делу // III Московский юридический форум. Межд. науч.-практ. конференция, посв. 95-летию профессора П. А. Лупинской «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты» (г. Москва. Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 8 апр. 2016 г.: мат-лы конференции / отв. ред. С. Б. Россинский. М., 2016. С. 371–375.

[9] См.: Приложение Е. Рисунок Е.15.

вору раскрывается лишь косвенно через иные нормы УПК РФ, в том числе, через изложение оснований к отмене или изменению приговора. При соблюдении требований законности, обоснованности, мотивированности и справедливости (в процессуальном смысле) приговор обладает одноименными свойствами. Указанные свойства в совокупности позволяют приговору суда обладать таким качеством, как правосудность[1]. Правосудность как интегрированное свойство приговора охватывает все предъявляемые к нему требования, и включает в себя свойства законности, обоснованности, мотивированности и справедливости (в процессуальном смысле). Приговор должен быть правосудным, то есть соответствовать требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости. В свою очередь, обеспечение указанных свойств правосудного приговора возможно на основе процедуры постановления приговора, обладающей не только уникальностью, но и обусловленной комплексом воздействующих на эту процедуру правовых и социальных факторов. Например, Т. Г. Бородинова к числу таковых, справедливо относит уголовно-процессуальные, уголовно-правовые, фактические, нравственные и психологические[2].

В юридической литературе также выделяются внешние свойства приговора, которые характеризуют его значение[3]. Вступление приговора в законную силу рассматривается как особое правовое действие материально-правового и уголовно-процессуального закона в конкретном акте правосудия, когда приговор приобретает свойство окончательности[4], что наделяет активностью такие его свойства, как неизменность[5] (непоколебимость[6], стабиль-

---

[1] См.: Соловьев И. Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1992. С. 7. М. А. Чайковская полагает, что правосудность приговора определяют такие его свойства, как законность, обоснованность и справедливость. См.: Чайковская М. А. Свойства приговора. М., 2013. С. 52–54. Представляется, что не соблюдение требования мотивированности приговора также исключает его правосудность.

[2] Бородинова Т. Г. Приговор: понятие, сущностные черты и виды // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. Вып. 1 (15). С. 10.

[3] См. подробнее: Попова И. П. Понятие и значение обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сб. матер. межд. науч.-практ. конференции. Саратов, 2015. С. 146–156; Она же. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. Вып. 1 (7). С. 50–60; Она же. Понятие обвинительного приговора без назначения наказания // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сб. мат-в 22 межд. науч.-практ. конференции. В 2 т. Т. I. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. С. 278–283.

[4] Майорова Л. В. Ревизия решений по уголовным делам / Л. В. Майорова, М. Финке // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. по матер. межд. науч.-практ. конференции, посв. 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева. СПб, 2015. С. 173.

[5] См.: Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы. М., 2016. С. 11.

[6] См.: Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 487; Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 126–133; Чайковская М. А. Указ. соч. С. 11.

ность[1]), исключительность[2], общеобязательность[3], включающая и такое свойство, как преюдициальность[4]. Именно наличие таких свойств придает приговору значение правоприменительного акта правосудия при осуществлении уголовного судопроизводства, вынесенного от имени государства (в чем проявляется государственно-властный характер деятельности суда как государственного органа, обеспечивая, в свою очередь, эффективность приговора как акта правосудия)[5].

Таким образом, вступивший в законную силу обвинительный приговор без назначения наказания обладает всеми указанными свойствами как акт правосудия. Так, в силу свойства исполнимости осужденный обвинительным приговором без назначения наказания подлежит немедленному освобождению из-под стражи в зале суда (ст. 311 УПК РФ), а обладая свойством неизменности, данный приговор не может быть дополнен, изменен или отменен судом, его постановившим. Данный приговор является обязательным для всех федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежит точному и неукоснительному исполнению на всей территории РФ (ст. 392 УПК РФ). Свойство окончательности, присущее вступившему в законную силу обвинительному приговору без назначения наказания приговора, исключающему возможность возврата к вопросу наказания, предопределяет невозможность повторного производства по уголовному делу в отношении лица, о котором уже состоялось судебное разбирательство и судом постановлен приговор по тому же обвинению. Не содержится исключений, предусмотренных в ст. 90 УПК РФ, и относительно преюдициальности данного вида приговора.

Не рассматривая требования законности, обоснованности и мотивированности, которые в той или иной степени становились предметом самостоятельных исследова-

---

[1] См.: Свиридов М. К. Обеспечение стабильности приговора // Вестник Том. гос. ун-та. 2012. № 357. С. 139–142.

[2] См.: Адаменко В. Д. Указ. соч. С. 7; Блашкова Л. Л. Исключительность приговора // Закон и право. 2008. № 9. С. 72–73.

[3] См.: Уголовный процесс: учеб. / под ред. А. П. Гуськовой, Ф. К. Зиннурова (автор главы - А. П. Гуськова). М., 2013. С. 415.

[4] См.: Громов Н. Законная сила приговора / Н. Громов, В. Конев, В. Николайченко // Российская юстиция. 1998. № 1. С. 14.

[5] Еще до вступления приговора в законную силу проявляются такие его свойства, как исполнимость и неопровержимость, включающая неизменность приговора, (как верно отмечает И. С. Дикарев), предполагающая, что уже с момента провозглашения приговора суд, его вынесший, не вправе вносить в него какие-либо изменения или дополнения. См.: Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгогр., 2015. С. 74, 78–92.

ний, и нашли достаточное освещение в юридической литературе, следует рассмотреть такое требование к приговору, как справедливость[1]. Кроме того, именно требование справедливости обвинительного приговора без назначения наказания нуждается в уточнении. Дефиниции «справедливости» нет ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законах. Как верно в этой связи отмечают В. М. Бозров и Н. В. Костовская, «одна из основных причин тому – возведение социальной ценности в уголовно-процессуальную категорию»[2]. Авторы считают, что «в силу своей абстрактности справедливость не может быть субсидиарной, зависимой, измеримой умственными возможностями не только группы лиц, обличенных судебной властью, но и обобщением мировоззрения отдельно взятого народа»[3], потому они полагают, что требование справедливости к приговору необходимо из УПК РФ исключить[4].

В теории уголовного судопроизводства справедливость рассматривается в нескольких значениях: 1) как требование к правосудию[5]; 2) как ценностная категория уголовного процесса[6]; 3) как принцип уголовного судопроизводства[7]; 4) как справедливость судебного разбирательства или процессуальная справедливость[8]; 5) как требова-

---

[1] Подробнее см.: Искендеров Р. Справедливость – важное требование к приговору // Советская юстиция. 1988. № 7. С. 15; Попова И. П. Нравственные начала постановления обвинительного приговора // Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика: мат-лы IV межд. науч.-практ. конференции 28–29 апр. 2016 г. г. Симферополь–Алушта. С. 74–76; Она же. Справедливость приговора в российском уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2017. № 5 (133). С. 79–84.

[2] Бозров В. М. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу // В. М. Бозров, Н. В. Костовская. М., 2013. С. 19.

[3] Там же. С. 20.

[4] В. Я. Дорохов и В. С. Николаев также в свое время не рассматривали справедливость как самостоятельное требование, а только лишь как часть обоснованности приговора. См.: Дорохов В. Я. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. М., 1959. С. 30–31.

[5] См.: Артамонова Е. А. О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиций справедливости // Российский судья. 2011. № 1. С. 40-42; Бозров В. М. Справедливость как критерий оценки качества судебной деятельности // Уголовный процесс. 2013. № 2. С. 70–77; Рудич В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 27;. Дорошков В. В. Правосудие для большинства населения всегда связывалось с вынесением справедливого приговора // Уголовный процесс. 2014. № 12. С. 26–29.

[6] См.: Колоколов Н. А. Справедливость приговора – базовая социальная ценность / Уголовное судопроизводство: теория и практика // под ред. Н. А. Колоколова. М., 2011. С. 885–911; Подольный Н. А. Справедливость – нравственная ценность уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 166–179; Тимошенко А. А. Справедливость как ценностный ориентир уголовного процесса // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4) С. 156.

[7] См.: Подольный Н. А. Концептуализация принципа справедливости в уголовном процессе / Н. А. Подольный, Е. А. Коваль // Библиотека криминалиста. 2014. № 6 (17). С. 157–164; Шкредова Э. Г. Принцип справедливости: теория и практика применения судами при рассмотрении уголовных дел // Э. Г. Шкредова, Н. Е. Муллахметова, А. А. Маганкова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 18; Бурмагин С. В. Принцип справедливости уголовного правосудия // сб. матер. 4 межд. науч.-практ. конференции «Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам». М., 2016. С. 33–40; Васильев О. Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2017. С. 21–56.

[8] См.: Лукайдес Лукис Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Российская юстиция. 2004. № 3. С. 8–20; Ткачева Н. В. Социально-правовая сущность рассмотрения уголовных дел // Российское правосудие. 2011. № 6 (62). С. 54; Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. М., 2012. С. 102, 115;

ние ко всем решениям в уголовном судопроизводстве[1]; 6) как требование к приговору[2].

В свое время Ю. М. Грошевой, рассматривая сущность судебных решений в уголовном процессе, полагал, что справедливость не может быть самостоятельным свойством приговора, поскольку правильное применение требований закона при постановлении приговора и достоверность всех судебных констатаций, в нем содержащихся, означают справедливое, то есть, отвечающее требованиям нравственности, разрешение уголовного дела[3]. «Отношение приговора к нормам нравственности всегда опосредовано законом, регулирующим уголовно-процессуальную деятельность», – отмечал данный автор[4].

Ю. К. Якимович полагал, что «несправедливым приговор может быть и с учетом мнения общественности, населения, в том числе, и того конкретного региона (населенного пункта), где совершено преступление»[5]. Э. Ф. Куцова утверждала, что справедливость приговора не может быть сведена только к справедливости одного его элемента – меры наказания, и предлагала рассматривать справедливость как результат, сумму, образуемую соблюдением всех предъявляемых к приговору требований, что, по ее мнению, созвучно толкованию принципа справедливого судебного разбирательства[6]. Л. В. Виницкий и А. А. Маганкова предлагают дополнить понятие справедливости приговора указанием на то, что таковым является приговор в том случае, когда приняты меры защиты интересов потерпевших лиц и лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности[7]. М. В. Беляев считает, что справедливость приговора обусловлена правильным и адекватным разрешением уголовно-правового конфликта при соблюдении баланса частных и публичных интересов[8].

Качалова О. В. Правовые позиции Европейского суда по правам человека: уголовно-процессуальный аспект // Российской правосудие. 2015. № 4 (108). С. 98–103; Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. М., 2016. С. 78; Малышева Ю. В. Право на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского Суда по правам человека // Российский судья. 2016. № 8. С. 55–60; Панокин А. М. Несправедливость приговора как основание отмены или изменения судебного решения, не вступившего в законную силу // Библиотека криминалиста. 2016. № 3 (26). С. 106–107.

[1] См.: Баранов А. Обеспечение законности и справедливости судебных решений // Уголовное право. 2003. № 1. С. 8–10; Дворянкина Т. С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства. М., 2007. С. 88; Левеев Ю. Е. Реализация принципа справедливости при принятии уголовно-процессуальных решений // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 25–26.

[2] См.: Джаноян Г. Р. Справедливость судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 95; Володина Л. М. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту / Л. М. Володина, А. Н. Володина. М., 2010. С. 32.

[3] Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 125.

[4] Грошевой Ю. М. Правовые свойства приговора… С. 38.

[5] Якимович Ю. К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: уч. пособие. СПб., 2015. С. 119.

[6] Куцова Э. Ф. Приговор и его качества по УПК РФ // Законодательство. 2009. № 12. С. 73.

[7] См.: Виницкий Л. В. Справедливость приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России / Л. В. Виницкий, А. А. Маганкова. М., 2014. С. 44–63.

[8] Беляев М. В. О справедливости судебных решений в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2018. № 3. С. 149.

Некоторые авторы, рассматривая требование справедливости приговора, подчеркивают, что оно традиционно связывается со справедливостью наказания. Так, М. А. Чайковская, выделяя справедливость в узком смысле через понятие соразмерности содеянного личности виновного и меру уголовной ответственности, при толковании справедливости в широком смысле как правильное по существу и форме разрешение дела, основанное на законности и обоснованности, вновь далее понятие справедливости рассматривает в контексте влияния назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни и его семьи. Указанный автор убежден, что «наказание должно следовать за преступлением, а трактовка справедливости приговора как его свойства может быть только узкой, исходя из характеристики назначенной судом меры наказания»[1].

Большинство опрошенных в ходе исследования судей (68%) рассматривает приговор как справедливый, если осужден виновный и назначено справедливое наказание, 54% судей связывают понятие справедливости приговора с оправданием невиновного, и лишь на третьем месте понимание справедливости приговора ассоциируется у судей со справедливостью досудебного производства и судебного разбирательства (7% и 36%)[2]. Такая позиция объясняется действующим уголовно-процессуальным законом, в котором понятие требования справедливости как требования к приговору (ст. 297 УПК РФ) формируется из основания отмены приговора ввиду его несправедливости (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ)[3], и через назначение уголовного судопроизводства, предусматривающего назначение справедливого наказания виновным (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Вместе с тем, нормы действующего уголовно-процессуального закона характеризуют не справедливость приговора, а справедливость назначенного обвинительным приговором наказания (то есть, в узком (материальном) смысле). Как несправедливый рассматривается приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду

---

[1] См.: Чайковская М. А. Указ. соч. С. 140–160.

[2] См.: Приложение Е. Рисунок Е.16.

[3] В УПК отдельных государств аналогичное основание отмены или изменения приговора именуется как «несоответствие назначенного приговором суда наказания тяжести совершенного преступления и личности осужденного» (ст. 438 УПК Казахстана, ст. 393 УПК Республики Беларусь, ст. 404 УПК Азербайджана, ст. 353 УПК Кыргызстана,). По УПК Узбекистана основанием изменения или отмены приговора судом вышестоящей инстанции служит несправедливость наказания, которая заключается в наказании, не соответствующем тяжести преступления и личности осужденного, когда оно хотя и не выходит за пределы, установленные соответствующей статьей Уголовного кодекса, но по своему виду и размеру является несправедливым (ст. 489). См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII) (с изм. и доп. на 29.03.2017 г.) // [электронный доступ]:http://online.zakon.kz /Document/? doc_id= 30421101 (дата обращения: 25.02.2018).

или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости[1]. По сути, законодатель формулирует понятие «справедливость», как соразмерность (или соответствие) назначенного наказания содеянному и личности виновного, но это возможно только в обвинительном приговоре с назначением наказания. В ст. 6 УК РФ понятие принципа справедливости также связано с соразмерностью наказания содеянному и личности виновного: «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть, соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Исходя из общих начал назначения наказания лицу, признанному виновному, должно быть назначено справедливое наказание в пределах соответствующей санкции уголовного закона УК РФ и положений общей части УК РФ. Кроме того, принцип справедливости в уголовном праве заключается в соблюдении запрета нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Но в УПК РФ закреплены виды приговоров, наказание в которых не назначается (оправдательный, обвинительный приговор без назначения наказания). Соответственно, возникает вопрос, можно ли их рассматривать как справедливые, исходя из такого понимания этого требования? Представляется приведенный подход узким, таким образом, справедливость в материальном (узком) смысле означает соразмерность назначенного обвинительным приговором наказания содеянному и личности виновного, но не позволяет оценивать правосудность иных видов приговоров, в том числе, обвинительного приговора без назначения наказания[2].

Поскольку указанный подход законодателя не является универсальным, разумно отказаться от требования справедливости в отношении всех видов приговора в материальном смысле – как соразмерность назначенного наказания. Требование справедливости приговора в материальном смысле уместно к обвинительным приговорам с назначением наказания, но изложить его возможно как «соразмерность»[3]. «Соответствие»[1] яв-

---

[1] Рестроспективный анализ УПК РСФСР 1960 г. свидетельствует, что именно несоответствие назначенного по приговору наказания тяжести совершенного преступления и личности подсудимого служило основанием рассматривать назначенное наказание несправедливым в силу ст. ст. 347, 500 УПК РСФСР и влекло изменение или отмену приговора, а УПК РСФСР не содержал такого требования как справедливость приговора (ст. 301 УПК РСФСРФ).

[2] П. А. Лупинская обоснованно под материальной справедливостью рассматривала справедливость назначенного судом наказания, а под процессуальной – справедливость всей процедуры, итогом которой является справедливое решение. См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2015. С. 19.

[3] К. В. Ивасенко предлагает разграничивать понятия справедливости решения как нравственно-правовую оценку любого судебного решения и справедливость назначенного наказания, как основание для отмены обвинительного приговора суда. См.: Ивасенко К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных ре-

ляется синонимом «соразмерности»[2], но термин «соразмерность», применительно к наказанию, назначенному обвинительным приговором, более точен, так как корень этого слова «мера», более близок к пониманию справедливости в материальном смысле, как меры должного[3].

Таким образом, можно сформулировать требование соразмерности к обвинительному приговору с назначением наказания, и основания его отмены (изменения), если приговор данному требованию не соответствует. Название статьи 389.18 и части 2 статьи 389.18 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 389.18. Неправильное применение уголовного закона и несоразмерность назначенного наказания.

2. Несоразмерным является наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.».

Однако приговор не будет справедливым в процессуальном смысле, если будет нарушена процедура его постановления, в том числе, не будут соблюдены иные требования к приговору как акту правосудия, а именно – законность, обоснованность и мотивированность. В процессуальном (широком) смысле справедливость приговора в литературе связывается со справедливостью процедуры уголовного судопроизводства, что обеспечивает справедливость приговора как результат справедливой деятельности. М. С. Строгович верно отмечал, что «выделение справедливости как требования, предъявляемого к приговору, имеет тот смысл, что этим подчеркивается правильное не только

шений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10, 97–100, 201.

[1] Соответствие – соотношение между чем-нибудь, выражающее согласованность, равенство в каком-нибудь отношении. (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 747–748).

[2] Соразмерность – (сущ. ж. от прилагат.) соразмерный: 1. соответствующий какой-нибудь мере, соответственный чему-нибудь; 2. правильный в соотношении своих размеров, частей, в своем строении, пропорциональный. (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 749).

[3] Еще древнеримский юрист Цельс полагал, что право восходит к справедливости и по существу означает его эквивалентность, то есть соразмерность, равномерность. Цит. по Нерсесянц В. С. Философия права. М.,1998. С. 433–435. Ч. Беккариа в свое время подчеркивал, «чтобы быть справедливым, наказание не должно превышать меру строгости, достаточную для удержания людей от преступлений. … Должна быть соразмерность между преступлениями и наказаниями. Наказания должны соразмеряться с преступлениями не только в отношении своей тяжести, но и способа их выполнения». Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2011. С. 127. В свое время П. Н. Сергейко рассматривал соразмерность как элемент юридической справедливости, означающий в области уголовного права требование правильного соотношения наказания степени тяжести и характера совершенного преступления. См.: Сергейко П. Н. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов: уч. пособие. Краснодар, 1974. С. 148.

с правовой стороны, но и с нравственной, моральной стороны отношение к человеку, судьба которого решается приговором»[1]. Данный подход позволяет такое понимание требования справедливости применить не только ко всем видам приговоров, в том числе, к исследуемому обвинительному приговору без назначения наказания, но и к иным процессуальным решениям, принимаемым в ходе осуществления уголовного судопроизводства[2]. Ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[3], отражая общие ценности всего человеческого сообщества, провозглашает, что каждый человек для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на рассмотрение его дела гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом. В развитие указанного положения Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.[4] подчеркивает, что каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ст.14). К числу основных прав, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.[5], в том числе, относится право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6). Принцип справедливости распространяется на всю деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел. Правосудие должно отвечать всем требованиям справедливого судебного разбирательства, установленным ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[6].

В процессуальном смысле требование справедливости основано на положениях

---

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. С. 326. Р. А. Трахов полагает, что процессуальное решение справедливо, если выводы суда приняты с учетом обстоятельств, характеризующих лицо, совершившее деяние, и соответствует назначению уголовного судопроизводства. См.: Трахов Р. А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 8.

[2] См.: Володина Л. М. Требование справедливости в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2015. № 5. С. 223. О. В. Гладышева обоснованно полагает, что требование справедливости должно распространяться на все процессуальные институты, принимаемые решения и производимые процессуальные действия. См. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. М., 2012. С. 289. Такую же позицию занимают и другие авторы. См. Левеев Ю. Е. Указ. соч. С. 25–26; Бурмагин С. В. Справедливость судебных решений: уголовно-процессуальный аспект // сб. матер. межд. науч.-практ. конференции «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты». М., 2016. С. 66; Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М., 2018. С. 180–181.

[3] Всеобщая декларация прав человека: принята 10 дек. 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Права человека: сб. междунар. документов. М., 1986. С. 21–29.

[4] Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 19.12.1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

[5] Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: принята 4.11.1950 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеей ООН // Права человека: сб. междунар. документов. М., 1986. С. 85–117.

[6] Подробнее см.: Алексеева Л. Б. Практика применения ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. М., 2000. 158 с.; Егорова О. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в судебной практике / О. А. Егорова, Ю. Ф Беспалов. М., 2016.

норм международного права и отражено в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55, в котором впервые подчеркнуто, что с учетом положений статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства. Как указывается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П[1], правосудие, по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. В этой связи О. В. Качалова обоснованно подчеркивает, что «справедливость в уголовно-процессуальном смысле – справедливость процессуальных процедур, соблюдение которых обеспечивает возможность принятия справедливого решения по конкретному уголовному делу»[2], а «рассматривая уголовное дело по существу и вынося приговор, суд должен оценить все предшествующее производство по делу»[3]. В свою очередь, следует солидаризироваться и с авторами, полагающими, что судебные процедуры должны быть построены и осуществляться таким образом, чтобы формировать в обществе убеждение, как в справедливости уголовного правосудия, так и принимаемых в итоге судебных решений[4], а ключевым элементом модели справедливого уголовного правосудия является беспристрастность суда[5].

Необходимость учета понятий и норм международного права, включающего понятие справедливости процедуры, как элемента международного стандарта правосудия, возможно путем совершенствования используемой в уголовном судопроизводстве терминологии. Представляется, что справедливость как цель восстановления нарушенных преступлением правоотношений будет достигнута путем постановления справедливого приговора: когда в результате справедливой процедуры судопроизводства будет осужден виновный, а невиновный будет оправдан. При этом невиновность или виновность

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2003 г. № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

[2] Качалова О. В. Критерии справедливости уголовного судопроизводства // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: мат-лы всерос. науч.-практ. конференции 20–21 марта 2015 г. СПб., 2016. С. 153.

[3] Качалова О. В. О судебном приговоре: анализ ключевых положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1 (15). С. 70.

[4] См.: Андреева О. Вектор направления дальнейшего развития… С. 6.

[5] См.: Бурмагин С. В. Беспристрастность суда как основа справедливого уголовного правосудия // Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конференции «Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве». 2016. С. 30. Подробнее см.: Попова И. П. Реализация принципов уголовного судопроизводства при постановлении обвинительного приговора // Совершенствование средств реализации и применения права: общетеоретические и отраслевые аспекты: мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конференции. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. С. 812–819.

будет установлена в ходе справедливого уголовного судопроизводства (в досудебных и судебных стадиях). Соразмерность назначения наказания содеянному и личности свидетельствует о справедливости назначенного наказания, тогда как справедливость принятых судом решений должна соответствовать нравственным представлениям современного общества. Справедливость в материальном смысле – требование к наказанию в уголовном праве, а не требование к приговору в уголовном судопроизводстве. Отсюда следует, что справедливость в уголовном процессе – это справедливость процедуры. Справедливой должны быть как сама процедура уголовного правосудия, так и достигнутый ею результат, что рассматривается как справедливость в процессуальном (широком) смысле. Если же речь идет об обвинительном приговоре с назначением наказания, то наказание должно быть соразмерным (что соответствует принципу справедливости в уголовном праве), то есть справедливым в материальном (узком) смысле.

С учетом сформулированного понятия справедливости предлагается наименование и статью 297 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 297. Требования, предъявляемые к приговору.

1. Приговор суда должен быть законным, обоснованным и мотивированным.

2. Приговор является правосудным, при соблюдении требований, указанных в части 1 настоящего Кодекса, и если в результате справедливого судебного разбирательства осужден виновный в совершении преступления, а невиновный оправдан.

3. Назначенное наказание в обвинительном приговоре должно быть соразмерным характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.».

Обвинительный приговор без назначения наказания является итоговым судебным решением, и как вид приговора, обладает, при условии выполнения одноименных требований, соответствующими свойствами законности, обоснованности и мотивированности. Как результат справедливого судебного разбирательства, он обладает свойством справедливости в процессуальном смысле. После рассмотрения вопроса о виновности подсудимого, разрешая вопрос наказания в обвинительном приговоре, суд должен дать оценку его личности. Именно на личности участников уголовно-правового конфликта и акцентирует свое внимание восстановительная модель правосудия. Изучением личности подсудимого занимаются различные науки. Как справедливо отмечено Р. Л. Ахмедшиным, «общепризнанным является мнение, что интенсивность развития наук о человеке в значительной степени

предопределяет возможность решения проблем современного общества»[1]. Проведенные исследования и полученные результаты, научные достижения других наук могут быть востребованы и в уголовном судопроизводстве. Но особое значение изучение личности подсудимого имеет в науке уголовного права, занимающейся решением вопросов преступления и наказания, и в науке уголовного процесса, призванной разрешить основной вопрос виновности лица в совершении преступления и его наказания. Личность подсудимого исследуется только в связи с выяснением обстоятельств преступления, в совершении которого он обвиняется, поэтому она должна рассматриваться лишь в совокупности с фактом привлечения в качестве обвиняемого[2], в силу чего необходим системный подход к установлению пределов исследования сведений о личности.

Разрешение вопроса о наказании позволяет выбрать в отношении виновного именно ту меру индивидуальной ответственности в пределах, предоставленных уголовным законом, что сможет оказать на него эффективное воздействие в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. Данные цели могут быть достигнуты путем постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Правовые основания постановления данного приговора должны быть избраны с учетом сведений о личности обвиняемого. В этой связи И. В. Михайловский верно подчеркивал, что освобождение виновного от наказания может быть сделано лишь по мотивам гуманности и не опасности преступника, так и в излишней жестокости применения к нему хотя бы минимального наказания. Кроме того, «такой акт суда выливается в форму мотивированного приговора, постановленного при соблюдении всех процессуальных гарантий и подлежащего обжалованию»[3].

Многосторонность личности порождает многообразие самых различных сведений о ней, потому сложно определить исчерпывающий перечень обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. «Если правосудие по конкретному уголовному делу завершается вынесением обвинительного приговора, то независимо от того, с назначением наказания, либо без назначения или с освобождением от него, этим актом реализуется уголовная ответственность. Такое решение суда касается исключительно конкретной личности, а потому она – эта личность – должна найти в нем свое индивидуальное вы-

---

[1] Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 4.

[2] Невский С. А. Изучение личности обвиняемого (уголовно-процессуальные, криминологические и психологические аспекты): учеб. пособие / С. А. Невский, Е. Н. Клещина, В. В. Яковлев, Л. В. Яковлева. Краснодар, 2010. С. 36.

[3] Михайловский И. В. Указ. соч. С. 72, 73.

ражение», – справедливо подчеркивала А. П. Гуськова[1]. В зависимости от стадии рассмотрения данного вопроса, и соответствующей этому цели, достижение которой позволит наиболее эффективно реализовать назначение уголовного судопроизводства, необходимо сформировать определенные пределы изучения обстоятельств, как характеризующих личность обвиняемого, так и содеянного им.

Регламентация и соблюдение индивидуального подхода к каждому лицу, привлеченному к уголовной ответственности, позволит минимизировать уголовную репрессию при установлении возможности достижения целей наказания без его назначения. Ряд авторов предлагает в качестве самостоятельного процессуального документа в уголовном деле составлять справку-характеристику на обвиняемого[2], на что имеются и отрицательные отзывы[3]. Думается, что составление обобщающего документа излишне при надлежащем выполнении требований УПК РФ, предусматривающих обязательное доказывание не только события преступления и виновности, но и сведений о личности виновного в полном объеме. Вместе с тем заслуживают внимания предложения о введении в УПК РФ самостоятельной нормы «Данные о личности обвиняемого, подлежащие установлению»[4]. Представляется, что наличие в УПК РФ такой самостоятельной нормы, позволит установить необходимые сведения о личности в различных аспектах. Решение о том, подлежит ли подсудимый наказанию на основании собранных данных о его личности и содеянном им, принимается на практике по уголовным делам, в большинстве своем, содержащих малоинформативные сведения. Количество доказательств, чаще всего, скудно, ограничивается сведениями о наличии (отсутствии) судимостей, привлечении к административной ответственности, кратких характеристиках, как правило, не раскрывающих сколько-нибудь значимых для разрешения вопроса о наказании, качеств подсудимого. В этой связи Л. В. Головко справедливо отмечает, что «сильно страдает индивидуализация наказания в приговоре, в котором по итогам разрешения вопроса о преступлении и наказании, по двум формальным ха-

---

[1] Гуськова А. П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики). С. 308.

[2] См.: Ведерников Н. Т. Указ. соч. С. 57, 134–144; Гребнева Н. Н. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмета доказывания по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 11; Неретин Н. Н. Изучение личности обвиняемого при производстве предварительного следствия в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2009. № 1. С. 17–18.

[3] Писаревский И. И. Соотношение познания и доказывания при определении наказания и проблема качества приговоров // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 143–151.

[4] См.: Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978. С. 92. А. П. Гуськова в рамках такой нормы обоснованно предлагала определять пределы изучения сведений о личности на основе предложенной ею структуры личности, включающей следующие элементы: 1) установочные (персонографические) признаки; 2) уголовно-правовые признаки; 3) социально-обусловленные свойства (свойства, раскрывающие отношения лица в различных сферах общественной жизни); 4) психологические качества; 5) медико-биологические. См.: Гуськова А. П. Личность обвиняемого… С. 10–11.

рактеристикам обвиняемого – с места работы и с места жительства – никаких толковых выводов о личности сделать нельзя»[1].

Подчеркивая значимость разрешения вопроса о наказании в приговоре, регулярно на протяжении десятилетий вопросам необходимости тщательного выяснения обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, уделяется внимание и в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ[2]. В научной литературе отмечается, что практика назначения наказания за аналогичные преступления существенно различается, в том числе, с учетом распространенности преступления в конкретном регионе[3]. Несмотря на одну квалификацию содеянного (даже в рамках одного уголовного дела при одинаковой квалификации содеянного), осужденным может быть назначено различное по виду и размеру наказание, либо рассмотрен вопрос о различных формах реализации уголовной ответственности, в частности, постановлен обвинительный приговор без назначения наказания[4]. Особенно отчетливо это проявляется при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Изложенное обусловлено индивидуализацией уголовной ответственности, и основано на том, что личность каждого подсудимого, привлеченного к уголовной ответственности, не только индивидуальна, но и в определенной степени уникальна. Именно присущий конкретной личности комплекс качеств и свойств, ценностных ориентаций, взглядов, привычек, навыков, взятых в своей совокупности, проявился при совершении преступления и отличает личность данного подсудимого от других. Правоприменитель выступает в качестве субъекта индивидуализации уголовной ответственности и наказания, таким образом, «индивидуализация является средством судебной оценки общественной опасности конкретного преступления и лица, его совершившего, через выбор судом вида и меры уголовной ответственности, а также вида и размера уголовного наказания в отношении конкретного лица»[5].

Отмечая все возрастающее значение оценки личности для судебного приговора,

---

[1] Головко Л. В. Спор об истине – это спор о векторе развития российского уголовного процесса // Судья. 2014. № 10. С. 7.

[2] См.: п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8.09.1976 г. № 3 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1976. № 12; п. п. 5, 12, 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7; п. п. 2, 3 Постановления Пленума Верховного Суд РФ № 55 «О судебном приговоре».

[3] См.: Филимонов В. Д. Влияние распространенности преступления на размер уголовного наказания // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: сб. ст. Томск, 1985. С. 185–186.

[4] Примечательно, что по данным В. Курченко, 56% судей подтвердили, что назначают более мягкое наказание, когда утрачена актуальность преступления в связи с большим разрывом времени между преступлением и судебным разбирательством. См.: Курченко В. Психолого-юридические аспекты назначения наказания // Уголовное право. 2003. № 4. С. 120.

[5] Зыков Д. А. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики / Д. А. Зыков, А. В. Шеслер, С. С. Шеслер // Вестник Владим. юрид. ин-та. 2014. № 1(30). С. 91.

сторонники восстановительной модели правосудия справедливо отмечают, что «задачи уголовного правосудия могут быть достигнуты без того, чтобы виновный стал не только объектом исследования, но и субъектом ответственности, и в комплексе предусмотренных гражданину прав человека государство должно обеспечить право на ресоциализацию преступившего уголовный закон»[1], что подтверждает значимость и необходимость изучения личности виновного как составной части уголовного судопроизводства[2]. В этой связи М. Ансель подчеркивает, что новая потребность уголовного правосудия заключается в том, что современный уголовный процесс сталкивается с необходимостью научного изучения личности преступника, что потребует определенных изменений традиционного судопроизводства. По его мнению, основная сложность при доказанности виновности на стадии вынесения приговора не столько в создании гарантий от необоснованного преследования, сколько в том, чтобы «определить наилучшее средство исправительного воздействия на того, кто совершил преступное деяние; осуждение, которое клеймит позором его социальное поведение, должно в то же время подвергнуть его подлинному и эффективному процессу ресоциализации»[3].

К моменту постановления обвинительного приговора без назначения наказания цели уголовного наказания, которые определяют необходимость его назначения, могут быть фактически достигнуты, либо могут быть достигнуты без назначения наказания или отсутствует необходимость в их достижении. В силу указанных обстоятельств лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не представляет большой общественной опасности, и достижение целей исправления в его личностных установках по отношению к нарушенным преступлением общественным ценностям вполне достижимо привлечением к уголовной ответственности принятием такого итогового судебного решения, как обвинительный приговор без назначения наказания.

Например, при совершении неосторожного преступления, в результате которого наступили последствия в виде смерти близкого лица, степень и длительность страданий человека обусловлены, безусловно, не только видом и степенью интенсивности воздействия на него норм уголовного и уголовно-процессуального права, но и нравственными переживаниями по поводу наступивших от его действий (бездействия) необратимых последствий. При таких обстоятельствах назначение наказания лицу, может быть не справедливым, так как не будет соответствовать уже достигнутым целям наказания, и при-

---

[1] Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие… С. 36.
[2] См.: Ансель М. Указ. соч. С. 203.
[3] См.: Ансель М. Указ. соч. С. 206, 210, 215–216.

менение к такому лицу наказания обвинительным приговором будет чрезмерным. Как верно в этой связи указывает А. Нерсесян, «общество не должно усугублять причиненный ему преступлением ущерб бессмысленным применением уголовного наказания в отношении лица, в значительной мере в этом не нуждающегося»[1].

Думается, что в этом контексте может представлять интерес отечественного законодателя опыт Германии. Так, на основании параграфа 60 УК Федеративной Республики Германия при рассмотрении уголовных дел, по которым санкция предусматривает наказание не свыше одного года лишения свободы, суд может отказаться от назначения наказания, если последствия деяния настолько тяжелы для самого лица, совершившего деяние, что назначенное наказание явно не достигло бы результата[2].

Изучение уголовных дел показало, что наиболее часто среди иных преступлений, где необратимый вред причиняется близким лицам в результате неосторожных преступлений, следует отнести причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) и нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ). Так, был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания в отношении Ф., которая в ночное время, находясь после родов двойни в палате перинатального центра, положила новорожденного ребенка рядом с собой в кровать и уснула. В процессе сна подсудимая своим телом перекрыла дыхательные пути новорожденного, который умер от механической асфиксии. В приговоре суд указал, что при определении меры ответственности учел, что преступление относится к категории преступлений небольшой тяжести, а также смягчающие наказание обстоятельства: совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств; наличие у виновной малолетних детей; явку с повинной, выразившуюся в незамедлительном и добровольном сообщении о смерти ребенка медицинским работникам; активное способствование раскрытию и расследованию преступления; раскаяние в содеянном, примирение с потерпевшим. Думается, что указание на примирение с потерпевшим в приговоре не носит характер процессуальной информации, влекущей возможность освобождения от уголовной ответственности, а больше отражает взаимоотношения виновной и потерпевшего, с учетом особенностей данного дела, где, по сути, смерть ребенка вследствие неосторожных действий самой подсудимой, ее же саму и сделали жертвой.

---

[1] Нерсесян А. Личность преступника и наказуемость // Советская юстиция. 1990. № 13. С. 5.

[2] Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. П. В. Головненков // Российский Правовой портал: библиотека Пашкова // [электронный доступ]: http://constitutions.ru/?p=5854 (дата обращения: 28.12.2017). М., 2016. С. 93.

Обосновывая свое решение, суд подробно раскрыл содержание представленных положительных характеристик с места жительства и работы подсудимой, акта обследования жилищно-бытовых условий семьи органами опеки и попечительства. Особый акцент судом в приговоре был сделан на данных о личности подсудимой и обстановке, существенно изменившейся к моменту принятия решения. На основании чего суд пришел к выводу, что Ф. «перестала быть общественно опасной, в указанной ситуации цели восстановления социальной справедливости и исправления виновной вполне могут быть достигнуты без применения реальных мер уголовной ответственности»[1]. Думается, что в данном случае суд убедительно мотивировал постановление обвинительного приговора без назначения наказания, однако, не вполне удачно избрал такие формулировки, как «определение меры ответственности» и возможность достижения целей наказания «без применения реальных мер уголовной ответственности».

Обвинительным приговором без назначения наказания уголовная ответственность реализуется. В этой связи уместно привести еще одно судебное решение, в котором суд не только учел сведения о личности, позволившие постановить обвинительный приговор без назначения наказания, но и пришел к выводу об изменении категории преступления с тяжкого на средней тяжести. Так, по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего В., осужденного без назначения наказания Курганским городским судом Курганской области за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ с применением принудительных мер воспитательного воздействия на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ, ст. 432 УПК РФ, суд в приговоре указал: «при решении вопроса о необходимости назначения подсудимому наказания суд учитывает…»[2]. Как видно, формулировка, приведенная судом в приговоре, отличается от формулировки решения суда о наказании в предыдущем примере и может быть использована правоприменителем в судебной практике.

При оценке сведений о личности подсудимого и решении вопроса о наказании, необходимо учитывать и форму вины. Умышленное преступление характеризуется повышенной общественной опасностью личности виновного, который сознательно избрал такой вариант своего поведения, более опасный для общественных интересов, нежели при неосторожной форме вины, при этом наступившие последствия при неосторожном преступ-

---

[1] Архив Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа за 2015 г. Уголовное дело № 1-214/2015 // Судебные и нормативные акты РФ // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc /X5PrSHuSJkJ8/ (дата обращения: 12.10.2017).

[2] Архив Курганского городского суда Курганской области за 2018 г. Уголовное дело № 1-105/2018 // [электронный доступ]: https://kurgansky--krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvnum=1&name_op =doc&number=89605883&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=81329188 (дата обращения: 5.04.2018).

лении могут быть более значительными, но, в свою очередь, они не могут в полном объеме охарактеризовать личность виновного. Для целей индивидуализации уголовной ответственности приоритетным должно быть установление опасности личности подсудимого, что не всегда возможно лишь через общественную опасность и тяжесть преступления[1].

Иногда одни и те же сведения могут быть учтены в различных аспектах. Например, установление возраста обязательно по каждому уголовному делу, но в определенных условиях особенности возраста могут свидетельствовать о снижении степени общественной опасности личности подсудимого и достижении целей наказания с учетом этого. Так, в отношении несовершеннолетнего обвиняемого круг обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию, дополнительно к ст. 73 УПК РФ конкретизирован в ст. 421 УПК РФ. Вместе с тем, Л. М. Карнозова, анализируя реализацию этих положений закона, отмечает, что в судебной практике «суд использует такого рода (обычно весьма скудные и формальные) сведения для выяснения «истины», чтобы более адекватно назначить наказание, а вовсе не для того, чтобы устранить действие негативных факторов на жизнь ребенка», что рассматривается в качестве задачи ювенального суда[2].

В этой связи в научной литературе обоснованно высказано предложение о дополнении ст. 421 УПК РФ частью 5 следующего содержания: «При доказанности виновности несовершеннолетнего лица в совершении преступления небольшой или средней тяжести устанавливается также, может ли его исправление быть достигнуто путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия»[3].

Стремление законодателя к индивидуализации ответственности отражается не только в восстановительной, но в официальной модели правосудия, предусматривающей освобождение от наказания. Не случайно слова «свобода» и «освободить» – однокоренные[4]. Так, И. А. Ефремова рассматривает освобождение от наказания как законодательный ин-

---

[1] В. Д. Филимонов справедливо предостерегает, что неосторожные и другие преступления, сходные с ними по механизму своего возникновения, могут быть совершены и лицами, глубоко испорченными в нравственном отношении, в связи с чем и необходим дифференцированный подход. См.: Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 167. Следует констатировать и несоответствие между легальной и фактической строгостью видов наказаний в уголовном законе. По верному замечанию В. А. Уткина, «абсолютно невообразимые размеры штрафа уже не позволяют считать его самым мягким в системе предусмотренных ст. 44 УК РФ мер; а чрезмерно широкие пределы наказаний, необоснованно расширяют пределы судейского усмотрения (лишение свободы от двух месяцев до 20–30–35 лет, штрафы от 25 тыс. до 500 млн. руб.)». См.: Уткин В. А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестн. Кузбасс. ин-та. 2015. № 4 (25). С. 119.

[2] Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество. С. 406.

[3] Овсянников И. Установление возможности исправления несовершеннолетнего без применения уголовного наказания: право или обязанность? // Уголовное право. 2015. № 1. С. 136.

[4] Согласно Толковому словарю слово «освободить» означает: 1. Сделать свободным; 2. Избавить от кого-нибудь, чего-нибудь, дать возможность не делать чего-нибудь, а «освободиться» – 1. Стать свободным, получить свободу, 2. Устранить, снять с себя (что-нибудь тяжелое, обременительное), избавиться от каких-нибудь обязанностей, дел, очиститься, стать свободным (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 461).

ститут, который может иметь место лишь в том случае, когда суд сочтет возможным не применять наказание к лицу, которое может быть исправлено и без его реального отбывания[1]. Отдельные авторы, обращая внимание на традиционную связь, – «преступление должно обязательно влечь наказание»[2], – игнорируют, в том числе, нормы материального уголовного права, регламентирующие вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания. При положительном ответе на вопрос о виновности постановляется обвинительный приговор, посредством которого и реализуются различные формы уголовной ответственности, в том числе, самые суровые – путем назначения наказания. Но всегда ли за преступлением следует наказание? Законодатель отвечает – нет, предусматривая в числе иных видов решений и возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания. В этой связи Э.Ф. Куцова вполне обоснованно обращала внимание, что признание лица виновным еще не означает, что вопрос о его наказании предрешен[3].

Если оценка совершенного преступления и наступивших последствий основана на анализе этих сведений, объективированных вовне, то оценка данных о личности подсудимого более субъективна. В данном случае реализуются дискреционные полномочия суда, пришедшего к выводу о выбранной им форме реализации уголовной ответственности. Как в свое время верно отмечал Л. Надь, при постановлении обвинительного приговора с назначением наказания суд всего лишь прогнозирует эффективное достижение целей наказания при его реализации[4]. При постановлении обвинительного приговора без назначения наказания суд убежден в достижении этих целей или возможности их достижения без назначения наказания, или констатируется отказ государства в необходимости их достижения (издан акт амнистии). Так, в случае применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему подсудимому решение вопроса о выборе формы реализации уголовной ответственности носит вероятностный характер, направлено в будущее,

---

[1] Ефремова И. А. Освобождение от наказания в связи изменением обстановки по российскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 55. А. П. Рыжаков считает, что если к моменту рассмотрения дела в суде деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным, то суд вправе постановить обвинительный приговор без назначения наказания. См.: Рыжаков А. П. Уголовный процесс: уч-к. М., 2007. С. 585. К. И. Попов обращает внимание на то, что в этом случае «государство прощает лицо, совершившее преступление, тем самым оказывая ему доверие, и рассчитывая на его законопослушное поведение в будущем». См.: Попов К. И. Обвинительный приговор без назначения наказания – миф или реальность? // Правовые проблемы развития социальной сферы в Российской Федерации. Доклады и сообщения V межд. Конференции. М., 2005. С. 367.

[2] Например, В. И. Качалов со ссылкой на ст. 302 УПК РФ указывает: «в случае если вынесен обвинительный приговор, то задачей данного этапа уголовно-процессуальной деятельности является также назначение уголовного наказания». См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г. И. Загорского. М., 2017. С. 47. Также см.: Михайлов К. Обвинительный приговор без назначения наказания: освобождение от уголовной ответственности или от наказания? // Уголовное право. 2009. № 2. С. 43–44.

[3] Куцова Э. Ф. Приговор. М., 1962. С. 13

[4] См.: Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М., 1982. С. 149.

насколько эффективным оказалось разрешение вопроса о форме уголовной ответственности без назначения наказания. Между тем поскольку «вывод об истинности приговора опирается на доказанность, а не на вероятность»[1], то доказательства в обоснование выводов суда должны быть установлены с достаточной достоверностью. В этой связи П. А. Лупинская убедительно мотивировала, что основанием для принятия решений в уголовном судопроизводстве могут служить различные фактические обстоятельства; одни из которых относятся к прошлому, другие – имеются в настоящее время, третьи – могут наступить в будущем, а «для принятия решений по ряду процессуальных вопросов, связанных с признанием наличия условий для совершения процессуальных действий, закон считает достаточным вероятное знание о фактах, которые имеют место или могут наступить»[2].

Изучение судебной статистики не позволяет выявить общее число лиц, в отношении которых постановлены приговоры данного вида. К сожалению, судебная статистика также не дифференцирует постановление обвинительного приговора без назначения наказания и с освобождением от наказания. Приговоры без назначения наказания учитываются в общем количестве судебных решений, повлекших освобождение осужденных от наказания по другим основаниям (учитываются отдельно данные о лицах, освобожденных от наказания по амнистии, с применением мер воспитательного воздействия, с помещением в специальное учебное воспитательное заведение закрытого типа)[3]. Неконкретность официальной статистической отчетности существенно снижает возможность оценивать эффективность указанного института.

Для уяснения сущности приговора без назначения наказания следует исследовать его значение. В юридической литературе чаще встречаются несколько характеристик значения приговора: процессуальное[4], воспитательное (превентивное)[5], социальное[6]. В. Д. Адаменко рассматривает политическое (социальное) значение приговора, полагая, что в приговоре от имени государства, в том числе, отражается политика общества по борьбе с преступностью[7]. Отдельные авторы отмечают, что помимо процессуального

---

[1] Сычева О. Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 147.

[2] Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 119.

[3] Раздел 3 (строки 22–25) Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 17.04.2018); см.: Приложения А, Б.

[4] См.: Бунина А. В. Указ. соч. С. 29–30.

[5] См.: Чайковская М. А. Указ. соч. С. 14–19.

[6] См.: Горбунова Н. А. Приговор: содержание и порядок постановления / Н. А. Горбунова, А. Х. Никулина // Уголовный процесс. 2015. № 12. С. 45; Адаменко В. Д. Указ. соч. С. 10.

[7] См.: Адаменко В. Д. Указ. соч. С. 9–10.

значения приговор обладает социально-правовым значением[1], предупредительно-воспитательным значением[2]. М. А. Чайковская выделяет компенсаторное значение приговора при наличии в нем решения по гражданскому иску[3].

Значение приговора, в целом, можно рассматривать в процессуальном и социальном аспекте. Процессуальное значение отражает его роль как акта правосудия в системе иных решений в уголовном судопроизводстве. Социальное значение обвинительного приговора заключается в оценке социальной опасности содеянного от имени государства, и превентивном воздействии данного судебного решения, как на осужденного, так и на всех членов общества[4]. Бесспорно, что приговор, являясь высшим актом правосудия, воздействует не только на сознание и поведение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, но и на других участников уголовного судопроизводства, общество в целом, выступая средством формирования правового и нравственного сознания. Все доказательства виновности, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, его мотивы и поведение во время производства по делу, в большинстве случаев, исследуются в рамках открытого судебного разбирательства. Таким образом, принятый в итоге обвинительный приговор без назначения наказания также оказывает существенное воздействие на личность осужденного в рамках общей и частной превенции.

Для выяснения значения обвинительного приговора без назначения наказания следует рассмотреть правовые последствия его постановления. Привлечение к уголовной ответственности означает факт признания судом лица виновным в совершении преступления обвинительным приговором. Изложенное соответствует общему понятию юридической ответственности в праве, где фактическим основанием ответственности служит конкретно совершенное правонарушение, юридическим – описанный в законе состав преступления, при этом элементы правонарушения, подпадающие под признаки состава преступления, являются обязательными, а все прочие – факультативными условиями ответственности[5]. Уголовная ответственность за преступление представляет акт официального государственного осуждения (порицания) совершенного преступления и лица, его совершившего, в форме обвинительного приговора суда, связанный, как правило,

---

[1] См.: Головинская И. В., Остапенко И. А. Указ. соч. С. 25–26.

[2] См.: Бунина А. В. Указ. соч. С. 31–32.

[3] См.: Чайковская М. А. Указ. соч. С. 14–19.

[4] Представляется, что нет необходимости выделять как самостоятельное такое значение приговора как воспитательное, поскольку все, что авторами относится к такой характеристике приговора, охватывается его социальным значением.

[5] См.: Иоффе О. С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 34; Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.

но не обязательно, с назначением и исполнением наказания, и только при назначении наказания, вступлении приговора суда в законную силу возникает такое уголовно-правовое состояние, как судимость[1]. Подсудимый, признанный виновным обвинительным приговором без назначения наказания, является осужденным на основании ч. 2 ст. 47 УПК РФ. Тем не менее, вопрос, является ли он судимым и в течение какого срока, в законе не разрешен.

На основании ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым, соответственно постановление обвинительного приговора без назначения наказания не влечет судимости, которая наступает лишь в случае назначения наказания и в зависимости от его вида, срока и порядка отбывания у осужденного наступает состояние судимости[2]. Соответственно, сведения об осуждении обвинительным приговором без назначения наказания не учитываются при совершении таким осужденным нового преступления и не указываются в новом приговоре. Верховный Суд РФ обращает внимание, что если на момент совершения подсудимым преступления, в котором он обвиняется по рассматриваемому судом уголовному делу, его судимости сняты или погашены, то суд, исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ, не вправе упоминать о них во вводной части приговора. В таком случае суд указывает, что лицо является не судимым[3].

Между тем К. Михайлов рассматривает судимость и как последствие одного осуждения обвинительным приговором[4]. Данная позиция представляется не основанной на нормах закона, к тому же, как верно заметил В. М. Грамматчиков, «судимость решает задачи достижения и закрепления целей наказания»[5]. Наказание в исследуемом виде обвинительном приговоре не назначено, так как указанные цели достигнуты, потому судимость и не возникает у осужденного обвинительным приговором без назначения наказания. Что позволяет утверждать, что не происходит стигматизации личности виновного, о чем отмечается сторонниками восстановительной модели в качестве негативного последствия назначения наказания и судимости.

Несмотря на то, что осуждение обвинительным приговором без назначения наказа-

---

[1] См.: Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 167; Денисов Ю. Д. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки. Тольятти, 2009. С. 13.

[2] Конституционный Суд РФ рассматривает судимость как правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления, установленные уголовным законодательством правовые последствия. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 г. № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 14. Ст. 1302.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда № 55 (п. 3).

[4] Михайлов К. Обвинительный приговор без назначения наказания… С. 44–45.

[5] Грамматчиков М. В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 133.

ния не влечет судимости, уголовная ответственность реализуется, а само «признание лица виновным в совершении преступления является достаточно тяжким последствием преступления»[1]. П. П. Осипов в этой связи верно отмечал, что публично провозглашенное официальным государственным органом (судом) осуждение «независимо от назначения и исполнения наказания опорочивает соответствующего гражданина, снижает его социальный престиж, влияет на его положение в обществе. В результате оно само по себе способно производить положительные сдвиги в правосознании осужденного, оказывать предупредительное воздействие на лиц, дорожащих своим социальным престижем, удовлетворять общественное правосознание, возмущенное фактом совершения преступления»[2].

А. Н. Величко и С. Н. Шатилович верно полагают, что предупредительное воздействие уголовной ответственности без реализации в форме наказания проявляется в самом факте вынесения обвинительного приговора суда, так как, несмотря на то, что лицо освобождается от наказания, само виновное лицо, совершенное им деяние подверглись государственному осуждению[3]. По мнению Ф. Н. Фаткуллина, с точки зрения, как общего, так и специального предупреждения эта форма реагирования судом на рассмотрение им обвинения несравнимо эффективнее, нежели прекращение дела, а постановлением любого вида обвинительного приговора одинаково достигаются как цели правосудия, так и обвинения[4]. Поэтому в отсутствие оснований для прекращения уголовного преследования обвинительный приговор является судебным решением с наименьшим карательным воздействием к виновному, и позволяет рассчитывать на его более быструю ресоциализацию.

Обвинительный приговор без назначения наказания выступает в качестве юридического факта, установление которого не приводит к уголовно-правовым последствиям для осужденного в виде судимости и назначения более строгого наказания в будущем при совершении нового преступления. Но такой приговор не исключает возможность наступления иных правовых последствий. Так, постановление обвинительного приговора без назначения наказания влечет такие процессуальные последствия как предоставление осужденному права на получение копии приговора и его обжалование в нескольких проверочных

---

[1] Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 171.

[2] Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). Л., 1976. С. 53–54.

[3] Величко А. Н. Профилактическая деятельность суда и ее место в системе предупреждения преступлений / А. Н. Величко, С. Н. Шатилович // Российская юстиция. 2006. № 1. С. 15.

[4] См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 116, 145.

инстанциях (ст. ст. 312, 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ). Суд вправе взыскать с осужденного обвинительным приговором без назначения наказания процессуальные издержки на основании ст. 132 УПК РФ, о чем еще раз подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 11 (п. 3)[1], которым дополнены соответствующие разъяснения, приведенные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42[2]. Обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен в отношении несовершеннолетнего. В связи с чем в таком приговоре на основании ч. 8 ст. 132 УПК РФ суд вправе возложить обязанность возместить процессуальные издержки на законных представителей несовершеннолетних[3]. В силу прямого указания в законе при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению в зале суда (п. 2 ст. 311 УПК РФ).

Для осужденного обвинительным приговором без назначения наказания наступает гражданско-правовая ответственность в виде обязанности возмещения имущественного ущерба, компенсации морального вреда, причиненных преступлением. Представляется, что процессуальные интересы потерпевшего могут быть реализованы и при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания, так как осужденный имеет больше возможности по реальному исполнению решению суда по гражданскому иску, нежели при назначении наказания осужденному, особенно в виде лишения свободы. Тем более, что, как правило, меры, направленные на заглаживание причиненного преступлением вреда, принимаются виновным еще до момента постановления приговора, что зачастую и учитывается судом при решении вопроса о наличии оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Как отмечалось, именно заглаживание вреда, причиненного государству и личности, приведение нарушенных правоотношений в состояние «до прежнего» рассматривается в качестве одной из целей восстановительной модели правосудия.

Различными отраслями права предусмотрены и иные, общеправовые последствия не

---

[1] О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2018 г. № 11 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [электронный доступ]: http://www.vsrf.ru/documents/own/26766 (дата обращения: 18.05.2018).

[2] О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 42 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. С. 26–28.

[3] См.: Архив Лаганского районного суда Республики Калмыкия за 2012 г. Уголовное дело № 1-39/2012 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/hbif05dzvt1v (дата обращения: 25.02.2013); Архив Курганского областного суда за 2014 г. Уголовное дело № 2-5/2014 // [электронный доступ]: https://oblsud--krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1069260&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=3828 (дата обращения: 15.02.2018).

только судимости, но и осуждения лица. Одной из особенностей некоторых общеправовых последствий можно указать на их бессрочность. Так, сам факт осуждения обвинительным приговором даже без назначения наказания является препятствием к занятию должности судьи, прокурора[1]. Как и приговор любого вида, обвинительный приговор без назначения наказания является регулятором общественных отношений[2], и в нем, как в акте правосудия, «воплощаются устремления заинтересованных участников судебного процесса и достигаются цели уголовного судопроизводства»[3]. К иным не правовым последствиям можно отнести нравственно-психологические последствия осуждения, которые могут выражаться не только в собственных переживаниях осужденного, его близких, но и в проявлении отрицательного отношения к лицу и содеянному им со стороны других лиц, общества в целом.

В силу действия диспозитивности в случае, когда преступлением затронуты только частные интересы потерпевшего, он сам вправе решать, обращаться ли за его защитой к репрессивным государственным органам. Именно соблюдение разумного баланса публичных и частных интересов составляет основу современной парадигмы уголовного правосудия. Диспозитивные начала влияют на возможность выбора формы судопроизводства, что в свою очередь, влияет на содержание приговора. Так, в обвинительном приговоре, постановленном по итогам рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ, суд не приводит содержание и оценку доказательств, поскольку они не исследуются в судебном заседании. А. И. Шмарев отмечает, что усиление начал диспозитивности законодателем привело к тому, что не только содержание судебного разбирательства, но и судебный приговор по определенным параметрам ставятся в зависимость не только от результатов судебного исследования доказательств, но и от позиции волеизъявления сторон»[4]. Законодатель предусмотрел, что приговор, постановленный по итогам сокращенных производств (ст. ст. 226.9, 316 и 317.7 УПК РФ), не обладает свойством преюдициальности. На основе чего отдельные авторы рассматривают такой приговор как новый самостоятельный вид обвинительного приговора – «согласительный приговор», в котором не должно отражаться его постановление именем государства, что, на

---

[1] Ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; ст. 40.1 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

[2] Рукавишникова А. А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе России // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 98.

[3] Бурмагин С. В. Соответствие приговора суда внутреннему убеждению судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. Вып. 1 (15). С. 13.

[4] Шмарев А. И. Особый порядок судебного разбирательства (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. .наук. Ижевск, 2004. С. 3.

их взгляд, отразит природу такого судебного разбирательства как согласительного вида процессуального производства. Так, по мнению М. Т. Аширбековой и В. Н. Троневой, новое название данного приговора «продемонстрирует признание государством и обществом значимости примирительных (согласительных) процедур, основанных на свободе выбора сторонами способов защиты их интересов, мирного разрешения уголовно-правового конфликта»[1]. Рассматривая приведенную позицию, следует согласиться, что приговоры, постановленные по результатам сокращенных производств имеют существенные отличия, обусловленные отсутствием исследования доказательств виновности с участием сторон в общем порядке судебного разбирательства и их последующей оценкой судом в приговоре, однако, нельзя не отметить, что такая позиция является достаточно дискуссионной, поскольку не отражает публичное начало, присущее уголовному судопроизводству.

А. А. Брестер вообще ставит под сомнение уголовно-процессуальный характер рассмотрения дела в особом порядке, и считает, что отсутствует не только судебное разбирательство и доказывание, но и уголовный процесс, как таковой, а имеется только специальная процедура по назначению наказания. Оценивая такую процедуру как исключительную и внесудебную, по его мнению, решения, вынесенные в таком порядке, не должны именоваться приговорами[2]. Представляется, что для таких категоричных выводов не имеется оснований[3]. Судебное решение по итогам судебного разбирательства в особом порядке принимается только судом и от имени государства, при этом не исследуются только доказательства виновности. Доказательства, характеризующие сведения о личности подсудимого, исследуются, им дается оценка в приговоре. Суд обязан убедиться в обоснованности обвинения путем изучения доказательств, но без участия сторон и вне судебного заседания[4]. Таким судебным решением вопрос виновности разрешается, рассматривается и вопрос наказания. Следовательно, данное итоговое судебное решение является приговором. Вместе с тем солидаризируясь с опасениями авторов о неоправданном распространении практики особого порядка судебного разбирательства

---

[1] Аширбекова М. Т. О некоторых видах приговора суда первой инстанции / М. Т. Аширбекова, В. Н. Тронева // Мировой судья. 2017. № 10. С. 30–35.

[2] Брестер А. А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 147.

[3] Следует отметить дискуссионный характер позиции, озвученной А. А. Брестер. Данный автор связывает уголовно-процессуальную деятельность лишь с деятельностью, связанной с доказыванием либо оцениванием познанного. См.: Шагинян А. С. Уголовный процесс: оптимизация или неоправданное упрощение? Обзор круглого стола от 24.09.2015 / А. С. Шагинян, К. В. Скоблик // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 113.

[4] Как верно отмечает И. И. Писаревский, проверить соблюдение этого требования не представляется возможным. См.: Писаревский И. И. Особый порядок как институт, не имеющий аналогов в истории российского уголовного процесса // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 404. С. 171.

и опасности для защиты лица от незаконного и необоснованного обвинения в связи с этим, следует согласиться и с предложениями, что особый порядок может распространяться только на уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести при усилении процессуальных гарантий процедуры судопроизводства[1].

Подводя итоги исследованию понятия и значения обвинительного приговора без назначения наказания, следует отметить следующее. Из анализа нормативного понятия приговора вытекает, что оно является достаточно полным, но требующим некоторых уточнений. Представляется, что указание законодателя в норме, предусмотренной п. 28 ст. 5 УПК РФ, на то, что приговором разрешается вопрос «освобождения от наказания» является излишним, так как этот вопрос недостаточно четко регламентирован в законе и имеет различное значение. Разрешая в приговоре основной вопрос о виновности либо невиновности лица в совершении преступления, суд также решает вопрос наказания. На этом основании предлагается вопросы наказания уточнить в нормативном понятии приговора, в свою очередь, уточнение дефиниции приговора конкретизирует норму в соответствии с назначением уголовного судопроизводства. На основании исследованных доказательств при установлении определенных обстоятельств, в том числе, оценки личности и посткриминального поведения подсудимого, разрешая вопрос, подлежит ли он наказанию за совершение преступления, суд может прийти к выводу о постановлении обвинительного приговора без назначения наказания, так как в такой форме реализации уголовной ответственности также достигаются цели частной и общей превенции при снижении уголовной репрессии.

К числу существенных особенностей исследуемого вида обвинительного приговора следует отнести то, что он постановляется лишь в предусмотренных законом случаях, обусловленных установленными в ходе уголовного судопроизводства обстоятельствами, когда достаточно осуждения виновного лица обвинительным приговором, постановленном от имени государства, выражающем отрицательную оценку содеянного. Данный приговор может быть постановлен в связи с изменением общественной опасности личности или содеянного к моменту постановления приговора. Так, суд может сделать вывод о том, что существенно изменилась общественная опасность личности или содеянного им при изменении обстановки, или что такое изменение возможно в результате принудитель-

[1] См.: Брестер А. А. Об ошибочном отнесении особого порядка … С. 140; Качалова О. В. Теоретические основы… С. 134 и др.

ных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему. Однако, не всегда постановление приговора исследуемого вида связывается с положительным посткриминальным поведением лица: законодатель может издать акт амнистии, и принять решение об освобождении от наказания лиц, не представляющих высокой общественной опасности (между тем, как правило, акты амнистии распространяются на виновных в преступлениях небольшой или средней тяжести, применяются к несовершеннолетним и т.д.). Обвинительный приговор без назначения наказания является формой реализации уголовной ответственности, включающей осуждение приговором, в котором не только не назначается наказание, но и не предполагается назначение наказания в будущем (или возврат к этому вопросу в стадии исполнения приговора). Решение суда о неназначении наказания окончательное, и не связано с какими-либо обязанностями, ограничениями, отсрочкой или испытательными сроками для осужденного.

Интегрируя изложенное, можно сформулировать следующие признаки обвинительного приговора без назначения наказания, которые позволяют отграничивать его от других видов итоговых судебных решений: 1) является одной из форм реализации уголовной ответственности; 2) обусловлен изменением общественной опасности личности или содеянного к моменту постановления приговора (утратой общественной опасности либо возможностью ее утраты в результате применения принудительных мер воспитательного воздействия), что возможно как по решению законодателя (амнистия), так и по решению правоприменителя (судейское усмотрение); 3) не предполагает назначение наказания, его отсрочку, освобождение от отбывания наказания либо возможность его применения на более позднем этапе; 4) правовые последствия его постановления не сопряжены с какими-либо обязанностями, ограничениями или испытательным сроком для осужденного; 5) исключает возможность возврата к вопросу о назначении наказания на стадии исполнения приговора. Совокупность этих признаков позволяет утверждать о том, что обвинительный приговор без назначения наказания обладает наименьшим репрессивным воздействием среди итоговых судебных решений в отношении виновного.

С учетом полученных представлений о рассматриваемом понятии и основываясь на логическом подходе к пониманию определения обвинительного приговора без назначения, путем выделения его существенных признаков, выработано и предлагается следующее определение обвинительного приговора без назначения наказания: **«обвинительный приговор без назначения наказания – решение о виновности подсудимого, постановлен-**

ное судом первой или апелляционной инстанции, которым при наличии оснований, с учетом данных о личности подсудимого и содеянного им, наказание не назначается в связи с фактическим достижением целей наказания, отсутствием необходимости в их достижении или возможностью их достижения без назначения наказания». Представляется, что предложенное определение позволит сформировать более четкое представление о понятии приговора данного вида и разрешить принципиальные вопросы, связанные с отграничением от обвинительных приговоров других видов.

Обвинительный приговор без назначения наказания является итоговым судебным решением, которым виновное лицо привлекается к уголовной ответственности. Данным судебным решением завершается по существу разрешение уголовного дела, устанавливается виновность как основание уголовной ответственности. В нем, как в акте правосудия, от имени государства дается отрицательная оценка содеянному преступлению и личности виновного на основе норм уголовного права в установленном уголовно-процессуальном порядке. Такая форма реализации уголовной ответственности не влечет такого самого сурового уголовно-правового последствия, как судимость, применение которой в тексте уголовного закона находится в зависимости от вида и размера назначенного осужденному наказания, что не исключает иных общеправовых, в том числе, негативных последствий для осужденного.

К уголовно-правовым последствиям следует отнести то, что данным приговором лицо признается виновным, и становится осужденным. Сведения об осуждении обвинительным приговором без назначения наказания не учитываются в случае совершения нового преступления таким осужденным, не указываются во вводной части нового приговора и не влекут усиление его ответственности. К уголовно-процессуальным последствиям можно отнести взыскание с осужденного процессуальных издержек. Осужденный имеет право на обжалование такого приговора, и в случае избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, указанные меры пресечения отменяются после провозглашения приговора немедленно. К гражданско-правовым последствиям можно отнести возложение обязанности возместить вред, причиненный преступлением. К общеправовым последствиям можно отнести возникновение ограничений при трудоустройстве на отдельные должности и запретов на выполнение некоторых профессиональных обязанностей (препятствия к выполнению которых предусмотрены федеральным законодательством в связи с осуждением).

Среди всех видов обвинительного приговора именно обвинительный приговор без назначения наказания в наибольшей степени соответствует процессуальным интересам всех участников уголовно-правового конфликта, способствует достижению их баланса. Интересы потерпевшего, направленные на возмещение вреда, могут быть реализованы в более короткие сроки, как правило, уже к моменту постановления приговора ущерб либо возмещен, либо принимаются меры к его возмещению (компенсации) и заглаживанию. Данное судебное решение из числа судебных решений в отношении виновного соответствует интересам осужденного, так как в отсутствие оснований прекращения уголовного преследования является решением, влекущим для виновного наиболее благоприятные последствия, исключающие самые суровые уголовно-правовые последствия, связанные с судимостью. В связи с отсутствием необходимости расходов, обусловленных исполнением приговора, минимизацией репрессивного воздействия к осужденному, что обусловливает его ресоциализацию, обвинительный приговор без назначения наказания отвечает интересам общества и государства, и отражает влияние восстановительного подхода в официальной модели правосудия в современной парадигме уголовного судопроизводства.

Выводы.

1. Изменение теоретических представлений о сущности уголовного судопроизводства на основе парадигмы «преступление – наказание» и закономерный переход к парадигме «преступление – виновность» должно найти отражение в уголовном правосудии. Наказание, как таковое, при этом не исключается, но не является самоцелью, а рассматривается как один (но не единственный) из возможных способов реагирования государства на преступление. Указанные концептуальные изменения свидетельствуют о необходимости пересмотра действующей карательной парадигмы российского уголовного правосудия, имеющей своей целью назначение осужденному справедливого наказания. Модель восстановительного правосудия, предусматривая иные подходы в разрешении уголовно-правового конфликта, вместе с тем, на современном этапе развития уголовно-процессуального права не способна полностью заменить существующую парадигму уголовного правосудия, так как это привело бы к нивелированию публичного начала уголовного процесса, лежащего в его основе. Поэтому для обеспечения баланса в защите и восстановлении интересов государства и личности, пострадавших от преступления, в условиях переходной модели парадигмы правосудия (от карательной к восстановительной) представляется оправданным разумное снижение карательного воздей-

ствия государства на личность, не противоречащее назначению уголовного судопроизводства и его принципам. Обвинительный приговор без назначения наказания является одним из эффективных процессуальных инструментов для решения этой задачи.

2. Обвинительный приговор без назначения наказания имеет свои исторические корни, и его существование обусловлено закономерностями развития уголовного судопроизводства (от карательной к восстановительной модели), которые отражают стремление законодателя предусмотреть соответствующую процессуальную форму разрешения уголовного дела с минимальным карательным воздействием на личность. Поиск законодателем соответствующей процессуальной формы итогового судебного решения, постановляемого при доказанности виновности подсудимого в совершении преступления, но без необходимости применения к нему наказания, привел к нормативному закреплению обвинительного приговора без назначения наказания в качестве самостоятельного вида приговора в п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ.

3. Обвинительный приговор без назначения наказания является итоговым судебным решением, которым реализуется механизм уголовной ответственности, позволяющий достигать назначения уголовного судопроизводства без применения к осужденному наказания. Данный вид обвинительного приговора, также позволяя достигать баланс процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта, является одним из средств обеспечения восстановительного подхода в российском уголовном судопроизводстве.

4. Предложено авторское определение обвинительного приговора без назначения наказания: «решение о виновности подсудимого, постановленное судом первой или апелляционной инстанции, в котором, с учетом данных о личности подсудимого и содеянного им, наказание не назначается в связи с фактическим достижением целей наказания, либо отсутствием необходимости в их достижении, либо возможностью их достижения без назначения наказания».

5. Выявлены признаки обвинительного приговора без назначения наказания, совокупность которых позволяет отграничивать его от других видов итоговых судебных решений. Он: 1) является одной из форм реализации уголовной ответственности; 2) обусловлен изменением общественной опасности личности или содеянного к моменту постановления приговора (утратой общественной опасности либо возможностью ее утраты в результате применения принудительных мер воспитательного воздействия),

что возможно как по решению законодателя (амнистия), так и по решению правоприменителя (судейское усмотрение); 3) не предполагает назначение наказания, его отсрочку, освобождение от отбывания наказания либо возможность его применения на более позднем этапе; 4) правовые последствия его постановления не сопряжены с какими-либо обязанностями, ограничениями или испытательным сроком для осужденного; 5) исключает возможность возврата к вопросу о назначении наказания на стадии исполнения приговора. Оценка этих признаков в совокупности позволяет утверждать то, что обвинительный приговор без назначения наказания обладает наименьшим репрессивным воздействием среди итоговых судебных решений в отношении виновного.

2 Основания и порядок постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве

2.1 Основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве

Переход от карательной к восстановительной модели правосудия в современной парадигме уголовного судопроизводства должен сопровождаться предоставлением правоприменителю возможностей выбора соответствующей процессуальной формы при разрешении уголовного дела по существу. Одной из основных тенденций развития уголовно-правовой и процессуальной наук и соответствующего законодательства нашего времени стал поиск оптимальных способов разрешения уголовно-правового конфликта, возникающего в связи с совершением преступлений небольшой и средней тяжести, которые составляют большинство в числе уголовных дел, находящихся на рассмотрении в судах, и соответственно, среди осужденных большую часть составляют лица, осужденные именно за эти категории преступлений[1].

Обвинительный приговор без назначения наказания позволяет минимизировать уголовную репрессию, однако вопрос оснований его постановления продолжает оставаться одним из дискуссионных, и потому некоторые авторы предлагают исключить такой вид приговора из УПК РФ[2], другие, напротив, признавая возможность постановления такого вида обвинительного приговора, не указывают, какие правовые основания для этого существуют[3]. В уголовно-процессуальной науке нет единого устоявшегося подхода к основаниям постановления обвинительного приговора без назначения наказания[4], и без указания на

---

[1] См. Приложение А.

[2] Жоголева Е. В. Изменение обстановки при производстве по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 151; Звечаровский И. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 92 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 2. С. 38–39; Иванов А. Л. Практика освобождения от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Известия Тульского гос. ун-та. Экономика и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 177–182. Об исключении такого вида обвинительного приговора высказались 13% опрошенных в ходе анкетирования судей. Большинство судей (87%) полагают необходимым уточнить основания постановления такого вида приговора в УПК РФ. См.: Приложение Е. Рисунок Е.2.

[3] Пикалов И. А. Уголовно-процессуальное право Российской федерации: уч. пособие. М., 2013. С. 289; Уголовный процесс: уч-к / под ред. В. А. Лазаревой, (автор главы – В. А. Лазарева). М., 2015. С. 452.

[4] См. подробнее: Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном процессе // ГлаголЪ правосудия. 2011. № 1 (2). С. 55–59; Она же. Основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном процессе // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации: мат-лы всерос. науч.-практ. конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский филиал ФГБОУ ВПО «РАП», 2012. С. 109–113; Она же. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 1 (6). С. 138–145; Она же. Правовая природа и основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4.

материально-правовые основания авторы полагают, что исследуемый вид приговора может быть постановлен в случаях, когда «обвиняемый, имевший на момент совершения черты личности преступника, утратил таковые в период между совершением преступления и судебным разбирательством по его делу»[1], и не только применение, но и назначение наказания в отношении подсудимого является нецелесообразным[2], а суд приходит к выводу, что цели наказания могут быть достигнуты самим фактом осуждения лица и не требуется назначать ему наказание[3]. Так, Ю. В. Козубенко предлагает дополнить ст. 302 УПК РФ частью 9, с указанием на шесть оснований обвинительного приговора без назначения наказания, которые основаны на проведенном им анализе через призму предложенной нормативно-логической формулы механизма уголовно-правового регулирования[4].

Ф. М. Кудин, подчеркивая, что законодатель вполне обоснованно относит исследуемый приговор к числу самостоятельных видов обвинительного приговора, на основании принципиально иного решения вопроса о наказании, полагает, что ст. 80.1 УК РФ предоставляет суду право выносить обвинительный приговор без назначения наказания, и по указанному основанию, по его мнению, никакой иной вид приговора не может быть постановлен[5]. Автор справедливо отмечает, что действие указанной процессуальной нормы в сочетании с уголовно-правовым предписанием, предусматривающим основание вынесения такого вида приговора, свидетельствует о необходимости признания обвинительного приговора без назначения наказания в качестве самостоятельного и допустимого законом вида приговора.

А. Н. Михайлов вполне обоснованно расценивает данные нормы как имеющие поощрительный характер, в которых проявляется закрепленный в уголовном законе принцип гуманизма[6]. Посредством таких норм принимаются меры, направленные на устранение или

С. 157–161; Она же. Актуальные проблемы постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. Вып. 4 (18). С. 107–114.

[1] Милюков С. Ф. Изучение личности обвиняемого – необходимое условие обоснованности и мотивированности приговора // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 94.

[2] См.: Уголовный процесс: уч-к / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова, (автор главы – А. В. Писарев). М., 2008. С. 449.

[3] См.: Кузнецова Н. В. Виды обвинительных приговоров, основания их постановления, взаимосвязь с судимостью и множественностью преступлений // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: матер. Всерос. науч.-практ. конференции, посвящ. 95-летию Башкир. гос. ун-та. Ч. I. Уфа, 2004. http://www.kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20042/kuznesova.htm (дата обращения: 16.04.2011).; Трахов Р. А. Указ. соч. С. 139.

[4] См.: Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 181–182, 494–495. Позиция данного автора подробнее будет исследована далее.

[5] Кудин Ф. М. Уголовный процесс: уч-к… С. 540–541.

[6] Михайлов А. Н. Законность и обоснованность постановления обвинительного приговора без назначения наказания в связи с изменением обстановки. Красноярск, 2008. С. 44.

уменьшение тяжести наступивших вредных последствий, с целью «побудить случайного преступника воздержаться от дальнейшей преступной деятельности»[1]. Как убедительно отмечает Н. А. Гущина, поощрительные нормы уголовного права создают благоприятные условия для нравственного оздоровления лиц, совершивших преступления, а в единстве с процессуальными нормами, предусматривающими процедуру их реализации, «обеспечивают достижение позитивных результатов, взаимовыгодных для личности и общества»[2].

Так, А. В. Кузнецов полагает, что изменение обстановки позволяет освобождать лицо от наказания, не применяя его к лицу вообще, и предусматривает такую возможность лишь в случае отпадения общественной опасности лица или совершенного им преступления, что означает утрату лицом возможности совершить аналогичное преступление либо утрату вреда от совершенного им преступления. По мнению указанного автора, «применение наказания к лицу, случайно нарушившему уголовно-правовой запрет, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, не причинившему серьезного вреда обществу, может в ряде случаев принести больше вреда, чем пользы»[3].

Н. Н. Годило еще более категоричен в своих выводах: «В случае прекращения опасности виновного изменяются его социальные установки, направленность поведения, общественные связи, происходят иные положительные изменения. По этой причине применение к нему уголовного наказания становится не только бессмысленным, но даже вредным, ибо способствует разрушению внутриколлективных связей, десоциализации виновного и, в конечном итоге, нивелированию общественно полезных направленностей, возникших у данного субъекта после совершения преступления»[4]. В свою очередь, Л. В. Головко обоснованно подчеркивает, что в отличие от обвинительного приговора с освобождением от наказания, обвинительный приговор без назначения наказания предполагает лишь констатацию виновности подсудимого, и суд «вовсе не переходит к вопросу о наказании, его виде, размере и т.д.»[5]. Справедливо отмечая, что уголовно-процессуальная доктрина не дает ответа на вопрос об основаниях постановления такого

---

[1] Аликперов Х. Поощрительные нормы в борьбе с преступностью // Социалистическая законность. 1991. № 8. С. 26.

[2] См.: Гущина Н. А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб., 2003. С. 56, 58, 189. Такую позицию разделяют и другие авторы. См.: Данелян Р. С. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки – акт поощрения / Р. С. Данелян, С. В. Данелян // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. тр. М., 2014. С. 44–49.

[3] Кузнецов А. В. Изменение обстановки как основание освобождения от уголовной ответственности или наказания. Омск, 2008. С. 4, 60.

[4] Годило Н. Н. Теоретические проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации: автореф. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 13.

[5] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. С. 965–967.

приговора, либо, умалчивая о нем, либо приводя неудачные примеры оснований его постановления, автор выделяет два теоретических подхода к разграничению ситуаций возможности постановления приговора такого вида и обвинительного приговора с освобождением от наказания. Анализируя их, Л. В. Головко пришел к выводу, что основаниями постановления обвинительного приговора без назначения наказания является: 1) в отношении умершего подсудимого, когда продолжено производство в целях его реабилитации, 2) на основании ст. 84 УК РФ (когда амнистируются лица, совершившие преступления определенной категории), и 3) на основании ст. 80.1 УК РФ (изменение обстановки). Вместе с тем сам же автор указывает, что в первом случае – судебная практика, складывается иначе и по некоторым делам суды пришли к выводу, одобренному Верховным Судом РФ, что судебное разбирательство должно прекращаться в случае виновности умершего прекращением уголовного дела. В двух других случаях – возражения такому подходу могут исходить из прямого указания в УПК РФ (ч. 8 ст. 302 УПК РФ), поскольку закон прямо предусматривает при наличии этих оснований на необходимость постановления приговора с освобождением от наказания. В качестве аргумента в подтверждение своим выводам указанный автор приводит позицию Верховного Суда РФ, исключившего из Постановления Пленума от 1.04.1996 г. № 1 п. 16 о вынесении обвинительного приговора без назначения наказания в связи с изменением обстановки. По мнению Л. В. Головко, выделение особого вида обвинительного приговора без назначения наказания является «данью традиции, законодатель сделал крен в сторону обвинительных приговоров с освобождением от наказания как альтернативы обвинительным приговорам с назначением наказания», а «места для обвинительных приговоров без назначения наказания почти не осталось, не говоря уже о судебной практике, которая не идет по пути использования даже имеющихся теоретических возможностей».

Представляется, что в данном случае автором не учтена различная сущность данных приговоров, более того, Л. В. Головко указывает в качестве вида обвинительного приговора – обвинительный приговор с освобождением от наказания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ), при этом обвинительный приговор в ч. 2 ст. 5 ст. 302 УПК РФ именуется как обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания (что не является идентичным освобождению от наказания).

Действительно, разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, на которое ссылается Л. В. Головко, было актуальным в период действия нормы, предусмотренной ст. 309 УПК

РСФСР, потому и было исключено с принятием УПК РФ[1]. Однако, это не означает, что Верховный Суд РФ исключает и возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве. Так, Верховный Суд РФ в одном из своих решений подчеркнул, что «действующим законодательством предусмотрена возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания, с обязательным приведением мотивов принятого решения»[2]. Президиум Верховного Суда РФ, давая ответы на вопросы судов в связи с изменением уголовного закона в 2012 г., привел разъяснения о возможности постановления обвинительного приговора без назначения наказания при наличии оснований[3].

Не позволяет дифференцировать основания постановления различных видов обвинительного приговора и позиция В. Н. Парфенова, считающего, что исследуемый вид приговора постановляется, когда подлежит применению статья УК РФ, предусматривающая именно освобождение от наказания, а не от его отбывания, за исключением тех случаев, когда решение в соответствии с нормами УПК РФ должно быть оформлено постановлением или определением[4]. Вместе с тем указанный автор приводит верный вывод, что «изучая положения уголовно-процессуального закона, мы не находим четкого ответа на вопрос о том, что законодатель понимает под словосочетанием «освобождение от наказания»: идет ли речь об освобождении от отбывания наказания или об освобождении от его назначения?»[5]. Следует солидаризироваться с мнением Т. Г. Черненко, которая под освобождением от наказания понимает «освобождение лица, признанного виновным в совершении преступления и осужденного по приговору суда, от назначения ему наказания или от его отбывания полностью или частично»[6], однако и это не позволяет четко сформулировать основания постановления исследуемого приговора. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 55 не дал каких-либо разъяснений относительно оснований и порядка постановле-

---

[1] Указанный п. 16 был исключен в связи с необходимостью приведения некоторых постановлений Пленума Верховного Суда РФ в соответствие с действующим законодательством. См.: Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 6.02.2007 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 13–25.

[2] Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за I полугодие 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. С. 12–13.

[3] Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 г. (вопрос 29). // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11. С. 45–46.

[4] Парфенов В. Н. Назначение уголовного судопроизводства как гарантия права и законных интересов участников уголовного процесса // Российский судья. 2009. № 10. С. 26.

[5] Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 25.

[6] Черненко Т. Г. Освобождение от уголовного наказания: учеб пособие. / Т. Г. Черненко, В. А. Терентьева, И. В. Масалитина // Кемерово, 2011. С. 18.

ния обвинительного приговора без назначения наказания, в отношении обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания – по сути, воспроизвел норму закона (п. 37).

Изложенное на практике приводит к тому, что существует неопределенность закона и обвинительный приговор без назначения наказания, как вид итогового решения, остается не в полной мере востребованным, так как правоприменители не понимают его сущности, не всегда могут разграничить основания для постановления различных итоговых судебных решений. Так, Усть-Илимским городским судом Иркутской области был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания в отношении Л. по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Проверяя законность данного приговора по доводам стороны обвинения, судебная коллегия Иркутского областного суда указала: по данному делу наказание Л. не назначалось, а потому он и не может быть от него освобожден по основаниям, указанным в ст. 80.1 УК РФ, как на то указано в кассационном представлении. Решая вопрос о наказании, суд первой инстанции, обоснованно посчитав, что личность Л. и содеянное им деяние не представляют высокую общественную опасность, пришел к выводу о возможности постановления обвинительного приговора без назначения наказания, что предусмотрено п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ. «Вопрос о постановлении обвинительного приговора без назначения наказания уголовным законом не отрегулирован, но и действующим законом постановление такого приговора не запрещено. При таких обстоятельствах, судебная коллегия не нашла оснований к признанию постановленного в отношении Л. приговора незаконным, и к его отмене по доводам кассационного представления»[1].

В другом случае, сторона обвинения просила отменить обвинительный приговор без назначения наказания в отношении Б., осужденной по ч. 1 ст. 285 УК РФ, приводя доводы о том, что суд в нарушение норм закона не назначил наказание, освободив от него осужденную Б. Псковский областной суд, оставив приговор без изменения, подчеркнул, что суд мотивировал основания принятия решения, обоснованно применил ст. 80.1 УК РФ, и постановил обвинительный приговор без назначения наказания, случаи постановления которого в ст. 302 УПК РФ не приведены[2].

В каждом из приведенных случаев при проверке судебных решений вышестоящие суды высказались о возможности постановления обвинительного приговора без назна-

---

[1] Архив Иркутского областного суда за 2011 г. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда № 2-2204/11 от 7.06.2011 г.

[2] Архив Псковского областного суда за 2011 г. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Псковского областного суда № 22-1334 от 5.10.2011 г. // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/KkotrPPEc8oH (дата обращения: 13.02.2018).

чения наказания, при этом следует отметить, что в первом – судебная коллегия, по сути, выразила позицию, что не исключается возможность его постановления и в отсутствие материальных оснований, только лишь потому, что такой вид приговора предусмотрен в УПК РФ. Примечательно, что изменение обстановки, по мнению этих судов, влечет постановление различных видов обвинительных приговоров.

Пробел законодательного регулирования оснований принятия такого решения порождает как научные дискуссии, так и не способствует единообразию судебной практики. Но отнюдь не свидетельствует в пользу позиции полного отказа от данного вида обвинительного приговора. В этой связи следует выразить солидарность с мнением авторов, полагающих, что указанный пробел необходимо восполнить законодателю[1]. Думается, не обоснована точка зрения Е. А. Зайцевой, согласно которой «указанный пробел может быть восполнен также органом, наделенным правом официального толкования законодательных актов»[2], поскольку в отсутствие надлежащей правовой регламентации, толкование законодательных актов не может подменять задачи и исключительную компетенцию законодателя[3]. Возражая приведенной позиции, следует подчеркнуть, что восполнение пробелов в урегулировании правовых норм является обязанностью законодателя, так как Верховный Суд Российской Федерации не обладает правотворческими полномочиями.

Вместе с тем следует признать, что судейский корпус активнее отзывается на официальное разъяснение высшего судебного органа, нежели на содержание даже самых обоснованных научных дискуссий, призванных в отсутствие ясности в применении некоторых норм права, оказать содействие правоприменителю. В подтверждение чего многочисленные случаи постановления судами исследуемого вида приговора, нередко без ссылок на нормы права, но со ссылкой на единственное действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1[4], в котором разъяснено о возможности постановления обвинительного приговора без назна-

---

[1] Уголовный процесс: уч. для бакалавр. / отв. ред. А. П. Кругликов, (автор главы – Ф. М. Кудин). М., 2015. С. 540; Уголовный процесс: уч-к / под ред. Н. С. Мановой и Ю. В. Францифорова, (автор главы – Е. А. Зайцева). М., 2016. С. 250.

[2] Уголовный процесс: уч-к / под ред. Н. С. Мановой и Ю. В. Францифорова, (автор главы – Е. А. Зайцева). С. 250.

[3] Отдельные авторы полагают, что само отсутствие разъяснений в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о видах приговора «свидетельствует об избыточности, ненужности трех видов обвинительного приговора», при этом тут же отмечают, что приговор без назначения наказания должен выноситься в случаях, «когда вид и размер наказания не имеют юридического значения (прежде всего потому, что наказание ни в каком случае исполнено быть не может)». См.: Романов С. В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре»: научный комментарий // Закон. 2017. № 2. С. 80.

[4] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1.02.2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4. С. 2–10; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. С. 31–35 (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1).

чения наказания: в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 432 УПК РФ с применением принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним подсудимым[1]. Более того, вышестоящие суды при проверке правосудности приговоров, также мотивируют свои выводы ссылкой на разъяснения Верховного Суда РФ. Так, в отношении А. был постановлен обвинительный приговор с назначением наказания, от которого он был освобожден с применением принудительной меры воспитательного воздействия. Апелляционным постановлением приговор был изменен: из резолютивной части приговора было исключено указание на назначение наказания в виде штрафа. Свои выводы суд апелляционной инстанции мотивировал разъяснением, приведенным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1.02.2011 г. № 1, подчеркнув, что в данном случае не требовалось назначение наказания, и суд должен был вынести обвинительный приговор без назначения наказания[2]. Представляется, что приговор, как судебное решение, должен содержать ссылку на норму закона, а не на его толкование, данное Верховным Судом РФ. Уточнение норм в УПК РФ, бесспорно, позволит конкретизировать основания для такого судебного решения, возможность постановления которого прямо закреплена в п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ. В свою очередь, уточнение оснований исследуемого вида приговора позволит конкретизировать основания для другого вида обвинительного приговора – обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания, так как именно эти два вида приговора являются конкурирующими с точки зрения как оснований их постановления, так и их правовых последствий.

При исследовании в первой главе диссертации сущности обвинительного приговора без назначения наказания были выявлены его признаки, на основе которых следует провести анализ норм уголовно-процессуального закона и краткий анализ раздела IV УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания», и главы 14 УК РФ, в которой отражены особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Анализ ст. 302 УПК РФ, регламентирующей виды приговоров, позволяет высказаться о том, что законодатель не отразил в ней все основания для постановления каждого вида обвинительного приговора. Наиболее сложными являются вопросы разграничения правовых оснований для постановления обвинительного приговора без назначения нака-

---

[1] Например, в отношении К. со ссылкой на указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. См.: Архив Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан за 2015 г. Уголовное дело № 1-98/2015 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/q6zHJCWagMLE (дата обращения: 15.02.2016).

[2] См.: Архив Верховного суда Республики Дагестан за 2016 г. Апелляционное постановление № 22-503/2016 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/8PWaUGozhQoh (дата обращения: 12.02.2018).

зания и обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания. Законодатель к числу оснований постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания относит два: 1) акт амнистии, освобождающий от применения наказания, назначенного осужденному данным приговором (ст. 84 УК РФ); 2) время нахождения подсудимого под стражей по данному уголовному делу с учетом правил зачета наказания, установленных ст. 72 УК РФ, поглощает наказание, назначенное подсудимому судом (ч. 6 ст. 302 УПК РФ).

Системный анализ норм УК РФ и УПК РФ позволяет утверждать о том, что имеются еще несколько оснований для постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания, не указанных в ч. 6 ст. 302 УПК РФ, например: 1) если назначенное судом наказание поглощается временем, проведенным в психиатрическом стационаре лицом, к которому были применены принудительные меры медицинского характера в случае совершения им преступления в состоянии вменяемости, но после совершения преступления, у которого наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания и его исполнение (ст. ст. 443, 446 УПК РФ); 2) если в связи с тяжелой болезнью после совершения преступления, препятствующей отбыванию наказания, осужденный не может по медицинским показаниям отбывать назначенное ему наказание, он по решению суда может быть освобожден от отбывания наказания (ч. 2 ст. 81 УК РФ); 3) если осужденному, содержавшемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного наказания назначен штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, суд, учитывая время содержания подсудимого под стражей, смягчает назначенное ему наказание или полностью освобождает осужденного от назначенного ему наказания (ч. 5 ст. 72 УК РФ); 4) если при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве суд удостоверяется, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные в соглашении, тогда, постановляя обвинительный приговор, суд назначает наказание с учетом требований ч. ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ. Однако по усмотрению суда могут быть назначены: более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление; применено условное осуждение; осужденный может быть освобожден от отбывания наказания (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ); 5) если несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ, ч. 2 ст. 432 УПК РФ).

При постановлении обвинительного приговора без назначения наказания изначально нет необходимости приступать к вопросу назначения наказания, тогда как общим для всех вышеуказанных оснований является то, что вопрос назначения наказания всегда обсуждается и наказание назначается, лишь затем, в том числе, в зависимости от вида, размера назначенного наказания, возникает возможность или необходимость освобождения от его отбывания. Таким образом, данные основания постановления итоговых судебных решений не включают оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания, поскольку законом предусмотрена соответствующая им процессуальная форма, предусмотренная п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ.

Глава 11 УК РФ предусматривает материальные уголовно-правовые основания освобождения от уголовной ответственности, применение которых в уголовном судопроизводстве допускается как судом, так и участниками уголовного судопроизводства, осуществляющими от имени государства уголовное преследование в ходе досудебного производства (следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора). Исходя из сущности обвинительного приговора без назначения наказания, которая была рассмотрена в первой главе настоящего исследования, обвинительный приговор без назначения наказания не является процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности на основании ст. ст. 75–78 УК РФ, исключающих уголовную ответственность. Только суд может применить основание, предусмотренное в ст. 76.2 УК РФ, предусматривающее применение особой меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Однако, как отмечалось, процессуальной формой принятия такого решения выступает не приговор, а постановление, и это основание не является безусловным – в случае неуплаты штрафа производство по делу может быть продолжено.

Как показало изучение судебной практики в качестве оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, применяются такие, которые в уголовном законе указаны в качестве освобождающих от наказания. В главе 12 УК РФ рассматриваются различные материальные основания освобождения от наказания: 1) в отношении тех лиц, кому наказание судом не назначалось (ст. 80.1 УК РФ); 2) в отношении тех лиц, кому наказание судом назначено (ст. ст. 79, 80, 82, ч. ч. 2, 3 ст. 81, 82.1, 83 УК РФ), т.е. законодатель предусматривает освобождение от отбывания назначенного наказания, отсрочку наказания или дальнейшего отбывания назначенного наказания; 3) в отношении тех обвиняемых, вопрос об уголовной ответственности которых окончательно не разрешен (ч. 1

ст. 81 УК РФ). По сути, названию нормы «освобождение от наказания» в значении «освобождение от назначения наказания» из всей главы 12 УК РФ в буквальном толковании соответствует лишь положение ч. 1 ст. 81 УК РФ и ст. 80.1 УК РФ. Примечательно, что в первом случае вопрос уголовной ответственности временно отложен до выздоровления заболевшего лица, вопрос его виновности не разрешен, а потому не может быть рассмотрен по указанному основанию в процессуальной форме обвинительного приговора без назначения наказания, рассматривающего данный вопрос положительно.

Законодатель не всегда ставит знак равенства между понятиями «освобождение от наказания» и «освобождение от отбывания наказания». Обращая внимание на отсутствие полного смыслового тождества между понятиями «освобождение от наказания» и «осуждение без назначения наказания», Б. Т. Безлепкин вполне обоснованно именно это расценивает как неопределенность нормы, содержащейся в п. 3 ч. 5 ст. 302 УПКРФ, которая не позволяет уверенно применять ее на практике[1]. Отсутствие единообразной терминологии в рамках уголовного и уголовно-процессуального права, корреляции норм между собой, приводит к их различному толкованию. Так, справедливо обращая внимание на существующие противоречия УК РФ и УПК РФ, А. Коршунов и Р. Забавко, тем не менее, думается, ошибочно полагают, что при наличии оснований, предусмотренных ст. 80.1 УК РФ, суд должен вынести приговор с освобождением от отбывания наказания[2]. Освобождение от наказания в этом случае возможно только судом в приговоре, и исходя из анализа ст. 397 УПК РФ, (не предусматривающей возможность рассмотрения вопроса освобождения от наказания в связи с изменением обстановки при исполнении приговора), единственной процессуальной формой для применения данного материального основания является обвинительный приговор без назначения наказания.

Глава 13 УК РФ включает статьи 84–86 УК РФ, в рамках данного исследования представляет интерес лишь ст. 84 УК РФ. В случае объявления амнистии Государственной Думой Федерального Собрания РФ возможны различные правовые последствия (ст. 84 УК РФ): 1) актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности. Такие решения могут быть приняты как судом в стадии судебного разбирательства, так и следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора, осуществляющими уголовное преследование, в досудебном производстве. Решение суда в этом случае не может быть принято в форме об-

---

[1] Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. М., 2015. С. 75.

[2] Коршунов А. О существующих противоречиях УК и УПК / А. Коршунов, Р. Забавко // Законность. 2016. № 1 (975). С. 53.

винительного приговора, реализующем уголовную ответственность; 2) лицам, осужденным за совершение преступления, наказание может быть сокращено, или заменено более мягким видом наказания. С лиц, отбывших наказание, может быть снята судимость. В указанных случаях вопрос о назначении наказания уже ранее был рассмотрен судом в обвинительном приговоре; 3) лица, осужденные за совершение преступлений, могут быть освобождены от наказания. Этот вид амнистии единственный представляет интерес для данного исследования.

В зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на котором рассматривается вопрос применения акта амнистии и субъекта, полномочного его применить, возможны следующие варианты принятия решений: 1) при применении акта амнистии, освобождающего осужденных лиц от отбывания наказания, данный вопрос рассматривается в порядке исполнения приговора, в связи с чем уместнее в данном случае для уяснения сущности этого решения рассматривать акт амнистии как «освобождающий от дальнейшего отбывания назначенного наказания»; 2) при рассмотрении вопроса об освобождении осужденных от наказания данный вопрос рассматривается при постановлении приговора.

Соответственно, единственным субъектом принятия такого решения является только суд при постановлении обвинительного приговора в ходе судебного разбирательства. Но возникает вопрос, требуется ли в данном случае назначение наказания до решения вопроса о возможности освобождения от него? Здесь вновь возможны два варианта: 1) в случае, когда применение амнистии зависит от вида и размера назначенного наказания, то, безусловно, суд, признав виновным подсудимого в совершении преступления, должен определить конкретный вид и размер наказания, и в этом же приговоре в зависимости от иных условий амнистии, освободить от фактического отбывания назначенного наказания в связи с актом амнистии; 2) в другом случае, если применение амнистии не связано с определенным видом и размером наказания[1] (например, если в акте амнистии предусмотрено освободить от наказания женщин, совершивших преступление небольшой тяжести и имеющих несовершеннолетних детей в возрасте до 14 лет, то для применения акта амнистии не имеет значения какой вид и размер наказания будет избран и назначен судом), представляется, не требуется назначение наказания. Соответственно, акт амнистии может быть применен в процессуальной форме постановления исследуемого вида обвинительного приговора (для уяснения сущности такого вида решения уместнее рассматривать акт амнистии как «освобож-

[1] Думается, правы авторы, полагающие, что назначение определенной меры наказания при постановлении данного вида приговора требуется лишь в случаях, когда от этого зависит применение акта амнистии. См.: Уголовно-процессуальное право: уч-к / под ред. П. А. Лупинской, (автор главы – Л. Н. Масленникова). М., 2009. С. 737.

дающий от назначения наказания»).

Анализируя далее с учетом признаков обвинительного приговора без назначения наказания нормы уголовного закона, в частности, главу 14 УК РФ, регламентирующую особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, усматривается еще одно основание постановления исследуемого вида приговора: в случае осуждения несовершеннолетнего за совершение преступления небольшой и средней тяжести, если будет установлено, что несовершеннолетний может быть исправлен без применения уголовного наказания, суд может освободить осужденного от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, в порядке, определенном ч. 1 ст. 432 УПК РФ (ч. 1 ст. 92 УК РФ). Кроме того, данный вопрос не может быть разрешен в порядке исполнения приговора, исходя из анализа ст. 397 УПК РФ, следовательно, он разрешается только судом в обвинительном приговоре при его постановлении.

Приведенные выше правовые основания принятия итоговых судебных решений включают такие, по которым процессуальная форма принятия решений предусмотрена в законе, и среди них не имеется оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания (например, основания, влекущие освобождение от уголовной ответственности (глава 11 УК РФ) или освобождение от отбывания наказания (ст. ст. 79, 83, 85 УК РФ), основания освобождения от наказания (ст. ст. 80, 81, 82, 82.1, ч. 2 ст. 92 УК РФ), а также основания, указанные в п. 2 ч. 6 ст. 302, ч. 5 ст. 317.7, ч. 2 ст. 432, 443, 446 УПК РФ). Изучение данных оснований, некоторые их которых рассматриваются в юридической литературе в качестве оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания, позволяет методом исключения определить, что среди них не имеется оснований для постановления исследуемого вида обвинительного приговора.

С учетом проведенного анализа оснований принятия различных итоговых судебных решений и потребностей, вызывающих необходимость их указания, а также выявленных признаков обвинительного приговора без назначения наказания предложена классификация оснований его постановления. Основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания, с учетом в качестве критерия судейского усмотрения в выборе процессуальной формы итогового судебного решения, могут быть поделены на две группы: 1) **императивные** основания для постановления только обвинительного приговора без назначения наказания (изменение обстановки; издание акта амнистии, применение которой не находится в зависимости от определенного вида и размера наказания; 2) **альтернатив-**

ные основания, наличие которых может повлечь постановление различных видов решений, в том числе, постановление обвинительного приговора без назначения наказания (применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему при освобождении от наказания без его назначения). Данные основания предоставляют суду, как правоприменителю, возможность выбора для принятия одного из нескольких законных решений в целях дифференциации уголовной ответственности.

Предложенная классификация оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания в теоретическом отношении позволяет расширить научное представление об основаниях постановления исследуемого вида обвинительного приговора и других итоговых судебных решений, а в практическом отношении обеспечивает логику правоприменения норм закона и алгоритм принятия итоговых судебных решений. Значение данной классификации заключается в том, что она может служить ориентиром для законодателя при разработке новых оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, приоритетными среди которых должны быть альтернативные основания. При переходе к восстановительной модели правосудия это позволит расширить возможности выбора правоприменителем оптимального процессуального средства для достижения назначения уголовного судопроизводства и снижения карательного воздействия на осужденного.

Законодатель не разграничивает основания для неназначения наказания и освобождения от наказания. Вместе с тем их дифференциация и выступает основой для различных, существенно отличающихся, видов обвинительных приговоров, предусмотренных п. 2 и п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ. Обвинительный приговор без назначения наказания не только не освобождает от наказания, но даже не предполагает его, в силу чего для постановления обвинительного приговора без назначения наказания имеется несколько самостоятельных оснований, отличающихся от оснований постановления обвинительного приговора, предусмотренного п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ. В отсутствие оснований освобождения от уголовной ответственности правоприменитель направляет уголовное дело в суд для рассмотрения по существу, поскольку наказание может быть назначено только судом, равно как и неназначение наказания виновному – исключительная компетенция суда.

В связи с тем, что законодатель не разграничивает основания итоговых судебных решений, в научной литературе встречается несколько оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, отличающихся от выявленных норма-

тивных оснований. Их анализ необходимо провести через призму соответствия тем признакам обвинительного приговора без назначения наказания, которые сформулированы по результатам изучения его сущности, и с учетом предложенной классификации оснований его постановления.

1. Основания принятия итоговых судебных решений, при наличии которых невозможно постановление обвинительного приговора без назначения наказания, так как имеются прямо предусмотренные в законе основания для принятия иных процессуальных решений. К таковым можно отнести: 1) истечение сроков давности уголовного преследования; 2) продолжение судопроизводства по уголовному делу в целях реабилитации умершего обвиняемого (подсудимого), оснований для которой не установлено; 3) в случае, когда время нахождения подсудимого под стражей по данному уголовному делу с учетом правил зачета наказания, установленных ст. 72 УК РФ, поглощает наказание, назначенное подсудимому судом; 4) деятельное раскаяние; 5) освобождение от наказания в связи с болезнью.

1) Истечение сроков давности уголовного преследования (истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных ст. 78 УК РФ) отдельные ученые-юристы полагают основанием постановления обвинительного приговора без назначения наказания[1]. Например, Г.И. Загорский подчеркивает, что правовым основанием постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ) служит истечение сроков давности уголовной ответственности, что предусмотрено ст. 78 УК РФ, предусматривающей освобождение не от наказания, а от уголовной ответственности, что «согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ более предпочтительно для осужденного». На основании чего Г. И. Загорский приходит к выводу, что «логичнее»[2],«целесообразнее»[3] в такой ситуации выносить приговор без назначения наказания. Л. В. Лобанова предлагала внести изменения в ч. 2 ст. 309 УПК РСФСР, и дополнить ее положением о том, что обвинительный приговор без назначения наказания постановляется также, если имелись

---

[1] См.: Давыдов П. М. Обвинительный приговор без назначения наказания // Правоведение. 1971. № 1. С. 82–88; Коротков А. П., Коротков А. П. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных органов по применению УПК РФ / А. П. Коротков, А. В. Тимофеев. М., 2004. С. 398; Россинский С. Б. Указ. соч. С. 419–420.; Григорьев В. Н. Уголовный процесс: уч-к / В. Н. Григорьев, А.В. Победкин, В. Н. Яшин. М., 2008. С. 594–595; Головинская И. В., Остапенко И. А. Указ. соч. С. 112-116; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова, (автор главы – В. В. Сверчков). М., 2012. С. 177; Соболев А. В. Процессуальные последствия истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016 . С. 153–155; Романов С. В. Указ. соч. С. 80 и др. С данной позицией согласны 26% опрошенных судей. См.: Приложение Е. Рисунок Е.2.

[2] Загорский Г. И. Обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания // Российское правосудие. 2013. № 7 (87). С. 84.

[3] Загорский Г. И. Комментарий… С. 874.

основания для освобождения подсудимого от уголовной ответственности, предусмотренные УК РСФСР, но производство по делу продолжалось в обычном порядке и закончилось признанием лица виновным в совершении преступления[1].

Однако в юридической литературе имеются и иные точки зрения. Некоторые авторы полагают, что в силу ч. 8 ст. 302 УПК РФ истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (истечение сроков давности уголовного преследования) является основанием для постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания, в случаях, когда подсудимый возражает прекращению уголовного дела по этим основаниям в соответствии со ст. 254 УПК РФ[2]. Так, Н. С. Александрова считает, что, в зависимости от стадии рассмотрения уголовного дела, «освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности может трансформироваться лишь в освобождение от наказания», и в случае продолженного судебного разбирательства при возражении подсудимого на прекращение уголовного дела, постановляется обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания[3].

Позиция авторов, полагающих, что освобождение от уголовной ответственности возможно в процессуальной форме постановления приговора является не вполне убедительной и мотивированной. Вопрос, почему продолжение производства по уголовному делу в обычном порядке подразумевает окончание рассмотрения дела по существу именно вынесением приговора, остается без ответа. Более того, возникают различные правовые последствия для лица, освобожденного от уголовной ответственности постановлением (определением), и осужденного обвинительным приговором. Например, в первом случае не взыскиваются процессуальные издержки, напротив, указанные издержки могут быть взысканы полностью или частично с лица, настаивающего на продолжении судопроизводства при наличии оснований к освобождению от уголовной ответственности, осужденного обвинительным приговором (ст. 132 УПК РФ). Представляется, что в таком случае нарушается принцип равенства перед законом: реализация права лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, на то, чтобы оно было завершено в судебном разбирательстве, для него, в случае признания его виновным, может обернуться более суровыми последствиями, нежели бы он ранее согласился на прекра-

---

[1] Лобанова Л. В. Юридическая природа и процессуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 1986. С. 11.

[2] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: уч-к / отв. ред. И. Л. Петрухин, (автор главы – С. В. Бородин). М., 2008. С. 481; Уголовный процесс: уч-к / под ред. В. П. Божьева, (автор главы – П. Е. Кондратов). М., 2015. С. 385 и др.

[3] Александрова Н. С. Указ. соч. С. 63, 64.

щение в отношении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, не настаивая на продолжении производства по делу. В свое время М. С. Строгович указывал, что обстоятельствами, устраняющими возможность уголовного преследования, в том числе, являются смерть обвиняемого, истечение срока давности, акт амнистии[1].

Т. А. Левинова, высказываясь о парадоксах юридической техники при решении вопроса об истечении сроков давности уголовного преследования в стадии судебного разбирательства, обоснованно подчеркивает, что обвинительный приговор с освобождением от наказания не является актом, освобождающим от уголовной ответственности[2], а В. В. Сверчков, в свою очередь, верно отмечает, что вступившим в законную силу обвинительным приговором лицо может быть освобождено от назначения или фактического отбывания наказания, но не от ответственности[3]. В этой связи следует согласиться с мнением ученых, полагающих, что истечение сроков давности влечет освобождение от уголовной ответственности, процессуальной формой чего выступает прекращение уголовного преследования в виде постановления, а не вынесение обвинительного приговора[4]. Если подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) не возражает, чтобы дело было прекращено и не настаивает на реабилитации – то следует безусловное освобождение от уголовной ответственности за истечением сроков давности (но, не от наказания). Процессуальной формой такого решения является постановление (определение) о прекращении уголовного дела (п. 3 ч. 1 ст. 24, п. 2, ч. 1, ч. 3 ст. 27, п. 1 ст. 254 УПК РФ). Норма закона в этом случае императивна и не зависит от усмотрения полномочного субъекта, правоприменитель обязан освободить лицо от уголовной ответственности, что согласуется с положениями материального закона – ст. 78 УК РФ. При наличии возражений обвиняемого, настаивающего на реабилитации, необходимо продолжение рассмотрения дела в обычном порядке, с исследованием и оценкой судом имеющихся в деле доказательств, что соответствует положениям ст. 49, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Непрекращение уголовного дела

---

[1] См.: Строгович М. С. Уголовный процесс: уч-к. М. 1941. С. 89, 264.

[2] Левинова Т. А. Истечение сроков давности уголовного преследования в стадии судебного разбирательства: парадоксы юридической техники // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 62.

[3] Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики СПб., 2008. С. 40.

[4] См.: Масленникова Л. Н. Указ. соч. С. 737; Сагитдинова З. И. Проблемность применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // LEX RUSSICA. 2006. Т. LXV. № 1. С. 182. Об императивном характере содержания нормы, закрепленной в ст. 24 УПК РФ, пишет и А. Б. Юрасов. См.: Юрасов А. Б. Основания прекращения уголовного дела в действующем российском законодательстве – анализ, перспективы развития: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 97–102. Сохраняет актуальность и предложение Л. В. Лобановой о том, что единой формой освобождения от уголовной ответственности на протяжении всего уголовного судопроизводства (за исключением стадии возбуждения уголовного дела) должно являться прекращение уголовного дела. См.: Лобанова Л. В. Юридическая природа и процессуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности. С. 6.

судом при наличии, оснований, предусмотренных ст. 254 УПК РФ (к таким основаниям относятся, в том числе, истечение сроков давности уголовного преследования, издание акта амнистии, смерть обвиняемого), является безусловным основанием к отмене постановленного приговора в апелляционном порядке (п. 1 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

На основании ч. 8 ст. 302 УПК РФ при установлении в ходе судебного разбирательства обстоятельств, влекущих прекращение уголовного преследования, суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с освобождением от наказания. Однако норма ч. 8 ст. 302 УПК РФ противоречит положениям ст. 78 УК РФ, ст. 254 УПК РФ, содержащих императивные указания об освобождении лица от уголовной ответственности, а не от наказания. Приведенные нормы закона не раз становились предметом обращений в Конституционный Суд РФ[1], который подчеркивал в этой связи, что в качестве одного из оснований отказа от уголовного преследования и прекращения уголовного дела законом (ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) признается истечение срока давности, что обусловлено как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения, так и осуществлением в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма, при этом отказ государства в лице его законодательных органов от уголовного преследования ввиду истечения срока давности имеет безусловный характер, не зависит от усмотрения органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, и исключает возможность осуществления уголовного преследования.

Вместе с тем, Конституционный Суд РФ сформулировал, как представляется, достаточно противоречивую позицию: «поскольку осужденному предоставляется возможность реализовать свое право на судебную защиту при проведении полноценного судебного разбирательства, в ходе которого должны быть установлены обстоятельства происшедшего, дана их правильная правовая оценка, выявлены конкретный вред, причиненный обществу и отдельным лицам, а также действительная степень вины (или невиновность) лица в совершении инкриминируемого ему деяния, постольку освобождение его в случае вынесения обвинительного приговора не от уголовной ответственности, а от наказания в по-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 г. № 591-О-О [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 2.05.2018); Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 г. № 1220 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 1.05.2018); Постановление Конституционного Суда РФ от 2.03.2017 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 11. Ст. 1621.

рядке ч. 8 ст. 302 УПК РФ само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод»[1].

В другом решении Конституционный Суд РФ указал на то, что ст. 78 УК РФ предусматривает истечение сроков давности в качестве основания освобождения лица от уголовной ответственности, а не от наказания, и что она должна применяться судами с учетом положений ч. 2 ст. 27 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ, что само по себе не может свидетельствовать о неопределенности в вопросе о ее соответствии Конституции РФ, поскольку предполагает освобождение лица от уголовного преследования и уголовной ответственности в случае, если прекращение уголовного дела осуществляется с его согласия. Если же обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела, оно подлежит рассмотрению в обычном порядке, и в случае постановления обвинительного приговора ему назначается наказание с освобождением от его отбывания (так как исполнение наказания явилось бы избыточным применением уголовной ответственности)[2]. Однако данная позиция противоречит институту освобождения от уголовной ответственности, поскольку в случае освобождения от уголовной ответственности лицо не подвергается осуждению, что происходит при освобождении от наказания, о чем уже указывалось выше.

Нельзя назвать последовательной и позицию Верховного Суда РФ, который при наличии оснований прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности как законные расценивает разные виды решений:

1) постановление обвинительного приговора с освобождением от наказания. Например, в одном из решений Верховный Суд РФ указал, что «освобождение от уголовной ответственности должно быть произведено путем освобождения от наказания» и суд первой инстанции обоснованно применил ч. 8 ст. 302 УПК РФ, постановив обвинительный приговор с освобождением от наказания[3]. При этом, по мнению Верховного Суда РФ, возможность прекращения уголовного дела в силу ст. 78 УК РФ относится только к досудебным стадиям. Так, обсуждая доводы жалоб стороны защиты о необходимости отмены приговора и прекращения уголовного преследования на основании ст. 78 УК РФ, Судебная коллегия Верховного Суда РФ со ссылкой на п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (далее – Постановление

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 г. № 1626-О [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 23.05.2018).

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 2.11.2006 г. № 488-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 2.

[3] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.08.2016 г. № 11-АПУ16-11СП [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ // http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1466476 (дата обращения:12.05.2017).

Пленума Верховного Суда РФ № 19)[1], указала: «согласно п. 3 ч. 1 ст. 24 , п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ уголовное преследование в связи с истечением сроков давности уголовного преследования действительно должно быть прекращено. Однако названный Закон согласно его текстовому значению рассчитан на деятельность органов предварительного следствия и прокуратуры, принимающих такое решение на стадии досудебного производства, поскольку, как указано в ст. 27 УПК РФ, применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого»[2].

2) постановление обвинительного приговора без назначения наказания. Так, судом первой инстанции в отношении Ш. был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания, так как суд пришел к выводу, что на основании п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ осужденный подлежит освобождению от наказания, которое в соответствии с п. 3 ч. 5, ч. 8 ст. 302 УПК РФ не назначается[3]. По мнению Верховного Суда РФ, данное решение соответствует позиции, содержащейся в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19[4]. То есть в двух ситуациях при наличии одного основания суд постановил различные виды обвинительного приговора, при этом руководствуясь одними нормами закона, одним и тем же Постановлением Пленума Верховного Суда РФ и одними аргументами.

3) прекращение уголовного дела (уголовного преследования) вследствие истечения сроков давности, о чем суд выносит соответствующее постановление[5]. Так, Верховным Судом РФ были отменены состоявшиеся приговоры и прекращено производство по делу в связи с наличием оснований прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности по ряду дел[6]. Например, был отменен приговор Иркутского

---

[1] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (с изм., внес. постановлениями Пленума от 15.11.2016 г. № 48, от 29.11.2016 г. № 56) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. №. 8. С. 5–8.

[2] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12.11.2003 г. № 53-о03-78 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 20.03.2018).

[3] Архив Курганского областного суда за 2015 г. Уголовное дело № 2-22/2015 // [электронный доступ]: Судебные и нормативные акты РФ // http://sudact.ru/regular/doc/YS2vTv1qbn U8 (дата обращения: 15.02.2016).

[4] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22.03.2016 г. № 82-АПУ16-2 [Электронный ресурс] // официальный сайт Верховного Суда РФ // http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1430316 (дата обращения: 24.04.2017). Верховный Суд РФ в издании судебной практики к Уголовному кодексу РФ в 2015 г. также приводит аналогичный пример в качестве иллюстрации освобождения от уголовной ответственности, в котором подчеркивает, что истечение сроков давности влечет освобождение от уголовной ответственности, а не от наказания. См.: Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / сост. В. А. Давыдов, И. Н. Иванова, под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2015. С. 407.

[5] Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 19 также разъяснил, что если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование, то в соответствии со ст. 389.21 УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет обвинительный приговор и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование (п. 27).

[6] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2004 г. [Электронный ресурс] // официальный сайт Верховного Суда РФ // http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=1568 (дата обращения: 17.10.2015); Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2006 г. № 933-п05пр [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М.,

областного суда в части осуждения Б. по ст. 119 УК РФ, поскольку «суд, вопреки требованию закона, не прекратил уголовное дело в связи с истечением сроков давности, в ходе судебного разбирательства, постановив обвинительный приговор и освободив осужденного от наказания»[1].

С учетом противоречивых позиций высших судов, по данному вопросу нет единого мнения в науке, нет единообразия и в судебной практике: в одних случаях суды выносят обвинительный приговор с освобождением от отбывания наказания[2], в других – обвинительный приговор без назначения наказания[3], в третьих – постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)[4]. Большинство опрошенных судей (42%) при выборе одного из трех возможных видов решений полагают, что в случае истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности в судебном разбирательстве должно быть вынесено постановление о прекращении уголовного дела, 39 % – усматривают основания для постановления обвинительного приговора с назначением наказания с освобождением от его отбывания, 19% полагают, что в этом случае постановляется обвинительный приговор без назначения наказания[5]. Следует солидаризироваться с большинством респондентов, которые на основании норм закона правильно рассматривают процессуальной формой итогового судебного решения в случае истечения сроков давности уголовного преследования постановление, а не обвинительный приговор любого вида.

Своеобразной позиции в рассматриваемом плане придерживается Ю. В. Козубенко. Он полагает, что в случае, указанном в ч. 8 ст. 302 УПК РФ, должен быть постановлен обвинительный приговор без назначения наказания, поскольку, на его взгляд, указанная норма фактически вводит новое основание освобождения от наказания – истечение сроков давности[6]. Указанный автор считает, что «уголовно-процессуальный закон устанавливает

2018 (дата обращения: 21.02.2018); Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2006 г. № 32-П05ПР [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 21.02.2018).

[1] Архив Иркутского областного суда за 2008 г. Уголовное дело № 2-4/2008. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 10.06.2008 г. № 66-008-27.

[2] См.: Архив Долинского городского суда Сахалинской области за 2017 г. Уголовное дело № 1-26/2017 // [электронный доступ]: https://dolinskiy--sah.sudrf.ru/modules.php?name= sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=30822169&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=30728539 (дата обращения: 15.03.2018).

[3] См.: Архив Мокроусовского районного суда Курганской области за 2014 г. Уголовное дело № 1–11/2014 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/R1Tj9gXO2iNp (дата обращения: 15.02.2016); Архив Курганского областного суда за 2014 г. Уголовное дело № 2–5/2014 // [электронный доступ]: https://oblsud--krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1069260&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=3828 (дата обращения: 15.02.2017).

[4] Архив Нижнеудинского городского суда Иркутской области за 2012 г. Уголовное дело № 1-2/2012 // [электронный доступ]: https://nizhneudinsky--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_de lo&srv_num=1&name_op=doc&number=54198168&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 25.02.2018).

[5] См.: Приложение Е. Рисунок Е.4.

[6] См.: Козубенко Ю. В. Основания освобождения от наказания при постановлении обвинительного приговора //

основания освобождения от наказания, не известные закону уголовному. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания возможно только по специальным основаниям освобождения от наказания, о которых уголовный закон практически умалчивает, а вот закон уголовно-процессуальный иногда предусматривает». По мнению автора, налицо «вторжение» закона уголовно-процессуального в сферу материальную, однако данное «вторжение» подчиняется нормативно-логической формуле механизма уголовно-правового регулирования и совершенно органично вписывается в систему процессуальных актов уголовного судопроизводства[1]. Свои выводы Ю. В. Козубенко основывает на нормативно-логической формуле механизма уголовно-правового регулирования, в которой наказание не является завершающим звеном в структуре ее элементов. На его взгляд, функционально структура элементов механизма уголовно-правого регулирования более сложная и состоит, в том числе, в следующей общей формуле: «преступление – уголовное преследование – уголовная ответственность – наказание»[2].

Соглашаясь с выводами Ю. В. Козубенко о необходимости исследования структуры элементов уголовно-правового регулирования, следует возразить приведенной позиции данного автора о возможности установления уголовно-процессуальным законом новых оснований освобождения от наказания, неизвестных уголовному закону. Нормы уголовно-процессуального права регулируют процедуру принятия решений, поэтому имеют цель – правильное применение норм уголовного права как материального закона, в УПК РФ не могут устанавливаться материальные основания принятия процессуальных решений[3]. В этой связи нельзя согласиться и с дискуссионным мнением А. С. Зиновьева, который анализируя нормы п. 1 ст. 254 УПК РФ и ч. 8 ст. 302 УПК РФ, пришел к выводу, что освобождение от уголовной ответственности возможно как путем вынесения постановления о прекращении уголовного преследования, так и путем вынесения обвинительно-

---

LEX RUSSICA. 2014. № 12. С. 1430–1442.

[1] См.: Козубенко Ю. В. К вопросу о двусторонней координации процессуальных и материальных отраслевых конструкций в механизме уголовно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10. С. 1298–1309.

[2] См.: Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты… С. 18, 122, 138, 166–172, 419.

[3] Такую позицию занимают и другие авторы. Так, В. Курченко и А. Прошляков высказывают свои возражения, тому, чтобы нормы процессуального уголовного законодательства «вторгались» в материально-правовое законодательство, ни, тем более, противоречили ему. Указанные авторы разделяют мнение В. Божьева о приоритете норм материального права, так как дело прекращается в связи с освобождением лица от уголовной ответственности – а это предмет уголовного права. См.: Курченко В. Давность уголовного преследования: коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства / В. Курченко, А. Прошляков // Уголовное право. 2005. № 3. С. 132. См.: Божьев В. Определение сферы действия норм УПК // Законность. 2005. № 1. С. 2–5. З. И. Сагитдинова также рассматривает такое вторжение УПК РФ в сферу уголовно-правового регулирования как искажающее материально-правовую природу института давности преступления. См.: Сагитдинова З. И. Противоречивая судебная практика как следствие рассогласованности нормативных предписаний УК РФ и УПК РФ (на примере института давности преступления) // Право и государство: теория и практика. 2013. № 1 (97). С. 82.

го приговора без назначения наказания. По его мнению, словосочетания «обвинительный приговор с освобождением от уголовной ответственности» и «обвинительный приговор без назначения наказания» тождественны, а уголовный закон не содержит запрета на освобождение от уголовной ответственности приговором суда[1].

Думается, что для постановления обвинительного приговора без назначения наказания нет оснований при истечении сроков давности уголовного преследования еще и по следующим причинам. Для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности достаточно установления лишь самого факта истечения срока давности. Как верно подчеркивает Н. П. Кириллова, прекращение уголовного дела по данному основанию осуществляется потому, что «совершенное преступление через продолжительный промежуток времени, как правило, имеет меньший общественный резонанс, прерывается связь между преступлением и наказанием в глазах, как самого виновного, так и в глазах окружающих, в связи с чем применение наказания за совершенное преступление признается нецелесообразным»[2]. Данное основание носит объективный характер, является императивным, не зависящим от усмотрения правоприменителя. От самого лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство, по сути, не требуется даже правомерного поведения, выражающегося в несовершении новых преступлений в период срока давности, поскольку срок давности исчисляется по каждому преступлению самостоятельно. В связи с истечением сроков давности нет оснований и для обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от него, так как это явилось бы избыточным применением уголовной ответственности в отношении лица и противоречит нормам уголовного закона.

Отдельные авторы не только считают, что уголовное преследование при наличии истечения сроков давности должно быть прекращено, но и не ставят такую возможность в зависимость от мнения подсудимого. Так, Е. А. Хабарова полагает, что суду в рамках судебного разбирательства необходимо разрешить прекращать уголовное дело по нереабилитирующему основанию (освобождать от уголовной ответственности) даже в тех случаях, когда подсудимый против этого возражает. По ее мнению, положение ч. 8 ст. 302 УПК РФ не соответствует нормам уголовного закона (который предусматривает освобождение лица от уголовной ответственности, а не от наказания), интересам подсудимого, не отвечает на во-

---

[1] Зиновьев А. С. Статья к проблеме вынесения приговора без назначения наказания // Российский судья. 2006. № 9. С. 26.

[2] Кириллова Н. П. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. СПб., 1998. С. 12.

прос, почему при выявлении данных оснований в вышестоящих судебных инстанциях дело все-таки подлежит прекращению[1]. Данная точка зрения представляется дискуссионной, так как основание прекращения уголовного преследования является нереабилитирующим и обвиняемый вправе настаивать на продолжении производства по делу и принятии решения по исследовании представленных суду доказательств.

Между тем многократно были озвучены предложения о закреплении в УПК РФ нормы о том, что в связи с истечением срока давности уголовное дело подлежит прекращению в любой стадии уголовного судопроизводства с освобождением от уголовной ответственности, поскольку «установленный процессуальный порядок фактически возлагает уголовную ответственность вместо того, чтобы освобождать от нее»[2], и «истечение этого срока является препятствием для любой стадии производства по уголовному делу, а также для постановления приговора»[3]. Заслуживает внимания и позиция некоторых ученых полагавших, что более соответствующим нормам уголовно-процессуального закона, является рассмотрение вопросов освобождения от наказания по амнистии и в связи с давностью не в обвинительном приговоре суда с освобождением от наказания, а в особых определениях суда, с предоставлением права их обжалования в «частном» (сейчас апелляционном) порядке, поскольку «амнистия и давность влекут за собою прекращение дела во всякой стадии процесса, что происходит путем определения, а не приговора суда»[4].

В таком виде судебного решения как постановление (определение) могут быть приведены все установленные судом обстоятельства и принято решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Обвинительные приговоры с назначением наказания и освобождением от его отбывания или без назначения наказания не могут выступать процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности, так как являются итоговыми судебными решениями, которыми виновный привлечен к уголовной ответственности, с осуждением и освобождением от отбывания наказания или с осуждением без назначения наказания. А. В. Ендольцева и О. И. Андреева в этой связи обоснованно полагают необходимым вообще исключить ч. 8 ст. 302 УПК РФ[5].

---

[1] См.: Хабарова Е. А. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса: автореф. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 10, 20.

[2] Барановский В. Освобождение от уголовной ответственности вследствие истечения сроков давности / В. Барановский, А. Тарбагаев // Советская юстиция . 1990. № 13. С. 15.

[3] Куссмауль Р. Момент истечения сроков давности в УК РФ установлен верно // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 67.

[4] Люблинский П. И., Полянский Н. Н. Указ. соч. С. 276.

[5] См.: Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. М, 2005. С. 13-14; Андреева О. И. Концептуальные

Несоответствие процессуальной формы освобождения от уголовной ответственности материально-правовой природе института уголовной ответственности и освобождения от нее, и существующая коллизия норм материального и процессуального права должна толковаться в сторону приоритета норм материального права над процессуальным. Отсутствие единообразия в применении норм материального и процессуального права, в свою очередь, влечет несогласованность правоприменительной практики. Данную конкуренцию материальных и процессуальных норм и отсутствие последовательной позиции высших судебных органов, влияющих на единообразие судебной практики, некоторые авторы расценивают как способствующую формированию «благодатной почвы для коррупционных проявлений при разрешении конкретной правоприменительной ситуации»[1]. Вместе с тем, обеспечение надлежащих механизмов единства судебной практики в уголовном судопроизводстве выступает в качестве гарантии конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, на что верно указывает И. С. Дикарев[2]. Как справедливо подчеркивают А. Д. Назаров и Л. В. Майорова для минимизации рисков появления в уголовном деле следственных и судебных ошибок, связанных с неправильным применением материального (уголовного) закона и нарушением его запретов, необходимо понимание доктринальных постулатов уголовного права в контексте уголовно-процессуальной деятельности[3].

Приведенная аргументация относительно прекращения уголовного дела (уголовного преследования) на основании п. 1 ст. 254 УПК РФ в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности относится к нескольким основаниям. При истечении срока давности уголовной ответственности (срока давности уголовного преследования), наступлении смерти обвиняемого (подсудимого), применении акта амнистии, освобождающего от наказания, при продолженном судебном разбирательстве (в случае возражения в ходе производства на прекращение уголовного преследования) – оснований для назначения наказания не имеется, потому не требуется и постановление

основы… С. 283. О приоритете норм материального права над процессуальными и не соответствии в ч. 8 ст. 302УПК РФ норм о сочетании освобождения от уголовной ответственности с обвинительным приговором суда юридической природе института такого освобождения, требующих внесения соответствующих изменений в УПК РФ, указывают и другие авторы. См.: Коробов П. О первоначальной индивидуализации уголовной ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 36; Калугин А. Прекращение уголовного дела в ходе судебного разбирательства с освобождением подсудимого от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности / А. Калугин, Д. Токманцев // Уголовное право. 2011. № 2. С. 98.

[1] Хырхырьян М. А. Постановление или приговор? // Уголовный процесс. 2014. № 5. С. 9.

[2] Дикарев И. С. Механизмы обеспечения единства судебной практики в уголовном процессе // Власть. 2011. № 8. С. 148.

[3] Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона и нарушениями его запретов / А. Д. Назаров, Л. В. Майорова // Сибирский юридический вестник. 2016. №4. С. 31.

обвинительного приговора, в том числе, и без назначения наказания. Обвинительный приговор любого вида не может быть процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности[1]. Поскольку истечение сроков давности исключает уголовную ответственность, данное основание не может влечь постановление обвинительного приговора без назначения наказания.

2) В юридической литературе встречается точка зрения, что исследуемый вид приговора может быть постановлен в **случае продолжения судопроизводства по уголовному делу в целях реабилитации умершего обвиняемого (подсудимого), оснований для которой не установлено**[2]. Отдельные авторы рассматривают смерть подсудимого как основание для постановления обвинительного приговора с освобождением осужденного от отбывания наказания, если судебное разбирательство было продолжено в целях его реабилитации, при отсутствии оснований к таковой[3]: «если суд придет к выводу о виновности умершего лица, ему следует вынести обвинительный приговор с освобождением виновного от наказания»[4].

Возникает закономерный вопрос не только о процессуальных, но и о нравственных основаниях такого приговора: в отношении кого выносить обвинительный приговор, да еще и с назначением наказания, по сути, приговор умершему от имени государства? Как верно отмечает А. П. Фильченко, «привлечение к уголовной ответственности умершего лица воспринимается сегодня как акт противоестественный, не укладывающийся в традиционное правовое, да и, в целом, нравственное мировоззрение современного человека»[5]. Обсуждая возможность «покарать усопшего умершего», О. В. Качало-

---

[1] Длительное время продолжаются дискуссии о правильном соотношении норм материального и процессуального права, в том числе, о процессуальных формах освобождения от уголовной ответственности и наказания, освобождении от уголовного преследования. См.: Дюрягин И. Освобождение от уголовной ответственности и наказания / И. Дюрягин, А. Прошляков // Советская юстиция. 1990. № 18. С. 13–15; Головко Л. В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. 2000. № 6. С. 41–51; Володина Л. М. Проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Библиотека криминалиста. 2016. № 2 (25). С. 49–66.

[2] Бородин С. В. Уголовно-процессуальное право… С. 482; Уголовно-процессуальное право РФ: уч-к / отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. М., 2014. С. 502; Кириллова Н. П. Указ. соч. С. 87. Такую процессуальную форму как обвинительный приговор без назначения наказания в случае смерти подсудимого рассматривают 27% опрошенных судей, выбравших из предложенных вариантов данное основание для постановления исследуемого приговора. См.: Приложение Е. Рисунки Е.2, Е.3.

[3] См.: Бобров В. К. О правовых основаниях обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания, постановляемого в связи с истечением сроков давности по Уставу уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / В. К. Бобров, А. В. Соболев // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2015. №3. С. 119–122.; Коробов П. Освобождение от наказания: теория и практика // Уголовное право. 2007. № 1. С. 31.

[4] Маслов И. В. Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: как исполнять решение Конституционного Суда Российской Федерации // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 52.

[5] Фильченко А. П. Юридическое значение смерти лица, совершившего преступление, в механизме прекращения правоотношения уголовной ответственности // Адвокат. 2012. № 10. С. 25–26. См. также: Звечаров-

ва справедливо подчеркивает, что обвинительный приговор в отношении умершего противоречит логике уголовно-процессуального закона и здравого смысла[1]. Ю. В. Козубенко также считает нецелесообразным, не укладывающимся в логику формулы механизма уголовно-правового регулирования возложение уголовной ответственности на умершего, и полагает недопустимым уголовное преследование умерших[2].

Ю. А. Ляхов не без оснований указывает, что «производство по уголовному делу в полном объеме, если установлено, что преступление совершил умерший подозреваемый или обвиняемый, не имеет смысла, так как уголовную ответственность в этом случае нести некому»[3]. Напротив, Л. В. Симанчева, затрагивая большой пласт проблем, обусловленных недостаточной регламентацией производства по уголовному делу в отношении умершего обвиняемого (подсудимого), пришла к выводу, что предварительное расследование во всех случаях должно производиться в полном объеме. Если, по мнению органа предварительного расследования, умерший виновен в совершении преступления – уголовное дело в силу презумпции невиновности подлежит направлению в суд для решения вопроса о виновности или невиновности умершего лица. В случае смерти подсудимого судебное разбирательство проводится также в полном объеме[4].

Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ стала жалоба граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко, которые оспаривали конституционность п. 4 ч. 1 ст. 24, и п. 1 ст. 254 УПК РФ, поскольку в отношении близких им лиц (их детей) были прекращены уголовные дела по нереабилитирующим основаниям – в связи со смертью. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П (далее – Постановление Конституционного Суда РФ № 16-П)[5], указано: если при продолжении производства предварительного расследования будут установлены основания для принятия решения о реабилитации умершего, уголовное дело подлежит прекращению по реабилитирующим основа-

---

ский И. О мерах уголовно-правового характера, не предусмотренных уголовным законом / И. Звечаровский, А. Иванов // Уголовное право. 2014. № 4. С. 33–36.

[1] Качалова О. В. Обвинительный приговор в отношении умершего: можно ли покарать усопшего? // Уголовный процесс. 2018. № 2. С. 8.

[2] См.: Козубенко Ю. В. Системные и антисистемные образования в межотраслевом механизме уголовно-правового регулирования. Екатеринбург, 2018. С. 38–142.

[3] Ляхов Ю. А. Правовая неопределенность и права личности в уголовном процессе // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 60. Такую же позицию занимает и Т. А. Левинова, уточняя, что производство в отношении умершего может быть продолжено только в интересах его реабилитации, восстановления чести, доброго имени, репутации. См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков, (автор главы – Т. А. Левинова). М., 2014. С. 95.

[4] См.: Симанчева Л. В. Родственники умершего обвиняемого подсудимого как субъекты уголовного судопроизводства / отв. ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович. Томск, 2015. С. 46–51.

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (2). Ст. 4698.

ниям, если же нет – оно передается в суд для рассмотрения в общем порядке; при этом в рамках судебного разбирательства должны быть установлены обстоятельства происшедшего, дана их правовая оценка, а также выяснена действительная степень вины (или невиновность) лица в совершении инкриминируемого ему деяния; рассмотрев уголовное дело по существу в обычном порядке (с учетом особенностей, обусловленных физическим отсутствием такого участника судебного разбирательства, как подсудимый), суд должен либо, придя к выводу о невиновности умершего лица, вынести оправдательный приговор, либо, не найдя оснований для его реабилитации, прекратить уголовное дело на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ[1].

В дальнейшем, постановлением Гагаринского районного суда г. Москвы уголовное дело в отношении О. С. Александриной было прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24, п. 1 ст. 254 УПК РФ (в связи со смертью). В своем постановлении суд указал, что, рассмотрев уголовное дело по существу, установив обстоятельства происшедшего, он пришел к убеждению, что основания для реабилитации О. С. Александриной отсутствуют, поскольку совокупностью достаточных доказательств, признанных судом достоверными, установлено, что О. С. Александрина, являясь лицом, управляющим автомобилем, совершила нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека. Суд признал доказанным, что преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 264 УК РФ, совершено умершей О. С. Александриной, подлежавшей привлечению к уголовной ответственности и поскольку отсутствуют основания для реабилитации умершей О. С. Александриной, прекратил уголовное дело[2].

Уголовно-процессуальный закон содержит императивное указание, что в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, уголовное дело не может

---

[1] Следует отметить, что Конституционный Суд РФ при обращении Н. Н. Магнитской за разъяснением вышеуказанного Постановления № 16-П еще раз подчеркнул: в случаях, когда возражения против прекращения уголовного дела родственниками не заявлены, продолжение производства по уголовному делу возможно, если это необходимо для реабилитации умершего, а правовые позиции Конституционного Суда РФ не могут быть использованы для обоснования продолжения органом уголовного преследования производства по уголовному делу, если оно не направлено на реабилитацию умершего подозреваемого (обвиняемого)[1]. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 г. № 423-О-Р [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 2.05.2018).

[2] См.: Архив Гагаринского районного суда г. Москвы за 2013 г. Уголовное дело № 1-118/2013 // [электронный доступ]: https://gagarinsky--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=310216392&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.02.2015). В апелляционном порядке Московским городским судом данное постановление 20.11.2013 г. было оставлено без изменения. См.: Архив Московского городского суда за 2013 г. Апелляционное постановление № 10–11395/2013 от 20.11.2013 г. // [электронный доступ]: http://old.mos-gorsud.ru/inf/infa/ua/?year=UAI_year2013&sf0=&sf1=&sf2=%E3%E0%E3%E0%F0%E8%ED%F1%EA%E8%E9&sf3=&sf4=%E0%EB%E5%EA%F1%E0%ED%E4%F0%E8%ED&sf6=&sf8= (дата обращения: 15.02.2015).

быть возбуждено, а возбужденное – подлежит прекращению (п. 4 ч. 1 ст. 24). В соответствии с п. 2 ст. 27 УПК РФ прекращение уголовного дела по указанному основанию влечет прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого. Нельзя осудить умершего, чему ранее являла негативные примеры история уголовного судопроизводства России. Так, в случаях, когда дела не доходили до суда в связи со смертью обвиняемого, Петр I выносил приговоры «посмертно». Например, не дожил до суда бывший томский комендант Р. А. Траханиотов. Ознакомившись с результатами розыска по уголовному делу, Петр I повелел тело умершего выкопать и в «Москве, в пристойном месте, повесить»[1].

Между тем, примеры постановления приговора в отношении умерших имеются и в современной судебной практике. Так, был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания по уголовному делу в отношении У. Производство по делу после смерти подсудимого было продолжено со ссылкой на нормы п. 4 ч. 1 ст. 24, п. 1 ст. 254 УПК РФ и Постановление Конституционного Суда РФ № 16-П, поскольку адвокат заявлял об оправдании У. В приговоре суд после оценки исследованных доказательств указал, что «У. является вменяемым, вина его установлена и доказана», но в связи со смертью суд счел невозможным назначать У. наказание, а на основании п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ постановил обвинительный приговор без назначения наказания. В резолютивной части приговора указано: «Признать У. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В соответствии с п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ У. наказание не назначать ввиду его смерти»[2].

В другом случае, уголовное дело было рассмотрено также с постановлением обвинительного приговора без назначения наказания в отношении К., который Самарским районным судом Самарской области на основании п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и в связи с его смертью на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело и уголовное пресле-

---

[1] Акишин М. О. Судебная реформа Петра I: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 167. Посмертный приговор был постановлен и по делу дьяка П. К. Скурихина, уличенного в ходе следствия в казнокрадстве: Петр I в приговоре 1724 г. указал извлечь его тело и повесить «на железной чепе за Москвою рекою на Болоте… за то, что он, покрывая и отбывая своего воровства, во всем запирался и… повинной не принес». См.: Серов Д. О. Петр I как судебный деятель // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. 2007. Т. 6. № 1. С. 33.

[2] Архив Заводского районного суда Кемеровской области за 2015 г. Уголовное дело № 1-906/2015 // [электронный доступ]: https://zavodskiy--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34213777&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.05.2016). Примечательно, что в графе «решение» отмечено: «уголовное дело прекращено», что подтверждает необходимость самостоятельного учета судебной статистикой практики постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

дование в отношении него было прекращено[1]. В приговоре суд указал: «Назначая наказание, суд учитывает характер и степень общественной опасности содеянного, конкретные обстоятельства дела, личность подсудимых», и кроме обсуждения вопросов о наказании подсудимой С., осужденной тем же приговором, также рассмотрел данные о личности умершего К.: он «ранее не судим, на учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах не состоял, по месту жительства и работы характеризовался положительно, работал директором ООО «НПК Резерв». Смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено». В данном приговоре, суд, по сути, принял два процессуальных решения: обвинительный приговор без назначения наказания и решение о прекращении уголовного преследования и уголовного дела в отношении К. Представляется, что суд в совещательной комнате мог постановить два процессуальных решения: приговор в отношении подсудимой С. и постановление о прекращении уголовного преследования К. в связи с его смертью. Достаточно дискуссионным является и решение суда предоставить в судебном заседании супруге умершего не только слово в судебных прениях, но и последнее слово.

В отношении умершего нельзя постановить обвинительный приговор, в том числе, и без назначения наказания. Умерший не является субъектом преступления, и к нему, поскольку он не может нести уголовную ответственность, не могут быть применены основания неназначения наказания или освобождения от наказания, то есть, нет материально-правовых оснований для постановления приговора любого вида. Субъектом преступления признается лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние, и способное нести за него уголовную ответственность[2]. Производство в отношении умершего может быть продолжено только в целях его реабилитации, а при не установлении таких обстоятельств – уголовное дело подлежит прекращению. Если к тому времени дело рассматривается в апелляционном порядке, то суд второй инстанции не вправе прекратить апелляционное производство, а на основании п. 4 ч. 1 ст. 24, ст. 389.21 УПК РФ должен отменить обвинительный приговор и прекратить уголовное дело, о чем свидетельствует и судебная практика[3]. Представляется, что в отношении умершего по

---

[1] Архив Самарского районного суда Самарской области за 2015 г. Уголовное дело № 1-4/2015 // [электронный доступ]: https://samarsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34975201&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 6.12.2018).

[2] См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: уч-к / под ред. А. И. Рарога, (автор главы – А. В. Наумов). М., 2012. С. 115.

[3] См.: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 26.04.2011 г. по делу № 22-16456/11; Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Иркут-

итогам судебного разбирательства, как и в ходе всего производства по уголовному делу, возможно вынесение постановления (определения), и данная единая унифицированная форма принятия решения не противоречит принципу личной ответственности, закрепленному в уголовном праве и принципу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ).

В этой связи обоснованно, что в случае смерти подсудимого дальнейшее производство во всех случаях возможно для принятия законного решения: либо прекращения уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – в случае доказанности совершения умершим преступления, либо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям (оправдание)[1], поскольку смерть подсудимого является одним из обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии процессуальных или материально-правовых предпосылок, необходимых для вынесения приговора по предъявленному лицу обвинению[2]. Поэтому смерть подсудимого влечет постановление в судебном разбирательстве определения суда о прекращении дела, так как «сама постановка вопроса о виновности или невиновности исключается»[3], к тому же следует отметить, что вопрос виновности – главный в сущности понятия приговора, раз исключается этот вопрос, то и не требуется такая процессуальная форма как приговор для принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

В силу презумпции невиновности умерший до вынесения приговора или до вступления приговора в законную силу всегда будет невиновным, поскольку в отношении него не постановлялся обвинительный приговор суда. Именно в реабилитации умершего заключается цель тех лиц, по инициативе которых продолжено уголовное судопроизводство. Представляется, что уголовное судопроизводство продолжено не в целях соблюдения процессуальных интересов умершего, а иных заинтересованных лиц, участие которых обусловлено только смертью лица, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство. Являясь участниками уголовного судопроизводства,

---

ского областного суда от 21.05.2013 г. по делу № 22-12017/13 // Архив Иркутского областного суда за 2011, 2013 гг.; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 1.04.2015 г. № 47-АПУ15-6сп [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 22.05.2018); Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 13.01.2015 г. № 22-287/15 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc /ZQ9stHWwZPdX (дата обращения: 26.02.2016).

[1] См.: Чурилов Ю. Ю. Проблемы реализации принципа презумпции невиновности в случае смерти обвиняемого // Законодательство и экономика. 2008. № 10. С. 68–69; Он же. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве. М., 2010. С. 32. Такую же позицию занимает и Верховный Суд РФ. См.: Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2012 г. № 52-О12-9 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 20.02.2018).

[2] См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 123.

[3] Гай О. Ю. Указ. соч. С. 15.

указанные заинтересованные лица, инициировавшие продолжение уголовного судопроизводства, реализуют присущий только им процессуальный интерес, направленный на реабилитацию умершего. Такой законный интерес является личным, а не представляемым, как верно указывает О.В. Хитрова[1]. В этой связи следует солидаризироваться с мнением Р. В. Мазюка, который под процессуальным интересом понимает «нормативно допустимое, обусловленное осуществляемой функцией целеполагающее отношение участника уголовного судопроизводства к производству какого-либо процессуального действия или принятию какого-либо процессуального решения по уголовному делу»[2]. Однако осуществляют ли такие заинтересованные лица какую-либо самостоятельную функцию до настоящего времени законодателем не определено, что, возможно, и является одной из причин длительного неисполнения решения Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г.

Если оснований для реабилитации не установлено, то привлечение к уголовной ответственности умершего, а любой обвинительный приговор и есть реализация уголовной ответственности, явно не входило в интересы инициаторов такого продолженного производства. В случае же, когда был постановлен обвинительный приговор любого вида, те лица, которые ожидали реабилитации их близкого, получают в отношении него судебное решение от имени государства, а умерший становится осужденным. Представляется, что вне зависимости от стадии принятия решения, и субъекта, управомоченного такое решение принимать, должно следовать прекращение уголовного преследования (уголовного дела) в связи со смертью.

ЕСПЧ по данному вопросу в одном случае свои позиции сформулировал следующим образом: «уголовная ответственность не переживает смерть подозреваемого, применение уголовно-правовых санкций к живым (наследникам) в связи с действиями, по-видимому, совершенными умершим, требует тщательного контроля»[3]. В другом случае ЕСПЧ учел, что гражданская ответственность заявителя как наследника была прямым следствием посмертного осуждения его отца. В решении подчеркнуто, что обвиняемый скончался до того, как его вина была законно установлена судом, поэтому до смерти он считался невиновным. Хотя гражданский иск имел вторичное значение по отношению к уголовному преследованию, суд, тем не менее, установил вину умершего и прибыль, извлеченную последним, что дало ему основание для разрешения гражданского иска и

---

[1] См.: Хитрова О. В. Производство по уголовному делу в целях реабилитации умершего подозреваемого или обвиняемого: проблемы правового регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36).С. 39.

[2] Мазюк Р. В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 79.

[3] Постановление ЕСПЧ от 10.04.2012 г. по делу «Силицкиене (Silickiene) против Литвы» (жалоба № 20496/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 10.

возложения на заявителя (наследника) обязанности уплаты компенсации. Высказываясь о производстве по гражданскому делу с участием наследника умершего обвиняемого, ЕСПЧ пришел к выводу, что в рамках любого судопроизводства, обусловленного смертью лица, чья виновность при жизни не была установлена, было нарушено право умершего считаться невиновным. В обоснование своей позиции ЕСПЧ провел параллель с заочным производством и привел высказанные ранее выводы, что отказ в правосудии имеет место, когда лицу, осужденному заочно, не может быть впоследствии обеспечено слушание для повторного рассмотрения обвинения по существу, с точки зрения правовых и фактических аспектов дела: «нет сомнений в том, что данная практика еще более применима в делах, затрагивающих установление виновности после смерти»[1].

Как верно полагает С. В. Бурмагин, рассматривая влияние решений ЕСПЧ на уголовное судопроизводство России, одной из характерных особенностей является реагирование на решения Европейского Суда, в первую очередь, судебной власти. Автор отмечает, что под влиянием правовых позиций корректируется толкование и применение существующих процессуальных правил, а уже после практической доработки измененных процедур законодатель вносит соответствующие изменения в УПК РФ[2]. К сожалению следует отметить, что приведенные судебные решения ЕСПЧ об умерших обвиняемых не нашли должного освещения и не оказали соответствующего влияния на российскую судебную практику. В связи с этим требуется дальнейшее исследование данных вопросов в целях надлежащей регламентации порядка судопроизводства.

В целях реализации Постановления Конституционного Суда РФ № 16-П Правительством РФ был разработан законопроект, который уже более пяти лет не рассмотрен в окончательном варианте. Внесенным Законопроектом предусматривается введение дополнительной главы 51.1 УПК РФ, регламентирующей производство по уголовным делам в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности[3]. Ст. 446.10 Проекта «Судебное решение» регламентирует, что придя к выводу о невиновности умершего обвиняемого, подозреваемого, лица, под-

---

[1] Постановление ЕСПЧ от 12.04.2012 г. по делу «Лагардер (Lagardere) против Франции» (жалоба № 18851/07) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 10.

[2] Бурмагин С. В. О влиянии решений Европейского суда по правам человека на уголовное судопроизводство России // Российское правосудие. 2016. № 3. С. 91.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности [электронный доступ]: Проект Федерального закона, принятый Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении 25 января 2013 г. №180771-6 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=180771-6 (дата обращения: 17.12.2017).

лежащего привлечению к уголовной ответственности, суд постановляет оправдательный приговор в соответствии с ч. 2 ст. 302 УПК РФ. Признав доказанным, что преступление совершено умершим обвиняемым, подозреваемым, лицом, подлежащим привлечению к уголовной ответственности, при отсутствии оснований для его реабилитации, суд прекращает уголовное дело на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1.1 ст. 254 УПК РФ.

Ю. О. Максимихина, высказывая сомнения о предложенной в Законопроекте форме итогового процессуального решения, поскольку постановление о прекращении уголовного дела, вынесенное, в том числе, судом, по ее мнению, не является по существу актом, устанавливающим вину лица, уверена в том, что правильным в этой ситуации является постановление обвинительного приговора без назначения наказания[1]. С указанной позицией нельзя согласиться, так как установление виновности и реализация уголовной ответственности после смерти лица противоречит нормам как уголовного права, так и уголовно-процессуального права, поскольку в случае вынесения обвинительного приговора без назначения наказания уголовная ответственность реализуется, и таким образом уголовная ответственность «переживает своего носителя»[2].

Обсуждая «законопроект об уголовном преследовании трупов для защиты интересов наследников»[3], А. А. Куприянов обоснованно ссылается на то, что правовые последствия прекращения уголовного дела вне зависимости от оснований, в силу действия презумпции невиновности, одинаковы, за исключением реабилитации, влекущей материальное возмещение всех потерь, связанных с привлечением субъекта к уголовной ответственности. «Умерший не нуждается в материальном возмещении, в котором нуждаются только его наследники. Умерший обвиняемый является невиновным», – справедливо подчеркивает автор.

На Постановление Конституционного Суда РФ № 16-П ссылается в настоящее время и Президиум Верховного Суда РФ, рассматривая законность принятых постановлений о прекращении уголовного дела[4]. Как верно отмечает Л. В. Головко, если есть основания

---

[1] Максимихина Ю. О. Производство по уголовным делам в отношении умерших: анализ проекта федерального закона // Вестн. СамГу. 2013. № 5 (106). С. 212–214.

[2] Позже и сам автор изменил свою позицию, мотивируя, что в случае смерти подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), привлечение к уголовной ответственности невозможно, соответственно невозможно и вынесение приговора в отношении умершего, следовательно, по ее мнению, необходимо вынесение постановления о прекращении уголовного дела в случае установления виновности умершего в связи со смертью по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в противном случае – постановления о прекращении уголовного дела по одному из реабилитирующих оснований, предусмотренных УПК РФ. См.: Максимихина Ю. О. Особенности производства по уголовному делу в отношении умершего // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 58.

[3] Куприянов А. А. Уголовное преследование умерших породит путаницу // Уголовный процесс. 2013. № 1. С. 8.

[4] Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 248П11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012.

подвергнуть какое-либо лицо уголовному преследованию с целью постановки перед судом вопроса о его виновности в совершении преступления, то ничто (включая презумпцию невиновности) не мешает при наличии соответствующих условий освободить такое лицо от уголовного преследования, при этом никто не вправе объявлять его «лицом, совершившим преступление» или «виновным» … данное лицо остается не более чем «лицом, подлежащим» (или уже подлежавшим) уголовному преследованию»[1].

Следует подчеркнуть, что в Постановлении по делу «Вулах и другие против России» от 10 января 2012 г. ЕСПЧ вновь обратил внимание на то, что одним из основных принципов уголовного права является норма, согласно которой уголовная ответственность прекращается со смертью лица, совершившего преступление (п. 34) и существуют принципиальные различия между утверждением о том, что кто-то лишь подозревается в совершении преступления, и однозначным заявлением суда – в отсутствие вступившего в силу обвинительного приговора – о том, что данное лицо совершило указанное преступление[2].

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что в отношении умершего невозможно постановление обвинительного приговора без назначения наказания, поскольку уголовная ответственность в этом случае исключается. Представляется, следует предложить единую унифицированную форму (вне зависимости от стадии принятия решения и субъекта, принимающего такое решение) в виде постановления о реабилитации (ведь именно на этом настаивают близкие лица, по инициативе которых продолжено производство) в случае прекращения производства по уголовному делу в отношении умершего подсудимого. Такая единая форма в виде постановления влечет единые правовые последствия, обусловленные реабилитацией лица. Если оснований для реабилитации не установлено – по итогам продолженного судебного разбирательства суд выносит постановление (определение) на основании п. 1 ст. 254 УПК РФ, поскольку в случае наступления смерти уголовно-процессуальные правоотношения не могут быть продолжены с этим лицом, а производство продолжается лишь по инициативе заинтересованных лиц только в целях реабилитации.

3) Отдельные авторы еще одно основание постановления обвинительного приговора без назначения наказания усматривают в случае, когда **время нахождения подсу-**

№ 6. С. 18.

[1] Головко Л. В. Освобождение от уголовной ответственности… С. 51.

[2] Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 г. по делу «Вулах против Российской Федерации (жалоба № 33468/03) // [Электронный ресурс]: http://minjust.ru/ru/press/news/vulah-i-drugie-protiv-rossii-zhaloba-no-3346803 (дата обращения: 21.03.2016).

димого под стражей по данному уголовному делу с учетом правил зачета наказания, установленных ст. 72 УК РФ, поглощает наказание, назначенное подсудимому судом[1]. Однако, для того, чтобы суд смог применить правила зачета срока содержания под стражей в счет отбытого наказания, таковое должно быть назначено. Такой обвинительный приговор относится к обвинительным приговорам с назначением наказания и освобождением от его отбывания (п. 2 ч. 5 ст. 302, п. 2 ч. 6 ст. 302 УПК РФ), поэтому наличие приведенных обстоятельств не является основанием для постановления обвинительного приговора без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ).

4) В. В. Демидов и С. В. Романов рассматривают **деятельное раскаяние,** как основание для постановления обвинительного приговора без назначения наказания, поскольку подсудимый утратил общественную опасность (ч. 1 ст. 75 УК РФ)[2]. Однако, представляется такая позиция ошибочной по следующим основаниям. Прекращение уголовного преследования по указанному основанию возможно как на стадии досудебного производства, так и в ходе судебного разбирательства (ст. 28 УПК РФ). Установление обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 75 УК РФ, влечет принятие решения об освобождении от уголовной ответственности, что не сопровождается постановлением обвинительного приговора. В таком случае суд в любой стадии судопроизводства, как только были выявлены достаточные для этого основания, вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) в силу положений ст. 254 УПК РФ. Тем не менее, иногда на практике суды подменяют основания, влекущие прекращение уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности с основаниями для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Так, был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания в связи с изменением обстановки на основании ст. 80.1 УК РФ в отношении С. по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Согласно приговору, потерпевший в судебном заседании заявил о примирении с подсудимым, поскольку тот полностью возместил ему причиненный ущерб, извинился перед ним, в связи с чем он не настаивал на привлечении С. к уголовной ответственности, а подсудимый С. не возражал против прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Вместе с тем суд констатировал, что установленные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что С. впервые совершивший преступление небольшой тяжести, «после совершения преступления утратил общественную опасность, так

---

[1] С данной позицией согласны 13% опрошенных судей. См.: Приложение Е. Рисунок Е.2.

[2] См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации / под ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулиной (автор главы – В. В. Демидов). М., 2004. С. 583; Романов С. В. Указ. соч. С. 80.

как он своими действиями загладил причиненный вред, принес извинения потерпевшей стороне, в связи с чем отсутствуют какие-либо значимые последствия от его действий, сделал надлежащие выводы о недопустимости повторения противоправного поведения, что в целом свидетельствует о деятельном раскаянии подсудимого»[1]. Таким образом, в тексте приговора судом приведены два основания для освобождения от уголовной ответственности: в связи с примирением сторон и в связи с деятельным раскаянием, а также основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания в связи с изменением обстановки. Думается, что по данному уголовному делу имелись все основания для прекращения уголовного преследования и уголовного дела в отношении С. и освобождении его от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ в связи с примирением сторон в порядке, предусмотренном ст. 25 УПК РФ.

5) Д. Г. Коршунов в качестве основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания приводит нормы ст. 81 УК РФ (**освобождение от наказания в связи с болезнью**)[2], тем не менее, полагая, что при применении ст. 81 УК РФ вопрос об освобождении от наказания разрешается не в приговоре, а в постановлении судьи[3]. Представляется, в данном случае не может быть постановлен обвинительный приговор без назначения наказания, так как вопрос уголовной ответственности отложен до выздоровления лица.

2. Императивные основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания. К таковым относятся**:** изменение обстановки и издание акта амнистии, применение которой не находится в зависимости от определенного вида и размера наказания.

Применение амнистии нередко рассматривается как основание для постановления исследуемого вида приговора, при этом, некоторые авторы обоснованно разграничивают основания применения амнистии для постановления обвинительного приговора без назначения наказания и для постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания[4].

---

[1] Архив Пряжинского районного суда Республики Карелия за 2015 г. Уголовное дело № 1–61/2015 // [электронный доступ]: https://priazhsky--kar.sudrf.ru/ modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number =100005206&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=99934961 (дата обращения: 15.05.2016).

[2] Коршунов Д. Г. Указ. соч. С. 68.

[3] Там же. С. 85.

[4] См.: Демидова Е. Т. Указ. соч. С. 46; Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты… С. 173–175. Официальная статистика не разграничивает виды обвинительного приговора, которыми осужденные были освобождены от отбывания наказания или наказание им не назначалось в связи с амнистией. В 2015 г. всего освобождено от наказания по амнистии осужденных 94361 чел., в 2016 г. – 11015 чел. См.: Приложение Б. О возможности постановления обвини-

С. Б. Россинский справедливо полагает, что обвинительный приговор без назначения наказания постановляется в случаях, если издан акт амнистии, исключающий назначение наказания за это преступление[1]. Ф. М. Кудин указывает, что обвинительный приговор без назначения наказания постановляется, когда в силу амнистии или истечения сроков давности уголовного преследования лицо должно было быть освобождено от уголовной ответственности, но оно настаивало на продолжении производства по делу[2]. Указанный автор полагает, что когда обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а судом его виновность была установлена, то на этой стадии уголовного судопроизводства суд обязан освободить лицо от уголовной ответственности в форме обвинительного приговора, в котором наказание не назначается, то есть единственным решением будет вынесение обвинительного приговора без назначения наказания, поскольку наказание здесь исключается[3]. При рассмотрении данных точек зрения, следует отметить, что приговор, с освобождением от назначенного наказания в связи с применением акта амнистии, может быть отнесен к виду обвинительного приговора, предусмотренному в п. 2 ч. 5 ст. 302, п. 1 ч. 6 ст. 302 УПК РФ. При издании же акта амнистии, исключающего назначение наказания, постановляется обвинительный приговор без назначения наказания[4].

Судебная практика подтверждает, что нет необходимости в назначении наказания, если применение акта амнистии не ставится в зависимость от его назначения. Так, на основании п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ Ф. был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания в отношении Ф., не признавшем свою вину, в связи с изданием акта амнистии, поскольку согласно п. 3 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18.12.2013 г. «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации», подлежали освобождению от наказания лица, осужденные за преступление, предусмотренное ч. 1

тельного приговора без назначения наказания в связи с актом амнистии высказались 17% опрошенных судей. См.: Приложение Е. Рисунок Е.2.

[1] Россинский С. Б. Указ соч. С. 419–420. Такую же позицию занимают и другие авторы. См.: Смирнов А. В. Указ. соч. С. 590; Дорошков В. В. Научно-практический комментарий… С. 568.

[2] Кудин Ф. М. Уголовный процесс Российской Федерации… С. 565.

[3] См.: Кудин Ф. М. Уголовное судопроизводство… С. 342, 347.

[4] Следует отметить, что такую позицию высказывали более 45 лет тому назад А. С. Кобликов и П. М. Давыдов. См.: Кобликов А. С. Постановление приговора. Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции) / под ред. А. Ф. Горкина, В. В. Куликова, Н. В. Радутной, И. Д. Перлова. М., 1972. С. 357–358; Давыдов П. М. Обвинительный приговор без назначения наказания. С. 85–88. В этой связи вызывает возражения позиция В.В. Дубровина, который, указывая на противоречие положений п. 1 ст. 254 УПК РФ норме, приведенной в ч. 8 ст. 302 УПК РФ, отдает последней приоритет при решении вопроса о применении акта амнистии в связи с отказом на его применение подсудимым. См.: Дубровин В. В. Амнистия в уголовном судопроизводстве России: правовое регулирование // Библиотека криминалиста. 2014. № 5 (16). С. 131–132.

ст. 264 УК РФ[1]. Напротив, приговором Октябрьского районного суда Томской области в отношении С. был постановлен обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от него в связи с амнистией. Между тем, в числе условий применения акта амнистии не было указаний на вид и размер наказания: суд принял решение в связи с актом амнистии, распространявшейся в отношении женщин, впервые осужденных за умышленные преступлений средней тяжести, имеющих несовершеннолетних детей[2]. Думается, в этом случае имелись основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

Курганским областным судом в 2015г. были подготовлены ответы на вопросы, возникающие у судов при применении акта амнистии, в которых обращалось внимание судов, что «обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания в соответствии с п. 2 ч. 2 ч. 5, п. 1 ч. 6, ч. 8 ст. 302 УПК РФ постановляется, если актом об амнистии осужденный освобождается от применения конкретного наказания, назначаемого им приговором суда (например, осуждаемых к лишению свободы на срок до 5 лет включительно за преступления, совершенные по неосторожности). Обвинительный приговор без назначения наказания в соответствии с п. 3 ч. 5, ч. 8 ст. 302 УПК РФ выносится в случае, если актом амнистии предписано освобождение от наказания лиц соответствующей категории, которая не определяется видом или размером назначаемого подсудимому конкретного наказания или мер уголовно-правового характера в виде условного осуждения, отсрочки отбывания наказания»[3].

Таким образом, в случае издания акта амнистии и разрешении вопроса виновности при доказанности обвинения, уже не имеется оснований к назначению наказания в ряде случаев (если акт амнистии не обусловливает его применение в зависимости от конкретного наказания), потому постановляется обвинительный приговор без назначения наказания. В другом случае, по разрешении вопроса виновности суд должен избрать и назначить конкретный вид и размер наказания, и в зависимости от этого определять –

---

[1] Архив Каргапольского районного суда Курганской области за 2014 г. Уголовное дело № 1–41/2014 // [электронный доступ]: https://kargapolsky--krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20893363&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=8283 (дата обращения: 21.03.2015).

[2] Архив Октябрьского районного суда Томской области за 2016 г. Уголовное дело № 1-497/2016 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/ZySGdm7L4uH/ (дата обращения: 27.12.2017).

[3] Ответы на вопросы, возникающие при применении судами постановлений Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24.04.2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»: Утверждены президиумом Курганского областного суда 7.05.2015 г. // [электронный доступ]: http://oblsud.krg.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=236 (дата обращения:7.12.2017).

имеются ли основания для применения акта амнистии и освобождения от отбывания назначенного наказания[1]. Применение амнистии обладает всеми признаками обвинительного приговора без назначения наказания: данным приговором реализуется уголовная ответственность; не предполагается назначение наказания, его отсрочка, освобождение от отбывания наказания либо возможность его применения на более позднем этапе; исключена возможность возврата к вопросу наказания при исполнении приговора; правовые последствия данного приговора не сопряжены с какими-нибудь обязанностями, ограничениями, или испытательным сроком для осужденного; обладает наименьшим репрессивным воздействием среди итоговых судебных решений в отношении виновного.

В отличие от иных оснований постановления исследуемого приговора, осуждение без назначения наказания в связи с изданием акта амнистии не свидетельствует об утрате конкретным лицом общественной опасности, на что справедливо обращает внимание О. И. Андреева[2]. В случае издания акта амнистии решение об утрате общественной опасности личности или содеянного ею принимается не по инициативе правоприменителя (судейское усмотрение) в отношении подсудимого, а по решению законодателя в отношении неопределенного круга лиц[3].

3. Альтернативные основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

Во вторую группу (альтернативных) оснований для постановления исследуемого вида обвинительного приговора включено применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему при освобождении от наказания без его назначения, поскольку возможно как постановление обвинительного приговора без назначения наказания, так и иных процессуальных решений. Изменение обстановки и применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему осужденному при совершении преступления небольшой и средней тяжести (ч. 1 ст. 432 УПК РФ) чаще всего применяется на практике в качестве оснований для постановления

---

[1] Оригинальным является предложение В. А. Лепешева о предоставлении возможности лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование, отказаться от его прекращения на основании акта об амнистии, затем «довести» дело до суда, и если будет вынесен обвинительный приговор, после его вступления в законную силу «настаивать на применении к нему акта об амнистии». См. Лепешев В. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания актом амнистии: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 12–13, 180.

[2] См.: Андреева О. И. Концептуальные основы… С. 298. Постановление приговора ввиду невозможности назначить какое-либо наказание по санкции УК РФ не свидетельствует об изменении общественной опасности.

[3] Как свидетельствует статистика после издания акта амнистии в 2015 г. было сокращение числа осужденных за преступления небольшой и средней тяжести до 49% (относительно 70% в 2014 г.). Однако, уже в следующем году количество осужденных за указанные преступления снова было на прежнем уровне (73%). Таким образом, применение амнистии не позволяет индивидуализировать ответственность и в целом не способствует снижению преступности. См.: Приложение А.

обвинительного приговора без назначения наказания, а поскольку обладают определенными особенностями, они заслуживают отдельного внимания и будут исследованы в самостоятельном параграфе.

Кроме проанализированных норм уголовного закона, содержащихся в главах 12–14 Общей части УК РФ, некоторые авторы усматривают основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания в том случае, когда осужденному в силу положений, установленных законом, **не может быть назначен ни один из видов наказания, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ**[1]. Имеются примеры этому и в судебной практике[2]. Ю. В. Козубенко, со ссылкой на позицию Верховного Суда Российской Федерации обоснованно усматривает основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания и в случае осуждения иностранных граждан, лиц без гражданства, а также лиц, не имеющих места постоянного проживания на территории Российской Федерации, за преступления, за совершение которых не может быть назначено наказание определенного вида, предусмотренное санкцией статьи Особенной части УК РФ[3], (например, на основании ч. 6 ст. 53 УК РФ таким лицам не может быть назначено ограничение свободы).

Обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен и в случае осуждения за преступления против военной службы (глава 33 УК РФ), когда санкция уголовного закона не предусматривает иных видов наказания, кроме обусловленных военной службой (п. п. «е», «к» ст. 44 УК РФ), а к моменту постановления приговора срок военной службы закончился или подсудимый по иным основаниям утратил признаки специального субъекта. Например, на основании ст. 80.1 УК РФ, п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания в отношении П. Суд указал в приговоре, что П. вследствие изменения обстановки перестал быть общественно опасным, так как преступление совершил впервые, в содеянном чистосердечно раскаялся,

---

[1] См.: Калиновский К. Б. Актуальные проблемы назначения уголовного наказания в судебной практике. Размышления о проектах Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» / К. Б. Калиновский, Е. Н. Рахманова // Российский судья. 2016. № 4. С. 48–53.

[2] Например, суд, как первой, так и апелляционной инстанции неправильно применили нормы уголовного закона в отношении Б. Рассматривая уголовное дело в отношении Б. в порядке надзора, президиум Красноярского краевого суда подчеркнул, что «при отсутствии возможности назначить иной вид наказания, предусмотренный санкцией статьи закона, Б. следует считать осужденным по приговору без назначения наказания». См.: Архив Красноярского краевого суда за 2015 г. Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 20.01.2015 г. № 44-У-21/2015 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/4gba6B9yebHq (дата обращения:12.02.2017).

[3] См.: Козубенко Ю. В. Об основаниях постановления обвинительного приговора без назначения наказания // Об основаниях постановления обвинительного приговора без назначения наказания // Российский юридический журнал. 2014. № 4 (97). С. 76–93.

по военной службе характеризуется положительно, причиненный потерпевшему вред загладил, извинившись перед ним, а также и то, что последний к нему претензий не имеет, совершенное им деяние относится к воинским преступлениям небольшой тяжести, к настоящему времени он выслужил установленный срок военной службы по призыву и ни одно из наказаний, предусмотренных санкцией ч. 1 ст. 349 УК РФ, к нему неприменимо[1]. Представляется, что судом фактически указаны два основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания, хотя достаточно было и одного из них.

Думается, что в таких случаях обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен в качестве альтернативы применения нормы ст. 64 УК РФ, предусматривающей возможность назначения судом наказания ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или более мягкого вида наказания, чем предусмотрено этой статьей, как отмечает и Верховный Суд РФ[2]. Вместе с тем следует солидаризироваться с авторами, высказавшими позицию, что «иностранное гражданство и отсутствие постоянного места жительства в большинстве мыслимых ситуаций вряд ли уменьшают опасность деяния» и полагающих, что приведенный случай «может расцениваться как особая разновидность ситуаций, влекущих постановление приговора без назначения наказания»[3].

Ситуация, когда осужденному в силу положений, установленных законом, не может быть назначен ни один из видов наказания, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, не является нормативно установленным основанием постановления обвинительного приговора без назначения наказания, однако возможность постановить такой приговор позволяет восполнить пробел законодательного регулирования при невозможности назначения наказания подсудимому, признанному виновным. В таком случае суд выбирает одно из двух возможных решений: постановить обвинительный приговор без назначения наказания, либо обвинительный приговор с назначением наказания, в котором с применением ст. 64 УК РФ избрать вид наказания, не предусмотренный санкцией статьи за совершенное преступление.

Например, Себежским районным судом Псковской области был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания в отношении З. по ч. 1 ст. 264 УК РФ. Суд в

---

[1] Архив Балтийского гарнизонного военного суда за 2014 г. Уголовное дело № 1–28/2014 // [электронный доступ]: https://baltyiskygvskln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8773799&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения:13.03.2016).

[2] Ответы на вопросы, поступившие из судов … (вопрос 29) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11. С. 45–46.

[3] См.: Калиновский К. Б., Рахманова Е. Н. Указ. соч. С. 51.

приговоре указал, что санкцией ч. 1ст. 264УК РФ предусмотрены такие виды наказания, как ограничение свободы, принудительные работы, арест и лишение свободы, ни одно из которых не могло быть назначено З. Лишение свободы может быть назначено только осужденному, впервые совершившему преступление небольшой тяжести при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ или только если оно было бы единственным видом наказания по санкции УК РФ – данных обстоятельств не имелось; не могли быть назначены и иные виды наказания: с учетом требований закона ограничение свободы и принудительные работы не назначаются военнослужащим, а арест, как вид наказания, не применяется. Вместе с тем суд не усмотрел и оснований для применения к подсудимому ст. 64 УК РФ, поскольку исключительных обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности совершенного им преступления, не было установлено. Суд в приговоре указал: «Исходя из указанных ограничений, предусмотренных уголовным законом, подсудимому невозможно назначить ни один из видов наказания, предусмотренных санкцией статьи и уголовным законом», и на основании п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ принял решение о виновности З. без назначения наказания[1].

Представляется, что установление новых оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания – прерогатива законодателя. В этом контексте представляет интерес опыт аналогичного правового института в зарубежных странах, свидетельствующий не только о существовании такого вида итогового судебного решения, но содержащий обширный перечень оснований к его постановлению, отчасти включающий основания, схожие с предусмотренными в отечественном законодательстве. Завершая анализ оснований постановления итоговых судебных решений, следует отметить, что УПК зарубежных государств также предусматривают возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

Например, обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен по УПК Азербайджана (ст. ст. 44, 351), УПК Армении (ст. 365), Молдовы (ст. 389), Грузии (ст. 269), Кыргызстана (ст. 314), Республики Беларусь (ст. 393), других стран ближнего зарубежья. В качестве оснований постановления приговора исследуемого вида предусмотрены следующие: 1) изменение обстановки (п. 3 ч. 4 ст. 389 УПК Молдовы, ст. 463 УПК Узбекистана, ст. 315 УПК Кыргызстана); 2) деятельное раскаяние (п. 3 ч. 4 ст. 389 УПК Молдовы, ст. 463 УПК Узбекистана); 3) истечение сроков дав-

[1] Архив Себежского районного суда Псковской области за 2017 г. Уголовное дело № 1-57/2017 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/HKZYPGm7Kq5N (дата обращения:10.02.2018).

ности привлечения к уголовной ответственности (ст. 44 УПК Азербайджана; ст. 315 УПК Кыргызстана; ст. 339 УПК Таджикистана, ст. 463 УПК Узбекистана); 4) тяжелая болезнь, препятствующая отбыванию наказания (ст. 315 УПК Кыргызстана); 5) в отношении скончавшегося обвиняемого (подозреваемого) или лица, которое совершило предусмотренное уголовным законом деяние, но скончалось до признания его в качестве обвиняемого (подозреваемого) (ст. 356 УПК Республики Беларусь); смерть подсудимого (ст. 44 УПК Азербайджана; ст. 393 УПК Республики Казахстан; ст. 269 УПК Грузии; ст. 339 УПК Таджикистана, ст. 463 УПК Узбекистана); 6) издан акт амнистии, исключающий назначение наказания за преступление, совершенное осужденным (ст. 463 УПК Узбекистана); 7) возможность исправления осужденного мерами общественного воздействия, применяемыми общественными объединениями и коллективами, или мерами административного взыскания (ст. 463 УПК Узбекистана). В уголовно-процессуальном законодательстве Японии предусмотрена возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания[1].

Анализ указанных оснований свидетельствует, что часть из них в российском праве является основанием для прекращения уголовного преследования, часть – аналогичны основаниям, влекущим постановление обвинительного приговора без назначения наказания. Представляется, что среди указанных оснований заслуживает внимание российского законодателя такое основание как возможность исправления осужденного мерами общественного воздействия, применяемыми общественными объединениями и коллективами, или мерами административного взыскания (ст. 463 УПК Узбекистана), что соответствует восстановительной модели правосудия.

Обвинительный приговор любого вида не является процессуальной формой освобождения от уголовной ответственности, для наступления которой не имеется материально-правовых оснований. В связи с этим в случае истечения сроков давности, амнистии (в случае возражения прекращению дела по этим основаниям) и в случае продолженного производства в отношении умершего подсудимого, рассматриваемых отдельными авторами в качестве оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, судебное разбирательство завершается вынесением постановления. Итоговым судебным решением прекращения уголовного преследования при наличии оснований освобождения

---

[1] Волосова Н. Ю. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование / Н. Ю. Волосова, М. В. Волосова // под общ. ред. Н. Ю. Волосовой. / пер. с англ. и с японск. М. В. Волосовой. М., 2016. С. 177–178.

от уголовной ответственности является постановление, которое может быть принято в ходе всего производства по делу, вне зависимости от стадии уголовного судопроизводства и субъекта принятия. Единственное отличие решения, принимаемого судом, заключается в том, что если оно появляется в связи с несогласием лица на прекращение уголовного преследования или, если близкие лица не выразили согласие на прекращение производства в отношении умершего, то это обусловливает необходимость производства по делу в общем порядке, с исследованием и оценкой доказательств.

Анализируя аргументы ученых, указывающих об основаниях исследуемого приговора, следует отметить их общий подход в том, что постановление такого приговора не только допустимо, но и необходимо в случаях, когда суд приходит к выводу: 1) о возможности достижения целей наказания без его назначения, 2) о достижении целей наказания путем осуждения: к моменту постановления приговора цели наказания достигнуты, 3) об отсутствии необходимости в достижении целей наказания. Рассмотрение через призму отличительных признаков обвинительного приговора без назначения наказания оснований принятия итоговых судебных решений позволило классифицировать их на две группы: императивные и альтернативные. На основе приведенных выводов законодатель может расширить перечень оснований для постановления приговора исследуемого вида в целях снижения карательного воздействия к осужденным и применению восстановительного подхода в официальной модели современной парадигмы уголовного судопроизводства.

Следует отметить отсутствие единых выводов в позициях Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и судов различных субъектов РФ в части видов процессуальных решений при наличии оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, неназначения наказания, а также непоследовательность законодателя, что, безусловно, сказывается на регламентации и практике постановления обвинительного приговора без назначения наказания. В частности, в ст. 302 УПК РФ не только не приведены основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания, но и все основания для постановления различных видов обвинительных приговоров, потому структуру данной нормы нельзя признать безупречной.

Предлагается дополнить ст. 302 УПК РФ частью 5.1. следующего содержания:

«5.1. Суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания, если к моменту вынесения приговора:

1) изменилась обстановка;

2) издан акт амнистии, применение которой не состоит в зависимости от определенного вида и размера наказания;

3) имеются основания применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему (ч. 1 ст. 432 настоящего Кодекса);

4) осужденному в силу положений уголовного закона не может быть назначен ни один из видов наказания, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ».

Подводя итоги исследованию оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания следует отметить следующее. Законодатель не разграничивает основания для неназначения наказания и освобождения от наказания. Вместе с тем их дифференциация и выступает основой для различных, существенно отличающихся, видов обвинительных приговоров, предусмотренных п. 2 и п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ. Обвинительный приговор без назначения наказания не только не освобождает от наказания, но и даже не предполагает его, в силу чего для постановления обвинительного приговора без назначения наказания имеется несколько самостоятельных оснований, отличающихся от оснований постановления обвинительного приговора, предусмотренного п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ. В отсутствие оснований освобождения от уголовной ответственности правоприменитель направляет уголовное дело в суд для рассмотрения по существу, поскольку наказание может быть назначено только судом, равно как и неназначение наказания виновному – исключительная компетенция суда.

Основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания в тексте уголовно-процессуального закона в настоящее время не предусмотрены, а применяемые на практике основания его постановления закреплены в тексте уголовного закона в качестве освобождающих от наказания. С учетом выявленных признаков обвинительного приговора без назначения наказания, обусловленных его сущностью, изначально не предполагающей решение вопроса о наказании осужденному лицу, используя в качестве критерия судейское усмотрение, сформулирована классификация оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания: 1) императивные основания для постановления только обвинительного приговора без назначения наказания; 2) альтернативные основания, наличие которых может повлечь постановление различных видов решений, в том числе, постановление обвинительного приговора без назначения наказания.

2.2 Процессуальный порядок постановления обвинительного приговора без назначения наказания

Рассматривая процессуальный порядок постановления обвинительного приговора без назначения наказания, следует остановиться лишь на тех моментах, которые не регламентированы в законе, порождают вопросы у правоприменителей, и имеют значение в аспекте проблем восстановительного подхода в уголовном судопроизводстве[1]. В частности, представляется важным рассмотреть порядок проведения судебных прений, как этапа судебного разбирательства, непосредственно предшествующий постановлению приговора, поскольку выступления сторон в прениях могут оказать влияние на формирование позиции суда по вопросам виновности и наказания.

Прения сторон являются квинтэссенцией механизма разрешения уголовно-правового конфликта, так как позволяют его участникам предложить суду свою юридическую оценку данного конфликта и возможные варианты его разрешения. В связи с чем сторонам должна быть предоставлена возможность на основе принципов состязательности (ст. 15 УПК РФ) и равенства сторон (ст. 244 УПК РФ) не только рассматривать вопрос виновности, но и предлагать наиболее оптимальные меры реагирования на преступление на основе изучения личности подсудимого, его посткриминального поведения в целях достижения назначения уголовного судопроизводства оптимальным способом, позволяющим соблюдать баланс интересов всех участников уголовно-правового конфликта.

Участники судебных прений и со стороны обвинения, и со стороны защиты в соответствии с ч. 7 ст. 292 УПК РФ вправе представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в п. п. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Таким образом, стороны вправе высказать свои предложения по вопросам доказанности обвинения, виновности лица, квалификации его действий и о наличии обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание подсудимого. Предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы, и с учетом положений главы 38 УПК РФ могут быть поданы участниками прений, как по окончании судебных прений, так и после заслушивания последнего слова подсудимого, но до удаления суда в совещательную комнату.

---

[1] См. подробнее: Попова И. П. Вопросы, разрешаемые судом при постановлении обвинительного приговора // Экономика, социология и право: новые вызовы и перспективы: матер. IX межд. науч.-практ. конференции 9–10 июля 2012. Экономика, социология и право. 2012. № 7. С. 112–115; Попова И. П. Некоторые вопросы порядка постановления обвинительного приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. Вып. 2 (8). С. 56–65.

Анализируя полномочия сторон в указанной части, следует отметить, что на основании предоставленных ч. 5 ст. 246 УПК РФ полномочий государственный обвинитель, при осуществлении возложенной на него функции обвинения, высказывает не только предложения о применении уголовного закона, но и о назначении подсудимому наказания. Защитник подсудимого в судебных прениях также вправе высказать свое мнение о мере наказания (ч. 1 ст. 248 УПК РФ). Представляется, что указанные обстоятельства защитник, государственный обвинитель, а равно и потерпевший, как участник уголовно-процессуальных правоотношений со стороны обвинения, вправе высказать именно в судебных прениях, в которых подводится итог всему исследованному и установленному в ходе производства по делу.

Однако существуют точки зрения, что отдельные полномочия участников процесса нарушают принципы уголовного процесса при осуществлении уголовного правосудия. Как посягательство прокурора на независимое мнение (решение судьи) при вынесении приговора, К. Н. Голиков усматривает в реализации правомочий прокурора, предусмотренных именно ч. 5 ст. 246 УПК РФ в виде предоставления права обвинителю предлагать суду меру наказания в виде конкретной санкции[1]. В продолжение приведенной позиции Ф. Н. Сотсков, усматривая нарушение принципа состязательности сторон, полагает, что в судебном заседании отсутствует правовой паритет сторон. Именно это «приводит к учету при постановлении приговора мнения одной стороны и полному игнорированию позиции другой». Основывая свою позицию на том, что суд выносит решение именем государства, и прокурор наделен именем государства полномочиями, Ф.Н. Сотсков уверен, что два процессуальных одноименных субъекта уголовного судопроизводства никогда не позволят себе иметь разногласия между собой. По мнению автора, «у государственного обвинителя больше шансов в стремлении склонить суд к принятию своей позиции, с целью оказать воздействие на внутреннее судейское убеждение». Для устранения дисбаланса сторон Ф. Н. Сотсков предлагает исключить из регламентации правомочий, как защитника, так и обвинителя возможность высказывать свое мнение о наказании, ограничившись констатацией только того, обвинительное или оправдательное решение, по их мнению, должно состояться по делу[2].

Р. Д. Лисицин, напротив, убежден, что «законодатель определил приоритет пози-

---

[1] Голиков К. Н. Независимость судей и пути ее укрепления // Российское правосудие. 2014. № 7 (99). С. 88.

[2] Сотсков Ф. Н. О равных правах, но неравных возможностях сторон на стадии прений в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 64–65.

ции государственного обвинителя над правом суда назначить подсудимому наказание на основании собственной оценки совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств», на основе чего указанный автор пришел к выводу, что вид и размер наказания, которое должен понести подсудимый, будучи элементами обвинения, формулируются именно на этапе прений сторон. При этом государственный обвинитель, оценив собранные по уголовному делу доказательства, высказывает суду предложение о назначении подсудимому наказания. Такой установленный государственным обвинителем максимальный размер уголовного наказания, считает Р. Д. Лисицин, как элемент обвинения, определяет пределы судебного разбирательства. По его мнению, суд вправе самостоятельно определить размер уголовного наказания, в пределах границ наказания, предложенного гособвинителем, и минимальной санкции соответствующей статьи уголовного закона[1]. М. Э. Семененко, поддерживая Р. Д. Лисицина в правильности постановки проблемы, считает спорной его позицию, и обращает внимание, что предложение о назначении подсудимому наказания вправе высказать и сторона защиты. Подчеркивая, что решение о размере и виде наказания должно быть исключительной прерогативой суда, М. Э. Семененко между тем полагает, что суд должен следовать по данному вопросу позиции, высказанной государственным обвинителем, который таким образом «индивидуализирует уголовно-правовые претензии государства к лицу, совершившему преступление», и предлагает дополнить положения уголовно-процессуального закона, расширив полномочия прокурора, который обязан высказаться в прениях сторон о размере и виде наказания, установив, таким образом, для суда верхний предел наказания, не выходящий за предел, установленный нормой УК РФ[2].

Судебная практика свидетельствует, что при участии в судебных прениях потерпевшие, как правило, высказывают свои позиции относительно озвученных предложений государственного обвинителя о виде или размере наказания, причем они не всегда совпадают. В приговоре суд, мотивируя свою позицию о наказании, ссылается на мнение потерпевшего. Но является ли позиция сторон, в том числе и потерпевшего, определяющей для суда? Так, с точки зрения И. Фаргиева и В. Широкова, поскольку наказание назначается от имени государства и носит публичный характер, то мнение потерпевшего не должно учитываться при назначении наказания: «связывая уголовное наказание с

---

[1] Лисицин Р. Д. Значение для суда предложения государственного обвинителя о назначении наказания // Законность. 2010. № 9. С. 49.

[2] Семененко М. Э. О расширении полномочий прокурора в судебных прениях // Образование и право. 2014. № 9 (61). С. 199.

мнением потерпевшего, суд вольно или невольно подчиняет интересы закона субъективной позиции человека, который заинтересован в исходе дела»[1]. Возражая указанным авторам, Л. И. Ильницкая справедливо подчеркивает, что суд не связан с мнением потерпевшего, а приговор должен соответствовать предъявляемым к нему требованиям, указанным в ст. 297 УПК РФ[2].

Рассматривая приведенные точки зрения, с одной стороны, ограничивающие права сторон в судебных прениях, с другой стороны, ограничивающие уже возможности суда, предлагая «следовать позиции стороны обвинения» или учитывать мнение потерпевшего, нет оснований разделить какую-либо одну из них, ввиду дискуссионности каждой. Представляется, что вопросы наказания: его назначение либо не назначение, определение пределов наказания каким-либо способом, не охватываются полномочиями сторон, в том числе, стороны обвинения в лице государственного обвинителя, поскольку являются исключительной компетенцией суда, а пределы судейского усмотрения ограничены нормами уголовного закона, подлежащими применению. Позиции сторон, высказанные ими в судебных прениях, судом учитываются при решении указанных вопросов, но определяющими не являются. Вместе с тем, современная уголовно-правовая политика должна быть направлена, в том числе, и на восстановление интересов потерпевшего, в связи с чем лишение его возможности высказаться о возможном наказании подсудимому, по крайней мере, противоречит озвученному назначению уголовно-процессуального закона. Потерпевший на основании п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ вправе поддерживать обвинение. Несмотря на то, что вопросы наказания не охватываются понятием обвинения, тем не менее, предоставление равным сторонам разного объема прав в ходе судебного разбирательства, свидетельствует о несправедливости процедуры разрешения уголовно-правового конфликта и, в свою очередь, может повлечь постановление судом несправедливого приговора как результата разрешения уголовно-правового конфликта.

В связи с этим следует согласиться с мнением С. В. Бурмагина, рассматривающего как явную несправедливость, нарушающую юридическое равенство, такое положение, когда интересы (пусть и законные) одного субъекта общественных правоотношений достигаются за счет ущемления прав и игнорирования интересов других субъектов[3].

---

[1] Фаргиев И. Оценка судом личности и поведения потерпевшего / И. Фаргиев, В. Широков // Российская юстиция. 1996. № 10. С. 48.

[2] Ильницкая Л. И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2002. С. 91–92.

[3] Бурмагин С. В. Злоупотребление правом на защиту и справедливость уголовного судопроизводства //

С. В. Бурмагин полагает, что детерминантой конфликтных ситуаций выступает правовой спор сторон по главному вопросу любого уголовного дела – вопросу виновности или невиновности преследуемого лица по выдвинутому против него обвинению[1], а устранение юридического неравенства направлено на достижение справедливости уголовного правосудия[2]. В свою очередь, А. Д. Назаров справедливо полагает, что системные изменения в законодательном регулировании всех стадий уголовного судопроизводства, направленные на подлинное воссоздание равного баланса между обвинением и защитой, будут служить средством преодоления обвинительного уклона в деятельности субъектов, ведущих уголовное судопроизводство[3].

Следует отметить, что доводы о назначении судом наказания отличающегося от предложений государственного обвинителя, были предметом обсуждения при рассмотрении ряда дел Верховным Судом РФ. Верховный Суд РФ, отклоняя их, подчеркивал, что в ст. 299 УПК РФ, определяющей перечень вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора, и ст. 307 УПК РФ, определяющей содержание описательно-мотивировочной части обвинительного приговора суда, не предусмотрено разрешение судом с отражением в приговоре вопроса оценки позиции государственного обвинителя по предложенному в прениях наказанию. Кроме этого, формулировки, представленные сторонами в соответствии с ч. 7 ст. 292 УПК РФ по окончании прений, в том числе, по наказанию, не имеют для суда обязательной силы[4]. Выводы судебной коллегии Верховного Суда РФ были основаны на правовых позициях Конституционного Суда РФ, сформированных при рассмотрении не только обращений ряда граждан, но и в ответ на ходатайство Генерального прокурора об официальном разъяснении ранее состоявшегося решения суда[5]. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что вопросы, связанные с назначе-

---

Сб. матер. IV Межд. науч.-практ. конференции «Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика». 2016. С. 11

[1] См.: Бурмагин С. В. Разрешение судом уголовно-процессуального конфликта в досудебном производстве // Сб. матер. V Межд. науч.-практ конференции «Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика». 2017. С. 26.

[2] См.: Бурмагин С. В. Устранение юридического неравенства в российском уголовном судопроизводстве – путь к справедливому правосудию // Сб. матер. V Межд. науч.-практ. конференции «Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика». 2014. С. 11.

[3] См.: Назаров А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 149–154.

[4] Кассационное определение Верховного суда РФ от 13.02.2009 г. по делу № 5-о08-275; Кассационное определение Верховного суда РФ от 23.11.2012 г. по делу № 78-о12-50 [Электронный ресурс]: // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 22.05.2018).

[5] По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.1999 года по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголов-

нием подсудимому по конкретному уголовному делу более строгого наказания, чем то, которое было предложено стороной обвинения, подлежат разрешению судами общей юрисдикции в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, определяющим полномочия и самостоятельность суда при назначении наказания. Отказывая в принятии к рассмотрению жалоб ряда граждан Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что сторона защиты и сторона обвинения вправе высказывать в ходе судебного заседания мнение о возможном наказании подсудимого, которое подлежит учету судом, но не может расцениваться как ограничивающее дискреционные полномочия суда в выборе вида и размера назначаемого осужденному наказания, в том числе, более строгого, чем то, которое было предложено стороной обвинения[1]. С учетом изложенного следует солидаризироваться с авторами, полагающими, что целесообразно уточнить право участникам судебного разбирательства представить в письменном виде формулировки по всем вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора[2]. И. И. Писаревский, проанализировав проблему учета в приговоре доводов сторон в контексте права на справедливое судебное разбирательство, пришел к обоснованному выводу о том, что необходимость учета в приговоре всех доводов сторон, заявленных по делу, должна получить законодательное закрепление[3].

Для достижения назначения уголовного судопроизводства нужен баланс процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта, соответственно, чтобы эти интересы стали известны суду, представляется, что стороны не должны быть ограничены в возможности довести свою позицию по всем вопросам, которые подлежат обсуждению судом. Представляется, что такие формулировки могут быть использованы

но-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Определение Конституционного Суда РФ от 5.07.2000 г. № 150-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 33. Ст. 3432.

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Круглянского Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 307, 308 и 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2009 г. № 794-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шашкова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 246 и пунктом 7 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 г. № 1183-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Уюкина Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 г. № 1905-О [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 16.05.2018).

[2] См.: Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / под общ. ред. В. М. Лебедева. (автор главы – А. С. Червоткин). М., 2011. С. 396–397; Загорский Г. И. Развитие уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // Судья. 2017. № 4. С. 15–19.

[3] Писаревский И. И. Проблема учета в приговоре доводов сторон в контексте права на справедливое судебное разбирательство // Российский судья. 2016. № 3. С. 25–30.

судом при составлении приговора, что будет способствовать мотивированности приговора, т. к. суд подвергнет более точному и полному анализу обстоятельства, подлежащие оценке. Однако результаты обсуждения письменных формулировок не находят отражения в итоговом документе – приговоре суда, поскольку уголовно-процессуальный закон таких требований не содержит. Праву участников судебных прений представить письменные формулировки решений по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора, не корреспондирует обязанность суда обсуждать и учитывать их в совещательной комнате. Представляется, что в своих письменных предложениях стороны могут отразить и основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Также следует дополнить норму закона, указав на возможность высказаться участникам прений и по вопросу, отраженному в ст. 300 УПК РФ, подлежащему выяснению при постановлении приговора, т.к. представляется, что вопрос о вменяемости может быть разрешен судом с учетом предложений участников прений.

Необходимо предусмотреть обязанность суда обсуждать письменные предложения участников прений и давать им оценку в совещательной комнате при изготовлении приговора и мотивировке ответов, на вопросы, указанные в ч. 1 ст. 299, ст. 300 УПК РФ, изложив ч. 7 ст. 292 УПК РФ в следующей редакции:

«7. Лица, указанные в частях первой–второй настоящей статьи, вправе по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в части 1 ст. 299, ст. 300 настоящего Кодекса. Предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы, но подлежат обсуждению судом при постановлении приговора».

Кроме того, в ч. 3 ст. 292 УПК РФ никаких иных, ранее не указанных в ч. ч. 1 и 2 ст. 292 УПК РФ участников судебных прений не перечислено, таким образом следует исключить ссылку на указанную норму закона из ч. 7 ст. 292 УПК РФ. С учетом положений ст. 428 УПК РФ законный представитель несовершеннолетнего подсудимого вправе участвовать в судебных прениях, однако в ст. 292 УПК РФ как участник прений он не представлен. Следует внести изменения в часть 2 ст. 292 УПК РФ, дополнив ее первое предложение указанием на возможность принять участие в судебных прениях законному представителю несовершеннолетнего подсудимого.

Представляется, что заслуживают внимания и предложения отдельных авторов

разделить на два самостоятельных этапа судебного следствия установление обстоятельств совершенного преступления и оснований назначения наказания на основе конкретизации целей доказывания. По их мнению, разделение процессов доказывания на основной и дополнительный, аналогичный производству с участием присяжных заседателей, позволит защитнику более полно реализовать свои полномочия по оказанию квалифицированной помощи[1]. Думается, оптимизация процедуры судопроизводства не только окажет влияние на реализацию права на защиту, но и будет способствовать более взвешенному подходу суда к выбору меры воздействия к виновному при доказанности обвинения. Если вопрос выбора формы реализации уголовной ответственности будет отсрочен от рассмотрения главного вопроса виновности, то представляется целесообразным предоставить сторонам возможность дополнительно представить доказательства, характеризующие личность подсудимого, которые могут возникнуть к моменту принятия судом итогового решения по уголовному делу.

В ст. 299 УПК РФ предусмотрен круг вопросов, которые подлежат обсуждению судом в совещательной комнате. По существу, данная норма закона определяет алгоритм действий суда по исследованию установленных в судебном заседании обстоятельств дела. Анализ содержания вопросов, подлежащих обсуждению судом при постановлении приговора (п. п. 1–4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), свидетельствует о том, что до решения вопроса, подлежит ли подсудимый наказанию за совершение преступления, суд, прежде всего, должен прийти к решению вопроса о его невиновности или виновности. Наличие решений по указанным вопросам является неотъемлемым (обязательным) элементом содержания обвинительного приговора вне зависимости от его вида. Все эти вопросы имеют уголовно-правовое содержание, процессуальной же формой признания лица виновным в совершении преступления выступает обвинительный приговор. Только после обсуждения главного вопроса о виновности подсудимого, суд обсуждает, подлежит ли наказанию подсудимый (п. 5 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), какое наказание должно быть назначено подсудимому (п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), и имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания или освобождения от наказания (п. 8 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Представляется, что наличие противоречий в последовательности вопросов, которые суд должен разрешить в совещательной комнате, приводит к тому, что суд не всегда

---

[1] Барабаш Ан. С. Установление обстоятельств совершенного преступления и оснований назначения наказания два самостоятельных этапа судебного следствия / А. С. Барабаш, А. А. Брестер // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 1 (38). С. 167–172.

четко формулирует фактические и правовые основания принятых решений. Это, в свою очередь, влечет нарушение требования обоснованности приговора, порождает противоречия между описательно-мотивировочной и резолютивной частями приговора. Анализ ч. 5 ст. 302 УПК РФ и п. 4 ст. 307 УПК РФ позволяют сделать вывод о том, что законодатель разграничивает вопросы освобождения от наказания и освобождения от его отбывания, а очередность изложения решений суда в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора (п. п. 3, 4 ст. 307 УПК РФ) противоречит логической последовательности и порядку обсуждения вопросов при постановлении приговора (п. п. 5, 6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Более логичным представляется эти вопросы разделить, и изменить их очередность в целях минимизации уголовной репрессии.

При обсуждении вопросов, подлежащих разрешению при постановлении приговора, суду следует убедиться в отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), установление наличия или отсутствия данных обстоятельств входит в предмет доказывания по каждому уголовному делу. После рассмотрения вопроса виновности суд приступает к рассмотрению вопросов наказания и первым суду необходимо обсуждать вопрос о наличии оснований с минимальным карательным воздействием, то есть оснований для постановления приговора без назначения наказания и подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное преступление, а уже затем обсудить вопрос о том, какое наказание должно быть назначено подсудимому и имеются ли основания для освобождения подсудимого от наказания[1]. С указанными вопросами тесно связаны и предусмотренные в ст. 432 УПК РФ возможные последствия применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним. В связи с этим предлагается изменить ч. 1 ст. 299 УПК РФ, уточнив содержание и очередность некоторых вопросов, подлежащих обсуждению судом при постановлении приговора. Так, п. п. 5, 6 и 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«5) имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания и подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; имеются ли основания для применения принудительных мер воспитательного воздействия в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 92 УК РФ;

6) имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание; име-

---

[1] Как отмечалось, Модельный УПК (ст. 41) предлагает рассматривать вопрос освобождения от наказания ранее его назначения, что является не логичным, т.к. основания освобождения от наказания могут возникнуть лишь при его назначении.

ются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с частью шестой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации;

6.1) какое наказание должно быть назначено подсудимому; имеются ли основания для освобождения от отбывания наказания или применения отсрочки отбывания наказания; имеются ли основания для применения принудительных мер воспитательного воздействия в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ;». Поскольку содержание вопросов в п. 7 и п. 8 ч. 1 ст. 299 УПК РФ вошли в указанные пункты, то, соответственно, п. 7.1 и п. 7.2 части первой ст. 299 УПК РФ следует считать соответственно пунктами 7 и 8.

В обвинительном приговоре без назначения наказания с применением принудительной меры воспитательного воздействия представляется необходимым указать, какими доказательствами подтверждается, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто без применения наказания путем применения указанной меры. Данные обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны быть установлены в ходе производства по делу. Оценку же этим доказательствам дает суд, причем, как верно подчеркивает И. Овсянников[1], особенностью доказывания в этой части является то, что эти обстоятельства устанавливаются не достоверно, а с определенной степенью вероятности. Наряду с иными доказательствами, характеризующими личность подсудимого, эти обстоятельства принимаются судом в обоснование своих выводов[2].

Достаточно дискуссионным является вопрос о правовых последствиях изменения категории преступления в силу ч. 6 ст. 15 УК РФ и вследствие этого, например, применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему. В качестве примера, иллюстрирующего данную проблему, можно привести приговор в отношении С., осужденного обвинительным приговором без назначения наказания по ч. 3 ст. 158 УК РФ Зейским районным судом Амурской области. В приговоре суд мотивировал, что С. не может быть назначено наказание более 4 лет (наказание при этом в приго-

---

[1] См.: Овсянников И. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. № 5. С. 118–119.

[2] Так, принимая решение о постановлении обвинительного приговора без назначения наказания в отношении Д., с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия, суд пришел к убеждению о возможности исправления Д. без применения уголовного наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ. В обоснование своего решения суд привел данные о личности Д., который ранее к административной и уголовной ответственности не привлекался, в содеянном вину признал и раскаялся. Д. впервые в 16-летнем возрасте совершил одно преступление, относящееся к категории средней тяжести, и как следует из показаний отца Д., как и он сам находился в состоянии стресса в связи со смертью матери Д. за неделю до преступления. См.: Архив Слюдянского районного суда Иркутской области за 2012 г. Уголовное дело № 1-161/2012.

воре не назначено), снизил категорию совершенного преступления, и, считая С. осужденным за преступление средней тяжести применил к нему принудительные меры воспитательного воздействия на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ, ч. 1 ст. 432 УПК РФ[1].

Пленум Верховного суда РФ в Постановлении № 19 разъяснил, что в случае, когда при постановлении приговора суд, назначив наказание, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления на менее тяжкую, при наличии оснований, предусмотренных ст. ст. 75, 76, 76.1 и 78 УК РФ, он освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания (п. 26). Данная позиция была дополнена в разъяснении Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10[2]: решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных ст. ст. 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания (п. 10). Между тем, следует отметить, что указанные в данных положениях Постановлений Пленума основания, предусмотренные ст. ст. 75, 76, 76.1, 78, 94 УК РФ влекут освобождение от уголовной ответственности, а потому их применение в качестве оснований освобождения от наказания представляется некорректным. Кроме того, наличие условий, предусмотренных ст.80.1 УК РФ является основанием для постановления обвинительного приговора без назначения наказания, а основания, предусмотренные ст. ст. 84, 92УК РФ в определенных случаях выступают в качестве оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, в других – для постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания.

Одним из условий изменения категории преступления является назначение в приговоре определенного срока наказания, отсюда также следует, что это возможно только при постановлении обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания, что и подчеркнуто в указанном Постановлении от 25 мая 2018 г. № 10.

Вместе с тем, такая позиция разделяется не всеми. Так, Г. Русман, анализируя проблемы правоприменения изменения категории преступления, сделала вывод, что это влияет, в том числе, на решение вопросов исчисления сроков давности преступления,

---

[1] Архив Зейского районного суда Амурской области за 2012 г. Уголовное дело № 1-280/2012 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/BIaYTyVdgKmP (дата обращения:14.03.2014). Как пишет В. Решетняк в практике судов есть факты изменения категории преступления на менее тяжкую и освобождения несовершеннолетних от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. См.: Решетняк В. Принятие судами решений об изменении категории преступления на менее тяжкую // Законность. 2016. № 9. С. 40.

[2] О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодека Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 г. № 10 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [электронный доступ]: http://www.vsrf.ru/documents/own/26765(дата обращения:18.05.2018).

освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, освобождения от наказания несовершеннолетних и других[1]. В свою очередь, Д. Дядькин, вполне обоснованно отмечает, что невозможность изменить категорию преступления лицам, осужденным без назначения наказания, существенно бы ограничивала их права и ставила бы их в менее выгодное положение по отношению к лицам, осужденным с назначением наказания: «В этом плане серьезно пострадать могут интересы, например, несовершеннолетних, чья мера ответственности за совершенное преступление вообще может быть не связана ни с наказанием, ни с уголовной ответственностью» – подчеркивает автор, и приходит к выводу, что при изменении категории преступления возможны, в том числе, правовые последствия в виде применения принудительных мер воспитательного воздействия[2].

Представляется, что действующая редакция ч. 6 ст. 15 УК РФ исключает в случае изменения категории преступления возможность постановить обвинительный приговор без назначения наказания. В описательно-мотивировочной части приговора суд указывает о назначении наказания, далее мотивирует вывод об изменении категории преступления и определяет правовые последствия этого. В резолютивной части такого приговора суд не может освободить от уголовной ответственности или постановить исследуемый приговор. Приговор состоит из нескольких частей, но является единым, и в нем уже решен вопрос назначения наказания, соответственно, можно лишь освободить от отбывания наказания осужденного и применить иные последствия, например, связанные с видом режима отбывания наказания. Между тем представляется не последовательной очередность обсуждения вопросов в ст. 299 УПК РФ: сначала обсуждается вопрос о наличии оснований для изменения категории преступления (п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), лишь затем – обсуждается вопрос о наказании (п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Тогда как само изменение категории зависит от размера назначенного наказания в силу ч. 6 ст. 15 УК РФ.

По своему объему и содержанию мотивировка решения суда о неназначении наказания в обвинительном приговоре должна быть, с одной стороны, достаточно четкой и убедительной, чтобы из нее логически следовал вывод суда о постановлении данного вида обвинительного приговора. С другой стороны, – указание оснований принятия такого решения не должно излишне усложнять приговор. Судом могут быть установлены, а потому подлежат оценке и доказыванию такие сведения о личности, которые

---

[1] Русман Г. Изменение категории преступления: проблемы правоприменения и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2012. № 5. С. 44.

[2] Дядькин Д. Уголовно-правовые проблемы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ // Уголовное право. 2015. № 2. С. 22–29.

свидетельствуют, что цели наказания уже достигнуты или могут быть достигнуты без его назначения и назначение наказания в этом конкретном случае избыточно. Эти обстоятельства, установленные в ходе производства по делу, могут повлечь освобождение от наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), в рассматриваемом случае – осуждение без назначения наказания, и разрешается этот вопрос положительно постановлением обвинительного приговора без назначения наказания.

Именно надлежащая оценка, основанная на соответствующих доказательствах и мотивированная в приговоре, когда проанализированы все обстоятельства преступления и личность подсудимого, позволяет суду принять решение о достаточности разрешения уголовного дела в суде путем осуждения без назначения наказания. При мотивировании решения суд должен привести такие сведения о личности подсудимого и содеянного им, которые послужили основанием для принятия такого решения. Соответственно, эти сведения не только должны быть установлены в ходе судебного следствия, но и приведены в различных частях приговора: во вводной части приговора лишь приводятся сведения, оценка им дается в описательно-мотивировочной части приговора, а основания постановления такого приговора должны быть четко указаны в резолютивной части приговора.

Представляется явно недостаточным просто указание в тексте приговора, что «суд учитывает данные о личности подсудимого», если не раскрывать содержание этих данных, повлиявших на выводы суда. Отсутствие либо недооценка изучения личности подсудимого лишает приговор свойства мотивированности. При изложении данных о личности, которые повлияли на выводы суда о достаточности только осуждения лица, без его наказания, думается, что такой подход должен отражать полученные сведения и взаимосвязь с принятым решением.

При формулировании окончательного вывода суда об осуждении виновного лица без назначения наказания представляется необходимым указывать норму уголовного права, на основании которой принято такое решение. Ссылку на нормы УПК РФ, которыми руководствуется суд, следует приводить и, завершая изложение описательно-мотивировочной части обвинительного приговора без назначения наказания. Резолютивная часть приговора должна отражать принятые судом решения, при этом она должна быть предельно краткой и ясной, чтобы в процессе исполнения приговора не возникало никаких сомнений относительно существа вынесенного судом решения[1].

---

[1] См.: Судебный приговор. Методическое пособие для судей военных трибуналов / М., Управление воен-

Анализ ст. 308 УПК РФ, содержащей требования к резолютивной части обвинительного приговора, позволяет отметить, что в ней не предусмотрено обязательное отражение решения об основаниях обвинительного приговора без назначения наказания. Вместе с тем, представляется необходимым в резолютивной части обвинительного приговора без назначения наказания указать правовые основания постановления такого вида приговора со ссылкой на конкретные нормы УПК РФ.

В этой связи предлагается ч. 1 ст. 308 УПК РФ дополнить п. 3.1 в следующей редакции: **«3.1) основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания;».**

При обсуждении вопросов, указанных в ч. 1 ст. 299 УПК РФ, суд обсуждает, в первую очередь, наличие оснований к постановлению обвинительного приговора без назначения наказания, думается, что данный вид приговора и должен быть приведен первым в числе других видов обвинительного приговора в ч. 5 ст. 302 УПК РФ, как представляющий наименьший объем карательного воздействия в результате признания виновным и осуждения.

В связи с чем предлагается ч. 5 ст. 302 УПК РФ изложить в следующей редакции: **«5. Обвинительный приговор постановляется:**

1) без назначения наказания;

2) с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным;

3) с назначением наказания и освобождением от его отбывания».

Важность содержания судебных прений и их влияние на внутреннее убеждение суда при постановлении итогового судебного решения подчеркивается и порядком постановления приговора в совещательной комнате в условиях тайны совещания судей немедленно после заслушивания прений сторон и последнего слова подсудимого[1]. Представляется, что по смыслу закона, законодатель не случайно предусмотрел обязанность суда удалиться в совещательную комнату – для того, чтобы то впечатление, которое сложилось от услышанных речей и выступлений в судебном заседании, в которых

ных трибуналов. Военная коллегия Верховного Суда СССР. 1972. С. 31.

[1] См. подробнее: Попова И. П. Условия постановления и провозглашения приговора, предопределяющие его законность // Уголовный процесс. 2012. № 8. С. 28–35; Popova I. The secrecy of judge's conference and dissenting opinion during adjudgement of the sentence (на рус. яз.) //Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. 2012. Vol. 2. P. 73–76; Попова И. П. Некоторые вопросы, возникающие при провозглашении приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. Иркутск, 2013. Вып. 1 (4). С. 84–92; Она же. Тайна совещания судей в российском уголовном процессе // Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы XV межд. науч.-практ. конференции. Науч. тр. Российская академия юридических наук. Вып. 15. М., 2015. С. 1207–1211.

стороны высказываются об основных вопросах производства по делу, не было утрачено при постановлении приговора.

Ретроспективный анализ порядка постановления приговора свидетельствует, что УУС предусматривал постановление приговора (как при вынесении вердикта присяжными, так и коронным судом) по заслушиванию заключений сторон в совещательной комнате, в которую никто не имел права входить (ст. ст. 765, 806 УУС). При этом УУС не регламентировал вопросы выхода из совещательной комнаты для отдыха и по окончании рабочего времени, при том, что и у судей XIX века, необходимость в таковых, представляется, существовала. На основании ст. 317 УПК РСФСР 1923 г. до вынесения приговора суд должен был оставаться совершенно изолированным в совещательной комнате. Вместе с тем отдельные авторы полагали, что нельзя рассматривать нарушением этих правил вызов председателем суда в совещательную комнату коменданта суд или курьера для дачи каких-либо поручений, так как «изолирование состава суда в совещательной комнате имеет в виду, чтобы приговор по делу был составлен, во-первых, непосредственно после заслушивания дела и без всяких перерывов, и, во-вторых, чтобы составлен он был, безусловно, самими судьями»[1]. Еще в 1991 г. В. Т. Томин предлагал избавить судей «от механической работы по написанию приговора»[2], с возможностью по окончанию совещания судей приглашать специалиста для изготовления приговора. Однако в настоящее время технические возможности существенно изменились и позволяют изготовить текст приговора непосредственно в условиях совещательной комнаты.

В современной научной литературе в целях процессуальной экономии содержатся различные предложения оптимизации порядка постановления приговора, порой диаметрального характера: 1) Представляются дискуссионными предложения отдельных авторов о вынесении в совещательной комнате только резолютивной части приговора в исключительных случаях, обусловленных большим объемом уголовного дела[3]. Думается, что составление остальной части приговора вне пределов совещательной комнаты не будет способствовать задачам постановления данного решения в условиях, способствующих принятию решения по внутреннему убеждению и вне постороннего влияния кого-

---

[1] Крастин И. А. Указ. соч. С. 113.

[2] Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводств. М., 1991. С. 87–88.

[3] См.: Дикарев И. С. Процессуальный порядок постановления приговора нуждается в совершенствовании / Законность. 2009. № 3. С. 42–44; Григорьев А. И. Тайна совещательной комнаты: правовое регулирование и существенные нарушения уголовно-процессуального закона // Библиотека криминалиста. 2013. № 6 (11). С. 219; Разяпова Л. М. Постановление полной версии приговора после его оглашения // Вестник Удмуртского ун-та. 2016, Т. 26. Вып. 5. С. 137–141. При этом предлагаются формулировки с такими оценочными понятиями как «большой объем» и «сложность уголовного дела».

либо и чего-либо. Вместе с тем, заслуживают внимания законодателя обоснованные предложения о предоставлении мотивировочной части судебного решения по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести только по ходатайству стороны и отказа от практики автоматического вручения копий судебного решения[1]. 2) Предлагается запретить пользоваться судьям средствами связи в совещательной комнате, но при этом не рассматривается как нарушение тайны совещания судей привлечение секретаря судебного заседания к механической работе по изготовлению приговора[2]. 3) Законодатель регламентировал возможность перерыва для отдыха с выходом из совещательной комнаты (ч. 2 ст. 298 УПК РФ). Некоторые процессуалисты предлагают внести изменения, указав на возможность перерывов (то есть речь идет о возможности несколько раз покинуть совещательную комнату в течение рабочего дня)[3], другие авторы предлагают в протоколе судебного заседания отражать объявление каждого такого перерыва суда в совещании с выходом из совещательной комнаты[4]. Рассматривая последние два предложения, в целом, следует подчеркнуть, что соблюдение тайны совещания судей является также соблюдением норм профессиональной (судейской) этики, поскольку фактически судьи проводят совещание при постановлении приговора в большинстве случаев не в специально оборудованных для обеспечения конфиденциальности помещениях, изолированных от залов судебных заседаний, иных помещений, в отсутствие каких-либо средств связи, а в рабочих кабинетах судей.

При этом установленное вышестоящим судом нарушение требований закона о соблюдении тайны совещания судей является не только безусловным основанием к отмене приговора в силу прямого указания на то в уголовно-процессуальном законе (п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), но и влечет привлечение судьи к дисциплинарной ответственности, вплоть до лишения полномочий судьи[5]. Думается, необходимо исключить из норм процессуального права вопрос перерывов в совещании судей, поскольку нецелесообразно включение технических вопросов в процессуальные отношения. Абсурдно каждый раз такие, по сути, «технические перерывы» отражать в протоколе судебного заседания. Оставление со-

---

[1] См.: Качалова О. В. Современное российское уголовное судопроизводство: пути оптимизации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 97.

[2] См.: Шабанов П. Н. Независимость судей в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики. Воронеж, 2010. С. 51.

[3] См.: Суханова Н. Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 144.

[4] Куликова С. Л. Тайна совещательной комнаты – гарантия законного, обоснованного и справедливого приговора / С. Л. Куликова, В. Е. Степенко // Закон и право. 2006. № 11. С. 21.

[5] См.: Решение Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. по делу № АКПИ17-1008 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 16.05.2018).

вещательной комнаты, как помещения, в котором пребывает суд при постановлении приговора, само по себе не свидетельствует о нарушении тайны совещания судей.

В связи с этим часть 2 статьи 298 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: **«2. Судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора, или иным способом раскрывать тайну совещания судей»,** исключив первое предложение действующей редакции.

Реализацией гарантии независимости судей и свободы выражения мнения судьи при коллегиальном рассмотрении дела при принятии судебного решения является и право судьи на особое мнение, что предусмотрено ч. 5 ст. 301 УПК РФ. Вопрос сущности и правовых последствий особого мнения занимает страницы юридических изданий уже многие годы, но, как видно, законодатель так и не нашел их разрешения, а неопределенность нормы затрудняет ее реализацию[1]. В целом рассмотрение сущности особого мнения позволяет выделить два подхода. Первый основан на том, что особое мнение составляет тайну совещания судей, отсюда вытекает то, что особое мнение не может иметь правовые последствия, а лишь выступает в качестве процессуальной гарантии[2]. Данная позиция представляется спорной. Особое мнение является реализацией принципа независимости судей, а в законе содержится прямой запрет разглашать суждения, имевшие место при обсуждении, что не свидетельствует о связи особого мнения с нарушением тайны совещания судей.

Второй подход объединяет авторов, рассматривающих особое мнение как процессуальный документ, не составляющий тайну совещания судей. Особое мнение рассматривается как уголовно-процессуальный акт[3]; единоличное судебное решение[4]; позиция судьи, оставшегося в меньшинстве, несовпадающая с принятым по уголовному делу коллегиальным решением[5]; судебная правовая позиция[6]. Значение особого мнения рассматривается сторонниками второго подхода следующим образом: 1) особое мнение является официаль-

---

[1] См. подробнее: Попова И. П. Особое мнение судьи по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2015. № 3 (20). С. 165–170; Она же. Проблемы постановления обвинительного приговора // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / науч. ред. М. К. Свиридов, О. И. Андреева; отв. ред. И. В. Чаднова. Томск: Издат. дом Томского гос. ун-та, 2016. Ч. 71. С. 203–209.

[2] См.: Куцова Э. Ф. Приговор. С. 34; Кобликов А. С. Судебный приговор. М., 1966. С. 15; Матвиенко Е. А. Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968. С. 24; Панько К. Суд выносит приговор. Воронеж, 1972. С. 39.

[3] См.: Рябцева Е. В. Особое мнение судьи при постановлении приговора по уголовному делу // Российский судья. 2013. № 3. С. 44–46.

[4] См.: Мартынчик Е. Г. Особое мнение судьи по уголовному делу. Кишинев, 1981. С. 3–10.

[5] См.: Дикарев И. С. Особое мнение… С. 56.

[6] См.: Гринева А. В. Понятие и виды судебных правовых позиций (вопросы теории): автореф. … канд. юрид. наук. М., 2008. Под правовой позицией суда автор понимает мыслительный акт, выраженный в текстовом системном изложении суждений судебной инстанции (судьи) о мотивах применения юридической нормы. С. 8–9.

ным процессуальным актом (документом), составленным и подписанным судьей, подтверждающим спорность принятия решения и отражающим сущность, основания и мотивы несогласия судьи с мнением большинства членов коллегии[1]; 2) наличие особого мнения повышает ответственность судей за принятие решения, усиливая взаимный контроль за правильностью решений по обсуждаемым вопросам и повышая мотивированность приговора[2]; 3) особое мнение является безусловным основанием для рассмотрения уголовного дела вышестоящим судом[3]; 4) особое мнение, не выходящее за рамки доводов жалоб и представлений, должно учитываться вышестоящим судом[4]; 5) особое мнение – часть приговора (приобщается к приговору)[5]; 6) особое мнение не является частью приговора (приобщается к делу)[6]; 7) вышестоящий суд не обязан, оставляя приговор без изменения, опровергать особое мнение, но может оценить доводы судьи[7].

Рассматривая приведенные точки зрения, следует отметить, что особое мнение не является решением, поскольку решение по делу может быть одно – приговор или определение, подписанные всем составом суда, в том числе, судьей, оставшемся при особом мнении. Однако в нем отражаются судебные действия, а именно – итоговая позиция судьи, оставшегося в меньшинстве, то есть участником уголовного судопроизводства, полномочным на составление данного процессуального документа в ходе производства по уголовному делу, т. к. судья на законных основаниях осуществляет уголовно-процессуальную деятельность. Особое мнение как процессуальный акт (документ), представляет собой средство, с помощью которого закрепляется информация об иной позиции, чем решение по вопросам, подлежащим обсуждению при постановлении приговора при производстве по уголовному делу. Особое мнение является факультативным

---

[1] См.: Смолькова И. «Свидетельский иммунитет» судей. К вопросу о тайне совещательной комнаты // Российская юстиция. 1998. № 5. С. 4; Фадеева Е. И. Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 18.

[2] См.: Перлов И. Д. Указ. соч. С. 74; Надь Л. Указ. соч. С. 143. Суханова Н. Н. Порядок постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Иркутск, 2008. С. 52–53; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г. И. Загорского, (автор главы – Г. И. Загорский)… С. 872.

[3] См.: Джатиев В. Особое мнение судьи // Советская юстиция. 1993. № 15. С. 22; Халдеев Л. С. Судья в уголовном процессе: практ. пос. М., 2000. С. 281; Прокопьева С. И. Гносеологические, процессуальные и социально-психологические проблемы постановления приговора: учеб. пособие. Калининград, 1981. С. 49.

[4] См.: Ворожцов С. А. Приговор в уголовном процессе. практ. пособие. М., 2003. С. 19. Головинская И. В., Остапенко И. А. Указ. соч. С. 30; Дикарев И. С. Особое мнение судьи: вопрос о правовых последствиях // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 58.

[5] Панько Н. К. Независимость судей: путь от Конституции РФ до УПК РФ // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 27.

[6] Надь Л. Указ. соч. С. 147.

[7] Смолькова И. В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве. М., 2014. С. 257.

процессуальным документом, т. к. не предусмотрено его обязательное составление. По смыслу закона выражение судьей мнения при обсуждении без его письменной фиксации не является особым мнением. Как и всякий процессуальный документ, особое мнение должно порождать права и обязанности участвующих в деле лиц: право на ознакомление с ним и получении его копии, обязанность – ознакомить с ним и учесть при обжаловании.

С учетом изложенного и анализа вышеприведенных точек зрения о сущности и понятии особого мнения, каждое из которых заслуживает внимания и отражает отдельные аспекты одного понятия, представляется возможным сформулировать следующее **понятие особого мнения**: «особое мнение судьи – самостоятельный процессуальный документ, выражающий итоговую позицию судьи по одному или нескольким вопросам, подлежащим разрешению при принятии решения, при расхождении этой позиции с коллегиальным мнением состава суда».

Солидаризируясь с авторами, рассматривающими особое мнение как часть приговора (что отражено и законодателем, указавшим, что особое мнение приобщается к приговору), следует отметить, что оно обязательно к оглашению и вручению. Думается, что авторитет судебной власти в целом, и законность конкретного приговора не пострадают от того, что председательствующий сообщит сторонам о наличии особого мнения при коллегиальном постановлении приговора (как о том с учетом изменений отражено в действующем уголовно-процессуальном законодательстве), но и если текст особого мнения будет оглашен после провозглашения приговора. Обращает на себя внимание непоследовательность законодателя в отношении особого мнения: в суде первой инстанции оно приобщается к приговору (ч. 5 ст. 310 УПК РФ), а в суде апелляционной инстанции (которая вправе постановить приговор) – особое мнение приобщается к делу (ч. 1 ст. 389.33 УПК РФ).

Особое мнение – судебный процессуальный документ, который составлен судьей, выразившем в письменном виде свое мнение в ходе коллегиального обсуждения в совещательной комнате вопросов, указанных в ст. 299 УПК РФ, подлежащих разрешению по уголовному делу. Поскольку особое мнение, по сути, является не решением, а специфическим процессуальным документом, отражающим итоговую позицию судьи, то движение уголовному делу должно придавать только особое мнение о невиновности при постановлении обвинительного приговора, поскольку свидетельствует, что обсуждение главного вопроса уголовного судопроизводства не сопровождалось единой позицией всей коллегии судей.

Представляется, что именно публичный характер уголовного правосудия, позволяющий знать содержание позиции судьи, отличающейся от итогового решения, дает возможность рассматривать особое мнение как самостоятельный повод для проверки правосудности приговора вышестоящим судом при расхождении мнения судей по главному вопросу – вопросу виновности. Особое мнение, содержащее итоговые позиции судьи по иным вопросам, не может являться предметом самостоятельной проверки, но в случае обжалования приговора сторонами, содержание особого мнения наряду с доводами жалоб и представлений подлежит оценке и рассмотрению вышестоящими судами.

Форма особого мнения, как процессуального документа, включает необходимую совокупность элементов для правильного его оформления и изложения содержания. Особое мнение должно иметь наименование, структуру, включающую вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части[1].

Свою актуальность указанные вопросы не утратили и в связи с изменениями УПК РФ, внесенными ФЗ РФ от 21.10.2013 г. № 272-ФЗ[2]. Данный закон был принят в рамках реализации позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной им в Определении от 17.01.2012 г. № 174-О-О при проверке допустимости к рассмотрению жалобы гражданина Ю. Р. Юдина. Уголовное дело в отношении Ю. Р. Юдина было рассмотрено коллегией из трех судей, один из которых составил особое мнение, приобщенное к делу в закрытом конверте[3]. Согласно ч. 5 ст. 310 УПК РФ особое мнение судьи должно быть изготовлено не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора[4]. Следовательно, законодатель предусматривает возможность изготовления особого мнения судьей вне условий совещательной комнаты. Данная норма противоречит положениям ч. 5 ст. 301 УПК РФ, согласно которой судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно его изложить в совещательной комнате. Представляется, что данную правовую коллизию необходимо устранить, для чего следует изменить ре-

---

[1] См.: Быков Н. М. О праве судьи на особое мнение: продолжение темы / В. М. Быков, Н. С. Манова // Российский судья. 2016. № 3. С. 45–48.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка ознакомления с особым мнением судьи: Федеральный Закон РФ от 21.10.2013 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5442.

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17 янв.2012 г. № 174-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4. С. 5–12. Примечательно, что было вынесено четыре мнения судей, отражающих заслуживающие внимание позиции судей Конституционного суда РФ, оставшихся в меньшинстве.

[4] Такую позицию разделяет, например, Л. В. Майорова. См.: Майорова Л. В. Приговор / Уголовный процесс: уч-к для бакалавр. / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойкова и А. Г. Тузова. Ростов-н/Д., 2015. С. 319.

дакцию ч. 5 ст. 310 УПК РФ, регламентировав порядок вынесения особого мнения в совещательной комнате наряду с постановлением приговора. Как показало исследование, 60% опрошенных судей рассматривают как обязанность судьи, оставшегося при особом мнении, изготавливать его в совещательной комнате[1].

В ч. 6 ст. 310 УПК РФ указаны лица, которые могут заявить соответствующее ходатайство и ознакомиться с особым мнением. Однако уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок заявления соответствующего ходатайства участниками судебного разбирательства, а также порядок и сроки его разрешения судом. Совершенно очевидно, что участники уголовного судопроизводства, обладающие правом обжалования принятого решения, вправе не только знать о наличии особого мнения, но и вправе знать его содержание как можно ранее, в том числе, в целях возможного использования доводов судьи, приведенных в особом мнении, для обоснования своей позиции в суде апелляционной инстанции.

Вместе с тем, по смыслу ч. 6 ст. 310 УПК РФ праву сторон заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи не корреспондирует обязанность суда вручить им копию особого мнения. В этой связи необходима законодательная регламентация сроков и порядка ознакомления с особым мнением, вручения копии особого мнения судьи. Более того, согласно толкованию ч. 6 ст. 310 УПК РФ праву сторон заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи не корреспондирует обязанность суда вручить текст особого мнения. К примеру, А. С. Александров полагает, что «председатель суда может разрешить ознакомиться с особым мнением судьи сторонам (например, защитнику), после вступления приговора в законную силу»[2]. Думается, что текст особого мнения, изложенного судьей письменно в совещательной комнате и приобщенного к приговору, становится его неотъемлемой частью, а потому особое мнение судьи подлежит не только вручению в сроки, и порядке, установленном для приговора, но и опубликованию в сети Интернет в случае размещения самого приговора по данному делу.

В целях совершенствования механизма реализации права судьи на особое мнение предлагается: 1) часть 5 статьи 301 УПК РФ изложить в следующей редакции: **«Судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, отдельным вопро-**

---

[1] См.: Приложение Е. Рисунок Е.14.

[2] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков, (автор главы – А. С. Александров). С. 638. Ю. К. Якимович полагал, что по смыслу закона председательствующий судья вправе как удовлетворить, так и отказать в удовлетворении ходатайства об ознакомлении с особым мнением. См.: Якимович Ю. К. Рассмотрение уголовных дел судом… С. 120.

сам, разрешаемым при постановлении приговора, излагает его письменно в совещательной комнате. В тексте особого мнения судьи указывается: дата и место его вынесения, данные о судье, его вынесшем, сведения по какому делу и каким составом суда вынесен приговор. В тексте особого мнения должны быть изложены: основания и мотивировка позиции судьи, оставшегося при голосовании в меньшинстве. При изложении своего особого мнения судья не вправе указывать в нем сведения о суждениях, имевших место при обсуждении и принятии судебного решения, о позиции отдельных судей, входивших в состав суда, или иным способом раскрывать тайну совещания судей.»;

2) часть 5 статьи 310 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «**5. Особое мнение подписывается вынесшим его судьей, приобщается к приговору и подлежит оглашению в зале судебного заседания, за исключением случаев, установленных ч. 7 ст. 241 настоящего Кодекса. После провозглашения особого мнения, председательствующий разъяснят участникам судебного разбирательства, что копию особого мнения судьи они вправе получить в соответствии со ст. 312 настоящего Кодекса»;**

3) Дополнить статью 312 УПК РФ второй частью, которую изложить в следующей редакции: **«2. В указанном порядке и в сроки, предусмотренные частью первой настоящей статьи, участникам уголовного судопроизводства, обладающим правом апелляционного обжалования, вручается копия особого мнения судьи (судей), приобщенного к приговору»;**

4) Статью 389.9 УПК РФ дополнить частью 2 следующего содержания:

«2. Суд апелляционной инстанции проверяет по особому мнению судьи о вопросе виновности законность, обоснованность и справедливость приговора суда первой инстанции. Доводы особого мнения судьи по другим вопросам рассматриваются только наряду с поданными апелляционными жалобами и представлениями».

Также нуждаются в дополнительной регламентации вопросы возобновления судебного следствия. Частью первой ст. 308 УПК РСФСР 1960 г. была непосредственно в законе предусмотрена возможность возобновления судебного следствия определением (постановлением) суда, если во время обсуждения в совещательной комнате вопросов, указанных в ст. ст. 303–305 УПК РСФСР, суд признает необходимым выяснить какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела. УПК РФ такой возможности суду не предоставляет. Воз-

обновить судебное следствие суд вправе с учетом положений ст. 294 УПК РФ, если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства. При этом суд лишь вправе, но не обязан решать вопрос о возобновлении судебного следствия. Тогда как ранее с учетом положений ч. 3 ст. 297 УПК РСФСР, если подсудимый в последнем слове сообщит о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела, суд был обязан возобновить судебное следствие.

Отсутствие в законе прямого запрета суду возобновить судебное следствие по своей инициативе в совещательной комнате, зачастую, расценивается, как право суда воспользоваться таким порядком[1]. В этой связи в научной литературе высказываются предложения о целесообразности вернуть ранее предоставленное право суду возобновить судебное следствие, если при обсуждении вопросов, предусмотренных в ст. 299 УПК РФ суду не достаточно полученных данных[2]. А. Ю. Астафьев рассматривает как противоречие действующему закону (ст. 295 УПК РФ) возобновление судебного следствия после удаления в совещательную комнату, но предлагает это уточнить, либо прямо запретив, либо регламентировав, таким образом, установив пределы самоконтроля судьи при постановлении приговора[3]. Следует солидаризироваться с мнением А. С. Александрова о том, что по удалению в совещательную комнату, суд обязан в любом случае возвратиться из нее с определенным решением: вынести приговор или определение (постановление) о возобновлении судебного следствия.

В случае, когда суд по удалению в совещательную комнату при обсуждении и постановлении приговора не смог ответить на все вопросы, подлежащие разрешению в соответствии со ст. ст. 299–300 УПК РФ, представляется правильным предоставить суду право возобновить судебное следствие, чем будет обеспечен реальный механизм самоконтроля судей. На практике зачастую судьи, самостоятельно усмотрев какие-либо нарушения, препятствующие постановлению приговора, принимают решения о возобновлении судебного

---

[1] Возможность возобновить судебное следствие после удаления в совещательную комнату в случае, если не выяснены существенные обстоятельства, имеющие значение для дела или если были допущены существенные нарушения в ходе судебного разбирательства, рассматривают как право суда соответственно 80% и 88% опрошенных судей. См.: Приложение Е. Рисунки Е.1–Е.13. См. подробнее: Попова И. П. Постановление приговора: проблемы теории и практики: основные результаты проведения 30 ноября – 1 декабря 2016 года всероссийской научно-практической конференции с международным участием юридическим институтом Байкальского государственного университета / И. П. Попова, И. Г. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3. С. 637.

[2] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп., (автор главы – А. С. Червоткин). М., 2013. С. 547.

[3] Астафьев А. Ю. Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам: проблемы теории и практики. М., 2014. С. 170–171.

следствия. В таком случае причиной возобновления может быть цель выяснить и устранить противоречия в доказательствах, нарушениях при их получении, а возможно и восполнение устранимого нарушения процедуры при рассмотрении уголовного дела, на что судья обратил внимание лишь во время постановления приговора. В таком случае после исследования всех новых обстоятельств, имеющих значение для дела, суд должен выяснить наличие дополнений и ходатайств к судебному следствию, а затем перейти к заслушиванию судебных прений и последнего слова подсудимого. При этом участники прений не вправе ссылаться на то, что ранее уже выступали и «остаются на прежних позициях», как зачастую отражено в протоколах судебного заседания, поскольку причиной возобновления судебного следствия как раз и послужили новые доказательства, не исследованные ранее.

Если суд принимает решение о возобновлении судебного следствия в совещательной комнате, то оно излагается в виде отдельного постановления (определения), подписывается составом суда и оглашается в судебном заседании. Если же суд пришел к убеждению возобновить судебное следствие по окончании заслушивания прений сторон, либо по заслушиванию последнего слова подсудимого, но до удаления суда в совещательную комнату, то решение о возобновлении судебного следствия может быть принято на месте, с приведением соответствующих мотивов, указанием норм закона и отражением этого постановления в протоколе судебного заседания с учетом положений ст. ст. 7, 256 УПК РФ УПК РФ. Вместе с тем, представляется, что суд в любом случае обязан возобновить судебное следствие, если в последнем слове подсудимый впервые заявит об иной позиции по вопросу признания вины, чем заявлял ранее в ходе судебного следствия. Думается, изменение отношения подсудимого по главному вопросу уголовного судопроизводства должно быть выяснено и заслушана его новая позиция по делу, таким образом, подсудимому будет предоставлена возможность по реализации своего права на защиту против предъявленного ему обвинения.

В связи с этим предлагается последнее предложение в ст. 294 УПК исключить, ст. 294 УПК РФ дополнить частями 2 и 3 следующего содержания:

«2. **Если подсудимый в судебных прениях или последнем слове сообщит о новой позиции по вопросу виновности, то суд обязан возобновить судебное следствие.**

3. Если суд по удалению в совещательную комнату при постановлении приговора не смог ответить на все вопросы, подлежащие разрешению в соответствии со ст. ст. 299–300 настоящего Кодекса, то суд вправе возобновить судебное след-

ствие, о чем выносит постановление (определение). По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово.».

Как показало исследование, часть оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания не зависит от установления обстоятельств, характеризующих личность подсудимого с точки зрения его посткриминального поведения. В частности, в случае издания акта амнистии, исключающего назначение наказание в зависимости лишь от категории преступления, или невозможности назначить ни один из видов наказания в соответствии с санкцией статьи закона, установление обстоятельств, достаточных для принятия процессуального решения, возможно и в отсутствие подсудимого. Поэтому представляется, что обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен при соблюдении иных условий и в порядке ч. ч. 4, 5 ст. 247 УПК РФ, в случаях, когда отсутствует необходимость в достижении целей наказания.

Вместе с тем, исходя из сущности обвинительного приговора без назначения наказания, представляется, что данный вид приговора может быть постановлен в большинстве случаев лишь по итогам судебного разбирательства с обязательным участием несовершеннолетнего подсудимого, при установлении обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 432 УПК РФ, поскольку суд должен установить обстоятельства, свидетельствующие о возможности исправления подсудимого без назначения наказания и выбрать вид принудительных мер воспитательного воздействия. Установление данных обстоятельств, а равно, обстоятельств, свидетельствующих об изменении обстановки, также возможно чаще всего с участием самого подсудимого непосредственно в судебном заседании. Не всегда собранные следствием доказательства могут оказаться достаточными для выяснения вопроса о достижении целей наказания или возможности их достижения без назначения наказания отсутствующему подсудимому, поскольку судебное разбирательство в таком случае и постановление приговора заочно характеризуются существенными особенностями[1].

Тем не менее, в судебной практике имеются случаи постановления обвинительного приговора без назначения наказания в отсутствие подсудимого в связи с изменением обстановки. Например, в отношении П., обвиняемой в совершении преступления,

---

[1] См.: Андреева О. И. Проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого: проблемы правоприменения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. № 292-2. С. 250–252; Трубникова Т. В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестн. Том. ун-та. 2008. № 315. С. 127–133; Попова И. П. Заочное судебное разбирательство: актуальные проблемы теории практики // Юридический вестн. Самар. ун-та. 2016. Т. 2 № 3. С. 92–98. См.: Приложение Е. Рисунки Е.5–Е.11.

предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, не признававшей вину в ходе следствия, по ее ходатайству уголовное дело было рассмотрено в заочном порядке. Суд постановил обвинительный приговор без назначения наказания в связи с изменением обстановки, поскольку пришел к выводу, что с учетом рождения ребенка, переездом в другую страну, подсудимая, которой дан статус беженца, перестала быть общественно опасной П.[1].

В отношении Л. , обвиняемого в совершении преступления ч. 1 ст. 228 УК РФ, Ленинградским районным судом г. Калининграда также был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания в связи с изменением обстановки, и дело было рассмотрено в отсутствие подсудимого на основании ч. 4 ст. 247 УПК РФ по его ходатайству. Судом учтено, что Л. ранее не судим и совершил преступление небольшой тяжести, осознал общественную опасность совершенного преступления и чистосердечно раскаялся в содеянном, проходил на момент рассмотрения дела срочную службу в Вооруженных Силах РФ, где характеризовался положительно, и поэтому перестал быть общественно опасным. Однако, в нарушение требований ч. 2 ст. 316 УПК РФ приговор был постановлен в особом порядке на основании ходатайства Л., заявленного им при окончании предварительного следствия[2].

В отдельных случаях судами принимается решение о постановлении в заочном порядке приговора без назначения наказания в отсутствие каких-либо оснований. Так, Сургутским городским судом Ханты-Мансийского автономного округа-Югры на основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ был постановлен обвинительный приговор в отношении Г., проживающего за пределами России. Подсудимый Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ и осужден без назначения наказания, т. к. суд пришел к убеждению, что «реальное или условное лишение свободы не будет исполнимым»[3]. Представляется, что суд не может подменять вопросы исполнимости наказания с основанием постановления приговора без назначения наказания.

Думается, что с участием подсудимого в судебном разбирательстве возможно более полно установить основания постановления приговора такого вида, если суд высказывается о достижении целей наказания к моменту постановления приговора и возможности их до-

---

[1] Архив Центрального районного суда г. Тулы за 2011 г. // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/Kojmrha0rHHr (дата обращения 23.03.2013).

[2] Архив Ленинградского районного суда г. Калининграда за 2012 г. Уголовное дело № 1-72/2012 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/1nAfIb8pejog (дата обращения 24.03.2013).

[3] Архив Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры за 2013 г. Уголовное дело № 1-30/2013 // [электронный доступ]: https://surggor--hmao.sudrf.ru/moules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=68755230&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 25.04.2015).

стижения без назначения наказания. Представляется, что нормативного регулирования вопроса участия подсудимого не требуется, поскольку в каждом конкретном случае суд, исходя из установленных обстоятельств, вправе принять решение о необходимости обязательного участия подсудимого, или расценить представленные доказательства достаточными для принятия итогового судебного решения в процессуальной форме постановления обвинительного приговора без назначения наказания в отсутствие подсудимого.

Постановление обвинительного приговора исследуемого вида допускается и по результатам рассмотрения уголовного дела в упрощенных производствах (главы 32.1, 40, 40.1 УПК РФ), не исключающих исследование и оценку обстоятельств, характеризующих личность подсудимого[1]. В случае постановления обвинительного приговора без назначения наказания по результатам сокращенных (ускоренных) производств такой приговор не обладает свойством преюдициальности, в силу прямого указания на это в законе (ст. 90 УПК РФ), но обладает всеми иными вышеуказанными свойствами приговора, характеризующими его как акт правосудия по уголовному делу. Обеспечивая оптимизацию уголовного правосудия в части временных и материальных затрат, упрощенные производства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести также могут быть завершены постановлением обвинительного приговора исследуемого вида. В этой связи следует солидаризироваться с О. В. Качаловой, в том, что «одной из идей, положенных в основу развития современных упрощенных уголовно-процессуальных форм, является идея достижения максимального уровня социального компромисса, снижение конфронтационности, сглаживание уголовно-правового конфликта различными способами, предполагающими снижение степени уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших преступления, которые согласны с предъявленным обвинением и избирают упрощенные формы их рассмотрения, сотрудничают со следствием, активно раскаиваются, заглаживают причиненный ущерб и т.п.»[2]. Представляется, можно констатировать, что существование упрощенных производств, в целом соответствует не только оптимизации уголовного судопроизводства, но и восстановительному подходу в уголовном правосудии, что может быть реализовано с помощью та-

---

[1] Рассмотрение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подсудимого, в том числе, с постановлением обвинительного приговора без назначения наказания, возможно только по итогам судебного разбирательства в общем порядке. См.: Бочкарев А. Е. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 125–126; Дикарев И. С. Применение требований главы 50 УПК России по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2008. № 1. С. 90–93.

[2] Качалова О. В. Рационализация производства по уголовным делам: требования времени // Судья. 2017. № 4. С. 30.

кого процессуального средства как обвинительный приговор без назначения наказания.

Подводя итог исследованию порядка постановления обвинительного приговора без назначения наказания, следует отметить, что для реализации сторонами предоставленных им прав в уголовном судопроизводстве, должны быть предусмотрены соответствующие механизмы. Одним из элементов такого механизма является предоставление равного права всем участникам судебных прений в письменном виде довести до суда свою позицию по вопросам, которые суд будет рассматривать при постановлении итогового судебного решения. По сути, на этапе судебных прений стороны имеют последнюю возможность повлиять на формирование у суда убеждения по главным вопросам, которые ему предстоит разрешить, в том числе, стороны вправе высказаться о возможности осуждения без назначения наказания и мотивировать свои позиции. В связи с этим обоснованы и предложены соответствующие изменения в ст. 292 УПК РФ. Непосредственно с разрешением вопроса виновности и наказания, реализацией восстановительного подхода связаны и иные сформулированные предложения, направленные на совершенствование порядка постановления приговора.

В результате изучения порядка постановления приговора предложен новый алгоритм привлечения к уголовной ответственности виновного лица, предполагающий реализацию восстановительного подхода в уголовном правосудии, заключающийся в необходимости выбора процессуальной формы реализации уголовной ответственности в виде решения с наименьшим карательным воздействием.

2.3 Особенности постановления обвинительного приговора без назначения наказания в отношении несовершеннолетних и при изменении обстановки

Постановление обвинительного приговора без назначения наказания в отношении несовершеннолетних. В результате поиска адекватных и ценностно приемлемых способов реагирования на преступление взамен карательной модели, или встраивания их в официальную модель, сторонники восстановительного подхода предлагают модель восстановительного правосудия «в качестве нового подхода к разрешению конфликтов, формы правосудия, направленной на восстановление справедливости и сбалансированности потребностей потерпевшего, преступника и общества, на решение проблем, а не установление

и наказание виновного лица, интеграцию правонарушителя в общество»[1]. Уголовная юстиция, по их мнению, приобретает гибкость, поскольку в ее рамках объединяются разные способы реагирования на преступное поведение, в том числе, без назначения виновному наказания[2]; восстановительное правосудие рассчитано на внутреннюю перестройку сознания правонарушителя, его подлинное перевоспитание, осознание своей ответственности перед другими гражданами и обществом в целом[3].

Именно несовершеннолетние, вовлеченные в уголовно-процессуальные правоотношения, нуждаются в особом подходе и именно в отношении них судебные решения имеют воспитательное значение, а достижение назначения уголовного судопроизводства возможно без наказания[4]. На протяжении всего эволюционного периода развития норм об уголовной ответственности несовершеннолетних существовали определенные особенности судопроизводства, обусловленные возрастом и уровнем развития подростков. Зачастую именно под влиянием возрастных особенностей подростками совершаются преступления, не представляющие высокой общественной опасности. Как точно подчеркивал И. Л. Петрухин «в течение всей истории развития уголовного судопроизводства человечество убеждалось в бессилии кары, мести и в прощении (в определенных пределах) как более эффективном средстве изменения и формирования нравственного облика преступника. Несовершеннолетие как раз и есть самый благоприятный контингент для достижения этой цели»[5].

По обоснованному мнению некоторых авторов, «особенности регламентации уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних недопустимо трактовать в качестве неких «льгот» для подростков, установленных в силу одного факта несовершеннолетия: «речь идет о другом: об установлении необходимых и достаточных пределов ответственности и наказания»[6].

В качестве характерной черты становления восстановительного правосудия в России В. Н. Ткачев, являясь руководителем Ростовского областного суда, где был создан

---

[1] Коваленко Т. С. Уголовное правосудие России: на перекрестке двух дорог // Российское правосудие. 2017. №7 (135). С. 106. Также см.: Никулина Е. А. Компромисс в уголовном процессе. Новосибирск, 2010. С. 8.

[2] См.: Виницкий Л. В., Нагуляк М. В. Указ. соч. С. 6.

[3] См.: Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы … Ч. II. М., 2005. С. 119–121.

[4] В этой связи В. А. Терентьева отмечает, что освобождение от уголовного наказания несовершеннолетних «соответствует интересам оступившихся несовершеннолетних, исправление которых возможно без уголовного наказания или без полного его исполнения». См.: Терентьева В. А. Гуманизм и экономия мер уголовной репрессии как принципы реализации социальной функции института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания// Уголовная юстиция. 2017. № 9. С. 28.

[5] Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы… Часть II. М., 2005. С. 166.

[6] Гуковская Н. И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н. И. Гуковская, А. И. Долгова, Г. М. Миньковский. М., 1974. С. 12.

модельный ювенальный суд, отмечал в 2002 г., что при отсутствии развернутого законодательного закрепления, фундаментальных системных теоретических исследований и эмпирических наработок, восстановительное правосудие получает реальную поддержку в деятельности судов Российской Федерации, деятельности общественных организаций, поскольку «поиск альтернатив карательному правосудию, в особенности правосудию по делам несовершеннолетних, обусловлен в нашей стране пониманием недостаточной эффективности действующей системы мер уголовно-правового воздействия»[1]. В настоящее время можно констатировать, что имеются и теоретические исследования, и законодательное закрепление не только термина, но и нормативного регулирования возможности внедрения отдельных восстановительных технологий, а опыт более 50 регионов, использующих восстановительные подходы в ювенальной юстиции, свидетельствует об актуальности и востребованности мер, направленных на гуманизацию, поиск новых форм снижения уголовной репрессии, и в целом, к смене приоритетов уголовного правосудия с наказания на восстановление нарушенных прав жертв преступлений, возмещение и компенсацию причиненного преступлением ущерба, и проявляющих заинтересованность в социально позитивном посткриминальном поведении виновного подростка и его реинтеграции в общество.

Представляется, что это стало возможным, в том числе, благодаря энтузиазму и самоорганизации общественных групп и судейского сообщества ряда регионов, что справедливо подчеркивает Л. М. Карнозова[2]. Вместе с тем, следует признать, что в уголовном правосудии лишь предусмотрены особенности производства по делам несовершеннолетних, однако подчинено это производство тем же целям, что и в отношении взрослых обвиняемых. Именно данное противоречие А. С. Пашин рассматривает в качестве важнейшей практической проблемы судебной реформы, характеризуя его как «столкновение карательных по своей природе идей «справедливого наказания», устрашения («общей и частной превенции»), с одной стороны, и с другой стороны, соображений ресоциализации подростка, обеспечения его благополучия»[3].

---

[1] Ткачев В. Н. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и восстановительное правосудие: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2002. С. 174.

[2] См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие… С. 5.

[3] Пашин С. А. Становление правосудия. М., 2011. С. 354. О карательной модели правосудия отмечают и другие авторы. См.: Гуськова А. П. Функции ювенального судопроизводства / А. П. Гуськова, Л. В. Юрченко // Вестник ОГУ. 2010. № 3 (109). С. 43; Давыденко А. В. Актуальность применения в Российской Федерации института медиации // Российский судья. 2015. № 2. С. 15. В свою очередь авторы отмечают необходимость в смене модели реагирования на преступления несовершеннолетних: от наказания к защите интересов личности ребенка, воспитанию и социализации, поскольку отдельные идеи смягчения ответственности норм карательной уголовной юстиции не меняют ее систему. См.: Волошин В. М. Ювенальные суды // Правосудие в современном мире / под ред.

Е. В Марковичева, анализируя эффективность механизма применения принудительных мер воспитательного воздействия, справедливо отмечает, что страдает воспитательная направленность процесса, когда судьи идут по пути «наименьшего сопротивления», вынося обвинительный приговор и назначая несовершеннолетнему условную меру наказания. Тогда как сами несовершеннолетние осужденные такой итог судебного разбирательства воспринимают как некое общественное прощение содеянного им[1]. Поскольку наказание (в особенности в виде лишения свободы) «блокирует в большинстве своем воспитательные механизмы»[2], то необходима смена карательной парадигмы уголовного правосудия восстановительной, которая справедливо рассматривается, как один из наиболее эффективных способов достижения социальной справедливости, исправления несовершеннолетнего, совершившего преступление[3].

Отличительной особенностью ювенальной юстиции, как одного из направлений восстановительного подхода в правосудии, следует признать, что несовершеннолетний подсудимый рассматривается не как объект репрессий, а как субъект реабилитации, что детерминировано особенностями несовершеннолетнего возраста, определяющего воспитательную, а не карательную направленность ювенального правосудия[4]. Несмотря на то что, пока становление ювенальной юстиции идет стихийно и фрагментарно, как верно отмечают исследователи[5], парадокс всей ситуации заключается в том, что в отсутствие иных целевых установок и каких-либо существенных отличий в нормах УПК РФ (за исключением особенностей, отраженных в главе 50 УПК РФ) при производстве по уголовным делам именно в отношении несовершеннолетних успешно применяются восстановительные подходы.

Если обратиться к истории правового регулирования производства в связи с уголовно-правовым конфликтом с участием несовершеннолетних, то в разные периоды времени она развивалась не последовательно: от приравнивания несовершеннолетних в

В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М. 2013. С. 625, 633.

[1] См.: Марковичева Е. Механизм применения принудительных мер воспитательного воздействия// Уголовное право. 2007. № 6. С. 126–128. Такую же позицию занимают и другие исследователи. См. также: Волошин М. Ю. Ювенальные суды… С. 634.

[2] Смолькова И. В. Восстановительное правосудие как основа для создания ювенальной юстиции в Российской Федерации / И. В. Смолькова, Т. В. Исакова // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы 3-й межд. науч. практ. конференции, Улан-Удэ, 16–18 сент. 2011 г. Улан-Удэ, 2012, С. 28–30.

[3] Исакова Т. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 8.

[4] В этой связи И. В. Смолькова справедливо отмечает, что «наблюдаемая в последние годы в России гуманизация правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей многими юристами напрямую связывается с идеей ювенальной юстиции». См.: Смолькова И. В. Возникновение и становление российского ювенального уголовного судопроизводства // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям: материалы I регион.науч.-практ. конференции, г. Усть-Илимск, 24 апр. 2014 г., Иркутск, 2015. С. 48.

[5] См.: Давыденко А. В. Перспективы введения восстановительного правосудия в российской правовой системе // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 59–63.

ответственности с взрослыми до отсутствия уголовной ответственности. В связи с этим вполне понятны опасения сторонников восстановительной модели правосудия, что «в случае включения восстановительной юстиции в официальную модель инструментарий восстановительной юстиции не будет применяться или будет применяться главным образом в декоративных целях; либо же механизмы восстановительной юстиции будут превращены в карательные»[1].

Следует признать, что даже в тех субъектах, где применяются ювенальные технологии, ими охвачены далеко не все суды. Ментальность судей порою такова, что они предпочитают обосновать наказание, чем мотивировать судебное решение о применении принудительных мер воспитательного воздействия[2]. Однако потребность в особом подходе к несовершеннолетним осознается большинством, потому в отсутствие нормативных изменений начатые когда-то как эксперимент восстановительные подходы – ювенальные технологии – «упали зерном на благодатную почву» и в этом имеются положительные результаты. Думается, не случайно, что среди всех направлений восстановительного правосудия, именно применение ювенальных технологий было воспринято в России и позволило задуматься о целях уголовного правосудия в целом. Как в этой связи пишет Л. М. Карнозова: «то, что раньше казалось само собой разумеющимся – наказание как способ реагирования на преступление – стало сомнительным. Изменился взгляд на правосудие вообще: ювенальная юстиция поставила на повестку дня вопрос о новых целях юстиции, о новом типе ответа на преступление и породила новую практику – практику реабилитационного (попечительного) подхода в оппозиции карательному»[3].

Изначально следует определиться с терминологией. Впервые о создании основ системы ювенальной юстиции в официальных документах отмечено в 2000 г.[4]. Термин «ювенальные технологии» впервые употреблен в Постановлении Президиума Совета судей РФ от 22.10.2009 г. № 196[5]. Как отмечалось во введении, в нормативных актах

---

[1] Сесар К. Указ. соч. С. 171.

[2] В этой связи Л. М. Карнозова верно отмечает, что «вынесение судебного решения» означает для российских судей «назначение наказания». См.: Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество…С. 407. Н. В. Спесисов также отмечает сложившиеся стереотипы судей, выбирающих назначение уголовного наказания по поступившему уголовному делу при доказанности вины подростка, вместо решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия. См.: Спесивов Н. В. Реализация международных стандартов уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в современной России. М., 2018. С.118–119.

[3] Карнозова Л. М. Использование программ… С. 50.

[4] О Федеральной целевой программе «Молодежь России (2001–2005 годы): Постановление Правительства РФ от 27.12.2000 г. № 1015 (в ред. от 26.09.2004г., с изм. от 21.10.2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 172; Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 37. Ст. 373; Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2170.

[5] Об утверждении Положения о рабочей группе по вопросам создания и развития ювенальной юстиции в

употребляются также термины «технологии восстановительного правосудия». Термин «ювенальная юстиция» употребляется в двух значениях: в широком смысле он означает действия, направленные на реализацию и обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних, а в узком – систему специализированных судебных органов, предназначенных для рассмотрения дел, в которых хотя бы одной из сторон является несовершеннолетний. В настоящее время в рамках судов общей юрисдикции реализуются отдельные ювенальные технологии как действия, направленные на реализацию восстановительных подходов (идей восстановительного правосудия)[1] или внедрение элементов ювенальной юстиции (ювенального правосудия), что используется в синонимичном значении[2]. Н. В. Спесивов справедливо рассматривает ювенальную юстицию как основополагающий международный стандарт осуществления уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних[3].

Однако ювенальная юстиция была неоднозначно воспринята обществом, скорее всего, в связи с отсутствием информированности и освещением в средствах массовой информации, а также в связи с широкой трактовкой ювенальной юстиции, при поверхностном понимании ее сущности, как деятельности государственных органов, направленных против интересов семьи. Некоторые авторы отмечают, что термин «ювенальная юстиция» стал все чаще употребляться с негативным оттенком[4]. Возможно именно этим обусловлено, что в одном из магистральных документов, комплексно рассматривающих

системе правосудия Российской Федерации: Постановление Президиума Совета судей РФ от 22.10.2009 г. № 196 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 23.06.2018).

[1] Л. А. Шестакова рассматривает концепцию восстановительного правосудия как основу ювенальной юстиции. См.: Шестакова Л. А. Концепция восстановительного правосудия как основа ювенальной юстиции // Юрид. вестн. Самарского ун-та. 2016. Т. 2 № 1. С. 137–144. Т. В. Исакова указывает: «правосудие по делам несовершеннолетних – единственная область в российском уголовном судопроизводстве, где проводятся программы восстановительного правосудия». См.: Исакова Т. В. Восстановительное правосудие: проблемы правоприменения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Иркутск, 2013, Вып. 1 (4). С. 47.

[2] Н. Е. Борисова в 2007 г., констатируя присутствие элементов ювенальной юстиции в российском правосудии, справедливо отмечает, что эти вопросы решаются в каждом регионе самостоятельно и бессистемно, поскольку нет специального закона. К сожалению, за прошедшее десятилетие ситуация с нормативным регулированием так и не изменилась. См.: Борисова Н. Е. Современные проблемы становления ювенальной юстиции в Российской Федерации // Ювенальная юстиция в России: Перспективы развития: сб. / Управл. суд. департамента в Иркутской области. Иркутск, 2007. С. 19.

[3] Спесивов Н. В. Указ. соч. С. 50–72.

[4] См.: Антюфеева О. С. Ювенальная юстиция в России – перспективы развития // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: матер. V-ой Межд.. науч.-практ. конференции, 11–13 апр. 2013 г. / ред. кол.: Т. К. Рябинина (отв. ред.), Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. С. 14; Марковичева Е. В. Актуальные проблемы современной уголовно-процессуальной политики // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: матер. V Межд. науч.-практ. конференции, посвящ. 90-летию Верховного суда Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, 3–4 окт. 2013 г.). / науч. ред. Э. Л. Раднаева, Улан-Удэ, 2013. С. 176–179; Прозументов Л. М. Применение судами ювенальных технологий по делам о преступлениях несовершеннолетних / Л. М. Прозументов, Д. В. Карелин // Судья. 2014. № 6. С. 28–31; Попова И. П. Ювенальные технологии: за и против // Ювенальные технологии как основа системной помощи… С. 6–12.

вопросы несовершеннолетних, был употреблен новый термин «дружественное к ребенку правосудие» как тождественное понятию «ювенальная юстиция»[1].

Отечественный исторический опыт свидетельствует о существовании не только особенностей судопроизводства в отношении несовершеннолетних, но и функционировании специализированных судов по делам несовершеннолетних. Первый такой суд был учрежден в 1910 г. в Санкт-Петербурге. В 1917 г. такие суды действовали в Москве, Харькове, Киеве Одессе, Либаве, Риге, Томске, Саратове. Постановление приговора и определение наказания в таком суде происходило спустя пять-шесть месяцев после первого судебного разбирательства, что позволяло, с одной стороны, изучить подростка, с другой – несовершеннолетний мог выбрать оптимальную линию своего дальнейшего поведения, обдумав свои предшествующие поступки[2]. По сути, с введением ювенальных судов в России была предложена и с успехом апробирована принципиально новая модель отправления правосудия, отвергшая старые процессуальные формы. Такие суды были ликвидированы с 1917 г., хотя интерес к проблемам ювенальной юстиции и восстановительного правосудия в последние годы существенно возрос, а Пекинские правила рекомендуют создавать специализированные суды по делам несовершеннолетних[3].

Внедрение элементов ювенальных технологий в ряде регионов (Архангельская область, Ленинградская область, Оренбургская область, Липецкая область, Пермский край, Иркутская область, Ростовская область и другие регионы, всего насчитывается более 50 регионов, в которых имеются в судах общей юрисдикции специализированные составы судов) свидетельствует о полученных положительных результатах[4]. Следует

---

[1] О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы: Указ Президента РФ от 1.06.2012г. № 761 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 23. Ст. 2994. Отдельные авторы рассматривают принятие данного документа как «первый шаг к новой парадигме отправления правосудия по делам несовершеннолетних». См.: Лазарева В. А., Шестакова Л. А. Производство по делам несовершеннолетних в РФ: на пути в ювенальной юстиции// Библиотека криминалиста. 2016. № 3. С. 83. Также см.: Леженникова И. М. Дружественное к ребенку правосудие в системе правосудия Российской Федерации: новый взгляд на ювенальную юстицию // Российская юстиция 2015. № 4. С. 49.

[2] См.: Журавлев А. В. Назначение уголовного наказания несовершеннолетним. М., 2009. С. 15–16. Под надзор попечителей, наблюдавших за поведением несовершеннолетних правонарушителей, направлялось до 70% подсудимых. См.: Рабец А. М. Ювенальное право Российской Федерации: уч-к. для магистр. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2013. С. 400.

[3] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): [Электронный ресурс]: приняты 29.11.1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 2.05.2018).

[4] См.: Ротькин В. Ф. Развитие дружественного к детям правосудия в Архангельской области // Актуальные проблемы развития российской правовой науки: матер. Всерос. научно-практ. конференции, посвящ. 150-летию Судебной и Земской реформ 1864 года (Архангельск, 30–31 окт. 2014 г., ред.-сост. С. В. Бурмагин, Архангельск 2015. С. 142–146; Шилов Н. К. О практике работы ювенальных судов в Санкт-Петербурге // Ювенальная юстиция в России: Перспективы развития : сб. … С. 84–90; Гранина М. А. Проблемы внедрения ювенальных технологий в Российском судопроизводстве (по материалам Усть-Илимского городского суда) // Ювенальные технологии как

отметить, что практика судов, где применяются ювенальные технологии, характеризуется тем, что вопросы наказания в приговорах в отношении несовершеннолетних более мотивированы, поскольку при обосновании своих выводов суд анализирует и дает оценку большему объему обстоятельств, характеризующих личность подсудимого.

Например, в отношении Г. на основании ч. 1 ст. 432 УПК РФ был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания с учетом психолого-педагогического исследования личности подсудимой, в котором было высказано мнение специалистов, что исправление Г. без назначения уголовного наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия возможно путем целенаправленного воспитательного воздействия с привлечением возможностей педагогического коллектива по месту учебы. Суд пришел к выводу, что исправление Г. возможно без применения уголовного наказания и на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ освободил от наказания и применил к ней принудительные меры воспитательного воздействия[1].

В рамках судов общей юрисдикции созданы практические модели комплексных судов по делам несовершеннолетних (ювенальных судов), например, в Ростовской и Иркутской области, где судебные составы по делам несовершеннолетних расположены в отдельных помещениях, и разработаны ювенальные технологии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, которые применяются судами при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних[2]. Авторами, исследующими проблемы ювенальной юстиции, справедливо отмечается, что производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, в первую очередь, должно быть ориентировано не на применение карательного воздействия (назначение наказание), а на применение принудительных мер воспитательного воздействия и обеспечение мер по возмещению материального ущерба потерпевшему, что предлагают механизмы восстановительного подхода[3].

основа системной помощи… С. 21–30.

[1] Архив Задонского районного суда Липецкой области за 2012 г. Уголовное дело в отношении Г., рассм. 29.02.2012 г. // [электронный доступ]: https://rospravosudie.com/court-zadonskij-rajonnyj-sud-lipeckaya-oblast-s/act-101893049 (дата обращения: 26.02.2014).

[2] Опыт работы Ангарского городского суда Иркутской области, где создан судебный состав по делам несовершеннолетних, свидетельствует о позитивном направлении, как создания специальных судебных составов, так и применения отдельных элементов ювенальных технологий. Опыт применения ювенальных технологий в Усть-Илимском городском суде, который также дал положительные результаты, был исследован и обобщен на I региональной научно-практической конференции «Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям» в 2014 г. С учетом полученных результатов были разработаны методические рекомендации по внедрению модели восстановительного правосудия для судов. См.: Садовникова М. Н. Методические рекомендации по внедрению модели восстановительного правосудия для судов: метод. пособие / М. Н. Садовникова, А. А. Кровушкина. Иркутск, 2015. 84 с.

[3] См.: Гуськова А. Проблемы ювенальной юстиции в России / А. Гуськова, Е. Ширшова // Уголовное право. 2006. № 2. С. 125; Юрченко Л. В. Некоторые проблемы развития восстановительного правосудия по делам

В некоторых судебных решениях прямо указано, что до принятия итогового судебного решения применялись именно восстановительные технологии. Например, в приговоре в отношении Ф., указано: «по инициативе суда в отношении подсудимой Ф. были проведены восстановительные технологии, с привлечением социальных служб в целях профилактики повторной преступности подростка Ф., в связи с чем в судебном заседании на обсуждение сторон был поставлен вопрос о применении к подсудимой Ф. принудительных мер воспитательного воздействия». Суд пришел к выводу, что исправление подсудимой Ф. возможно без применения уголовного наказания и на основании п. 3 ч. 5 ст. 302, ч. 1 ст. 432 УПК РФ постановил обвинительный приговор без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, при этом подробно мотивировал свое решение, в том числе, учел возражения государственного обвинителя и дал оценку отрицательной характеристике с места учебы Ф. (расценив ее, «как результат протестного поведения подсудимой ввиду необъективного подхода к ней со стороны, как бывшего опекуна (попечителя), так и со стороны преподавательского состава учебного заведения»)[1].

На протяжении последних десятилетий активно обсуждается возрождение ювенальной юстиции в России и совершенствование механизма применения принудительных мер воспитательного воздействия, рассматриваемых как альтернатива наказанию и согласующихся с идеями восстановительного подхода в правосудии, исходя из необходимости гуманизации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних, преступивших закон, что будет способствовать их надлежащей реинтеграции в общественные отношения[2]. Рассматривая карательную парадигму правосудия как затратную и неэффективную, авторы предлагают заменить ее на восстановительную модель, в которой принцип неотвратимости наказания может быть заменен принципом обязательности заглаживания вреда и возмещения ущерба[3]. Обсуждаются различные модели ювенального правосудия[4].

несовершеннолетних // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 14.

[1] Архив мирового судьи судебного участка № 8 Свердловского судебного района г. Перми за 2016 г. Уголовное дело № 60/8-2016 // [электронный доступ]: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-42-sverdlovskogo-rajona-g-permi-s/act-232147947 (дата обращения: 17.01.2017).

[2] См.: Мельникова Э. Будет ли в России ювенальная юстиция? // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 38–40; Соболева Л. А. Ювенальная юстиция как основа системной помощи несовершеннолетнему, находящемуся в трудной жизненной ситуации // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 9–13; Тронева В. Н. Развитие ювенальной юстиции в России: за и против // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации: матер. Всерос. науч.-практ. конференции… С. 98–102.

[3] См.: Конин В. В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 43.

[4] См.: Панькина И. Ю. К вопросу о моделях ювенального правосудия // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации… С. 69–72; Давыденко А. В. К вопросу о ювенальной юстиции в Рос-

На основе личного опыта автора данного исследования и результатов регионов России, применяющих в судебной практике ювенальные технологии, можно сделать вывод о том, что когда-то воспринимавшееся как авангардная и новая идеология в уголовном правосудии в отношении несовершеннолетних – восстановительная модель правосудия, и вызывавшие повышенный интерес ювенальные технологии, со временем становятся как само собой разумеющееся, и расценивается как единственно возможное адекватное отношение к подростку при наличии соответствующих оснований[1]. Представляется, что координация деятельности различных структур, в той или иной степени занимающихся этими вопросами, возможна при централизующей эту деятельность работе суда, где и принимается итоговое решение, обязательное к исполнению.

В целом судебная практика судов Иркутской области, подтверждает востребованность восстановительных подходов, а в отсутствие нормативного регулирования и периодического охлаждения общественного внимания к этим вопросам, исключается «компанейщина» в практической деятельности. Напротив, работа судейского корпуса во взаимодействии с различными структурами и накопленный опыт и в регионе, и в стране, в целом, нуждается в мониторинге, на основе чего возможно конструктивное решение проблем профилактики девиантного поведения и реагирования на преступления несовершеннолетних в современных условиях. Как справедливо отмечается в юридической литературе: «следует оценить потенциал уже имеющихся правовых средств, проанализировать результаты внедрения «новых» технологий сквозь призму принципов, целей и задач, стоящих перед обращением с несовершеннолетними правонарушителями»[2]. Вместе с тем имеются и проблемы, вызванные, в первую очередь, отсутствием нормативной регламентации внедрения восстановительного подхода, к числу которых относится неопределенность модели (выбор между реабилитационной или восстановительной моделью или их компромиссный вариант), структуры, и принципов[3].

сийской Федерации// Российская юстиция. 2014. № 5. С. 30–34.

[1] Отмечаются модели восстановительного правосудия по месту применения ювенальных технологий: например, «Пермская модель» восстановительного правосудия, «Липецкая модель» восстановительного правосудия. См.: Ринчинова А. К. Модели восстановительного правосудия для судов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: матер. V Межд. науч.-практ. конференции, посвящ. 20-летию Бурятского гос. ун-та (Иркутск, Улан-Удэ, 22–25 сент. 2015 г). / науч. ред. Э. Л. Раднаева, М. Н. Садовникова. Улан-Удэ, 2015. С. 176–180.

[2] Прозументов Л. М. Ювенальные технологии в практической деятельности судов по делам о преступлениях несовершеннолетних / Л. М. Прозументов, Д. В. Карелин // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: материалы V Межд. науч.-практ. конференции… С. 164.

[3] См.: Бозров В. М. Ювенальный суд в современной России // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 54–56; Носкова Е. В. О внедрении медиативных техник в осуществление правосудия по делам несовершеннолетних // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 49.

При создании надлежащих условий (нормативное регулирование и материально-техническая база) представляется предпочтительнее рассмотрение дел в отношении и с участием несовершеннолетних в ювенальных судах, и в этой связи следует солидаризироваться с Т. Г. Морщаковой, что таким образом будут созданы условия и адекватные формы воздействия и восстановления «не только нарушенного права, но и искаженной картины миропонимания», что позволит осознать взаимную ответственность общества и личности, будет создано экспериментальное поле для внедрения технологий восстановительного правосудия[1]. Однако в отсутствие таких судов следует наиболее эффективно применять действующие нормы, которые, к сожалению, не имеют четких критериев разграничения в каких случаях принудительные меры воспитательного воздействия применяются при освобождении от уголовной ответственности, а в каких – после рассмотрения вопроса виновности при освобождении от уголовного наказания, и какое итоговое судебное решение в этом случае выносится.

По справедливому мнению отдельных процессуалистов обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен в отношении несовершеннолетних осужденных с применением принудительных мер воспитательного воздействия[2]. С. В. Бородин полагал, что при постановлении обвинительного приговора, суд может не применить наказание, назначив принудительные меры воспитательного воздействия[3]. Э. Ф. Куцова считала одним из возможных оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания – применение к несовершеннолетнему вместо уголовного наказания принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ (ч. 1 ст. 432 УПК РФ)[4]. Однако имеются и другие точки зрения. Так, Е. А. Зайцева считает, что обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен в отношении несовершеннолетнего на основании положений ч. ч. 1, 2

---

[1] См.: Морщакова Т. Г. К дискуссии о восстановительном правосудии // Неволя. 2005. № 4. С. 27, 31. Мнение о необходимости специализированных ювенальных судов поддерживают и другие авторы. См.: Кравчук Н. В. Правосудие, дружественное к детям: основные принципы и их трактовка международными органами защиты прав человека // Российское правосудие. 2018. № 5 (145). С. 18–19.

[2] См.: Иванов П. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-/нД, 2003. С. 97; Дворецкий М. К вопросу о видах уголовной ответственности // Уголовное право. 2007. № 2. С. 40; Кобозева Т. Ю. Указ. соч. С. 29–30; Александрова Н. С. Освобождение от уголовной ответственности. Димитровград, 2013. С. 82; Уголовный процесс: уч-к / отв. ред. Л. А. Воскобитова, (автор главы – С. М. Матвеев). М., 2015. С. 392; Юсупов М. Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122–128; Романов С. В. Указ. соч. С. 80 и др. С данной позицией согласны 27% опрошенных судей. См.: Приложение Е. Рисунок Е.2.

[3] См.: Бородин С. В. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: уч-к / отв. ред. И. Л. Петрухин. М., 2008. С. 478.

[4] Уголовный процесс: уч-к / под ред. К. Ф. Гуценко, (автор главы – Э. Ф. Куцова). М., 2007. С. 526. С. Курганов считает, что в случае применения ст. 92 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия назначаются вместо наказания. См.: Курганов С. Указ. соч. С. 60.

ст. 432 УПК с применением к нему принудительной меры воспитательного воздействия не только на основании ч. 2 ст. 90 УК РФ при совершении преступления небольшой и средней тяжести, но и в случае совершения преступления средней тяжести и тяжкого на основании ст. 92 УК РФ, если для него будет признано достаточным помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа[1]. Другие авторы, напротив, полагают, что ч. ч. 1, 2 ст. 432 УПК РФ и ст. 90 УК РФ являются основаниями для постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания[2].

Постановление приговора в отношении несовершеннолетнего в целом осуществляется по общим правилам, содержащимся в главе 39 УПК РФ, за исключением некоторых особенностей, которые отражены в главе 50 УПК РФ[3]. Для выбора наиболее оптимальной формы реализации уголовной ответственности необходимо выяснение условий жизни и воспитания несовершеннолетнего: объективные условия жизни семьи, характеристики родителей и их взаимоотношения с несовершеннолетним, его бытовое и социальное окружение и связи, содержание воспитательной работы с ним по месту жительства и учебы, а также характер ранее принятых мер по фактам его девиантного поведения. Причем все эти обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, данные о его личности, должны исследоваться и оцениваться в совокупности, в целях исключения ошибочных выводов суда, для чего такие данные должны быть собраны за достаточно продолжительный период времени, в том числе, необходимы сведения о постпреступном поведении несовершеннолетнего[4].

Нельзя не отметить, что на основании ст. 10 УК РСФСР суд, прокурор, а также следователь, с согласия прокурора, были вправе прекратить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, если по обстоятельствам дела и данным, характеризующим личность правонарушителя, его исправление возможно без применения уголовного наказания в порядке, предусмотренном ст. 402 УПК РСФСР. Суд имел полномочия применения принудительных мер воспитательного воз-

---

[1] См.: Зайцева Е. А. Уголовный процесс: уч-к… С. 251.

[2] См.: Кудин Ф. М. Уголовный процесс: уч-к… С. 540; Загорский Г. И. Уголовно-процессуальное право… С. 691; Писарев А. В. Указ соч. С. 449.

[3] См. подробнее: Попова И. П. Некоторые особенности постановления приговора по уголовным делам в отношении несовершеннолетних подсудимых // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям: матлы I регион. науч.-практ. конференции г. Усть-Илимск. 24 апр. 2014 г. Иркутск, Изд-во БГУЭП, 2015. С. 85–95.

[4] Л. М. Карнозова обоснованно выделяет три группы факторов, которые кроме характера и степени тяжести инкриминируемого деяния оказывают влияние на решение суда: посткриминальное поведение обвиняемого (подсудимого), возраст и характеристика личности. См.: Карнозова Л. М. Использование программ… С. 47–48.

действия по итогам судебного разбирательства, и в распорядительном заседании, то есть советский уголовный и уголовно-процессуальный закон предусматривали освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия. С введением в действие УК РФ в 1996 г. были внесены соответствующие изменения и в УПК РСФСР, и у суда появилась возможность освобождать от отбывания наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия, причем уголовно-процессуальный закон четко разграничивал вид судебных решений в зависимости от степени тяжести совершенного несовершеннолетним преступления:

1) если по делу о преступлении небольшой или средней тяжести было признано, что несовершеннолетний, совершивший преступление, мог быть исправлен без применения мер уголовного наказания, суд (мировой судья) в соответствии с ч. 1 ст. 92 УК РФ был вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего подсудимого от отбывания наказания и применить к нему принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные ч. 2 ст. 90 УК РФ (ст. 402 УПК РСФСР);

2) если при рассмотрении дела о преступлении средней тяжести было признано, что цели наказания могли быть достигнуты путем помещения несовершеннолетнего, совершившего это преступление, в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних, суд вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего от отбывания наказания и в соответствии со ст. 92 УК РФ направить его в одно из указанных учреждений на срок до достижения им совершеннолетия (ст. 402.1 УПК РСФСР). На основании ст. 401.2 УПК РСФСР при постановлении приговора несовершеннолетнему суд, наряду с вопросами, подлежащими обсуждению в совещательной комнате, был обязан обсудить, в том числе, вопрос об освобождении от наказания в случаях, предусмотренных ст. 92 УК РФ.

Действующее законодательство регламентирует производство в отношении несовершеннолетних следующим образом.

1. Несовершеннолетний может быть **освобожден от уголовной ответственности** с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Применение мер воспитательного воздействия в таком случае происходит не в процессуальной форме постановления обвинительного приговора, судом выносится соответствующее постановление:

1) На основании ст. 427 УПК РФ, предусматривающей возможность прекращения

уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, с согласия самого несовершеннолетнего. Так, прокурор, а также следователь с согласия прокурора в соответствии со ст. 90 УК РФ вправе прекратить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Уголовное дело, прекращенное по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 90 УК РФ, направляется прокурором судье для решения вопроса о применении в отношении несовершеннолетнего принудительных мер воспитательного воздействия.

2) На основании ст. 431 УПК РФ суд вправе прекратить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания.

2. К несовершеннолетнему могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 432 УПК РФ, если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания – суд вправе, постановив **обвинительный приговор без назначения наказания**, применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную ч. 2 ст. 90 УК РФ.

3. На основании ч. 2 ст. 432 УПК РФ, если при рассмотрении уголовного дела о преступлении средней тяжести или тяжком преступлении (за исключением преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ), будет признано достаточным помещение несовершеннолетнего подсудимого, совершившего это преступление, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, то суд, постановив обвинительный приговор, **освобождает несовершеннолетнего осужденного от наказания** и в соответствии со ст. 92 УК РФ направляет его в указанное учреждение на срок до наступления совершеннолетия, но не более трех лет. При этом в ч. 2 ст. 92 УК РФ имеется прямое указание о такой возможности только при условии назначения наказания в виде лишения свободы. В связи с чем обращение к содержанию нормы ст. 92 УК РФ, как материальному основанию применения принудительных мер воспитательного воздействия, не позволяет разделить вышеприведенное

мнение Е. А. Зайцевой и других авторов[1] о постановлении обвинительного приговора без назначения наказания в отношении несовершеннолетнего с направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Процессуальной формой такого решения в силу ч. 2 ст. 432 УПК РФ является постановление обвинительного приговора с назначением наказания (причем, только в виде лишения свободы) и освобождением несовершеннолетнего осужденного от его отбывания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ)[2].

Таким образом, можно констатировать, что при наличии одних и тех же условий (преступление небольшой или средней тяжести и возможность исправления без применения уголовного наказания) в отношении несовершеннолетнего при применении принудительных мер воспитательного воздействия конкуренция процессуальных решений заключается не в выборе между двумя видами обвинительных приговоров, а в выборе между постановлением (ст. ст. 427, 431 УПК РФ) и обвинительным приговором без назначения наказания (ч. 1 ст. 432 УПК РФ). Поскольку конкуренция оснований, указанных в ст. 427 и ст. 431 УПК РФ зависит от стадии принятия решения (досудебное производство или судебное разбирательство), соответственно, во втором случае – такое решение принимается судом по уголовному делу, находящемуся у него в производстве, а не по ходатайству, поступившему в досудебном производстве, то в рамках данного исследования нет необходимости рассматривать их подробно.

Отдельные авторы, сравнивая условия применения принудительных мер воспитательного воздействия, указанные в ст. ст. 427, 431 и 432 УПК РФ, справедливо приходят к выводу об их идентичности. Однако исследуя правовые последствия, отмечают, что все они исключают порицание за содеянное[3], с чем вряд ли можно согласиться. Процессуальная форма, предусмотренная ст. 427 УПК РФ, регламентирует принятие решения по ходатайству в ходе предварительного расследования по уголовному делу только судом и в отношении только обвиняемого. Процессуальная форма, предусмотренная ст. 431 УПК РФ применяется судом уже при рассмотрении уголовного дела в отноше-

---

[1] См.: Загорский Г. И. Комментарий… С. 875.

[2] Верховный Суд Республики Коми в обзоре судебной практики верно отразил, что на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ суд постановляет обвинительный приговор с назначением наказания в виде лишения свободы и освобождением от его отбывания. Тогда как приговором Удорского районного суда Республики Коми в отношении М., в котором ему наказание не было назначено, суд принял решение о помещении его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. См.: Обзор апелляционной практики по уголовным делам за май 2013 года (подготовлен Верховным Судом Республики Коми) [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 23.05.2018).

[3] См.: Чаплыгина С. С. Освобождение от наказания как альтернатива прекращению уголовного преследования // Закон и право. 2014. № 12. С. 122–124.

нии подсудимого. И в каждом из этих двух случаев – не требуется рассмотрение вопроса виновности, постановление суда является основанием для освобождения от уголовной ответственности при условии выполнения принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 4 ст. 90 УК РФ)[1].

Исключается применение положений ч. 4 ст. 90 УК РФ при осуждении без назначения наказания несовершеннолетнему с применением принудительной меры воспитательного воздействия, так как в такой процессуальной форме осужденный освобождается от наказания, а не от уголовной ответственности, и это основание освобождения от наказания является окончательным и безусловным. В этом случае уголовная ответственность реализуется в форме осуждения без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Более того, процессуальный порядок реализации ч. 4 ст. 90 УК РФ закреплен в ч. 5 ст. 427 УПК РФ, предусматривающей не постановление приговора, а прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия.

В отличие от указанных оснований, рассмотрев вопрос виновности при постановлении приговора на основании ч. 1 ст. 432 УПК РФ суд вправе применить к осужденному принудительные меры воспитательного воздействия, контроль за исполнением которых осуществляется уже в порядке исполнения приговора и исключается возможность возврата к вопросу уголовной ответственности и наказания несовершеннолетнего осужденного. К сожалению, это единственные различия, которые предоставил правоприменителю законодатель, указав единые условия, что и создает разночтение в юридической литературе, и подмены этих понятий в судебной практике[2].

Нельзя считать устоявшимися и взгляды ученых на рассматриваемую проблему. Так, Г. И. Загорский в одной из своих работ применение принудительных мер воспитательного воздействия рассматривал как основание для постановления обвинительного приговора без назначения наказания[3], в другой – как основание для постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания[4]. Как показывает су-

---

[1] В случае систематического неисполнения несовершеннолетним назначенной судом принудительной меры воспитательного воздействия эта мера отменяется судом по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением несовершеннолетнего. В этом случае производство по уголовному делу возобновляется в общем порядке (ч. 4 ст. 90 УК РФ).

[2] См. подробнее: Смолькова И. В. Обвинительный приговор без назначения наказания в отношении несовершеннолетнего: понятие, значение и правовые последствия / Смолькова И. В., Попова И. П. // Академический юридический журнал. 2018. № 1 (71). С. 45–50.

[3] См.: Загорский Г. И. Постановление приговора… С. 12.

[4] См.: Загорский Г. И. Уголовно-процессуальное право… С. 691.

дебная практика и изучение различных научных источников именно выработка критериев, на основании которых можно разграничить основания принятия судом решений в силу ст. 431УПК РФ и ч. 1 ст. 432 УПК РФ, вызывает наибольшие сложности и входит в предмет данного исследования, т. к. анализируя установленный порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, можно сделать вывод о возможности постановления обвинительного приговора без назначения наказания лишь в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 92 УК РФ, в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 432 УПК РФ[1]. На основании ч. 1 ст. 92 УК РФ несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой или средней тяжести, в предусмотренном ч. 1 ст. 432 УПК РФ порядке, привлекается к уголовной ответственности в соответствии с обвинительным приговором, в котором наказание не назначается, а применяются принудительные меры воспитательного воздействия[2], (что вовсе не означает культивирование безответности несовершеннолетних, как полагают некоторые авторы[3]).

Как отмечает А. В. Давыденко, принудительные меры воспитательного воздействия по своему содержанию являются воспитательными, а по характеру исполнения – принудительными, поскольку назначаются они несовершеннолетним независимо от их воли либо воли родителей или законных представителей, и, являясь мерами государственного принуждения, не ставят лицо в положение осужденного, не влекут судимость и не рассматриваются как наказание[4]. С данной позицией можно согласиться лишь отчасти, поскольку она применима в случае освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Тогда как в случае применения принудительных мер воспитательного воздействия на основании ч. 1 ст. 432 УПК РФ выносится обвинительный приговор без назначения наказания, соответственно, такой несовершеннолетний будет осужденным. Действующая редакция ч. 1 ст. 432 УПК РФ предусматривает освобождение от наказания, и таковое нет необходимости назначать, прежде чем суд вправе применить принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетнему осужденному на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ[5].

---

[1] Отдельные авторы полагают, что при соблюдении всех требуемых условий, указанных в ч. 1 ст. 92 УК РФ суд обязан применить принудительные меры воспитательного воздействия в соответствии с ч. 1 ст. 432 УПК РФ и вынести обвинительный приговор без назначения наказания. См.: Ершова Н. С. Итоговые уголовно-процессуальные решения суда первой инстанции, выносимые при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе России // Законодательство. 2012. № 8. С. 83–84.

[2] См.: Журавлев М. Понятие уголовной ответственности и форм ее реализации / М. Журавлева, Е. Журавлева // Уголовное право. 2005. № 3. С. 29; Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 168.

[3] См.: Волошин В. М. Неотвратимость и целесообразность… С. 50.

[4] Давыденко А. В. Перспективы введения восстановительного правосудия… С. 45–49.

[5] См.: Архив Верховного суда Республики Дагестан за 2016 г. Апелляционное постановление Верховного суда

Изучение судебной практики показало, что судами не всегда разграничивается применение принудительных мер воспитательного воздействия при освобождении от уголовной ответственности, с возможностью отмены этой меры в случае ее систематического неисполнения, и при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания, исключающего возможность возврата к вопросу уголовной ответственности и наказания. Например, под председательством одного и того же судьи были постановлены два обвинительных приговора без назначения наказания в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ), но в одном приговоре суд разъяснил последствия, указанные в ч. 4 ст. 90 УК РФ, в другом – нет[1]. Представляется, что, как правоприменители, так и ученые, не всегда различают правовые последствия в результате вынесения постановления (ст. ст. 427, 431 УПК РФ) и приговора (ч. 1 ст. 432 УПК РФ), которыми применяются принудительные меры воспитательного воздействия.

Следующий пример также позволяет в этом убедиться. Как следует из обвинительного приговора без назначения наказания, постановленного Советским районным судом г. Махачкалы, суд пришел к убеждению, что «перевоспитание подсудимой Ф. возможно без применения в отношении нее уголовного наказания, освободив ее от уголовного преследования, с применением к ней в соответствии с ч. 2 ст. 90 УК РФ принудительных мер воспитательного воздействия». На основании п. 3 ч. 5 ст. 302, ч. 1 ст. 432 УПК РФ подсудимая Ф. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, освобождена от наказания, с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Вместе с тем, суд также в приговоре указал, что эта мера может быть отменена в случае систематического ее неисполнения несовершеннолетней по представлению специализированного государственного органа, и материалы направлены для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности[2], что исключается при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания. Как видно из данного судебного решения, суд также не разделяет вопросы освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Следует отметить, что, к сожалению, такой пример не единичен.

Республики Дагестан № 22-503/2016 от 5.04.2016 г. // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/8PWaUGozhQoh (дата обращения:17.12.2017).

[1] Архив Ангарского городского суда Иркутской области за 2018 г. Уголовные дела №№ 1-43/2018, 1-200/2018.

[2] Архив Советского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан за 2017 г. Уголовное дело № 1–223/2017 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/EezAmLBxSar1 (дата обращения:18.02.2017). Разъяснения ч. 4 ст. 90 УК РФ приведены и в приговоре без назначения наказания в отношении К. См.: Архив Заинского городского суда Республики Татарстан за 2015 г. Уголовное дело № 1-34/2015 // [электронный доступ]: http://sudact.ru/regular/doc/eLo11dAKq7UT (дата обращения:24.04.2017).

В этой связи уместно привести точку зрения А. А. Горшенина, обоснованно полагающего, что представляется нелогичным сначала освобождать несовершеннолетнего от наказания, а затем снова возвращаться к вопросу о его назначении. По его мнению, отмена принудительных мер воспитательного воздействия и назначение наказания несовершеннолетнему фактически будут означать нарушение базового принципа уголовного права – справедливости, в соответствии с которым лицо не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Если в отношении несовершеннолетнего уже был постановлен обвинительный приговор суда без назначения наказания, то постановление в отношении того же лица обвинительного приговора суда, в случае неисполнения им принудительной меры, но с назначением наказания, будет означать повторное привлечение к уголовной ответственности за то же уголовно наказуемое деяние[1].

На основании ст. 430 УПК РФ при постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего подсудимого суд, наряду с вопросами, указанными в ст. 299 УПК РФ, обязан решить вопрос о возможности освобождения несовершеннолетнего подсудимого от наказания в случаях, предусмотренных ст. 92 УК РФ, либо условного осуждения, либо назначения ему наказания, не связанного с лишением свободы. Таким образом, действующее законодательство предусматривает в первую очередь рассматривать вопрос о возможности неназначения наказания и освобождения от наказания несовершеннолетних, лишь в силу невозможности применения указанных оснований суд должен обсуждать вопрос о наказании и его виде. Данные положения закона соответствуют международным стандартам правосудия в отношении несовершеннолетних, в частности, требованиям Пекинских правил, предусматривающим необходимость при выборе мер воздействия руководствоваться следующими принципами: 1) меры воздействия всегда должны быть соизмеримы не только с обстоятельствами и тяжестью правонарушения, но и с положением и потребностями несовершеннолетнего, а также с потребностями общества; 2) несовершеннолетнего правонарушителя не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений, а также в отсутствие другой соответствующей меры воздействия; 3) при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его или ее благополучии должен служить определяющим фактором (ст. 17.1).

---

[1] См.: Горшенин А. А. Освобождение от наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. С. 14.

В развитие приведенных рекомендаций Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 1 обратил внимание на то, что суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ (п. 31). Высказываясь о процессуальной форме принятия решения при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести при освобождении несовершеннолетнего от наказания и применении к нему в силу ч. 1 ст. 92 УК РФ принудительных мер воспитательного воздействия Пленум Верховного Суда РФ обоснованно разъяснил, что в таком случае на основании п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания (п. 35). Вместе с тем, разъясняя далее порядок применения норм, предусмотренных ч. 2 ст. 92 УК РФ, об освобождении от наказания несовершеннолетнего с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием, Пленум Верховного Суда РФ указал на то, что такое решение принимается в порядке замены назначенного несовершеннолетнему осужденному лишения свободы другим видом наказания. Из чего может последовать ошибочный вывод, что принудительные меры воспитательного воздействия являются видом наказания, которым заменяется такое назначенное наказание как лишение свободы. Однако, обладая приоритетом применения перед иными мерами уголовно-правового характера[1], принудительные меры воспитательного воздействия не являются наказанием в силу норм уголовного закона.

Ни УК РФ, ни УПК РФ не употребляют термин «вместо наказания», «в порядке замены наказания» при регулировании оснований и порядка освобождения от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, потому позиция, согласно которой принудительная мера воспитательная воздействия, назначается «вместо наказания», или, что эта мера применяется «в порядке замены наказания»[2], является не совсем корректной. Принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним в порядке ч. 1 ст. 432 УПК РФ применяются обвинительным приговором, в котором наказание вообще не назначается, а в порядке ч. 2 ст. 432 УПК РФ – от назначенного наказания в

---

[1] Подробнее см.: Прозументов Л. М. Вопросы практики применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ / Л. М. Прозументов, Д. В. Карелин // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 347. С. 112. Как верно обращал внимание Г. С. Гаверов, принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые судом в рамках реализации уголовной ответственности, входят в систему уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, и не являются наказанием. См.: Гаверов Г. С. Проблемы наказания несовершеннолетних преступников. Иркутск, 1986. С. 216–217.

[2] См.: Исакова Т. В. Производство по уголовным делам… С. 168.

виде лишения свободы несовершеннолетний освобождается с применением принудительной меры воспитательного воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа[1].

Следует отметить, что в п. 17 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7[2], ранее регламентировавшего указанные вопросы с учетом норм УПК РСФСР, было указано, что суд вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего от отбывания наказания и на основании ст. 92 УК РФ направить его в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение, и «эта мера применяется судом в порядке замены наказания». Аналогичное разъяснение сохранялось и в п. 17 в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г., повторившем позицию о замене наказания, но более поздняя редакция Постановления на основе норм УПК РФ уже регламентировала два основания: применение принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, либо направление в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием. Разъяснение дополнилось и ссылкой на п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ, при этом подчеркивалось, что «в этом случае не требуется назначения наказания». На основе чего можно было сделать ошибочный вывод о том, что вне зависимости от оснований (ч. 1 или ч. 2 ст. 432 УПК РФ), применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему производится в форме обвинительного приговора без назначения наказания.

Противоречивые рекомендации в условиях пробелов в законодательном регулировании и отсутствия согласованности норм уголовного и уголовно-процессуального законов привели к дезориентации и судебной практики. Суды так и не получили четких критериев, в каком случае наказание назначается, какой процессуальный документ должен быть вынесен при решении о применении различных принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним? Возможно, этим обусловлено и небольшое число решений, принятых судами о применении норм ст. ст. 90–92 УК РФ[3]. Следует отметить и недостаточное изучение личности несовершеннолетних, что лишает суд

---

[1] Думается, в этой связи следует согласиться с позицией И. Э. Звечаровского о непоследовательности разъяснений, данных высшим судебным органом страны в части указанных норм и до 2011 г. См.: Звечаровский И. Э. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 92 УК РФ). С. 36–37.

[2] О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7 (ред. от 6.02.2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 13–25.

[3] См.: Приложение Б.

возможности принять обоснованное решение. Как верно подчеркивают авторы, зачастую именно отсутствие необходимой информации об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего не позволяет суду должным образом мотивировать выбор меры наказания или ограничиться принудительными мерами воспитательного характера, то есть в полной мере реализовать нормы УПК РФ, касающиеся особенностей производства по делам такой категории[1].

Представляется, что именно сведения о личности несовершеннолетнего, восстановительные подходы в официальной модели правосудия, могут стать основой для принятия судом решения: 1) требуется ли рассмотреть вопрос уголовной ответственности подсудимого окончательно и, безусловно, и в этом случае постановляется обвинительный приговор без назначения наказания, без возможности возврата к вопросу уголовной ответственности и отмены принудительных мер воспитательного воздействия, примененных к осужденному (при этом контроль их исполнения осуществляется в стадии исполнения приговора); 2) или принудительные меры воспитательного воздействия применяются постановлением суда под условием их выполнения подсудимым, и возможностью возврата к вопросу уголовной ответственности в случаях, установленных ч. 4 ст. 90 УК РФ, в порядке, указанном ч. 5 ст. 427 УПК РФ. Виды принудительных мер в каждом случае для подсудимого, в отношении которого вынесено постановление, и в отношении осужденного, в отношении которого вынесен приговор, закреплены одной нормой закона – ч. 2 ст. 90 УК РФ. Таким образом, законодатель не предусмотрел каких-либо дополнительных критериев разграничения для принятия двух конкурирующих процессуальных решений, предоставив возможность правоприменителю реализовать дискреционные полномочия. Выбор наиболее оптимальной меры реагирования на преступление, совершенное несовершеннолетним, представляется возможным по итогам всестороннего установления и исследования в судебном разбирательстве всех обстоятельств, указанных в ст. ст. 73, 421 УПК РФ, что, в свою очередь, оказывает наибольшее воспитательное и превентивное воздействие.

Возникает закономерный вопрос о конкуренции оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания, когда имеются одновременно обстоятельства, свидетельствующие об изменении обстановки (ст. 80.1 УК РФ), и о воз-

---

[1] См.: Захарова Т. Р. Значение социальной работы и программ по заглаживанию вреда при вынесении судебных решений по делам несовершеннолетних // Восстановительное правосудие / под общ. ред. И. Л. Петрухина, М., 2003. С. 138; Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 142.

можности исправления несовершеннолетнего без применения наказания путем применения принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ). Представляется, что по своим правовым последствиям обвинительный приговор без назначения наказания в связи с изменением обстановки на основании ст. 80.1 УК РФ более соответствует интересам несовершеннолетнего, так как не предполагает в качестве правовых последствий исполнение принудительной меры воспитательного воздействия в течение определенного срока при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания на основании ч. 1 ст. 90 УК РФ. Такое основание соответствует и интересам общества и государства, т. к. свидетельствует, что цели наказания уже достигнуты к моменту приговора, и на исполнение приговора не требуются материальные и процессуальные средства.

Способствовать единообразию судебной практики будет не очередное разъяснение норм высшим судебным органом, а внесение соответствующих изменений в закон. Кроме того, учитывая, что ст. 432 УПК РФ в целом посвящена порядку освобождения несовершеннолетних от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, а помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, по сути, является одной из них, то выделение данной меры отдельно в названии является излишним. Думается, что указание на нее может быть исключено. Суд, признав, что несовершеннолетний подсудимый может быть исправлен без применения уголовного наказания, постановляет обвинительный приговор без назначения наказания, и принимает решение о применении принудительных мер воспитательного воздействия, что не является заменой назначенного наказания или освобождением от его отбывания.

В связи с чем предлагается содержание части первой ст. 432 УПК РФ выделить в самостоятельную норму: «Статья 431.1. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия», изложив ее следующей редакции:

«Статья 431.1. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия

1. Если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд на основании части первой статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации вправе

постановить в отношении него обвинительный приговор без назначения наказания, применив к нему принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную частью второй статьи 90 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Подводя итоги исследования постановления обвинительного приговора без назначения наказания в отношении несовершеннолетних, следует отметить следующее. Применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним возможно при освобождении от уголовной ответственности или освобождении от наказания в различных процессуальных формах. Применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним обвинительным приговором без назначения наказания относится к альтернативным основаниям, поскольку суд вправе выбрать одно из нескольких возможных решений в отношении несовершеннолетнего. Данный приговор характеризуется следующими признаками, соответствующими признакам обвинительного приговора без назначения наказания, сформулированным в первой главе данного исследования: 1) данным приговором реализуется уголовная ответственность; 2) постановление данного приговора обусловлено возможностью изменения общественной опасности личности несовершеннолетнего или содеянного им в результате применения принудительных мер воспитательного воздействия; 3)данное основание постановления приговора исследуемого вида является безусловным, и не сопровождается какими-нибудь обязанностями, ограничениями, или испытательными сроками после их применения судом; а принудительные меры воспитательного воздействия, не являясь наказанием, имеют задачей исправление несовершеннолетнего осужденного; 4) правовые последствия для несовершеннолетнего осужденного не сопряжены с какими-нибудь обязанностями, ограничениями, или испытательным сроком, исключается отмена принудительных мер воспитательного воздействия в порядке ч. 4 ст. 90 УК РФ; 5) не предполагается возможность возврата к вопросу о назначении наказания несовершеннолетнему при исполнении приговора; 6) для несовершеннолетнего виновного данное судебное решение обладает наименьшим репрессивным воздействием. Возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия свидетельствует о восстановительном подходе при решении вопроса выбора меры реагирования на преступление, совершенное несовершеннолетним.

Постановление обвинительного приговора без назначения наказания при изменении обстановки. По делам небольшой и средней тяжести к моменту постановления приговора могут быть установлены такие обстоятельства, которые свидетельствуют о существенном изменении обстановки, поскольку снижена или утрачена общественная опасность личности или содеянного, что в итоге в отсутствие оснований для прекращения уголовного преследования является основанием для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Соответственно, такой восстановительный подход позволит разумно снизить карательную репрессию и будет способствовать восстановлению нарушенных уголовно-правовым конфликтом правоотношений и более быстрой реинтеграции виновного.

Так, некоторые авторы, не указывая норму права, полагают, что обвинительный приговор без назначения наказания суд постановляет по результатам рассмотрения уголовного дела по существу, если придет к выводу, что к моменту вынесения приговора деяние, вменяемое подсудимому, потеряло общественную опасность, или он сам перестал быть общественно опасным[1]. Действительно, в юридической науке в настоящее время преобладает мнение, что изменение обстановки, когда к моменту рассмотрения дела подсудимый или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными, является основанием для постановления обвинительного приговора без назначения наказания[2]. В связи с этим, следует возразить тому, что «ст. 80.1 УК РФ применяется крайне редко, и, как правило, лишь по делам в отношении несовершеннолетних»[3]. Во-первых, для выводов о частоте применения нормы можно было бы судить по сведениям официальной статистики, которых не име-

---

[1] См.: Шаталов А. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академич. курс / А. С. Шаталов, А. А. Крымов М., 2018. С. 468.

[2] См.: Голубов И. И. Обвинительный приговор без назначения наказания / И. И. Голубов, К. И. Попов // Научные труды. Н-34. Вып. 5. В 3 т. Т. 3. Рос. акад. юрид. наук. М., 2005. С. 254–258; Гочияев М. К. Судебное следствие как объективная основа законности и обоснованности приговора: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 129; Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 123–124.; Головинская И. В., Остапенко И. А. Указ. соч. С. 112; Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения. М., 2011. С. 305; Аулов В. К. Виды приговоров суда: требования и варианты изложения: науч. практич. пособие / В. К. Акулов, А. Г. Быстров, Ю. Н. Туганов. М., 2012. С. 208; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев, (автор главы – А. А. Толкаченко). М., 2012. С. 286; Уголовно-процессуальное право: уч-к / под общ. ред. В. М. Лебедева, (автор главы – Г. И. Загорский). М. 2013. С. 691; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева, (автор главы – А. С. Червоткин). М., 2013. С. 562; Коршунов Д. Г. Приговор военного суда: научно-практ. пос. М., 2013. С. 68, 85; Костылева О. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки: современные тенденции правоприменения // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 282–290; Дорошков В. В. Научно-практический комментарий… С. 568; Уголовный процесс: уч-к / под ред. Н. С. Мановой и Ю. В. Францифорова, (автор главы – Е. А. Зайцева). М., 2016. С. 250; Адаменко В. Д. Указ. соч. С. 47; Демидова Е. Т. Указ. соч. С. 46; Михайлов К. Обвинительный приговор без назначения наказания… С. 43; Романов С. В. Указ. соч. С. 80 и др. С данной позицией согласны 31% опрошенных судей. См.: Приложение Е. Рисунок Е.2.

[3] Артеменко Н., Шимбарева Н. Указ. соч. С. 106.

ется, как указывалось ранее. Во-вторых, в отношении несовершеннолетних, действительно постановляется обвинительный приговор без назначения наказания как итоговое судебное решение, но на основании ч. 1 ст. 432 УПК РФ, а не ст. 80.1 УК РФ.

В целом, в юридической литературе можно встретить пять позиций относительно того, в какой процессуальной форме реализуется норма, предусмотренная ст. 80.1 УК РФ: 1) значительное число авторов обоснованно полагает, что в случае установления обстоятельств, указанных в ст. 80.1 УК РФ, постановляется обвинительный приговор без назначения наказания[1]; 2) ряд авторов относят основания, указанные в ст. 80.1 УК РФ, к числу влекущих постановление обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания[2]; 3) отдельные авторы рассматривают освобождение от наказания в связи с изменением обстановки как «обязательный безусловный вид освобождения от уголовной ответственности, который имеет место на стадии исполнения обвинительного приговора суда»[3]. Возражая приведенной позиции, следует отметить, что обвинительным приговором с назначением наказания, тем более, уже в стадии исполнения приговора, нельзя освободить от уголовной ответственности, которая реализовалась и в самом осуждении, и в назначении наказания. 4) По мнению А. С. Зиновьева и К. Михайлова, норма ст. 80.1 УК РФ вообще не может являться основанием освобождения от наказания, т. к. оно изначально судом не назначалось[4]. 5) Ю. В. Козубенко, признавая неудачной решение законодателя перенести изменение обстановки из оснований освобождения от уголовной ответственности в основания освобождения от наказания,

---

[1] См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. А. И. Карпова, (автор главы – А. С. Червоткин). М., 2008. С. 382–383; Он же. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В. М. Лебедев. М., 2013. С. 562; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева, (автор главы – С. В. Бородин). М., 2010. С. 801; Безлепкин Б. Т. Настольная книга… М., 2015. С. 75. Рарог А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2008. С. 139; Он же. Уголовное право России. Части общая и Особенная: уч-к / под ред. А. И. Рарога. М., 2008. С. 244; Смирнов А. В. Уголовный процесс: уч-к / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2018. С. 590; Уголовный процесс: уч-к /под ред. В. П. Божьева, (автор главы – П. Е. Кондратов). М., 2002. С. 479; Он же. Уголовный процесс: уч-к / под ред. В. П. Божьева, М., 2015. С. 385; Масленникова Л. Н. Указ. соч. С. 737; Арямов А. А. Уголовное наказание: назначение и освобождение: уч-к. М., 2017. С. 223; Черненко Т. Г. Некоторые вопросы освобождения от наказания в связи с изменением обстановки / Т. Г. Черненко, И. В. Масалитина // Вестник Кузбасского института. 2018. № 1 (34). С. 84.

[2] См.: Писарев А. В. Указ. соч. С. 449; Данелян С. В. Освобождение от отбывания наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации (теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты): дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 145–151; Кириллова Н. П. Некоторые проблемы реализации уголовно-правовых норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания // Вестник СПб. ун-та. 2010. Сер. 14. Вып. 1. С. 89–90; Ершова Н. С. Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 47.

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева, (автор главы – Т. Ф. Минязева). М., 2010. С. 214.

[4] См.: Зиновьев А. С. О возникающих на практике сложностях при постановлении приговоров с освобождением от наказания и без назначения наказания // Российское правосудие. 2008. № 10 (30). С. 49–54; Михайлов К. Обвинительный приговор без назначения наказания… С. 42–45.

предлагает в зависимости от позиции обвиняемого независимо от стадии уголовного судопроизводства либо прекращать уголовное дело с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности (при согласии обвиняемого), либо в случае возражений обвиняемого, продолжать производство по уголовному делу в общем порядке с постановлением обвинительного приговора без назначения наказания[1].

Возражая авторам, разделяющим третью и четвертую точки зрения, следует отметить, что их позиции противоречат пониманию сущности институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Если обвинительным приговором назначено наказание, то освободить осужденного возможно только от его отбывания, что является основанием для постановления приговора другого вида (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ)[2]. Предложение Ю. В. Козубенко представляется достаточно дискуссионным, поскольку, как отмечалось при исследовании вопроса освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности обвинительным приговором без назначения наказания, принятие при наличии одних оснований разных процессуальных решений в зависимости от согласия обвиняемого на прекращение уголовного преследования влечет различные правовые последствия, что не допустимо.

Нельзя назвать последовательной позицию С. А. Ворожцова и Г. И. Загорского, которые в одном издании относят обстоятельства, указанные в ст. 80.1 УК РФ, к основанию постановления обвинительного приговора без назначения наказания[3], в другом – к основанию постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания[4].

Уместно напомнить, что УПК РСФСР 1960 г. предусматривал возможность освобождения и от уголовной ответственности, и от наказания вследствие изменения обстановки. Так, ст. 6 УПК РСФСР 1960 г. было регламентировано прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки на основании ст. 50 УК РСФСР, если будет при-

---

[1] См.: Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты… С. 175–181.

[2] В этой связи А. А. Горшенин вполне обоснованно считает, что «данная позиция основана на смешении институтов «освобождение от наказания» и «освобождение от отбывания наказания». Очевидно, что при постановлении обвинительного приговора суда без назначения наказания речь должна идти только об освобождении от наказания. Если же указанный судебный акт содержит данную меру государственного принуждения, то освободить субъекта возможно исключительно от отбывания наказания». Горшенин А. А. Возможно ли освобождение от уголовной ответственности на основании обвинительного приговора суда без назначения наказания? С. 21.

[3] См.: Ворожцов С. А. Приговор в уголовном процессе. практ. пособие. М., 2003. С. 27–28; Практика применения уголовно-процессуального кодекса РФ: практ. пособие / под ред. В. П. Верина, (автор главы – С. А. Ворожцов). М., 2006. С. 270–271; Загорский Г. И. Постановление приговора… С. 112.

[4] См.: Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова, (автор главы – С. А. Ворожцов). М., 2008. С. 252; Загорский Г. И. Комментарий… С. 875.

знано, что ко времени производства дознания, предварительного следствия или рассмотрения дела в суде, совершенное лицом деяние потеряло характер общественно опасного или это лицо перестало быть общественно опасным. В связи с принятием УК РФ 1996 г.[1] в указанную норму были внесены изменения, уточняющие в качестве правового основания прекращения уголовного дела, указанные в ст. 77 УК РФ: если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, и если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными. Прекращение уголовного дела по указанному основанию не допускалось, если лицо, совершившее преступление, против этого возражало. В этом случае производство по делу продолжалось в обычном порядке[2].

Между тем, исключение Федеральным законом РФ от 8.12.2003 г. №162-ФЗ из УК РФ ст. 77, и из УПК РФ ст. 26, определяющих порядок принятия процессуального решения о прекращении уголовного дела с освобождением лица от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки, с одновременным введением в уголовный закон ст. 80.1 УК РФ, определяющей основания освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, свидетельствует о принципиальном изменении подхода законодателя к институту освобождения лица от уголовной ответственности и наказания[3]. Осталось без внимания законодателя лишь нормативное закрепление надлежащей процессуальной формы при установлении изменения обстановки, что на практике привело к отсутствию единого подхода: постановление какого вида обвинительного приговора в данном случае требуется. Вполне обоснованно законодатель учел правовые позиции, сформированные Конституционным Судом РФ в ряде своих решений, в первую очередь, по жалобе О.В. Сушкова, выраженные в Постановлении от 28.10.1996 г. № 18-П[4], и

---

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 160-ФЗ (в ред. от 26.02.1997 г., с изм. от 18.12.2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 2. Ст. 5881.

[2] Действительно, как справедливо отметил В. В. Мальцев, ранее действовавшие уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 50 УК РСФСР 1960 г. и ст. 77 УК РФ 1996 г., близкие по своему содержанию к ст. 80.1 УК РФ, довольно широко применялись. См.: Мальцев В. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Российская юстиция. 2005. № 11. С. 20.

[3] Изначально Законопроектом, вносившим изменения в УК РФ, предусматривалось, что суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестало быть общественно опасным (ст. 78 Проекта). Однако, ко второму чтению это положение было исключено из Проекта. См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [электронный доступ]: Проект Федерального закона № 304898-3 (ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания РФ в I чтении 23.04.2003 г.) // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018 (дата обращения: 20.06.2018).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 г. № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5203.

пришел к выводу, что установление такого изменения обстановки, вследствие чего лицо может быть освобождено от наказания, требует определенного времени и возможно только решением суда. Причем лишь в форме обвинительного приговора, которым реализуется уголовная ответственность, поскольку совершенное деяние не декриминализировано, виновность установлена исследованными в судебном заседании доказательствами.

Следует отметить, что только суд в приговоре вправе констатировать такое изменение обстановки, которое влечет отпадение общественной опасности лица или совершенного им деяния. Кроме того, исключение такого основания освобождения от уголовной ответственности, возможно, обусловлено отсутствием конкретности в законе самого понятия «изменение обстановки» и единого подхода к пониманию указанной категории в научной литературе. Законодатель, как полагают отдельные авторы, не стремясь устранить отсутствие четких пределов указанного понятия, урегулировать механизм применения данного основания, «перенес бремя принятия решения на судейский корпус, рассчитывая на их высокую квалификацию и профессионализм»[1], и в связи с необходимостью «более взвешенного подхода при применении данной нормы»[2]. По указанному в ст. 80.1 УК РФ основанию, с учетом действующего уголовного закона, возможно только освобождение лица от наказания. Так как освободить от наказания вправе лишь суд в обвинительном приговоре, признав лицо виновным в преступлении (п. 5 ч. 1, ч. 5 ст. 302 УПК РФ), принципиальным является вопрос, назначается ли судом в приговоре наказание, прежде чем принимается решение об освобождении от наказания, либо сразу постановляется приговор без назначения наказания?

Ранее УПК РСФСР 1960 г. (ч. 2 ст. 309) указывал о постановлении обвинительного приговора без назначения наказания, если к рассмотрению дела в суде деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным. Это давало возможность отмечать, что до внесения изменений и введения в действие ст. 80.1 УК РФ уголовно-процессуальное законодательство, «предусматривавшее самостоятельный вид освобождения от наказания, необоснованно вторгалось в сферу материального права»[3]. Введенный в действие УПК РФ в части постановления обвинительного приговора без назначения наказания вообще не содержит каких-либо оснований. В связи с чем авторами отмечается необходимость отражения формы и порядка

---

[1] Михайлов А. Н. Указ. соч. С. 4.
[2] Кузнецов А. В. Указ. соч. С. 62.
[3] Михайлов А. Н. Указ. соч. С. 40.

освобождения от наказания в связи с изменением обстановки в уголовно-процессуальном законодательстве[1].

В настоящее время в науке преобладает мнение, что освобождение от наказания в связи с изменением обстановки – это не право, а обязанность суда. Так, М. Г. Левандовская подчеркивает, что «ст. 80.1 УК РФ обязывает суд в случае установления одного из двух оснований, предусмотренных в данной норме, освободить лицо, совершившее преступление, от таких негативных последствий его деяния, как назначение наказания, исполнение наказания и судимость»[2].

Ранее действовавшая ст. 77 УК РФ предусматривала диспозитивную формулировку, что лицо «может быть освобождено», тогда как в ст. 80.1 УК РФ содержится императивное указание: лицо «освобождается судом от наказания». Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки является не только окончательным и безусловным, но и является обязательным, не зависящим от усмотрения суда. Последующее поведение осужденного не влияет на принятое решение, не предусматривается и возложение на него каких-либо обязательств и условий. Вместе с тем, факт изменения обстановки, его формы и последствия, бесспорно, носят оценочный характер, в силу чего проявляются дискреционные полномочия суда. В правоприменительной практике нет единства в определении понятия «изменение обстановки», нет этого понятия и в материальных нормах[3]. Изучение уголовных дел свидетельствует, что в качестве основных критериев утраты общественной опасности лица, совершившего преступление, могут быть учтены: 1) значительный промежуток времени, прошедший с момента совершения преступления до момента привлечения лица к уголовной ответственности; 2) безупречное поведение лица в течение указанного времени; 3) совершение лицом общественно-полезных действий; 4) устранение объективной вероятности совершения нового преступления. В качестве критериев утраты общественной опасности деяния в связи с изменением обстановки могут учитываться: значимость, ценность нарушенных преступлением общественных благ

---

[1] См.: Денисов Ю. Д. Указ. соч. С. 46–49.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. А Рарог. (автор главы – М. Г. Левандовская). М., 2015. С. 182. Также см.: Михайлов А. Н. Указ. соч. С. 46; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева, (автор главы – Т. Ф. Минязева). М., 2010. С. 213.

[3] Большинство исследователей расценивают как изменение обстановки качественные устойчивые изменения в состоянии рассматриваемых общественных отношений, происшедших в результате какого-либо события. См.: Кузнецов А. В. Указ. соч. С. 77, Филимонов В. Д. Криминологические основы права. Томск, 1981. С. 190. Обсуждается разграничение наступившего изменения обстановки как по инициативе и участию самого лица, так и вне его воли. См.: Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Законность. 1999. № 8. С. 13; Мальцев В. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Российская юстиция. 2005. № 11. С. 21.

или интересов, охраняемых уголовным законом, учету могут подлежать место, время и обстановка совершения преступления, размер и характер причиненного вреда.

А. И. Паничева, разграничивая изменение обстановки объективного характера (в силу чего утрачивается общественная опасность деяния) и субъективного характера (в силу чего происходит утрата общественной опасности лица, совершившего преступление), рассматривает любой из этих случаев в качестве основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. По ее обоснованному мнению, в этом случае уголовная ответственность в виде осуждения является достаточной без назначения наказания, и таких негативных последствий, как исполнение наказания и судимость[1].

Е. В. Жоголева в качестве примеров приводит такие случаи, когда обстановка изменилась вследствие: изменения должностного положения, изменения закона, призыва лица в Вооруженные силы РФ, исполнения предусмотренной законом обязанности, отмены режима чрезвычайного или военного положения, и другие[2], при этом справедливо отмечает, что реальная практика применения такого основания как изменение обстановки гораздо более сложна, интересна и даже оригинальна, чем те примеры, которые можно почерпнуть из традиционных литературных источников[3].

Проведенный А. В. Кузнецовым опрос практикующих юристов показал, что в качестве событий, повлекших изменение обстановки, выступают следующие: 1) изменение законодательства – 46%; 2)деятельное раскаяние лица в совершенном преступлении – 39%; 3) болезнь лица, совершившего преступление –35%; 4) начало или окончание военных действий – 23%; 5) отстранение от должности – 21%; 6) обсуждение законодательным органом вопроса о декриминализации деяния –19%; 6) лишение лица, совершившего преступление, орудия, средства преступления, служащего источником повышенной опасности – 14; 8) смена политического режима – 14%; 9) начало либо окончание экономического кризиса – 6%; 10) юбилейные и праздничные даты в истории страны – 1,4%[4].

В качестве типичного примера, иллюстрирующего постановление обвинительного приговора без назначения наказания вследствие изменения обстановки, можно привести приговор Жигулевского городского суда Самарской области в отношении П. Судом было установлено, что П. приобрел заведомо подложные медицинские документы на свое имя с

---

[1] См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: уч-к / под общ. ред. Г. М. Резника, (автор главы – А. И. Паничева). М., 2016. С. 625.

[2] См.: Жоголева Е. В. Указ. соч. С. 48–108.

[3] Там же. С. 49.

[4] См.: Кузнецов А. В. Указ. соч. С. 80.

указанием в них не имевшихся у него в действительности диагнозов различных заболеваний, которые могли послужить основанием для вынесения решения об освобождении его от призыва на военную службу и представил их в призывную комиссию. В дальнейшем в соответствии с решением призывной комиссии, после совершения действий, связанных с покушением на уклонение от призыва, П. был признан ограниченно годным к военной службе, то есть у него после совершения покушения на преступление возникли законные основания для освобождения от военной службы. Суд пришел к выводу, что П. «подлежит освобождению от наказания» за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 328 УК РФ, в связи с изменением обстановки, учитывая наличие условий, предусмотренных в ст. 80.1 УК РФ, в том числе, и то обстоятельство, что вследствие изменения обстановки П. перестал быть общественно опасным, и постановил обвинительный приговор без назначения наказания[1].

Представляется, что разнообразие обстоятельств, рассматриваемых как изменение обстановки, свидетельствует об индивидуализации ответственности на основе оценки личности и обстоятельств содеянного, что обусловливает восстановительные подходы при рассмотрении уголовных дел и постановлении обвинительного приговора без назначения наказания при изменении обстановки. Чаще всего в судебной практике изменение обстановки рассматривается исключительно к обстоятельствам, характеризующим личность виновного[2]. Так, в большинстве судебных решений отдельные данные о личности, или совокупность смягчающих наказание обстоятельств приводятся в качестве обстоятельств, которые рассматриваются судом как изменение обстановки, тогда как они, по обоснованному мнению Е. В. Жоголевой, могут лишь учитываться в совокупности с иными обстоятельствами при принятии решения об освобождении от наказания[3].

В качестве типичного примера этому можно привести уголовное дело в отношении З., осужденного обвинительным приговором без назначения наказания, в котором суд указал: «с учетом личности подсудимого, характеризующегося как по месту жительства, так и по месту работы положительно, имеющего постоянное место жительства и работы, семью, суд находит возможным освободить от наказания без назначения нака-

---

[1] Архив Жигулевского городского суда Самарской области за 2017 г. Уголовное дело № 1–102/2017 // [электронный доступ]: https://zhigulevsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=suddelo&srv_num=1&name_op=doc&number=108408200&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.02.2018).

[2] Такую позицию отмечает также А. А. Арямов. См.: Арямов А. А. Уголовное наказание: назначение и освобождение. С. 223.

[3] Аналогично, В. Мальцев полагает не обоснованным учет судами смягчающих наказание обстоятельств самих по себе как основание изменение обстановки. См.: Мальцев В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. 2008. № 6. С. 25.

зания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), так как З. впервые совершил преступление средней тяжести и вследствие изменения обстановки перестал быть общественно опасным»[1]. В данном приговоре вообще не указано, какие именно обстоятельства, в силу которых подсудимый З. перестал быть общественно опасным, учтены судом при принятии решения о неназначении наказания.

Судебная практика иллюстрирует, что в качестве оснований полагать наступившим изменение обстановки, суды учитывают: рождение ребенка[2], увольнение с должности[3], изъятие предмета преступления[4], прекращение дальнейшей предпринимательской деятельности[5], длительное примерное поведение после совершения преступления[6], и другие[7]. Например, в отношении В. был постановлен обвинительный приговор без назначения наказания по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконное хранение огнестрельного оружия и боеприпасов с 1996 г. по 2012 г., которые хранились в металлическом сейфе в доме подсудимого, так как суд пришел к выводу, что с учетом данных о личности подсудимого, характеризующегося положительно, имеющего постоянное место жительства и семью, совершения впервые преступления средней тяжести, вследствие изменения обстановки В. перестал быть общественно опасным[8]. Думается, что в данном приговоре

---

[1] Архив Сретенского районного суда Забайкальского края за 2010 г. Уголовное дело № 1-151/2010 // [электронный доступ]: https://rospravosudie.com/court-sretenskij-rajonnyj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-104031669/ (дата обращения:24.02.2015).

[2] Архив Калачеевского районного суда Воронежской области за 2016 г. Уголовное дело № 1–212/2016 // [электронный доступ]: https://kalacheevsky--vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1& name_op=doc&number=8525047&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения:13.03.2018).

[3] Архив Порховского районного суда Псковской области за 2012 г. Уголовное дело № 1–6/2012 // [электронный доступ]: https://porhovsky--psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number= 690907&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=583476 (дата обращения: 28.032014).

[4] Архив Кировского районного суда г. Омска за 2014 г. Уголовное дело № 1-315/2014 // [электронный доступ]: https://kirovcourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10986327 &delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения:18.05.2017).

[5] Архив Усть-Илимского городского суда Иркутской области за 2008 г. Уголовное дело № 1–599/08.

[6] Архив Индустриального районного суда г. Ижевска за 2017 г. Уголовное дело № 1–195/2017 // [электронный доступ]: https://industrialnyy--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1& name_op=doc&number=73545865&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения:8.01.2018).

[7] Некоторые авторы частным случаем освобождения от наказания в связи с изменением обстановки рассматривают основание, приведенное в примечании к ст. 134 УК РФ: лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). См.: Чаплыгина С. С. Институт прекращения уголовного дела в сравнении с освобождением от уголовной ответственности и наказания // Закон и право. 2014. № 11. С. 115; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. А. Рарог, (автор коммент. – А. В. Корнеева). М., 2015. С. 311; Артеменко Н., Шимбарева Н. Указ. соч. С. 107; Волынская О. В. Указ. соч. С. 146–158. Ю. В. Козубенко, напротив, усматривает существенные отличия от нормы, предусмотренной в ст. 80.1 УК РФ, но, тем не менее, полагает, что примечание к ст. 134 УК РФ является основанием для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. См.: Козубенко Ю. В. Об основаниях постановления обвинительного приговора без назначения наказания. С. 88–90.

[8] Архив Сретенского районного суда Забайкальского края за 2012 г. Уголовное дело № 1–67/2012 // [электронный доступ]: https://rospravosudie.com/court-sretenskij-rajonnyj-sud-zabajkalskij-kraj-s/act-10544 8054/ (дата обращения:17.03.2013).

выводы суда об утрате общественной опасности личности В. и изменении обстановки надлежаще не мотивированы, суд просто перечислил данные о личности подсудимого без взаимосвязи с принятым решением.

В другом случае, при рассмотрении уголовного дела по аналогичному составу преступления, судом было отказано в удовлетворении ходатайства защиты об освобождении от наказания на основании ст. 80.1 УК РФ с краткой формулировкой: «так как в судебном заседании не установлено, что подсудимый и совершенное им преступление вследствие изменения обстановки перестали быть общественно опасными». Судом было установлено, что Ч. незаконно приобрел спортивно-охотничьи винтовочные патроны в 1985 г. и незаконно хранил их до 2016 г. в металлическом сейфе для оружия в своем доме[1]. Несмотря на то, что были установлены такие сведения, как активное способствование раскрытию и расследованию преступления, явка с повинной, и другие смягчающие наказание обстоятельства, а срок незаконного хранения был более долгим, нежели в предыдущем приговоре. Представляется, что в случае установления оснований, указанных в ст. 80.1 УК РФ, в описательно-мотивировочной части приговора не только следует привести установленные обстоятельства при описании преступного деяния, но и подробно изложить, а главное – мотивировать, в чем выразилось изменение обстановки и каким образом оно повлияло на общественную опасность совершенного деяния и личность виновного.

Думается, что отсутствие более детальной регламентации исследуемого основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания и отставание теоретической разработки указанной проблемы от развития законодательства и потребностей практики, влечет отсутствие единства в правоприменительной практике. В связи с чем обоснованно предложение А. Н. Михайлова о закреплении в ст. 302 УПК РФ «положения, разъясняющего, в каких случаях суд выносит обвинительный приговор без назначения наказания, с включением в данный перечень, прежде всего, решения суда о применении такого основания, как изменение обстановки»[2]. Вместе с тем в силу индивидуальных особенностей личности каждого и конкретных обстоятельств уголовно-правового конфликта излишним, если не утопичным, видится необходимость предусмотреть в законе все ситуации, которые могут рассматриваться как изменение обстановки.

---

[1] Архив Пензенского районного суда Пензенской области за 2016 г. Уголовное дело № 1–54/2016 // [электронный доступ]: https://penzensky--pnz.sudrf.ru/modules. php?name=sud_de lo&srv_num=1&name_op=doc&number =23029129&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=3129858 (дата обращения: 12.12.2017).

[2] Михайлов А. Н. Процессуальная форма принятия решения об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 199. Аналогичное предложение озвучено И. И. Голубовым и К. И. Поповым. См.: Голубов И. И., Попов К. И. Указ. соч. С. 258.

Как отмечает Л.М. Карнозова, «восстановительный подход – отнюдь не попустительство и всепрощение», он не исключает, а напротив, «предполагает ответственность виновного, т.к. программы восстановительных практик могут применяться только при признании факта совершения деяния и готовности правонарушителя загладить причиненный вред»[1]. В этой связи следует отметить, что постановление обвинительного приговора без назначения наказания не всегда сопровождается признанием вины. Например, признание вины может учитываться судом при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания при изменении обстановки и в отношении несовершеннолетнего, но не влияет на принятие такого решения в связи с актом амнистии или в порядке альтернативы применению ст. 64 УК РФ.

Оценка доказательств о личности подсудимого, исследованных в судебном заседании, дается судом в приговоре на основе принципов уголовного судопроизводства с учетом принципов уголовного закона, и происходит в результате внутреннего убеждения судьи. Однако суд при этом руководствуется не только законом и совестью[2] (ст. 17 УПК РФ), но и принимает решение на основе принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма (ст. ст. 4, 6, 7 УК РФ), что определяет нравственную основу постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Совесть выступает в качестве морально-этического критерия оценки доказательств, являясь «мерилом нравственности судьи»[3], особенно при решении вопроса о наказании. В этой связи О. Ю. Александрова обоснованно рассматривает совесть как элемент судейского убеждения, который выступает в качестве основы человеческого фактора в состязательном процессе, тогда как пределами судейского усмотрения являются требования, предъявляемые к приговору[4].

Л. М. Карнозова полагает, что ощущение вины должно быть конструктивным, а раскаяние и принесение извинения не должно восприниматься как желание избежать наказания[5]. В данном исследовании рассматривалось соотношении вины и виновности в

---

[1] Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие… С. 73–85.

[2] Высказано мнение о не оправданности введения в уголовно-процессуальную терминологию категории «совесть». См.: Бозров В. М., Костовская Н. В. Указ. соч. С. 35–38. Тогда как Н. В. Радутная приветствовала появление таких понятий «совесть» и «справедливость» в УПК РФ. См.: Этика судьи (пособие для судей) / Г. Д. Вель, Н. В. Радутная, П. Трюш и др. / под науч. ред. Н. В. Радутная. М., 2002. С. 9.

[3] Семенцов В. А. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу / В. А. Семенцов, И. И. Белохортов. М., 2012. С. 117.

[4] См.: Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. … канд. юрид. наук: Красноярск, 2005. С. 111–112.

[5] См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие…С. 100. Также см. Х. Зер. Восстановительное правосудие… С. 59.

уголовном и уголовно-процессуальном аспекте. Представляется уместным привести понятие вины в психологии, где вина рассматривается как эмоция, с помощью которой проявляется совесть, а переживание вины, угрызение совести само по себе является наказанием для человека. По мнению психологов, вина стимулирует мотивацию восстановления справедливости и появление чувства личной ответственности, формирует потребность в соблюдении общественных норм. «Виноватыми мы можем быть перед кем-то, если считаем, что навредили своими поступками другим людям. Благодаря чувству вины мы можем заслужить прощение, а значит, улучшить ситуацию и отношение» – пишет профессор Е. П. Ильин. По его мнению, способами вины являются раскаяние и искупление: 1) раскаяние – это самоосуждение, сожаление человека о том, что он поступил так, а не иначе. Виновный признает свою вину, сожалеет о содеянном, просит простить его, облегчить душу, снять с нее тяжесть вины; 2) искупление – это снятие с себя вины путем полного признания своей виновности, понесения наказания или свершения положительных поступков. В свою очередь, прощение – это прерогатива того, кому нанесено зло. Прощение, данное пострадавшим, как бы символически уничтожает причиненное зло, делает негативные отношения между двумя сторонами снова позитивными, свободными от обиды или ненависти. Прощению содействуют некоторые условия, существенную роль может сыграть признание преступником своей ответственности, выражение им сожаления, раскаяния. Прощение важно и для того, кто был обижен. Долгое сохранение чувства обиды наносит большой моральный и психологический ущерб ее носителю. Чувство обиды сушит обиженного и вызывает у него желание мести – нанесения ответного зла. Обида провоцирует отвечать на зло злом[1].

Таким образом, следует признать, что восстановительная модель правосудия основана, в том числе, на научных познаниях в области психологии, что позволяет ее реализовать с учетом интересов, как виновного лица, так и жертвы, и государства в целом. Можно констатировать, что российское уголовное правосудие, основанное и исторически развивавшееся на таких нравственных началах как совесть и справедливость, ментально воспринимает восстановительную модель не как чужеродную, а как созвучную назначению уголовного судопроизводства, направленного на защиту прав и законных интересов личности, восстановление нарушенной справедливости.

---

[1] См.: Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб., 2016. // [электронный доступ]: https://www.litres.ru/evgeniy-ilin/psihologiya-sovesti-vina-styd-raskayanie/. С. 158–159, 167, 240–241, 305, 317, 321, 345 (дата обращения:17.11.2017).

Баланс процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта может быть достигнут к моменту принятия судом решения и свидетельствовать об изменении обстановки, что выступает в качестве императивного основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. При изменении обстановки реализуется уголовная ответственность; не предполагается назначение наказания, его отсрочка, освобождение от его отбывания либо исполнение наказания на более позднем сроке; данное основание является безусловным, и не сопряжено с какими-нибудь обязанностями, ограничениями, или испытательными сроками после принятия судом решения; при наличии такого основания не возникает возможность возврата к вопросу назначения наказания в порядке исполнения приговора, так как цели наказания достигнуты. Исходя из предложенной в данном исследовании классификации изменение обстановки является исключительным основанием для постановления обвинительного приговора без назначения наказания, поскольку соответствует отличительным признакам такого вида приговора и иной вид обвинительного приговора в этом случае не может быть постановлен.

Подводя итоги исследования постановления обвинительного приговора без назначения наказания при изменении обстановки, следует отметить, что данное основание традиционно упоминается в научной литературе и активно востребовано практикой. К числу проблем применения данного основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания, можно отнести использование законодателем таких оценочных понятий, как «изменение обстановки», «утрата общественной опасности». В этой связи вполне обоснованно отмечается в юридической литературе о широком судейском усмотрении при применении данного обязательного основания неназначения наказания. Вместе с тем, дискреционные полномочия в этом случае лишь позволяют дифференцировать ответственность в силу индивидуальных особенностей личности виновного и с учетом конкретных обстоятельств уголовно-правового конфликта. Различные обстоятельства, которые рассматриваются в приговоре как изменение обстановки, свидетельствуют об индивидуализации ответственности на основе оценки личности и конкретных обстоятельств содеянного, что обусловливает восстановительные подходы в уголовном правосудии при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания, и поэтому не требуется нормативного закрепления исчерпывающего перечня указанных обстоятельств.

Наличие оснований к осуждению без назначения наказания, в том числе, вследствие изменения обстановки, подтверждается в результате установления в ходе судебно-

го разбирательства такого позитивного поведения подсудимого, которое свидетельствует об утрате или существенном снижении его общественной опасности, либо к моменту постановления приговора существенно изменяется общественная опасность содеянного. Таким образом, обвинительный приговор без назначения наказания является итоговым судебным решением, которым реализуются поощрительные нормы уголовного права. Например, при изменении обстановки, существенно трансформируется общественная опасность деяния или лица, его совершившего, что является обстоятельством, наличие которого обуславливает нецелесообразность применения к виновному наказания. Цели, стоящие перед наказанием, к моменту постановления приговора уже фактически достигнуты или же могут быть реализованы без реального назначения и применения уголовного наказания. Применение восстановительных технологий в ходе производства по делу может способствовать тому, чтобы указанные обстоятельства возникли к моменту принятия итогового судебного решения.

Анализируя основания и порядок постановления обвинительного приговора без назначения наказания в целом, можно сделать обобщающий вывод, что постановление такого приговора влечет наименьшее карательное воздействии к виновному, при этом основания его постановления могут быть разделены на две группы. Критерием может выступать возможность достижения баланса процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта путем проведения восстановительных технологий. В первую группу входят основания, применение которых не зависит от поведения и инициативы подсудимого, и, соответственно исключается необходимость применения восстановительных технологий на этапе до принятия судебного решения (например, амнистия). Точнее, восстановительные технологии могут применяться, но достигнутый результат восстановительных технологий не оказывает влияние на принятие итогового судебного решения по уголовному делу, т. к. не связывается законодателем с поведением личности. Несмотря на то, что эти основания представляют собой менее карательное воздействие, все же в большей степени они соответствуют лишь процессуальным интересам виновного, поскольку акт амнистии, как правило, не включает условий по возмещению вреда. Постановление обвинительного приговора в отсутствие нормативных оснований при восполнении пробела при назначении наказания также влияет на обеспечение баланса процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта.

Во вторую группу оснований относятся такие, которые могут возникать в силу либо инициативы со стороны самого подсудимого, либо их появление возможно в результате применения восстановительных технологий (например, применение восстановительных технологий к несовершеннолетнему подсудимому и изменение обстановки). Именно наличие данных оснований позволяет соблюсти баланс процессуальных интересов всех участников уголовно-правового конфликта: достигается интерес виновного к наиболее благоприятному разрешению уголовного дела с наименьшим репрессивным воздействием; чаще всего достигается интерес потерпевшего, которому заглажен причиненный ущерб или принимаются меры к его заглаживанию; интересам государства соответствует процессуальная и материальная экономия: ускорение производства по уголовному делу и отсутствие необходимости исполнения приговора. Такое решение способствует ресоциализации виновного, что можно отнести к общим интересам всех участников уголовно-правого конфликта.

Подводя итоги исследованию особенностей порядка постановления обвинительного приговора без назначения наказания, следует отметить, что формирование и развитие технологий восстановительного подхода в уголовном правосудии возможно на основе полученных результатов реализации механизмов ювенальной юстиции. Обвинительный приговор без назначения наказания может быть процессуальным решением, завершающим процедуру реализации механизмов восстановительной модели уголовного судопроизводства не только в отношении несовершеннолетних, к которым применяются принудительные меры воспитательного воздействия, но и всех осужденных, и содержать соответствующие реабилитационные программы. В зависимости от возможности достижения баланса процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта путем проведения восстановительных технологий основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания могут быть разделены на две группы: 1) основания, применение которых не зависит от инициативы подсудимого и применения восстановительных технологий (например, амнистия); 2) основания, которые могут возникать либо по инициативе самого подсудимого, либо их появление возможно в результате применения восстановительных технологий (например, применение восстановительных технологий к несовершеннолетнему подсудимому и изменение обстановки). При разработке новых оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, приоритетными для законодателя должны стать основания, входящие

во вторую группу, поскольку только в таком случае возможно достижение оптимального баланса процессуальных интересов сторон в уголовном судопроизводстве.

Возможность устранения пробелов в установлении оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания путем разъяснений своей позиции Верховным Судом РФ не является лучшим способом, вместе с тем, следует отметить его эффективность для формирования единообразия судебной практики. На основе предложений о внесении изменений в ряд норм УПК РФ, разработан Проект Федерального закона Российская Федерация «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и пояснительная записка к нему, а также Проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации»[1].

Выводы.

1. С учетом выявленных признаков обвинительного приговора без назначения наказания проанализированы основания постановления итоговых судебных решений (за исключением оснований постановления оправдательного приговора и применения принудительных мер медицинского характера), что позволило выделить основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Обоснован тезис о том, что нормативными основаниями постановления обвинительного приговора без назначения наказания являются: 1) изменение обстановки; 2) издание акта амнистии, применение которой не находится в зависимости от определенного вида и размера наказания; 3) применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему при освобождении от наказания без его назначения. Кроме того, на практике имеют место случаи постановления обвинительного приговора без назначения наказания в отсутствие нормативных оснований. К таковым могут быть отнесены случаи постановления обвинительного приговора без назначения наказания в связи с невозможностью назначения в силу положений уголовного закона ни одного из видов наказания, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ (например, если при совершении преступления против военной службы предусмотрены лишь виды наказания, связанные с нею, которые к моменту постановления приговора не могут быть назначены в связи с увольнением с военной службы или по иным причинам утраты подсудимым признаков специального субъекта). В отсутствие нормативных оснований обвинитель-

[1] См.: Приложения В–Г.

ный приговор без назначения наказания выступает как средство устранения правовых пробелов при невозможности назначения наказания.

2. Разработана и предложена классификация оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, критерием которой является возможность судейского усмотрения при выборе процессуальной формы итогового судебного решения: 1) императивные основания для постановления только обвинительного приговора без назначения наказания (изменение обстановки; издание акта амнистии, применение которой не находится в зависимости от определенного вида и размера наказания) и 2) альтернативные основания, наличие которых может повлечь постановление различных видов процессуальных решений, в том числе, постановление обвинительного приговора без назначения наказания (применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему при освобождении от наказания без его назначения). Значение данной классификации состоит в том, что она может служить ориентиром для законодателя при разработке новых оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, приоритетными среди которых, по мнению автора, должны быть альтернативные основания. При переходе к восстановительной модели правосудия это позволит расширить возможности выбора судом оптимального процессуального средства для достижения назначения уголовного судопроизводства и снижения карательного воздействия на осужденного.

3. Предложен алгоритм постановления обвинительного приговора, который предполагает, что после рассмотрения вопроса о виновности подсудимого в совершении преступления, суд, в первую очередь, должен рассмотреть вопрос о наличии оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания (как соответствующей процессуальной формы реализации уголовной ответственности с наименьшим карательным воздействием). И только при отсутствии таких оснований суд может перейти к обсуждению вопроса о том, какое наказание должно быть назначено осужденному и имеются ли основания для его освобождения от отбывания наказания или применения к нему отсрочки наказания.

4. Предлагается содержание части первой ст. 432 УПК РФ выделить в самостоятельную норму «Статья 431.1. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия» и включить в нее положение о возможности применения судом принудительных мер воспитательного воз-

действия обвинительным приговором без назначения наказания. Данное предложение позволит разграничивать применение принудительных мер воспитательного воздействия при наличии схожих условий и отграничить обвинительный приговор без назначения наказания от постановления о применении принудительных мер воспитательного воздействия.

5. Обоснован тезис о том, что различные обстоятельства, которые рассматриваются в конкретном приговоре как изменение обстановки, свидетельствуют об индивидуализации ответственности на основе оценки личности и конкретных обстоятельств содеянного, что обусловливает восстановительные подходы в уголовном правосудии при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания, и поэтому не требуется нормативного закрепления исчерпывающего перечня указанных обстоятельств.

6. Аргументировано, что формирование и развитие технологий восстановительного подхода в уголовном правосудии возможно на основе полученных результатов реализации механизмов ювенальной юстиции. Обвинительный приговор без назначения наказания может быть процессуальным решением, завершающим процедуру реализации механизмов восстановительной модели уголовного судопроизводства не только в отношении несовершеннолетних, к которым применяются принудительные меры воспитательного воздействия, но и всех осужденных, и содержать соответствующие реабилитационные программы. В зависимости от возможности достижения баланса процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта путем проведения восстановительных технологий основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания могут быть разделены на две группы: 1) основания, применение которых не зависит от инициативы (действий) подсудимого и применения восстановительных технологий (например, амнистия); 2) основания, которые могут возникать либо по инициативе (в результате действий) самого подсудимого, либо их появление возможно в результате применения восстановительных технологий (например, применение восстановительных технологий к несовершеннолетнему подсудимому. При разработке новых оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания, приоритетными для законодателя должны стать основания, входящие во вторую группу, поскольку только в таком случае возможно достижение оптимального баланса процессуальных интересов сторон в уголовном судопроизводстве.

Заключение

Рассматривая по существу уголовное дело, суд реализует предоставленную ему исключительную компетенцию, являясь участником уголовного судопроизводства с особым процессуальным статусом. Разрешая по сути публичный уголовно-правовой конфликт, затрагивающий и вопросы частных интересов (при наличии потерпевших), приговор приобретает особое значение, как процессуальное средство, с помощью которого достигается назначение уголовного судопроизводства, основанного на публичном начале.

Многие положения модели восстановительного правосудия заслуживают внимания, особенно в части изменения карательной направленности уголовного правосудия. Возможно, именно они станут основой или вариантом решения одной из задач уголовно-правовой политики – модернизации системы уголовно-правовых последствий совершения преступлений с учетом необходимости одновременного решения карательных, восстановительных, социально-реинтеграционных и превентивных задач. Вместе с тем, обращая внимание на необходимость переоценки концептуальных положений уголовного судопроизводства, следует пересмотреть и саму сущность государственно-правового реагирования на преступление, что потребует не только активизации научного поиска адекватных механизмов либо создания новой концепции, либо внедрения в правосудие отдельных инструментов восстановительной модели, но и взвешенного подхода к ревизии существующего законодательства и сложившейся судебной практики, без огульного заимствования опыта зарубежных государств в отсутствие учета эволюционного развития национального права.

Следует признать, что в настоящее время уже осуществляется проникновение восстановительного подхода в парадигму уголовного судопроизводства. Необходимо не противопоставлять карательную модель восстановительной, поскольку каждая из них не лишена определенных недостатков, а сформировать такие концептуальные положения, которые позволят отразить изменившиеся общественные отношения не путем подмены понятий, а внедрения в действующую парадигму уголовного судопроизводства международных стандартов правосудия. Следует обратить внимание, что эти изменения не должны противоречить национальным традициям права и защищаемым интересам, как личности, так и государства. Изложенное детерминирует необходимость некоего компромисса, чтобы при наименьших временных и материальных затрат было минимизировано и необходимое воздействие на виновного в целях общей и частной превенции, и

максимально восстановлены или компенсированы нарушенные преступлением права и интересы. В отдельных предусмотренных в законе случаях достичь поставленных задач возможно и без наказания виновного лица. Соответствующей процессуальной формой может выступать обвинительный приговор без назначения наказания. Появление и развитие постановления такого приговора исторически обусловлено. Востребованность такой процессуальной формы, как обвинительный приговор без назначения наказания, возникает в следующих случаях: когда к моменту постановления приговора достигнуты цели наказания и даже само назначение наказания при последующем освобождении от его отбывания является чрезмерным и несправедливым воздействием государства на личность; это акт прощения со стороны государства (издание акта амнистии), к лицам, не представляющим высокую общественную опасность, и совершим преступления небольшой и средней тяжести; в случае применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, если суд пришел к выводу о возможности их исправления без назначения наказания.

С одной стороны, проявляя гуманизм, государство отказывается от применения к таким лицам санкции нормы уголовного права – наказания, с другой – в приговоре дается оценка содеянному как преступлению. Совершенное преступление не декриминализовано, а значит, суд от имени государства выражает осуждение такого поведения лица, виновность которого установлена и доказана в ходе судебного разбирательства на основе принципов уголовного судопроизводства. Бесспорно, что наличие у суда возможности (при установлении достижения исправления несовершеннолетнего без применения уголовного наказания) и даже обязанности (в случае применения амнистии, исключающей применение наказания, установлении изменения обстановки) постановить такой приговор способствует реализации принципа индивидуализации уголовной ответственности, предоставляя суду соответствующую процессуальную форму. Поскольку у суда имеется выбор в принятии одного из нескольких решений, то, соответственно, такое решение должно быть мотивировано. Соблюдение мотивированности является своеобразным «слабым звеном» судебной практики и представляет сложности для судей, особенно при постановлении приговора без назначения наказания.

Роль обвинительного приговора без назначения наказания в современной парадигме уголовного судопроизводства заключается в том, что: 1) данный приговор является итоговым судебным решением; 2) имеет самостоятельное значение в системе итоговых судебных

решений, так как обладает всеми свойствами приговора как акта правосудия и несколькими отличительными признаками, отличающими его от других видов обвинительных приговоров; 3) его необходимость функционально доказана, поскольку он имеет не только самостоятельные основания для постановления, как вид обвинительного приговора, но и процессуальное значение; 4) как процессуальное решение обвинительный приговор без назначения наказания не порождает для осужденного такое уголовно-правовое последствие, как судимость, связанное законодателем с наказанием. Постановление обвинительного приговора такого вида является основанием для иных общеправовых, в том числе, негативных последствий, например, связанных с возможностью занимать определенные должности, возмещением причиненного преступлением вреда; 5) данный приговор является эффективным средством реализации восстановительного подхода в уголовном правосудии и позволяет соблюсти баланс процессуальных интересов участников уголовно-правового конфликта при минимальном карательном воздействии.

Проведенное исследование сущности обвинительного приговора без назначения наказания позволяет отметить, что он выступает в качестве процессуального средства, с помощью которого достигаются цели правосудия, так как предъявленное обвинение находит свое разрешение обвинительным приговором от имени государства в связи с совершенным преступлением и установлением виновности подсудимого в его совершении.

В диссертации выдвинуты и обоснованы предложения о внесении изменений и дополнений в ст. ст. 5, 6, 292, 294, 297–299, 301, 302, 308, 310, 312, 389.9, 389.18, 432 УПК РФ, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего дефиницию приговора, требования к приговору, а также иные нормы, уточняющие механизм реализации уголовной ответственности в форме постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

Перспективы дальнейшей разработки темы. Проведенное исследование обозначило основные проблемы постановления обвинительного приговора без назначения наказания, нуждающегося в дальнейшем всестороннем анализе, с целью выработки научно-обоснованных и практико-ориентированных предложений в части оснований и порядка постановления исследуемого приговора, в том числе, в суде апелляционной инстанции, особенностей его содержания, а также надлежащем механизме реализации восстановительного подхода при постановлении обвинительного приговора данного вида.

Список использованных источников и литературы

Источники

Международно-правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека: принята 10 дек. 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Права человека: сб. междунар. документов. – М.: Изд-во Моск. ун-та,1986. – С. 21–29.

2. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: принята 4 нояб.1950 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеей ООН // Права человека: сб. междунар. документов. – М.; Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 85–117.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 19 дек. 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс]: приняты 29 нояб. 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 2.05.2018).

5. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят 17 февр. 1996 г. // М.: Изд-во Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. – 1996. – 374 с.

6. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия: утверждены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24 июля 2002 г. // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк: ООН, 2007. – 396 с.

7. Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: Резолюция № 56/261 Генеральной Ассамблеи ООН (Принята в г. Нью-Йорке 31.01.2002 г. на 93-м пленарном заседании 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 21.06.2018).

Нормативно-правовые документы, утратившие силу

8. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков. – В 9 т., Т 2. –

М., 1986. – С. 97–129.

9. Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков. – В 9 т. ,Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М., 1986. – С. 408–425.

10. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков. – В 9 т., Т. 4. – С. 327–365.

11. Свод законов Российской Империи. – Т. 15. Свод законов уголовных. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1832. – 562 с.

12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков. – В 9 т., Т. 6: Законодательство первой половины XIX века.– М., 1988. – С. 174–309.

13. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т., Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.:,1991. – С. 120–251.

14. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. – Т. 8. – М.: Юрид. лит. – С. 384–419.

15. Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также в законоположениях // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье.– Т. 17. – СПб.: Сенат. Тип., 1900. – Ст. 14233.

16. О суде: Декрет ВЦИК от 24 нояб.1917 г. № 1 // Собрание узаконений РСФСР. – 1917.– № 4. – Ст. 50.

17. О суде: Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 347.

18. Положение о народном суде РСФСР от 30 нояб. 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 85. – Ст. 889.

19. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: Постановление Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 12 дек. 1919 г. // Собрание законодательства РСФСР. – 1929. – № 67.

20. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

21. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст. 230.

22. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.

23. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

24. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс]: закон СССР от 25 дек. 1958 г.: (ред. от 28 нояб.1989 г.) // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 1.05.2018).

25. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: принят ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

26. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: принят ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 3.05.2018).

27. Конституция СССР [Электронный ресурс]: принята ВС СССР 7 окт. 1977 г. // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 2.05.2018).

28. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 дек. 1996 г. № 160-ФЗ (ред. от 26.02.1997 г., с изм. от 18.12.2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 52. – Ст. 5881; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4924.

Действующие нормативно-правовые документы

29. Концепция судебной реформы в РСФСР: прил. к постановлению Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

30. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. –1992. – № 30. – Ст. 1792.

31. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1992. –

№ 8. – Ст. 366.

32. Конституция Российской Федерации: принята 12 дек. 1993 г. всенародным голосованием // Российская газета. – 1993. – 25 дек. (с последними поправками от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. –2014. – № 31. – Ст. 4398.

33. Уголовный кодекс Российской Федерации: [Электронный ресурс]: федер. Закон № 63 от 13 июня 1996 г.: принят ГД ФС РФ 24 мая 1996 г. (в ред. ФЗ № 99–ФЗ от 23.04.2018 г.) // Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 24.06.2018).

34. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. Закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят ГД ФС РФ 22 нояб. 2011 г. (в ред. ФЗ № 99–ФЗ от 23.04.2018 г.) // Режим доступа: http:// pravo.gov.ru (дата обращения: 24.06.2018).

35. Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность: Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 32. – Ст. 4557.

36. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.

Зарубежное законодательство

37. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ (с изм. и доп. на 30.09.2016 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 21.01.2018).

38. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сент. 1998 г. № ЗР-248 (с изм. и доп. на 7.07.2016 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31425005#pos=0;325 (дата обращения: 12.01.2018).

39. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп. на 18.07.2017 г.) // [электронный доступ]: //http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958&doc_id2=30414958#activate_doc=2&pos=105;0&pos2=3140;-6 (дата обращения: 23.01.2018).

40. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 окт. 2009 г. № 1772- II с // [электронный доступ]: http://matsne.gov.ge/ru/document/download/90034/45/ru/pdf (дата обращения: 12.02.2018).

41. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62 (с изм. и доп. на 28.07.2017 г.) // [электронный доступ]: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30241915&page=11 (дата обращения: 28.01.2018).

42. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. на 11.07.2017 г.) // [электронный доступ]: http://onlane.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575852#sub_id=3870000 (дата обращения: 15.02.2018).

43. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 30.03.2017 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729#pos=0;0 (дата обращения: 13.02.2018).

44. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 дек. 2009 г. (с изм. и доп. на 24.02.2017 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 24.02.2018).

45. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2013-XII (с изм. и доп. на 29.03.2017 г.) // [электронный доступ]: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 25.02.2018).

46. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд. П. В. Головненков. – М.: Проспект, 2016.– 312 с. // Российской Правовой портал: библиотека Пашкова // [электронный доступ]: http://constitutions.ru/?p=5854 (дата обращения: 28.12.2017).

Ведомственные нормативные акты и иные документы

47. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

48. О Федеральной целевой программе «Молодежь России (2001 - 2005 годы): Постановление Правительства РФ от 27 дек. 2000 г. № 1015 (в ред. от 26.09.2004г., с изм. от 21.10.2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. –

№ 2. – Ст. 172; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 37. – Ст. 373; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2170.

49. Об утверждении Положения о рабочей группе по вопросам создания и развития ювенальной юстиции в системе правосудия Российской Федерации: Постановление Президиума Совета судей РФ от 22 окт. 2009 г. № 196 // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 23.06.2018).

Постановления и Определения Конституционного Суда Российской Федерации

50. По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 окт. 1996 г. № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 45. – Ст. 5203.

51. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П 39 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 28. – Ст. 3393.

52. По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.1999 года по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2000 г. № 150-О // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 33. – Ст. 3432.

53. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // Собрание зако-

нодательства Российской Федерации. – 2003. – № 14. – Ст. 1302.

54. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 дек. 2003 г. № 18-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.

55. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинградского областного суда о проверке конституционности статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 2 нояб. 2006 г. № 488-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 2.

56. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 591-О-О // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 2.05.2018).

57. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Круглянского Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 307, 308 и 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 794-О-О // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения:16.05.2018).

58. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (2). – Ст. 4698.

59. Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданки Магнитской Натальи Николаевны о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16 П [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 423-О-Р // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 2.05.2018).

60. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Вихманн Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 392

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1220 // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 1.05.2018).

61. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17 янв.2012 г. № 174-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 4. – С. 5–12.

62. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сианосяна Александра Альбертовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 252, частью восьмой статьи 302 и пунктом 3 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 24 сент. 2012 г. № 1626-О // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 23.05.2018).

63. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шашкова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 246 и пунктом 7 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 г. № 1183-О // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения:16.05.2018).

64. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Уюкина Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 25 сент. 2014 г. № 1905-О: // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения:16.05.2018).

65. По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2017 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 11. – Ст. 1621.

Постановления Пленума Верховного Суда СССР и Российской Федерации

66. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 8 сент. 1976 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1976. – № 12.

67. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апр. 1996 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7.

68. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февр. 2000 г. № 7 (в ред. от 6.02.2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4.

69. Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 6 февр. 2007 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 5.

70. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011 г. № 1 (в ред. от 29.11.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011.– № 4; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

71. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г. (в ред. от 29.11.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.

72. О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. № 42 (в ред. от 15 мая 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 2.

73. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

74. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодека Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 // [электронный доступ]: http://www.vsrf.ru/documents/own/26765/ (дата обращения:18.05.2018).

75. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда

Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 11 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [электронный доступ]: http://www.vsrf.ru/documents/own/26766/ (дата обращения:18.05.2018).

Проекты УПК и Федеральных законов

76. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Проект // Российская юстиция. – 1994. – № 9. – С. 2–92.

77. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Проект // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 35–63; Юридический вестник. – 1995. – № 31.

78. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и союзных республик: Теоретическая модель / под ред. В. М. Савицкого. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1990. – 317 с.

79. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [электронный доступ]: Проект Федерального закона № 304898-3 (ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания РФ в I чтении 23.04.2003 г.) // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 20.06.2018).

80. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности [электронный доступ]: Проект Федерального закона, принятый Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении 25 января 2013 г. №180771-6 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: http://asozd2.duma.gov.ru.main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=180771-6 (дата обращения:17.12.2017).

Словари

81. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 1. / В. И. Даль. – М.: ООО Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 1155с.

82. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 2. / В. И. Даль. – М.: ООО Издательство АСТ»: ООО «Издательство

Астрель», 2004. – 1278 с.

83. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 3. / В. И. Даль. – М.: ООО Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 921 с.

84. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

85. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – М.: Рус.яз., 1989. – 624 с.

86. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. / М. Фасмер. – пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.

87. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 576 с.

Литература

Монографии, научно-практические пособия, учебники, пособия

88. Абашева Ф. А. Осуществление правосудия в системе уголовно-процессуальных функций / Ф. А. Абашева. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. – 148 с.

89. Абашева Ф. А. Осуществление правосудия по уголовным делам судами первой инстанции (концептуальные основы): монография / Ф. А. Абашева. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 238 с.

90. Адаменко В. Д. Приговор и его изменение в кассации / В. Д. Адаменко.– Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 196 с.

91. Александрова Н. С. Освобождение от уголовной ответственности / Н. С. Александрова. – Димитровград: ДИТИ НИЯУ МИФИ, 2013. – 103 с.

92. Алексеева Л. Б. Практика применения ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты / Л. Б. Алексеева.– М.: Изд-во «Рудомино», 2000. – 158 с.

93. Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы / Т. М. Алексеева. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 208 с.

94. Ансель М. Новая социальная защита. Гуманистическое движение в уголовной

политике: Перевод с французского / Ансель М.; пер.: Лапшина Н. С.; под ред. и со вступ. ст.: Пионтковский А. А. – М.: Прогресс, 1970. – 312 с.

95. Арямов А. А. Уголовное наказание: назначение и освобождение: учебник / А. А. Арямов. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 320 с.

96. Астафьев А. Ю. Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам: проблемы теории и практики. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 208 с.

97. Аулов В. К. Виды приговоров суда: требования и варианты изложения: науч. практич. пособие / В. К. Аулов, А. Г. Быстров, Ю. Н. Туганов. – М., Юрлитинформ, 2012. – 408 с.

98. Барабаш Ан. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / Барабаш А. С. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 257 с.

99. Барабаш Ан. Метод российского уголовного процесса / А. Барабаш, А. Брестер // СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. – 224 с.

100. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1841. – 319 с.

101. Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу / Б. Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2015. – 400 с.

102. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 184 с.

103. Бозров В. М. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу / В. М. Бозров, Н. В. Костовская – М.: Юрлитинформ, 2013. – 160 с.

104. Бородинова Т. Г. Теоретические и правые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России / Т. Г. Бородинова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 288 с.

105. Босхолов С. С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / 2-е изд., перераб. / С. С. Босхолов. – М.: АО «ЮрИнфоР», 2004. – 303 с.

106. Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: научно-практич. пособие / А. В. Бриллиантов. – М.: Проспект, 2015. – 112 с.

107. Бунина А. В. Приговор как акт правосудия. Его свойства / А. В. Бунина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – 168 с.

108. Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе / С. В. Бурмагин. – М.: Проспект, 2016. – 304 с.

109. Бурмагин С. В. Роль суда в уголовном процессе / Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: уч-к / под ред. В. М. Бозрова. – М., 2017. – С. 43–55.

110. Бытко Ю. И. Справедливость и уголовная политика / Ю. И. Бытко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 216 с.

111. Ван Несс Д. У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». – 2003. – С. 32–58.

112. Васильев О. Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России / О. Л. Васильев. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 344 с.

113. Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Понятие, предмет и методика изучения / Н. Т. Ведерников. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 174 с.

114. Викторский С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Изд. А. А. Карцева. – М.: Тип. Императорского Московского ун-та, 1912. – 439 с.

115. Виницкий Л. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон / Л. В. Виницкий, М. В. Нагуляк. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 224 с.

116. Виницкий Л. В. Справедливость приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России / Л. В. Виницкий, А. А. Маганкова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.

117. Виттенберг Г. Б. Вопросы назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности и наказания: учеб. пособие / отв. ред. Г. Б. Виттенберг. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1976. – 100 с.

118. Володина Л. М. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту / Л. М. Володина, А. Н. Володина. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 232 с.

119. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации / Л. М. Володина. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 296 с.

120. Волосова Н. Ю. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование: монография / Н. Ю. Волосова, М. В. Волосова // под общ. ред. Н. Ю. Волосовой / пер. с англ. и с японск. М. В. Волосовой. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 264 с.

121. Ворожцов С. А. Приговор в уголовном процессе: практ. пособие / С. А. Ворожцов. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 109 с.

122. Восстановительное правосудие / под общ. ред. ИЛ Петрухина, М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформ», 2003. – 196 с

123. Гаверов Г. С. Проблемы наказания несовершеннолетних преступников / Г. С. Гаверов. – Иркутск, 1986. – 231 с.

124. Галкин Б. А. Уголовный процесс / Б. В. Галкин, Г. Я. Калашникова. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. – 228 с.

125. Гессен И.В. Судебная реформа / И.В. Гессен. – СПб.: Типо-лит. Ф. Вайсберга и П. Гершукина, 1905. – 267 с.

126. Гладышева О. В Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография / О. В. Гладышева. – Краснодар: Изд-во «ЭДВИ», 2008. – 340 с.

127. Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / О. В. Гладышева. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.

128. Головинская И. В. Судебный приговор: монография / И. В. Головинская, И. А. Остапенко. – Владимир: Изд-во Владим. ун-та, 2008. – 176 с.

129. Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.

130. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения / Ю. В. Грачева. – М.: Проспект, 2011. – 376 с.

131. Грошевой Ю. М. Общественное мнение и приговор советского суда. Конспект лекции / Ю. М. Грошевой.– Харьков, (б/и), 1972. – 40 с.

132. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю. М. Грошевой. – Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. – 143 с.

133. Грошевой Ю. М. Правовые свойства приговора – акта социалистического правосудия: учеб. пособие / Ю. М. Грошевой.– Харьков: изд-во Харьковского юрид. ин-та, 1978. – 60 с.

134. Гуковская Н. И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н. И. Гуковская, А. И. Долгова, Г. М. Миньковский. – М.: Юрид. лит, 1974. – 208 с.

135. Гущина Н. А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика / Гущина Н. А. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 294 с.

136. Дворянкина Т. С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства / Т. С. Дворянкина. – М.: Компания Спутник+, 2007. – 117 с.

137. Демидова Е. Т. Судебное разбирательство в уголовном процессе: учеб. пособие / Е. Т. Демидова. – Самара: Изд-во НОАНО ВПО СИБиУ, 2009. – 157 с.

138. Денисов Ю. Д. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки / Ю. Д. Денисов. – Тольятти: Изд-во Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2009. – 125 с.

139. Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России. Монография // под ред.: Кругликова А. П. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 164 с.

140. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе / И. С. Дикарев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – 175 с.

141. Дорохов В. Я. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – 236 с.

142. Духовской М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М.: Склад изд. в кн. складе В. Клюкина, 1910. – 218 с.

143. Егорова О. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в судебной практике / О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2016. – 144 с.

144. Журавлев А. В. Назначение уголовного наказания несовершеннолетним / А. В. Журавлев. – М.: Российская академия правосудия, 2009. – 223 с.

145. Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики: учебно-практич. пособие / Г. И. Загорский. – М.: Проспект, 2015. – 312 с.

146. Захарова Т. Р. Значение социальной работы и программ по заглаживанию вреда при вынесении судебных решений по делам несовершеннолетних // Восстановительное правосудие / под общ. ред. И. Л. Петрухина. – М., 2003. – С. 138–151.

147. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. пер. с англ. / Х. Зер; пер.: М. М. Стерник, Е. В. Топникова; общ. ред.: Л. М. Карнозова; коммент.: Л. М. Карнозова; Закл.: Р. Р. Максудов; коммент.:

С. А. Пашин; закл.: М. Г. Флямер. – М.: Изд-во Центра «Судебно-правовая реформа», 1998. – 354 с.

148. Ивенский А. И. Понятие и свойства приговоров. Классификация приговоров.: учеб. пособие / А. И. Ивенский. – Самара: изд-во «Универс групп», 2007. – 100 с.

149. Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние / Е. П. Ильин.– СПб., 2016. – 370 с. // [электронный доступ]: https://www.litres.ru/evgeniy-ilin/psihologiya-sovesti-vina-styd-raskayanie/ (дата обращения:17.11.2017).

150. История государства и права России: учебник / под общ. ред. Ю. В. Оспенникова. – В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 512 с.

151. Карнозова Л. М. Использование программ восстановительной ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве : метод. пособие / Л. М. Карнозова. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2009 – 79 с.

152. Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа / Л. М. Карнозова. – М.: Р. Валент, 2010.– 480 с.

153. Карнозова Л. Восстановительное правосудие в российской правовой системе // Восстановительное правосудие в России / под общ. ред. Н. В. Путинцевой / – М.: МООО «Судебно-правовая реформа», 2012. – 70 с.

154. Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) / Л.М. Карнозова. – М.: Проспект, 2017. – 264 с.

155. Касаткина С. А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе / С.А. Касаткина. – науч. ред. И. Л. Петрухина. – Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – 188 с.

156. Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в уголовном процессе / О. В. Качалова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 208 с.

157. Кириллова Н. П. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям / Н. П. Кириллова. – СПб.: СПб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 36 с.

158. Кобликов А. С. Судебный приговор / А. С. Кобликов. – М.: Юрид. лит., 1966. – 135 с.

159. Козубенко Ю. В. Системные и антисистемные образования в межотраслевом механизме уголовно-правового регулирования / Ю. В. Козубенко. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2018. – 440 с.

160. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. перераб. и доп. / под ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулиной – М.: Изд-во Юристъ, 2004. – 823 с.

161. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2010. – 992 с.

162. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. – 1359 с.

163. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. – 969 с.

164. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. А. Рарог. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 944 с.

165. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. – 1087 с.

166. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г. И. Загорского. – М.: Проспект, 2017. – 1216 с.

167. Коротков А. П. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных органов по применению УПК РФ / А. П. Коротков, А. В. Тимофеев. – М.: Изд-во «Экзамен», 2004. – 576 с.

168. Коршунов Д. Г. Приговор военного суда: научно-практ. пособие / Д. Г. Коршунов. – М.: РАП, 2013. – 112 с.

169. Крастин И. А. Уголовный процесс РСФСР (в доступном изложении) / И. А. Крастин – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 148 с.

170. Кузнецов А. В. Изменение обстановки как основание освобождения от уголовной ответственности или наказания / А. В. Кузнецов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – 92 с.

171. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1977. – 300 с.

172. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко – М.: Статут, 2016. – 1278 с.

173. Куцова Э. Ф. Приговор / Э. Ф. Куцова. – М.: Госюриздат, 1962. – 39 с.

174. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. – Одесса, Тип-я Л. Нитче, 1849. – 222 с.

175. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержа-

ние и формы / П. А. Лупинская. – М.: Юрид. лит, 1976.– 168 с.

176. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П. А. Лупинская. – 3-е изд., стереотип. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 240 с.

177. Лыкошин А. С. Порядок постановления приговоров в военных судах / А. С. Лыкошин. – Спб.: Экономическая Типо-Лит. Б. Вульфова, 1896. – 507 с.

178. Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве: монография / Р. В. Мазюк. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 252 с.

179. Майорова Л. В. Приговор / Уголовный процесс: учебник для бакалавр. / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойкова и А. Г. Тузова. – Ростов-н/Д., 2015. – С. 312–320.

180. Максудов Р. Р. Проведение программ восстановительного правосудия для несовершеннолетних: метод. пособие / Р. Р. Максудов. – М.: ООО «Информ-полиграф», 2009. – 92 с.

181. Максудов Р. Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани / Р. Р. Максудов. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. – 256 с.

182. Маликов М. Ф. Эффективность приговора в советском уголовном процессе: учеб. пособие / М. Ф. Маликов. – Уфа: БГУ, 1980. – 79 с.

183. Мартынчик Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе / Е. Г. Мартынчик. – Кишинев: «Штиинца», 1969. – 168 с.

184. Мартынчик Е. Г. Особое мнение судьи по уголовному делу / Е. Г. Мартынчик. – Кишинев: Штиинца,1981. – 130 с.

185. Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве / Л. Н. Масленникова.– М., 2000. – 179 с.

186. Матвиенко Е. А. Приговор суда и его исполнение / Е. А. Матвиенко.– Минск: Вышэйш. школа, 1968. – 179 с.

187. Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – 2-е изд., доп. – М.: Норма-Инфра-М, 2002. – 944 с.

188. Мирецкий С. Г. Приговор суда / С. Г. Мирецкий. – М.: Юрид. лит., 1989. – 112 с.

189. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия / А. Ф. Мицкевич. – СПб: Юридический центр Пресс, 2005. – 329 с.

190. Михайлов А. Н. Законность и обоснованность постановления обвинительного приговора без назначения наказания в связи с изменением обстановки / А. Н. Михайлов. – Красноярск: Сибирский юр. ин-т МВД России, 2008. – 176 с.

191. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская.– М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 192 с.

192. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование / И. В. Михайловский. – Томск, типо-лит. П.И. Макушина, 1905. – 335 с.

193. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та, 1976. – 94 с.

194. Надь Л. Приговор в уголовном процессе / Л. Надь. – М.: Юрид. лит., 1982. – 224 с.

195. Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции) / под ред. А. Ф. Горкина, В. В. Куликова, Н. В. Радутной, И. Д. Перлова. – М.: Юрид. лит, 1972. – 744 с.

196. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.

197. Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.

198. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп.– М.: Юрайт-Издат, 2010. – 1210 с.

199. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. – 851 с.

200. Невский С. А. Изучение личности обвиняемого (уголовно-процессуальные, криминологические и психологические аспекты): учеб. пособие / С. А. Невский, Е. Н. Клещина, В. В. Яковлев, Л. В. Яковлева. – Краснодар: Краснод. ун-т МВД России, 2010. – 84 с.

201. Неклюдов Н. Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. Т. 1. / Н. Неклюдов. – Изд-е Русской кн. торговли. – СПб.: Тип. В. Делакова, 1872. – 852 с.

202. Нерсесянц В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М.: Издательская группа Норма–Инфра-М,1998. – 652 с.

203. Никулина Е. А. Компромисс в уголовном процессе / Е. А. Никулина.– Новосибирск: Мангазея, 2010. – 105 с.

204. Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты) / П. П. Осипов.– Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 134 с.

205. Панько К. Суд выносит приговор / К. Панько. – Воронеж: Центрально–Черноземное книжн. Изд-во. – 1972 г. – 136 с.

206. Пашин С. А. Становление правосудия / С. А. Пашин. М.: Р. Валент, 2011. – 456 с.

207. Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. – М.: Госюриздат, 1960. – 263 с.

208. Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ / И. Л. Петрухин. М.: Наука, 1991. – 208 с.

209. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. II. / И. Л. Петрухин. – М.: ТК Велби, 2005. – 192 с.

210. Пикалов И. А. Уголовно-процессуальное право российской федерации: учеб. пособие / И. А. Пикалов.– 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 440 с.

211. Поздняков М. Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе / М. Л. Поздняков. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 160 с.

212. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев.– Изд. Г. А. Лемана. М.: Типо-лит. Т.д. Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. – 328 с.

213. Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 720 с.

214. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В. П. Верина – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 589 с.

215. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. А. И. Карпова. – 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Изд-во Юрайт, 2008.– 732 с.

216. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Феде-

рации: практ. пособие / под ред. В. М. Лебедев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2013. – 824 с.

217. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И. В. Смолькова; отв. ред. Р. В. Мазюк, – М.: Юрлитинформ, 2015. – 384 с.

218. Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности: монография / под общ. ред. В. М. Бозрова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 304 с.

219. Программы восстановительного правосудия: пособие для ведущих / под редакцией Л. М. Карнозовой и Р. Р.Максудова. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2005. – 240 с.

220. Производство по уголовным делам в суде первой инстанции: науч.-практ. пособие / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М.: Норма, 2011. – 512 с.

221. Прокопьева С. И. Гносеологические, процессуальные и социально-психологические проблемы постановления приговора: учеб. пособие / С. И. Прокопьева. – Калининград: Калинигр. гос. ун-т, 1981. – 58 с.

222. Рабец А. М. Ювенальное право Российской Федерации: уч-к. для магистр. 2-е изд. перераб. и доп. / А. М. Рабец. – М.: Юрайт, 2013. – 447 с.

220. Прохоров В. С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 208 с.

223. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. / Н. Н. Розин. – Изд-е Юрид. кн. склада «Право», СПб., 1914 – 546 с.

224. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т., Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1986. – 512 с.

225. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т., Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юрид. лит., 1986. – 512 с.

226. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т., Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – М.: Юрид. лит, 1988. – 432 с.

227. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. , Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1991. – 496 с.

228. Россинский С. Б. Уголовный процесс России: курс лекций / С. Б. Россинский.

– М., 2007. – 576 с.

229. Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник / А. П. Рыжаков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Экзамен», 2007. – 718 с.

230. Семенцов В. А. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу / В. А. Семенцов, И. И. Белохортов. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 184 с.

231. Сергейко П. Н. Законность, обоснованность и справедливость судебных актов: уч. пособие / П. Н. Сергейко. – Краснодар: Кубан. ун-т, 1974. –191 с.

232. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики / В. В. Сверчков. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 586 с.

233. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – Судопроизводство. Изд. 4-е, доп. и испр. / В. К. Случевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 669 с.

234. Смирнова И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства: монография / И. Г. Смирнова. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 352 с.

235. Смолькова И. В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве / И. В. Смолькова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 352 с.

236. Смолькова И. В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение / И. В. Смолькова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 432 с.

237. Смолькова И. В. Лекции по истории уголовного процесса России / науч. ред. И. В. Смолькова, отв. ред. Р. В. Мазюк. – Иркутск, Изд-во БГУЭП, 2010. – 404 с.

238. Соловьева Н. А. Восстановительное уголовное правосудие - гуманное правосудие. Лекция (уч. пособие) / Н. А. Соловьева, В. М. Шинкарук.– Волгоград: ВолГУ, 2013. – 52 с.

239. Спесивов Н. В. Реализация международных стандартов уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в современной России / Н. В. Спесивов.– М.: Юрлитинформ, 2018. – 160 с.

240. Строгович М. С. Уголовный процесс: учебник / М. С. Строгович.– М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 311с.

241. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т. II. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву /

М. С. Строгович. – М.: Наука, 1970. – 516 с.

242. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / сост. В. А. Давыдов, И. Н. Иванова, под общ. ред. В. М. Лебедева. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 1413 с.

243. Судебная реформа. Т. I. / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. – М.: Изд-во «Объединение», 1915. – 403 с.

244. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова – М.: Юрайт-Издат, 2008.– 732 с.

245. Судебный приговор. Методическое пособие для судей военных трибуналов / М.: Управление военных трибуналов. Военная коллегия Верховного суда СССР, 1972. – 46 с.

246. Судебная система России: История и современность / В. Н. Бабенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РАН (ИНИОН РАН), 2007. – 1972. – 46 с.

247. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны: В 4-х ч. Ч. 2. – СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1866. – 504 с.

248. Суханова Н. Н. Порядок постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / Н. Н. Суханова.– Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 67 с.

249. Сухарева Н. Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве / Н. Д. Сухарева. – М.: Илекса, 2005. – 264 с.

250. Таубер Л. Я. Уголовный приговор и частное определение, и их обжалование / Л. Я. Таубер. – СПб., Тип. т-ва «Общественная польза», 1913. – 16 с.

251. Теория государства и права: уч. / под ред В. К. Бабаева М.: Юристъ, 2003. – 592 с.

252. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства / В. Т. Томин. – М.: Юрид. лит., 1991. – 240 с.

253. Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: уч. пособие / Т. В. Трубникова.– Томск, Изд-во Том. ун-та, 2011. – 296 с.

254. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – Изд-е 2-е, перераб. и доп.– М.: Юридическая фирма

«КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. – 560 с.

255. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами / сост. С. Аскарханов, А. Иодковский.– М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 500 с.

256. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. И. Л. Петрухин, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 672 с.

257. Уголовное право России. Части общая и Особенная / под ред. А. И. Рарога. – 6-е изд, перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 696 с.

258. Уголовно-процессуальное право: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп., под ред. П. А. Лупинской. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.

259. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога, 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012. – 728 с.

260. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева – М.: Изд-во Юрайт, 2013. – 1016 с.

261. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник. 3-е изд-е., перераб. и доп. / отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2014. – 688 с.

262. Уголовно-процессуальное право российской Федерации: учебник для вузов / под общ. ред. Г. М. Резника. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 859 с.

263. Уголовно-процессуальный кодекс. Научно-популярный практический комментарий / П. И. Люблинский, Н. Н. Полянский. – М.: Кооперат. изд-во Право и жизнь, 1928. – 428 с.

264. Уголовный процесс РСФСР / под ред. А. Я. Эстрина. – Лен.: Изд-во «Рабочий суд», 1927 г. – 216 с.

265. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп., М.: Спарк, 2002. – 704 с.

266. Уголовный процесс: учебник /под ред. К. Ф. Гуценко. – М.: Изд-во «Зерцало», 2007. – 736 с.

267. Уголовный процесс: учебник / под ред. А. П. Гуськовой, А. В. Ендольцевой.- М.: ЮНИТИ ДАНА: Закон и право, 2007. – 639 с.

268. Уголовный процесс: учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2008. – 816 с.

269. Уголовный процесс: учебник / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. – М.: Высшее образование, 2008. – 591 с.

270. Уголовный процесс: учебник / под ред. А. П. Гуськовой, Ф. К. Зиннурова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – 663 с.

271. Уголовный процесс: учебник для академ. бакалавр. / под ред. В. П. Божьева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2015. – 573 с.

272. Уголовный процесс: учебник для бакалавр. / отв. ред. А. П. Кругликов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 688 с.

273. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. А. Лазаревой. – М.: Юстиция, 2015. – 656 с.

274. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 752 с.

275. Уголовный процесс: учебник для бакалавр. / отв. ред. Л. А. Воскобитова. – М.: Проспект, 2015. – 616 с.

276. Уголовный процесс: учебник / под ред. Н. С. Мановой и Ю. В. Францифорова. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. – 368 с.

277. Уголовное судопроизводство России: учебник для вузов / под ред. Н. И. Газетдинова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 498 с.

278. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 1038 с.

279. Устав уголовного судопроизводства. Системный комментарий. Вып. I. / под общ. ред. М. Н. Гернета. – Изд-е М. М. Зива. – М.: тип. «Культура», 1914. – 342 с.

280. Устав уголовного судопроизводства. Системный комментарий. Вып. V. / под общ. ред. М. Н. Гернета. – Изд-е М. М. Зива. – М.: склад издания, 1916. – 320 с.

281. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор / Ф. Н. Фаткуллин.– Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. – 532 с.

282. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейн. – М.: Типо-Лит. В. Рихтера, 1915. – 432 с.

283. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника / В. Д. Филимонов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – 278 с.

284. Филимонов В. Д. Криминологические основы права / В. Д. Филимонов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 213 с.

285. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий.– Изд. 3-е, пересм. и доп. – СПб.: Сенатская тип., 1910. – В 2 т., Т. 2 – 669 с.

286. Халдеев Л. С. Судья в уголовном процессе: практ. пос. / Л. С. Халдеев. – М.:Юрайт, 2000. – 501 с.

287. Хачиров А. Д. Уголовно-процессуальный статус субъектов судебного разбирательства и постановления приговора / А. Д. Хачиров. – Кисловодск, Изд-во Кисловод. гум.-технич. ин-та., 2008. – 167 с.

288. Чаадаев С. Г. Уголовная политика и преступность: проблемы, пути решения / С. Г. Чаадаев. – М.: Знание, 1991. – 112 с.

289. Чайковская М. А. Свойства приговора: монография / М. А. Чайковская. – М.: Проспект, 2013. – 173 с.

290. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – Изд-е 2-е. перераб. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 511 с.

291. Черненко Т. Г. Освобождение от уголовного наказания: учеб пособие. / Т. Г. Черненко, В. А. Терентьева, И. В. Масалитина // Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. – 144 с.

292. Чурилов Ю. Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве / Ю. Ю. Чурилов. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 256 с.

293. Шабанов П. Н. Независимость судей в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики / П. Н. Шабанов. – Воронеж: Изд-во Ворон. Гос. ун-та, 2010, 2010. – 208 с.

294. Шаталов А. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академич. курс / А. С. Шаталов, А. А. Крымов. – М.: Проспект, 2018. – 864 с.

295. Щегловитов С. Г. Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. 3-е испр., доп. и перераб. изд-е. / С. Г. Щегловитов – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. – 1153 с.

296. Этика судьи (пособие для судей) / под науч. ред. Н. В. Радутной. – М., Российская академия правосудия, 2002. – 211 с.

297. Якимович Ю. К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке: учеб. пособие. / Ю. К. Якимович. – СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2015. – 124 с.

298. Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособие / Ю. К. Якимович. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 80 с.

Статьи

299. Аббасова М. Н. Восстановительное правосудие – новый взгляд на уголовное судопроизводство // Мир юридической науки. – 2015. – № 7. – С. 62–65.

300. Агеева Г. Н. Законность и обоснованность приговора. Его правовые гарантии // Актуальные вопросы развития и совершенствования законодательства о судоустройстве, судопроизводстве и прокурорском надзоре. Сб. науч. тр. – М., 1981. – С. 101–118.

301. Азаров В. А. Цели нового российского уголовного производства // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения. – Омск, 2003. – С. 3–10.

302. Азаров В. А. Приговор и промежуточные судебные решения: соотношение, взаимосвязь и взаимообусловленность / В. А. Азаров, В. А. Константинова // Сб. матер. межд. науч.-практ. конференции «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты». – М.: Оригинал-пакет, 2016. – С. 11–19.

303. Александрова О. Ю. Обоснованность как одно из требований, предъявляемых к приговору // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. С. Д. Назаров. – Красноярск: Изд-во Сиб. юр. ин-та ФСКН России, 2006. – С. 15–23.

304. Аликперов Х. Поощрительные нормы в борьбе с преступностью // Социалистическая законность. – 1991. – № 8. – С. 25–27.

305. Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Законность. – 1999. – № 8. – С. 12–14.

306. Андреев А. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности / А. В. Андреев, Л. В. Лобанова // LEGAL CONCEPT. – 2006. – № 8. – С. 118–126.

307. Андреева О. И. Проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого: проблемы правоприменения. // Вестник Томского гос. ун-та. – 2006. – № 292-2. – С. 250–252.

308. Андреева О. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства / О. Андреева, С. Лонь, А. Рукавишникова, Т. Трубникова // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 5–9.

309. Антюфеева О. С. Ювенальная юстиция в России – перспективы развития // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: матер. V-ой Межд.. науч.-практ. конференции. 11-13 апр. 2013 г. / ред. кол.: Т. К. Рябинина (отв. ред.), Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2013. – С. 13–19.

310. Артамонова Е. А. О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиций справедливости // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 40–43.

311. Артеменко Н. Уголовно-правовые аспекты вынесения судом обвинительного приговора без назначения наказания / Н. Артеменко, Н. Шимбарева // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 105–109.

312. Арутюнян А. А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: последние изменения // Закон. – 2017. – № 3. – С. 82–91.

313. Арямов А. А. Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта: новые направления развития // Российский следователь. – 2015. – № 23. – С. 25–30.

314. Аширбекова М. Т. О некоторых видах приговора суда первой инстанции / М. Т. Аширбекова, В. Н. Тронева // Мировой судья. – 2017. – № 10. – С. 30–35.

315. Багаутдинов Ф. Н. Отражение публичных и личных интересов в принципах уголовного судопроизводства. // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 55–57.

316. Бандурин С. Г. Приговор – итог осуществления правосудия / С. Г. Бандурин, Н. А. Громов, А. И. Ивенский // Российский судья. – 2005. – № 1. – С. 34–37.

317. Барабаш Ан. С. Установление обстоятельств совершенного преступления и оснований назначения наказания два самостоятельных этапа судебного следствия / А. С. Барабаш, А. А. Брестер // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2014. – № 1 (38). – С. 167–172.

318. Барабаш Ан. С. Уголовно-правовая политика: объем понятия, идеологическая основа // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 2. – С. 39–48.

319. Барабаш Ан. С. Начало российского уголовного процесса, определяющее возможность конвергенции уголовно-процессуальной формы // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 5. – С. 54–61.

320. Баранов А. Обеспечение законности и справедливости судебных решений // Уголовное право.– 2003.– № 1. – С. 8–10.

321. Баранов А. Соотношение задач уголовного и уголовно-процессуального за-

конодательства / А. Баранов, С. Супрун // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 115–114.

322. Барановский В. Освобождение от уголовной ответственности вследствие истечения сроков давности / В. Барановский, А. Тарбагаев // Советская юстиция – 1990. – № 13. – С. 15.

323. Басова О. О. Предмет правосудия по уголовным делам // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2014. – Вып. 2. – С. 121–122.

324. Бахта А. С. Нормы-дефиниции в уголовно-процессуальном праве // Российская юстиция. – 2009. – № 11. – С. 56– 59.

325. Беляев М. В. О справедливости судебных решений в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 3. – С. 147–153.

326. Блашкова Л. Л. Исключительность приговора // Закон и право. – 2008. – № 9. – С. 72–73.

327. Бобров В. К. О правовых основаниях обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания, постановляемого в связи с истечением сроков давности по Уставу уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // В. К. Бобров, А. В. Соболев // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – №3. – С. 119–122.

328. Божьев В. Определение сферы действия норм УПК // Законность. – 2005. – № 1. – С. 2–6.

329. Бозров В. М. Ювенальный суд в современной России // Российская юстиция. – 2011. – № 3. – С. 54–56.

330. Бозров В. М. Справедливость как критерий оценки качества судебной деятельности // Уголовный процесс. – 2013. – № 2. – С. 70–77.

331. Борисова Н. Е. Современные проблемы становления ювенальной юстиции в Российской Федерации // Ювенальная юстиция в России: Перспективы развития: сб. / Управл. суд. департамента в Иркутской области. – Иркутск, 2007. – С. 17–22.

332. Бородинова Т. Г. Значение пересмотра судебных решений для достижения назначения уголовного судопроизводства // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 540–543.

333. Бородинова Т. Г. Пересмотр приговоров, вынесенных в отсутствие подсудимого // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 4. – С. 80–82.

334. Бородинова Т. Г. Приговор: понятие, сущностные черты и виды // Сибирские

уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – Вып. 1 (15). – С. 7–12.

335. Брестер А. А. Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму // Уголовная юстиция. – 2013. – № 2 (2). – С. 27–30.

336. Брэйтуэйт Д. Восстановительное правосудие ради лучшего будущего // Неволя. – 2005. – № 4. – С. 93–98.

337. Брукс Д. Различия между медиацией и восстановительным правосудием /практикой / Д. Брукс, Й. Макдона // Вестник восстановительной юстиции. – 2016.– № 13. – С. 108–123.

338. Бурмагин С. В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5. – С. 891.

339. Бурмагин С. В. Устранение юридического неравенства в российском уголовном судопроизводстве – путь к справедливому правосудию // Сб. матер. V Межд. науч.-практ. конференции «Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика». – 2014. – С. 11–14.

340. Бурмагин С. В. Воплощение идеала «скорого суда» в реформах уголовного правосудия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 3. – С. 96–103.

341. Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37). – С. 13–17.

342. Бурмагин С. В. Принцип справедливости уголовного правосудия // Сб. матер. 4 межд. науч.-практ. конференции «Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам». – М.: РГУП, 2016. – С. 33–40.

343. Бурмагин С. В. Беспристрастность суда как основа справедливого уголовного правосудия // Сб. матер. всерос. науч.-практ. конференции «Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве». – 2016. – С. 30–41.

344. Бурмагин С. В. Справедливость судебных решений: уголовно-процессуальный аспект // Сб. матер. межд. науч.-практ. конференции «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты». – М.: Оригинал-макет,2016. – С. 64–69.

345. Бурмагин С. В. Злоупотребление правом на защиту и справедливость уголов-

ного судопроизводства // Сб. матер. IV Межд. науч.-практ. конференции «Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика». – 2016. – С. 11–13.

346. Бурмагин С. В. О влиянии решений Европейского суда по правам человека на уголовное судопроизводство России // Российское правосудие. – 2016. – № 3. – С. 91.

347. Бурмагин С. В. Соответствие приговора суда внутреннему убеждению судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – Вып. 1 (15). – С. 13–20.

348. Бурмагин С. В. Разрешение судом уголовно-процессуального конфликта в досудебном производстве // Сб. матер. V Межд. науч.-практ. конференции «Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика». – 2017. – С. 26–28.

349. Быков Н. М. О праве судьи на особое мнение: продолжение темы // В. М. Быков, Н. С. Манова // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 45–48.

350. Величко А. Н. Профилактическая деятельность суда и ее место в системе предупреждения преступлений / А. Н. Величко, С. Н. Шатилович // Российский судья. – 2006. – № 1. – С. 13–18.

351. Вершинина С. И. О необходимости законодательного регулирования задач уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2015. – № 10. – С. 28–30.

352. Басова О. О. Предмет правосудия по уголовным делам // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2014. – Вып. 2. – С. 119–123.

353. Володина Л. М. Требование справедливости в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 5. – С. 217–225.

354. Володина Л. М. Проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Библиотека криминалиста. – 2016.– № 2 (25). – С. 49–66.

355. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства – целеполагающее направление уголовно-процессуальной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 11. – С. 31–35.

356. Волошин В. М. Неотвратимость и целесообразность уголовной ответственности несовершеннолетних // Российская юстиция. – 2007.– № 3 – С. 48–50.

357. Воскобитова Л. А. Выступление на экспертном семинаре «Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия». Цит. по Карнозова Л. М. Ме-

сто примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия (Экспертный семинар, проведенный сектором проблем правосудия Ин-та гос-ва и права РАН совм. с Общественным центром «Судебно-правовая реформа» // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 115–123.

358. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Философские науки. – 2014. – № 10. – С. 37–46.

359. Воскобитова Л. А. Реформа уголовного судопроизводства продолжается: знать бы направление // Вестник юрид. фак-та Южного фед. ун-та. – 2014. – № 2 (2). – С. 73–79.

360. Гавриленков С. А. Юридическое содержание вины и виновности в уголовном законе РФ // Вестник Том. гос. ун-та. Право. – 2014. – № 2 (2). – С. 39–46.

361. Голиков К. Н. Независимость судей и пути ее укрепления // Российское правосудие. – 2014. – № 7 (99). – С. 86–91.

362. Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. – 2003. – № 5.

363. Головко Л. В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 41–51.

364. Головко Л. Блуждание в трех соснах (размышления о российской судебной реформе) // Неволя. – 2010. – № 22. – 105–109.

365. Головко Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юрид. фак-та Южного федер. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 75–80.

366. Головко Л. В. Спор об истине – это спор о векторе развития российского уголовного процесса // Судья. – 2014. – № 10. – С. 4–10.

367. Головко Л. В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия // Уголовный процесс. – 2017. – № 1. – С. 42–43.

368. Голубов И. И. Обвинительный приговор без назначения наказания / И. И. Голубов, К. И. Попов // Научные труды. Рос. акад. юрид. наук. Н-34.– Вып. 5. – В 3-х т. Т. 3.– М., 2005. – С. 254–258.

369. Горбунова Н. А. Приговор: содержание и порядок постановления / Н. А. Горбунова, А. Х. Никулина // Уголовный процесс. – 2015. – № 12. – С. 38–45.

370. Горобец В. Законность, обоснованность и справедливость приговора в условиях состязательного процесса // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 37–39.

371. Горшенин А. А. Возможно ли освобождение от уголовной ответственности на основании обвинительного приговора суда без назначения наказания? // Российский судья. – 2011. – № 12. – С. 20–22.

372. Горшенин А. А. Освобождение от наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 1. – С. 13–15.

373. Гранина М. А. Проблемы внедрения ювенальных технологий в Российском судопроизводстве (по материалам Усть-Илимского городского суда) // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям: материалы I регион. науч.-практ. конференции., г. Усть-Илимск, 24 апр. 2014 г., Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – С. 21–30.

374. Григорьев А. И. Тайна совещательной комнаты: правовое регулирование и существенные нарушения уголовно-процессуального закона // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 6 (11). – С. 218–220.

375. Громов Н. Законная сила приговора // Н. Громов, В. Конев, В. Николайченко // Российская юстиция. – 1998. – № 1. – С. 13–14.

376. Гуляихин В. Н. Проблема гуманизации российской системы правовой ресоциализации // Российская юстиция. – 2013. –№ 4. – С. 52–54.

377. Гуськова А. Проблемы ювенальной юстиции в России / А. Гуськова, Е. Ширшова // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 124–126.

378. Гуськова А. П. Функции ювенального судопроизводства / А. П. Гуськова, Л. В. Юрченко // Вестник ОГУ. – 2010. – № 3 (109). – С. 43–47.

379. Давыдов П. М. Обвинительный приговор без назначения наказания // Правоведение. – № 1. – С. 82–88.

380. Давыдов П. М. Обвинительный приговор – основная форма реализации уголовной ответственности // Процессуальные проблемы реализации уголовной ответственности: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1979. – С. 34–42.

381. Давыденко А. В. Перспективы введения восстановительного правосудия в российской правовой системе // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 59–63.

382. Давыденко А. В. К вопросу о ювенальной юстиции в Российской Федерации

// Российская юстиция. – 2014. – № 5. – С. 30–34.

383. Давыденко А. В. Актуальность применения в Российской Федерации института медиации // Российский судья. – 2015. – № 2. – С. 14–17.

384. Данелян Р. С. Освобождение от наказания в связи с изменением остановки – акт поощрения / Р. С. Данелян, С. В. Данелян //Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. сб. науч. тр. – М., 2014. – С. 44–49.

385. Дворецкий М. К вопросу о видах уголовной ответственности // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 40–44.

386. Джаноян Г. Р. Справедливость судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2009. – № 4. – С. 92–95.

387. Джатиев В. Особое мнение судьи // Советская юстиция. – 1993. – № 15. – С. 22.

388. Дикарев И. С. Применение требований главы 50 УПК России по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 90–93.

389. Дикарев И. С. Процессуальный порядок постановления приговора нуждается в совершенствовании / Законность. – 2009. – № 3. – С. 42–44.

390. Дикарев И. С. Механизмы обеспечения единства судебной практики в уголовном процессе // Власть. – 2011. – № 8. – С. 148–151.

391. Дикарев И. С. Особое мнение судьи: вопрос о правовых последствиях // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 58.

392. Дорошков В. В. К вопросу о стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI веке // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI веке // матер. V Межд науч.-практ. конференции. – М.: РГУП, 2017. – С. 39–53.

393. Дорошков В. В. Правосудие для большинства населения всегда связывалось с вынесением справедливого приговора // Уголовный процесс. – 2014. – № 12. – С. 26–29.

394. Дубровин В. В. Амнистия в уголовном судопроизводстве России: правовое регулирование // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 5 (16). – С. 129–136.

395. Дюрягин И. Освобождение от уголовной ответственности и наказания / И. Дюрягин, А. Прошляков // Советская юстиция. – 1990. – № 18. – С. 13–15.

396. Дядькин Д. Уголовно-правовые проблемы применения ч. 6 ст. 15 УК РФ // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 22–29.

397. Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность и уголовно-правовое воздей-

ствие // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 6 (11). – С. 96–116.

398. Ершова Н. С. Итоговые уголовно-процессуальные решения суда первой инстанции, выносимые при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе России // Законодательство. – 2012. – № 8. – С. 80–84.

399. Журавлев М. Понятие уголовной ответственности и форм ее реализации / М. Журавлев, Е. Журавлева // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 28–31.

400. Загорский Г. И. Обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания // Российское правосудие. – 2013. – № 7 (87). – С. 83–86.

401. Загорский Г. И. Развитие уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // Судья. – 2017. – № 4. – С. 15–19.

402. Зажицкий В. И. Нужны ли уголовному процессу задачи? // Российская юстиция. – 2011. – № 4. – С. 22–26.

403. Звечаровский И. О мерах уголовно-правового характера, не предусмотренных уголовным законом / И. Звечаровский, А. Иванов // Уголовное право. – 2014– № 4. – С. 33–36.

404. Звечаровский И. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 92 УК РФ) // Уголовное право. – 2016. – № 2. – С. 35–39.

405. Зер Х. Восстановительное правосудие, медиация и альтернативное разрешение споров // Вестник восстановительной юстиции. – 2015. – № 12. – С. 10–11.

406. Зинатуллин З. З. Предмет уголовного судопроизводства и правосудие / З. З. Зинатуллин, Ф. А. Абашева // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 2. – С. 38–40.

407. Зиновьев А. Можно ли приговором освободить от уголовной ответственности? // Уголовное право. – 2008.– № 5. – С. 78–79.

408. Зиновьев А.С. О возникающих на практике сложностях при постановлении приговоров с освобождением от наказания и без назначения наказания // Российское правосудие. – 2008. – № 10 (30). – С. 49–54.

409. Зиновьев А. С. Статья к проблеме вынесения приговора без назначения наказания // Российский судья. – 2006. – № 9. – С. 25–27.

410. Зыков Д. А. Понятие, формы и методы уголовно-правовой политики / Д. А. Зыков, А. В. Шеслер, С. С. Шеслер // Вестник Владим. юрид. ин-та. – 2014. – № 1(30). – С. 86–92.

411. Иванов А. Л. Практика освобождения от наказания несовершеннолетних с

применением принудительных мер воспитательного воздействия // Известия Тульского гос. ун-та. Экономика и юридические науки. – 2016. – № 1–2. – С. 177–182.

412. Ивенский А. И. Многоосновная классификация приговоров / А. И. Ивенский, А. В. Орлов // Российский судья. – 2006. – № 6. – С. 8–11.

413. Иоффе О. С. Вина и ответственность по советскому праву / О. С. Иоффе // Советское государство и право. – 1972. – № 9. – С. 34–43.

414. Исакова Т. В. Восстановительное правосудие: проблемы правоприменения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – Иркутск, 2013. – Вып. 1 (4). – С. 46–51.

415. Искендеров Р. Справедливость – важное требование к приговору // Советская юстиция. – 1988. – № 7. – С. 15.

416. Калиновский К. Б. Актуальные проблемы назначения уголовного наказания в судебной практике. Размышления о проектах Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» / К. Б. Калиновский, Е. Н. Рахманова // Российский судья.– 2016. – № 4. – С. 48–53.

417. Калугин А. Прекращение уголовного дела в ходе судебного разбирательства с освобождением подсудимого от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // А. Калугин, Д. Токманцев // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 94–98.

418. Карнозова Л. М. На пути к новой парадигме уголовной юстиции // [электронный доступ]: http://index.org.ru/journal/18/18-karnoz.html (дата обращения: 8.04.2018).

419. Карнозова Л. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России / Л. Карнозова, Р. Максудов, Р. Флямер // Российская юстиция. – 2000. – № 11. – С. 42–44.

420. Качалова О. В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2014. – № 1. – С. 8– 10.

421. Качалова О. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство как принцип современного российского уголовно-процессуального права // Российский судья. – 2014. – № 6. – С. 11–15.

422. Качалова О. В. Правовые позиции Европейского суда по правам человека: уголовно-процессуальный аспект // Российской правосудие. – 2015. – № 4 (108). – С. 98–103.

423. Качалова О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму ма-

териального права // Юридическая наука и практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 109–112.

424. Качалова О. В. С. Критерии справедливости уголовного судопроизводства // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: мат-лы всерос. науч.-практ. конференции. 20-21 марта 2015 г. – СПб., 2016. – С. 152–162.

425. Качалова О. В. Современное российское уголовное судопроизводство: пути оптимизации // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 95–98.

426. Качалова О. В. Рационализация производства по уголовным делам: требования времени // Судья. – 2017. – № 4. – С. 29–33.

427. Качалова О. В. О судебном приговоре: анализ ключевых положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 1 (15). – С. 69–73.

428. Качалова О. В. Обвинительный приговор в отношении умершего: можно ли покарать усопшего? // Уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 8.

429. Кириллова Н. П. Некоторые проблемы реализации уголовно-правовых норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания // Вестник СПб. ун-та. – 2010. – Сер.14.– Вып.1. – С. 84–93.

430. Кленова Т. В. Преступление и наказание: недостатки консеквенциальной трактовки // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 6 (29). – С. 50–56.

431. Кленова Т. В. Мировому судье о правосознании, правовой культуре и квалификации преступлений // Мировой судья. – 2016. – № 12. – С. 14–19.

432. Кобозева Т. Ю. Проблема ответственности в уголовном праве: социально-правовая характеристика категории уголовная ответственность // Российская юстиция. – 2007. – № 4. – С. 25–31.

433. Козубенко Ю. В. К вопросу о двусторонней координации процессуальных и материальных отраслевых конструкций в механизме уголовно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 10. – С. 1298–1309.

434. Козубенко Ю. В. Об основаниях постановления обвинительного приговора без назначения наказания // Российский юридический журнал. – 2014. – № 4 (97). – С. 76–93.

435. Козубенко Ю. В. Основания освобождения от наказания при постановлении обвинительного приговора // LEX RUSSICA. – 2014. – № 12. – С. 1430–1442.

436. Коваленко Т. С. Уголовное правосудие России: на перекрестке двух дорог //

Российское правосудие. – 2017. – №7 (135). – С. 102–109.

437. Колоколов Н. А. 25 лет Концепции судебной реформы: утраченные иллюзии // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 4. – С. 3–7.

438. Кондрат И. Н. Правозащитное назначение российского уголовного судопроизводства и социальная деятельность государства // Законодательство. – 2013. – № 5. – С. 74–80.

439. Кондрат И. Н. Защита прав человека как системообразующая мера уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. – № 6. – С. 31–34.

440. Конин В. В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 43.

441. Коробов П. Освобождение от наказания: теория и практика // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 30–34.

442. Коробов П. В. Природа норм о давности совершения преступления // Российский судья – 2009. – № 11. – С. 8–11.

443. Коробов П. О первоначальной индивидуализации уголовной ответственности // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 35–41.

444. Коршунов А. О существующих противоречиях УК и УПК / А. Коршунов, Р. Забавко // Законность. – 2016. – № 1 (975). – С. 52–56.

445. Костылева О. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки: современные тенденции правоприменения // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2. – С. 282–290.

446. Кравчук Н. В. Правосудие, дружественное к детям: основные принципы и их трактовка международными органами защиты прав человека // Российское правосудие. – 2018. – № 5 (145). – С. 17–26.

447. Крашенинников С. В. Сущность дефиниции в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 28–31.

448. Кристи Н. Без наказания // Неволя. – 2005. – № 4. – С.4–13.

449. Кристи Н. Правосудие и современное развитие // Неволя. – 2015. – № 43. – С. 43–50.

450. Кристи Н. Конфликты как собственность // [электронный доступ]: http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/08/Нильс-Кристи.-Конфликты-как-собственность. pdf

(дата обращения: 5.04.2018).

451. Кудрявцев В. Л. Назначение уголовного судопроизводства: теоретико-прикладной аспект // Российский судья. – 2008. – № 11. – С. 22–24.

452. Кузнецова Н. В. Виды обвинительных приговоров, основания их постановления, взаимосвязь с судимостью и множественностью преступлений // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: матер. Всерос. науч.-практ. конференции, посвящ. 95-летию Башкирского гос. ун-та. Ч. I. – Уфа: РИО БашГУ, 2004 // [электронный доступ]: http://www.kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20042/ kuznesova.htm (дата обращения: 16.04.2011).

453. Куликова С. Л. Тайна совещательной комнаты – гарантия законного, обоснованного и справедливого приговора / С. Л. Куликова, В. Е. Степенко // Закон и право. – 2006. – № 11. – С. 20–22.

454. Кульман А. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовным наказаниям – уроки истории / А. Кульман, Х. Кури // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 126–149.

455. Куприянов А. А. Уголовное преследование умерших породит путаницу // Уголовный процесс. – 2013. – № 1. – С. 8.

456. Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 59–63.

457. Кури Х. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт / Х. Кури, О. Ю. Ильченко // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 120–129.

458. Курченко В. Психолого-юридические аспекты назначения наказания // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 120–121.

459. Курченко В. Давность уголовного преследования: коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства / В. Курченко, А. Прошляков // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 131–132.

460. Куссмауль Р. Момент истечения сроков давности в УК РФ установлен верно // Российская юстиция. – 2001. – № 1. – С. 67.

461. Куцова Э. Ф. Приговор и его качества по УПК РФ // Законодательство. – 2009. – № 12. – С. 58–74.

462. Лазарева В. А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // LEX RUSSICA (научные труды МГЮА). – 2010. – Том LXIX, № 3. – С. 540–550.

463. Лазарева В. А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе России // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6-8 окт. 2010 года / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – М.: ЗАО «Актион-Медиа», 2012. – С. 71–77.

464. Лазарева В. А. Производство по делам несовершеннолетних в РФ: на пути в ювенальной юстиции / В. А. Лазарева, Л. А. Шестакова // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 3. – С. 76–84.

465. Леженникова И. М. Дружественное к ребенку правосудие в системе правосудия Российской Федерации: новый взгляд на ювенальную юстицию // Российская юстиция. – 2015. – № 4. – С. 49–51.

466. Лобанова Л. В. Развитие института освобождения от уголовной ответственности и презумпция невиновности // Вестник ВолГУ. – Серия 5. – Юриспруденция. – 2016. – Т. 15, № 4 (33). – С. 206–211.

467. Левеев Ю. Е. Реализация принципа справедливости при принятии уголовно-процессуальных решений // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 4. – С. 25–26.

468. Левинова Т. А. Истечение сроков давности уголовного преследования в стадии судебного разбирательства: парадоксы юридической техники // Российская юстиция. – 2009. – № 10. – С. 62–64.

469. Липинский Д. Виновность деяния – общий принцип юридической ответственности // Законность. – 2015. – № 4. – С. 37–41.

470. Лисицин Р. Д. Значение для суда предложения государственного обвинителя о назначении наказания // Законность. – 2010. – № 9. – С. 48–50.

471. Лукайдес Лукис Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Российская юстиция. – 2004. – № 3. – С. 8–20.

472. Люблинский П. И. Процесс, как судебный порядок и процесс, как правоотношение // Журнал Министерства юстиции. – 1917. – № 1. – С. 237–264.

473. Лютынский А. М. Стандарты доказанности по уголовному делу // Российское правосудие. – 2015. – № 10 (114). – С. 101–106.

474. Ляхов Ю. А. Правовая неопределенность и права личности в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 60–61.

475. Майорова Л. В. Ревизия решений по уголовным делам / Л. В. Майорова, М. Финке // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. по матер. Межд. науч.-практ. конференции, посв. 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева. – СПб., 2015. – С. 164–170.

476. Мазюк Р. В. Судебный штраф // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 132.

477. Мазюк Р. В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 4 (18). – С. 76–84.

478. Максимихина Ю. О. Производство по уголовным делам в отношении умерших: анализ проекта федерального закона // Вестник СамГу. – 2013. – № 5 (106). – С. 209–215.

479. Максимихина Ю. О. Особенности производства по уголовному делу в отношении умершего // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 3 (26). – С. 55–59.

480. Максудов Р. Восстановительное правосудие // Неволя. – 2005. – № 4. – С. 49–61.

481. Малышева Ю. В. Право на справедливое судебное разбирательство в практике европейского Суда по правам человека // Российский судья. – 2016. – № 8. – С. 55–60.

482. Мальцев В. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Российская юстиция. – 2005. – №11. – С. 20–22.

483. Мальцев В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 23–26.

484. Марковичева Е. В. Восстановительное правосудие в контексте целерантного производства // [электронный доступ]: // http://www.iuaj.net/node/435 (дата обращения: 7.04.2018).

485. Марковичева Е. Механизм применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 126–128.

486. Марковичева Е. В. Актуальные проблемы современной уголовно-процессуальной политики // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: матер. V Межд. науч.-практ. конф, посвящ. 90-летию Верховного суда Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, 3-4 окт. 2013 г). / науч. ред. Э. Л. Раднаева, Улан-Удэ,

2013. – С. 176–179.

487. Марковичева Е. В. О примирении сторон в современном российском уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста . – 2016. – № 5. – С. 281–286.

488. Масленникова Л. Н. Требования к стратегии развития уголовно-процессуального права современной России // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI веке: матер. V межд. науч.-практ. конференции. 10-11 нояб. 2016 г. (г. Москва). – М.: РГУП, 2017. – С. 68–79.

489. Маслов И. В. Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: как исполнять решение Конституционного Суда Российской Федерации // Уголовный процесс. – 2012. – № 5. – С. 48–52.

490. Махов В. Н. Элементы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве Элементы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве / В. Н. Махов, А. С. Василенко, Л. В. Чебуханова //Вестник Пермского ун-та: Серия «Юридические науки». – 2017. – № 35. – С. 107–121.

491. Медведева С. В., Восстановительное правосудие – краткий экскурс / С. В. Медведева, О. М. Дементьев // SCIENCE TIME. – 2014. – № 7. – С. 254–260.

492. Мезинов Д. А. О соотношении понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса // Вестник Томского гос. ун-та. – 2010. – № 340. – С. 129–131.

493. Мельникова Э. Будет ли в России ювенальная юстиция? // Российская юстиция. – 1998. – № 11. – С. 38–40.

494. Милюков С. Ф. Изучение личности обвиняемого – необходимое условие обоснованности и мотивированности приговора // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 92–97.

495. Михайлов А. Н. Процессуальная форма принятия решения об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки // Бизнес в законе. –2009. – № 1. – С. 197–199.

496. Михайлов К. Обвинительный приговор без назначения наказания: освобождение от уголовной ответственности или от наказания? // Уголовное право. – 2009. – № 2. – С. 42–45.

497. Михайловская И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 2–4.

498. Морщакова Т. Г. К дискуссии о восстановительном правосудии // Неволя. –

2005. – № 4. – С. 25–34.

499. Мурадов Э. С. Вина, виновность, общественная опасность / Э. С. Мурадов, П. С. Яни // Вестн. Акад. Ген. Прокуратуры РФ. – 2007. – № 1(1). – С. 13–18.

500. Назаров А. Д. Прогнозирование, выявление, устранение и предупреждение ошибок в уголовном судопроизводстве: уголовно-политический подход // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3. – С. 275–284.

501. Назаров А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9. – С. 149–154.

502. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона и нарушениями его запретов / А. Д. Назаров, Л. В. Майорова // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 4. –С. 27–33.

503. Неретин Н. Н. Изучение личности обвиняемого при производстве предварительного следствия в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 1. – С. 17–18.

504. Нерсесян А. Личность преступника и наказуемость // Советская юстиция. – 1990. – № 13. – С. 5–7.

505. Николюк В. В. Совершенствование правового регулирования устранения судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора // Российское правосудие. – 2017. – № 6 (134). – С. 83–90.

506. Носкова Е. В. О внедрении медиативных техник в осуществление правосудия по делам несовершеннолетних // Уголовная юстиция. – 2015. – № 1 (5). – С. 49.

507. Овсянников И. Установление возможности исправления несовершеннолетнего без применения уголовного наказания: право или обязанность? // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 135–138.

508. Овсянников И. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 113–120.

509. Овчинников Ю. Г. Назначение уголовного судопроизводства (цель или задачи): научные взгляды на проблему // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3 (20). – С. 146–152.

510. Ожиганова М. В. Восстановительное правосудие как альтернативная форма

уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Уголовная юстиция. – 2013. – № 2 (2). – С. 38–40.

511. Панокин А. М. Несправедливость приговора как основание отмены или изменения судебного решения, не вступившего в законную силу // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 3 (26). – С. 103–109.

512. Панькина И. Ю. К вопросу о моделях ювенального правосудия // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации: матер. Всерос. науч.-практ. конференции / Вост. Сиб. фил. ФГБОУ ВПО «РАП». – Иркутск, 2012. – С. 69–72.

513. Панько Н. К. Независимость судей: путь от Конституции РФ до УПК РФ // Судебная власть и уголовный процесс. – 2013. – № 2. – С. 25–28.

514. Парфенов В. Н. Назначение уголовного судопроизводства как гарантия права и законных интересов участников уголовного процесса // Российский судья. – 2009. – № 10. – С. 24–27.

515. Пашин С. Флюгер судебной реформы // Неволя. – 2003. – № 18. [электронный доступ]: http://index.org.ru/journal/18/18-pashin.html (дата обращения: 7.04.2018).

516. Петров А. Мотивированность как гарантия законности и обоснованности // Законность. – 2014. – № 2. – С. 3–4.

517. Писаревский И. И. Соотношение познания и доказывания при определении наказания и проблема качества приговоров // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3. – С. 143–151.

518. Писаревский И. И. Проблема учета в приговоре доводов сторон в контексте права на справедливое судебное разбирательство // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 25–30.

519. Писаревский И. И. Особый порядок как институт, не имеющий аналогов в истории российского уголовного процесса // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. – № 404. – С. 169–173.

520. Пиюк А. В. Ценности и приоритеты современного уголовного судопроизводства Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 67. /отв ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович, под ред. О. И. Андреевой, И. В. Чадновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – С. 41–45.

521. Платек М. Восстановительное правосудие – теория, порожденная практикой

// Неволя. – 2005. – № 4. – С. 63–80.

522. Подольный Н. А. Справедливость – нравственная ценность уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. – 2013.– № 3. – С. 166–179.

523. Подольный Н. А. Концептуализация принципа справедливости в уголовном процессе / Н. А. Подольный, Е. А. Коваль // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 6 (17). – С. 157–164.

524. Попов В. Т. Справедливость судебных решений // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства: сб. науч. ст. / под общ. и науч. ред. О. В. Гладышевой и В. А. Семенцова. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2014. – С. 188–191.

525. Попов К. И. Обвинительный приговор без назначения наказания – миф или реальность? // Правовые проблемы развития социальной сферы в Российской Федерации. Доклады и сообщения V Межд. конференции, г. Москва, 14 апр. 2005 г. – М.: Изд-во РГУ, 2005. – С. 365–371.

526. Попова И. П. Практический смысл вынесения обвинительного приговора без назначения наказания // Уголовный процесс. – 2010. – № 6. – С. 70–73.

527. Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном процессе // ГлаголЪ правосудия. – 2011. – № 1 (2). – С. 55–59.

528. Попова И. П. Основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном процессе // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации: мат-лы всерос. науч.-практ. конференции. – Иркутск: Восточно-Сибирский филиал ФГБОУ ВПО «РАП», 2012. – С. 109–113.

529. Попова И. П. Вопросы, разрешаемые судом при постановлении обвинительного приговора // Экономика, социология и право: новые вызовы и перспективы: матер. IX межд. науч.-практ. конференции. 9–10 июля 2012.– Экономика, социология и право. – 2012. – № 7. – С. 112–115.

530. Попова И. П. Условия постановления и провозглашения приговора, предопределяющие его законность // Уголовный процесс. – 2012. – № 8. – С. 28–35.

531. Попова И. П. Некоторые вопросы, возникающие при провозглашении приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. – Вып. 1 (4). – С. 84–92.

532. Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в россий-

ском уголовном процессе // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 1 (6). – С. 138–145.

533. Попова И. П. Особое мнение судьи по уголовному делу // – Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3 (20). – С. 165–170.

534. Попова И. П. Постановление приговора по Уставу уголовного судопроизводства // ГлаголЪ правосудия. – 2014. – № 2 (8). – С. 37–42.

535. Попова И. П. Ювенальные технологии: за и против // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям: материалы I регион.науч.-практ. конференции, г. Усть-Илимск, 24 апр. 2014 г. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – С. 6–12.

536. Попова И. П. Некоторые особенности постановления приговора по уголовным делам в отношении несовершеннолетних подсудимых // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям: мат-лы I регион. науч.-практ. конференции. г. Усть-Илимск. 24 апр. 2014 г. – Иркутск, Изд-во БГУЭП, 2015. – С. 85–95.

537. Попова И. П. Тайна совещания судей в российском уголовном процессе // Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы XV межд. науч.-практ. конференции. Науч. тр. Российская академия юридических наук. – Вып. 15. – М., 2015. – С. 1207–1211.

538. Попова И. П. Требования, предъявляемые к приговору, как акту правосудия в российском уголовном судопроизводстве // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-в 20-й межд. науч.-практ. конференции. – Иркутск, 2015. – С. 219–224.

539. Попова И. П. Понятие и значение обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сб. мат-в межд. науч.-практ. конференции. – Саратов, 2015. – С. 146–156.

540. Попова И. П. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – Вып. 1 (7). – С. 50–60.

541. Попова И. П. Некоторые вопросы порядка постановления обвинительного приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – Вып. 2 (8). – С. 56–65.

542. Попова И. П. Нравственные начала постановления обвинительного приговора // Уголовное судопроизводство: процессуальная теория и криминалистическая практика: мат-лы IV межд. науч.-практ. конференции. 28–29 апр. 2016 г. г. Симферополь–

Алушта. – С. 74–76.

543. Попова И. П. Справедливое правосудие // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 2. – С. 7–13.

544. Попова И. П. «Игры разума» в уголовном процессе: кто в выигрыше? // Мировой судья. – 2016. – № 8. – С. 27–33.

545. Попова И. П. Заочное судебное разбирательство: актуальные проблемы теории практики // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – Т. 2, № 3. – С. 92–98.

546. Попова И. П. Форма и содержание обвинительного приговора как итогового решения по уголовному делу // III Московский юридический форум. Межд. науч.-практ. конференции, посв. 95-летию профессора П. А. Лупинской «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты» (г. Москва. Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 8 апр. 2016 г.: мат-лы конференции. / отв. ред. С. Б. Россинский. – М.: Оригинал-макет, 2016. – С. 371–375.

547. Попова И. П. Обвинительный приговор как итог разрешения уголовно-правового конфликта // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика (Конфликты и конфликтные ситуации в досудебном производстве по уголовному делу и в суде; Особенности преподавания уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная практика): Сб. матер. всерос. науч.-практ. конференции. (57-е криминалистические чтения). – М.: Академия управления МВД России, 2016. – С. 790–796.

548. Попова И. П. Проблемы постановления обвинительного приговора // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / науч. ред. М. К. Свиридов, О. И. Андреева; отв. ред. И. В. Чаднова. – Томск: Издат. дом Томского гос. ун-та, 2016. – Ч. 71. – С. 203–209.

549. Попова И. П. Справедливость приговора в российском уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. – 2017. – № 5 (133). – С. 79–84.

550. Попова И. П. Постановление приговора: проблемы теории и практики: основные результаты проведения 30 ноября – 01 декабря 2016 года всероссийской научно-практической конференции с международным участием юридическим институтом Байкальского государственного университета / И. П. Попова, И. Г. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 3. – С. 633–642. – DOI:

0.17150/2500-4255.2017.11(3).633-642.

551. Попова И. П. Понятие обвинительного приговора без назначения наказания // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сб. мат-в 22 межд. науч.-практ. конференции. –В 2 т. – Т. I. –Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. – С. 278–283

552. Попова И. П. Правовая природа и основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 157–161.

553. Попова И. П. Реализация принципов уголовного судопроизводства при постановлении обвинительного приговора // Совершенствование средств реализации и применения права: общетеоретические и отраслевые аспекты: мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конференции. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. – С. 812–819.

554. Попова И. П. Актуальные проблемы постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – Вып. 4 (18). – С. 107–114.

555. Попова И. П. Методологическая основа обвинительного приговора без назначения наказания // Современные проблемы защиты прав человека в судебной и прокурорской деятельности: матер. Всерос. науч.-практ. конференции. (Екатеринбург, 20–21 апр. 2017 г.). – Екатеринбург, 2017. – В 2-х ч.– Ч. 2. – С. 68–76.

556. Попова И. П. Правовая природа обвинительного приговора без назначения наказания // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / науч. ред. О. И. Андреева, Т. В. Трубникова; отв. ред. И. В. Чаднова. – Томск: Издат. дом Томского гос. ун-та, 2018. – Ч. 75. – С. 231– 237.

557. Прозументов Л. М. Вопросы практики применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ / Л. М. Прозументов, Д. В. Карелин // Вестник Томского гос. ун-та. – 2011. – № 347. – С. 110–113.

558. Прозументов Л. М. Применение судами ювенальных технологий по делам о преступлениях несовершеннолетних / Л. М. Прозументов, Д. В. Карелин // Судья. – 2014. – № 6. – С. 28–31.

559. Прозументов Л. М. Ювенальные технологии в практической деятельности

судов по делам о преступлениях несовершеннолетних / Л. М. Прозументов, Д. В. Карелин // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: материалы V Межд. науч.-практ. конф, посвящ. 20-летию Бурятского гос. ун-та (Иркутск, Улан-Удэ, 22-25 сент. 2015 г). / науч. ред. Э. Л. Раднаева, М. Н. Садовникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. – С. 162–165.

560. Пучковская М. Е. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства / М. Е. Пучковская, С. В. Березиков // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 30 /под ред. М. К. Свиридова. – Томск: изд-во Томского ун-та, 2006. – С. 11–14.

561. Разяпова Л. М. Постановление полной версии приговора после его оглашения // Вестник Удмуртского ун-та. 2016. – Т. 26, Вып. 5. – С. 137–141.

562. Решетняк В. Принятие судами решений об изменении категории преступления на менее тяжкую // Законность. – 2016. – № 9. – С. 38–41.

563. Ринчинова А. К. Модели восстановительного правосудия для судов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: матер. V Межд. науч.-практ. конференции, посвящ. 20-летию Бурятского гос. ун-та (Иркутск, Улан-Удэ, 22-25 сент. 2015 г). / науч. ред. Э. Л. Раднаева, М. Н. Садовникова. – Улан-Удэ, 2015. – С. 176–180.

564. Романов С. В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре»: научный комментарий // Закон. – 2017. – № 2. – С. 75–82.

565. Ротькин В. Ф. Развитие дружественного к детям правосудия в Архангельской области // Актуальные проблемы развития российской правовой науки: матер. Всерос. науч.-практ. конференции, посвящ. 150-летию Судебной и Земской реформ 1864 года (Архангельск, 30-31 окт. 2014 г., ред.-сост. С. В. Бурмагин. – Архангельск 2015. – С. 142–146.

566. Рыжаков А. П. Новое основание прекращения уголовного дела и последствия его введения // Уголовный процесс. – 2016. – № 10. – С. 52.

567. Рукавишникова А. А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе России // Человек. – 2015. – № 1. – С. 98–102.

568. Русман Г. Изменение категории преступления: проблемы правоприменения и

обратная сила уголовного закона // Уголовное право. – 2012. – № 5. – С. 43–45.

569. Рябцева Е. В. Особое мнение судьи при постановлении приговора по уголовному делу // Российский судья. – 2013. – № 3. – С. 44–46.

570. Рябцева Е. В. Правовая природа производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российское правосудие. – 2017. – № 4 (132). – С. 101–107.

571. Сагитдинова З. И. Проблемность применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // LEX RUSSICA. – 2006. – Т. LXV, № 1. – С. 179–182.

572. Сагитдинова З. И. Противоречивая судебная практика как следствие рассогласованности нормативных предписаний УК РФ и УПК РФ (на примере института давности преступления) // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 1 (97). – С. 80–84.

573. Серов Д. О. Петр I как судебный деятель // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология. – 2007. – Т. 6, № 1. – С. 28–34.

574. Садовникова М. Н. Методические рекомендации по внедрению модели восстановительного правосудия для судов: метод. пособие / М. Н. Садовникова, А. А. Кровушкина. – Иркутск, 2015. – 84 с.

575. Сауляк О. П. Дилемма в уголовно-процессуальном законодательстве: состязательность процесса или законность приговора?// Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 1. – С. 11–12.

576. Свиридов М. К. Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского гос. ун-та. – 2012. – № 357. – С. 139–142.

577. Семененко М. Э. О расширении полномочий прокурора в судебных прениях // Образование и право. – 2014. – № 9 (61). – С. 197–203.

578. Сесар К. Карательное отношение общества: Реальность и миф // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 162–171.

579. Симанчева Л. В. Родственники умершего обвиняемого под судимого как субъекты уголовного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. – Ч. 67 / отв. ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович; под ред. О. И. Андреевой, И. В. Чадновой. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2015. – С.46–51.

580. Скоблик К. В. Гносеология российского уголовного процесса и критерии ее

выбора // Известия Байкальского гос. ун-та. – 2017. – № 2. – С. 246–256.

581. Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Том. гос. ун-та. – 2011. – № 350. – С. 132–136.

582. Смирнова И. Г. Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 200–205.

583. Смирнова И. Г. К вопросу о некоторых тенденциях развития уголовно-процессуальной политики: заметки на полях // Библиотека криминалиста.– 2014. – № 3. – С. 285–290.

584. Смолькова И. «Свидетельский иммунитет» судей. К вопросу о тайне совещательной комнаты // Российская юстиция. – 1998. – № 5. – С. 4–5.

585. Смолькова И. В. Восстановительное правосудие как основа для создания ювенальной юстиции в Российской Федерации / И. В. Смолькова, Т. В. Исакова // Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних: материалы 3-й межд. науч. практ. конференции, Улан-Удэ, 16-18 сент. 2011 г.– Улан-Удэ, 2012. – С. 28–30.

586. Смолькова И. В. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве / И. В. Смолькова, Н. С. Пахолкин // Известия ИГЭА. – 2012. – № 3 (83). – С. 131–135.

587. Смолькова И. В. Возникновение и становление российского ювенального уголовного судопроизводства // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям: материалы I регион.науч.-практ. конференции., г. Усть-Илимск, 24 апр. 2014 г. – Иркутск, 2015. – С. 48–54.

588. Смолькова И. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве / И. В Смолькова, Р. В. Мазюк // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 156–169.

589. Смолькова И. В. Обвинительный приговор без назначения наказания в отношении несовершеннолетнего: понятие, значение и правовые последствия / Смолькова И. В., Попова И. П. // Академический юридический журнал. – 2018. – № 1 (71). – С. 45–50.

590. Соболева Л. А. Ювенальная юстиция как основа системной помощи несовершеннолетнему, находящемуся в трудной жизненной ситуации // Российская юстиция.

– 2009. – № 2. – С. 9–13.

591. Соловьева Н. А. Терминологическая проблема определения восстановительного правосудия / Н. А. Соловьева, В. М. Шинкарук // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 5. – Юриспруд. – 2013. – № 3 (20). – С. 104–108.

592. Сотсков Ф. Н. О равных правах, но неравных возможностях сторон на стадии прений в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. – С. 64–65.

593. Стойко Н. Г. Новое уголовно-процессуальное право России и проект Уголовно-процессуального кодекса РФ // Российский бюллетень по правам человека. – М., 2000. – Вып. 13. – С. 84–88.

594. Стойко Н. Г. Современная уголовная политика и уголовный процесс: стратегический подход и его реализация // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3. – С. 291–298.

595. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. – 1979. – № 5.– С. 72–78.

596. Строгович М. С. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Советское государство и право. – 1983.– № 2. – С. 70–76.

597. Тарасов А. А. Судейское усмотрение и мотивированность приговоров / А. А. Тарасов, А. Р. Шарипов // Вестник СамГУ. – 2014.– № 11/2 (122). – С. 206–211.

598. Терентьева В. А. Гуманизм и экономия мер уголовной репрессии как принципы реализации социальной функции института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания// Уголовная юстиция. – 2017.– № 9. – С. 28.

599. Тимошенко А. А. Справедливость как ценностный ориентир уголовного процесса // Российский журнал правовых исследований.– 2015. – № 3(4) – С. 151–157.

600. Ткачева Н. В. Социально-правовая сущность рассмотрения уголовных дел // Российское правосудие. – 2011. – № 6 (62). – С. 49–57.

601. Тронева В. Н. Развитие ювенальной юстиции в России: за и против // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации: матер. Всерос. науч.-практ. конференции. / Вост. Сиб. фил. ФГБОУВПО «РАП». – Иркутск, 2012. – С. 98–102.

602. Трофимова Г. А. Судебный штраф – альтернатива? // Российский судья. – 2017. – № 8. – С. 30–34.

603. Трубникова Т. В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Том. ун-та. – 2008. – № 315. – С. 127–133.

604. Узалов И. Д. Должен ли приговор суда быть мотивированным? // Уголовный процесс. – 2010. – С. 46–50.

605. Уткин В. А. Уголовные наказания в России: пенализация и судебная практика // Вестн. Кузбасс. ин-та. – 2015. – № 4 (25). – С. 117–121.

606. Фаргиев И. Оценка судом личности и поведения потерпевшего / И. Фаргиев, В. Широков // Российская юстиция. – 1996. – № 10. – С. 48.

607. Филимонов В. Д. Влияние распространенности преступления на размер уголовного наказания // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 185–186.

608. Филимонов В. Д. Основания уголовной ответственности // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 106–111.

609. Фильченко А. П. Юридическое значение смерти лица, совершившего преступление, в механизме прекращения правоотношения уголовной ответственности // Адвокат. – 2012. – № 10. – С. 25–32.

610. Хитрова О. В. Производство по уголовному делу в целях реабилитации умершего подозреваемого или обвиняемого: проблемы правового регулирования // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 4 (36). – С. 36–40.

611. Хырхырьян М. А. Постановление или приговор? // Уголовный процесс. – 2014. – № 5. – С. 9.

612. Чаплыгина С. С. Освобождение от наказания как альтернатива прекращению уголовного преследования // Закон и право. – 2014. – № 12. – С. 122–124.

613. Черненко Т. Г. Некоторые вопросы освобождения от наказания в связи с изменением обстановки / Т. Г. Черненко, И. В. Масалитина // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 1 (34). – С. 79–85.

614. Чурилов Ю. Ю. Проблемы реализации принципа презумпции невиновности в случае смерти обвиняемого // Законодательство и экономика. – 2008. – № 10. – С. 68–69.

615. Шагинян А. С. Уголовный процесс: оптимизация или неоправданное упрощение? Обзор круглого стола от 24.09.2015 / А. С. Шагинян, К. В. Скоблик // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 103–107.

616. Шамликашвили Ц. Что восстанавливает восстановительное правосудие? // Медиация и право. – 2010. – № 3. – С. 22–30.

617. Шестакова Л. А. Восстановительное правосудие как новая аналитическая парадигма // Вестник ТвГУ. Серия « Философия». – 2013. – Вып.4. – С. 60–67.

618. Шестакова Л. А. Концепция восстановительного правосудия как основа ювенальной юстиции // Юрид. вестн. Самарского ун-та. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 137–144.

619. Шилов Н. К. О практике работы ювенальных судов в Санкт-Петербурге // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям: материалы I регион.науч.-практ. конференции, г. Усть-Илимск, 24 апр. 2014 г. –Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – С. 21–30.

620. Юрченко Л. В. Некоторые проблемы развития восстановительного правосудия по делам несовершеннолетних // Российская юстиция. – 2009. – № 2. С. 14–17.

621. Юсупов М. Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 122–128.

622. Якимович Ю. К. Уголовная политика и уголовно-процессуальное законодательство // Вестник Том. гос. ун-та. Право. – 2014. – № 3 (13). – С. 84–88.

623. Яковлева Л. В. Медиация как альтернативная процедура в уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 7. – С. 138–142.

Диссертации. Авторефераты диссертаций

624. Акишин М. О. Судебная реформа Петра I: дис. … канд. юрид. наук / М. О. Акишин. – СПб., 2005. – 231 с.

625. Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. … канд. юрид. наук / О. Ю. Александрова. – Красноярск, 2005. – 194 с.

626. Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук / О. И. Андреева. – Томск, 2007. – 443 с.

627. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук /

А. А. Арутюнян.– М., 2012. – 262 с.

628. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. … д-ра юрид. наук / Р. Л. Ахмедшин.– Томск, 2006. – 413 с.

629. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. … д-ра юрид. наук / М. Т. Аширбекова. – Екатеринбург, 2009. – 483 с.

630. Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук / Л. М. Аширова. – Уфа. 2006. – 261 с.

631. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: дис. … д-ра юрид. наук / Ф. Н. Багаутдинов. – М., 2004.– 499 с.

632. Барабаш Ан. С. Публичное начало российского уголовного процесса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 49 с.

633. Барабаш Ал. С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета: автореф. … канд. .юрид. наук / Ал. С. Барабаш.– Екатеринбург, 2012. – 31 с.

634. Благов Е. В. Теория применения уголовного права: дис. … д-ра юрид. наук / Е. В. Благов. – СПб., 2005. – 415 с.

635. Бочкарев А. Е. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук / А. Е. Бочкарев. – Владимир, 2005. – 213 с.

636. Бунин К. А. Защита прав и законных интересов личности как назначение уголовного судопроизводства: автореф. … канд. юрид. наук / К. А. Бунин – Ростов-н/Д., 2011. – 27 с.

637. Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук / О. В. Волынская. – М., 2007. – 462 с.

638. Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук / О. Ю. Гай. – Саратов, 1999. – 179 с.

639. Годило Н. Н. Теоретические проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации: автореф. … канд. юрид. наук / Н. Н. Годило. – Ставрополь, 2004. – 29 с.

640. Гочияев М. К. Судебное следствие как объективная основа законности и

обоснованности приговора: дис. … канд. юрид. наук / М. К. Гочияев. – Краснодар, 2006. – 214 с.

641. Грамматчиков М. В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. …канд. юрид. наук / М. В. Грамматчиков.– Красноярск, 2002. – 195 с.

642. Гребнева Н. Н. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмета доказывания по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук / Н. Н. Гребнева. – Тюмень, 2006. – 220 с.

643. Гринева А. В. Понятие и виды судебных правовых позиций (вопросы теории): автореф. … канд. юрид. наук / А. В. Гринева.– М., 2008. – 25 с.

644. Гуськова А. П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики): дис. … д-ра юрид. наук / А. П. Гуськова. – Оренбург, 1997. – 388 с.

645. Данелян С. В. Освобождение от отбывания наказания в уголовном законодательстве Российской Федерации (теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты): дис. … канд. юрид. наук / С. В. Данелян. – Махачкала, 2006. – 180 с.

646. Евлоев Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования): автореф. … канд. юрид. наук / Р. М. Евлоев.– М., 2006. – 20 с.

647. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. … д-ра юрид. наук / А. В. Ендольцева. – М, 2005. – 396 с.

648. Ершова Н. С. Обоснованность итоговых уголовно-процессуальных решений суда первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук / Н. С. Ершова. – М., 2014. – 230 с.

649. Ефремова И. А. Освобождение от наказания в связи изменением обстановки по российскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук / И. А. Ефремова. – Саратов, 2005. – 203 с.

650. Жоголева Е. В. Изменение обстановки при производстве по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук / Е. В. Жоголева. – Екатеринбург, 2006. – 188 с.

651. Заблоцкий В. Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук / В. Г. Заблоцкий. – Иркутск, 1971. – 236 с.

652. Иванов П. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в уголовном праве: дис. …канд. юрид. наук / П. В. Иванов. – Ростов-н/Д., 2003. – 183 с.

653. Ивасенко К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дис. … канд. юрид. наук / К. В. Ивасенко. – М., 2014. – 265 с.

654. Ильницкая Л. И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук / Л. И. Ильницкая. – Краснодар, 2002. – 201 с.

655. Исакова Т. В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук / Т. В. Исакова. – Иркутск, 2009. – 216 с.

656. Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: дис. … д-ра юрид. наук / Ю.В. Козубенко. – Екатеринбург, 2018. – 505 с.

657. Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: автореф ... канд. юрид. наук / В. А. Константинова. – Томск, 2012. – 32 с.

658. Лепешев В. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания актом амнистии: дис. … канд. юрид. наук / В. А. Лепешев. – Красноярск, 2006. – 213 с.

659. Лобанова Л. В. Юридическая природа и процессуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. / Л. В. Лобанова.– Казань, 1986. – 17 с.

660. Попов А. П. Целеполагание в отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. … д-ра юрид наук / А. П. Попов. – Н. Новгород, 2006. – 44 с.

661. Рудич В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. … канд. юрид. наук / В. В. Рудич. – М., 2013. – 34 с.

662. Соболев А. В. Процессуальные последствия истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности: дис. … канд. юрид. наук / А. В. Соболев. – М., 2016. – 214 с.

663. Соловьев И. Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. Ф. Соловьев. – Воронеж, 1992. – 21 с.

664. Суханова Н. Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук / Н. Н. Суханова.– Иркутск, 2008. – 204 с.

665. Сычева О. Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук / О. Н. Сычева. – Н. Новгород, 2007. – 182 с.

666. Ткачев В. Н. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и восстановительное правосудие: дис. … канд. юрид. наук / В. Н. Ткачев. – Ростов-н/Д., 2002. – 197 с.

667. Трахов Р. А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук / Р. А. Трахов. – Краснодар, 2010. – 185 с.

668. Фадеева Е. И. Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам: автореф. … канд. юрид. наук / Е. И. Фадеева. – Челябинск, 2014. – 28 с.

669. Хабарова Е. А. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса: автореф. … канд. юрид. наук / Е. А. Хабарова. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

670. Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук / Р. Г. Хасаншина. – Казань, 2014. – 215 с.

671. Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: дис. … канд. юрид. наук / Л. А. Шестакова. – Самара, 2015. – 242 с.

672. Ширкин А. А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид наук / А. А. Ширкин. – Люберцы, 2015 – 30 с.

673. Шмарев А. И. Особый порядок судебного разбирательства (вопросы теории и практики): дис. … канд. юрид. наук / А. И. Шмарев.– Ижевск, 2004. – 226 с.

674. Юрасов А. Б. Основания прекращения уголовного дела в действующем российском законодательстве – анализ, перспективы развития: дис. … канд. юрид. наук / А. Б. Юрасов. – М., 2005. – 187 с.

Иностранные источники

675. Ashworth A. The criminal process. An evaluative study. Oxford, 1994. P. 34–35. Цит. по: Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. – С. 45–46.

676. Braithwaite, J. Foreword // Civilizing Criminal Justice: An International Restorative Agenda for Penal Reform / Cornwell D., Blad, J., and Wright, M. Hook, Hampshire, Great Britain: Waterside Press, 2013. P. 11–14. Цит. по Кульман А., Кури Х. Восстановительное

правосудие как альтернатива уголовным наказаниям – уроки истории // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 4. –С. 126–149.

677. Popova I. The secrecy of judge's conference and dissenting opinion during adjudgement of the sentence (на рус. яз.) / I. Popova // Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. – 2012. – Vol. 2. – P. 73–76.

Материалы судебной практики

678. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 1.04.2015 г. № 47-АПУ15-6сп [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 22.05.2018).

679. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22.03.2016 г. № 82-АПУ16-2 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ // http://www.vsrf.ru (дата обращения: 24.04.2017).

680. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.08.2016 г. № 1-АПУ16-11СП [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ // http://www.vsrf.ru (дата обращения: 12.05.2017).

681. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12.11.2003 г. № 53-о03-78 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 20.03.2018).

682. Кассационное определение Верховного суда РФ от 13.02.2009 г. по делу № 5-о08-275[Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 22.05.2018).

683. Кассационное определение Верховного суда РФ от 23.11.2012 г. по делу № 78-о12-50 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 22.05.2018).

684. Обзор апелляционной практики по уголовным делам за май 2013 года (подготовлен Верховным Судом Республики Коми) [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 23.05.2018).

685. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2004 г. [Электронный ресурс]// Официальный сайт Верховного Суда РФ // http://www.vsrf.ru (дата обращения: 17.10.2015).

686. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за I полугодие 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 10. – С. 12–13.

687. Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2012 г. № 52-О12-9 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 20.02.2018).

688. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11. – С. 42–48.

689. Ответы на вопросы, возникающие при применении судами постановлений Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24.04.2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов»: Утверждены президиумом Курганского областного суда 7.05.2015 г. // [электронный доступ]: http://oblsud.krg.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=236 (дата обращения:7.12.2017).

690. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2006 г. № 933-п05пр [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 21.02.2018).

691. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2006 г. № 32-П05ПР [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 21.02.2018).

692. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 248П11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 6. – С. 18.

693. Решение Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. по делу № АКПИ17-1008 [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2018 (дата обращения: 16.05.2018).

Решения Европейского суда по правам человека

694. Дело «Вулах против Российской Федерации (жалоба № 33468/03: постановление Страсбург, 10 янв. 2012 г. // [Электронный ресурс]: http://minjust.ru/ru/press/news/vulah-i-drugie-protiv-rossii-zhaloba-no-3346803 (дата обращения: 21.03.2016).

695. Дело «Силицкиене (Silickiene) против Литвы» (жалоба № 20496/02) постановление Страсбург, 10 апр. 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 10.

696. Дело «Лагардер (Lagardere) против Франции» (жалоба № 18851/07): постановление Страсбург, 12 апр. 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 10.

Приложение А

Сравнительные данные по результатам работы судов общей юрисдикции Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел за 2012–2017 гг.[1]

Таблица А.1 – Сравнительные данные по результатам работы судов общей юрисдикции Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел за 2012–2017 гг.

Показатель	**2012 г.**	**2013 г.**	**2014 г.**	**2015 г.**	**2016 г.**	**2017 г.**
осуждено (лиц)	**764263**	**755755**	**746248**	**762958**	**772920**	**725547**
оправдано (лиц)	**5164**	**5624**	**5167**	**4297**	**3739**	**2751**
осуждено лиц за преступления небольшой и средней тяжести	**538547 /** (71% от числа всех осужденных)	**537455 /** (71% от числа всех осужденных)	**521437 /** (70% от числа всех осужденных)	**373280 /** (49% от числа всех осужденных)	**562557 /** (73% от числа всех осужденных)	**533976 /** (74% от числа всех осужденных)

[1] Таблица составлена на основании данных, полученных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Судей РФ. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 17.04.2018).

Приложение Б

Сравнительные данные по осужденным, освобожденным от наказания судами общей юрисдикции Российской Федерации за 2012–2017 гг. (лиц)[1]

Таблица Б.1 – Сравнительные данные по осужденным, освобожденным от наказания судами общей юрисдикции Российской Федерации за 2012–2017 гг. (лиц)

Показатель	**2012 г.**	**2013 г.**	**2014 г.**	**2015 г.**	**2016 г.**	**2017 г.**
всего освобождено осужденных от наказания	**4231**	**6838**	**9388**	**100709**	**17897**	**8982**
по амнистии	**15**	**765**	**3549**	**94361**	**11015**	**2483**
с направлением в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа	**346**	**379**	**355**	**385**	**402**	**384**
с применением других принудительных мер воспитательного воздействия	**961**	**810**	**532**	**594**	**626**	**449**
по другим основаниям, а также без назначения наказания	**2909**	**4884**	**4952**	**5369**	**5854**	**5666**

[1] Таблица составлена на основании данных, полученных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Судей РФ. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 17.04.2018)

Приложение В
Проект Федерального закона

Российская Федерация
Федеральный закон
О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс
Российской Федерации

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921) следующие изменения:

1) в статье 5 пункт 28 изложить в следующей редакции:

«28) приговор – решение о невиновности либо о виновности и наказании подсудимого, постановленное судом первой или апелляционной инстанции;»;

2) в статье 6 часть вторую изложить в следующей редакции:

«2. Уголовное преследование и признание виновным в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, их оправдание, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.»;

3) в статье 292

а) в части второй первое предложение после слов «потерпевший и его представитель» дополнить: «, законный представитель несовершеннолетнего подсудимого.»;

в) часть седьмую изложить в следующей редакции:

«7. Лица, указанные в частях первой–второй настоящей статьи, вправе по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в части 1 ст. 299 и ст. 300 настоящего Кодекса. Предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы, но подлежат обсуждению судом при постановлении приговора».

4) в статье 294

а) статью 294 считать частью первой, последнее предложение исключить;

б) дополнить частью второй следующего содержания:

«2. Если подсудимый в судебных прениях или последнем слове сообщит о новой позиции по вопросу виновности, то суд обязан возобновить судебное следствие.»;

в) дополнить частью третьей следующего содержания:

«3. Если суд по удалению в совещательную комнату при постановлении приговора не смог ответить на все вопросы, подлежащие разрешению в соответствии со ст. ст. 299–300 настоящего Кодекса, то суд вправе возобновить судебное следствие, о чем выносит постановление (определение). По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово.»;

5) статью 297 изложить в следующей редакции:

«Статья 297. Требования, предъявляемые к приговору.

1. Приговор суда должен быть законным, обоснованным и мотивированным.

2. Приговор является правосудным, при соблюдении требований, указанных в части 1 настоящего Кодекса, и если в результате справедливого судебного разбирательства осужден виновный в совершении преступления, а невиновный оправдан.

3. Назначенное наказание в обвинительном приговоре должно быть соразмерным характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.»;

6) в статье 298 часть вторую изложить в следующей редакции:

«2.Судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора, или иным способом раскрывать тайну совещания судей.»;

7) в части первой статьи 299:

а) пункт 5 изложить в следующей редакции:

«5) имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания и подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; имеются ли основания для применения принудительных мер воспитательного воздействия в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 92 УК РФ;»;

б) пункт 6 изложить в следующей редакции:

«6) имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание; имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с частью шестой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации;»;

в) пункт 6.1 изложить в следующей редакции:

«6.1) какое наказание должно быть назначено подсудимому; имеются ли основания для освобождения от отбывания наказания или применения отсрочки отбывания наказания; имеются ли основания для применения принудительных мер воспитательного воздействия в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ;»;

г) пункты 7.1 и 7.2 считать соответственно пунктами 7 и 8;

8) в статье 301 часть 5 изложить в следующей редакции:

«5. Судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, отдельным вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, излагает его письменно в совещательной комнате. В тексте особого мнения судьи указывается: дата и место его вынесения, данные о судье, его вынесшем, сведения по какому делу и каким составом суда вынесен приговор. В тексте особого мнения должны быть изложены: основания и мотивировка позиции судьи, оставшегося при голосовании в меньшинстве. При изложении своего особого мнения судья не вправе указывать в нем сведения о суждениях, имевших место при обсуждении и принятии судебного решения, о позиции отдельных судей, входивших в состав суда, или иным способом раскрывать тайну совещания судей.»;

9) в статье 302:

а) часть 5 изложить в следующей редакции:

«5. Обвинительный приговор постановляется:

1) без назначения наказания;

2) с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным;

3) с назначением наказания и освобождением от его отбывания.»;

б) дополнить частью 5.1 следующего содержания:

«5.1. Суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания, если к моменту вынесения приговора:

1) изменилась обстановка;

2) издан акт амнистии, применение которой не состоит в зависимости от определенного вида и размера наказания;

3) имеются основания применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему (ч. 1 ст. 432 настоящего Кодекса);

4) осужденному в силу положений уголовного закона не может быть назначен ни один из видов наказания, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ.»;

в) часть 8 исключить;

10) в статье 308 часть 1 дополнить пунктом 3.1 в следующей редакции:

«3.1 основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания;»;

11) в статье 310 часть 5 изложить в следующей редакции:

«5. Особое мнение подписывается вынесшим его судьей, приобщается к приговору и подлежит оглашению в зале судебного заседания, за исключением случаев, установленных ч. 7 ст. 241 настоящего Кодекса. После провозглашения особого мнения, председательствующий разъяснят участникам судебного разбирательства, что копию особого мнения судьи они вправе получить в соответствии со ст. 312 настоящего Кодекса».

12) статью 312 дополнить частью второй, которую изложить в следующей редакции: «2. В указанном порядке и в сроки, предусмотренные частью первой настоящей статьи, участникам уголовного судопроизводства, обладающим правом апелляционного обжалования, вручается копия особого мнения судьи (судей), приобщенного к приговору».

13) статью 389.9 дополнить частью 2 следующего содержания:

«2. Суд апелляционной инстанции проверяет по особому мнению судьи о вопросе виновности законность, обоснованность и справедливость приговора суда первой инстанции. Доводы особого мнения судьи по другим вопросам рассматриваются только наряду с поданными апелляционными жалобами и представлениями».

14) в статье 389.18:

а) наименование статьи изложить в следующей редакции:

«Статья 389.18. Неправильное применение уголовного закона и несоразмерность назначенного наказания»;

б) часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. Несоразмерным является наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.».

15) дополнить главу 50 УПК РФ статьей 431.1, изложив ее следующей редакции:

«Статья 431.1. Постановление обвинительного приговора без назначения наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия

Если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд на основании части первой статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации вправе постановить в отношении него обвинительный приговор без назначения наказания, применив к нему принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную частью второй статьи 90 Уголовного кодекса Российской Федерации».

16) в статье 432:

а) наименование изложить в следующей редакции:

«Статья 432. Освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия»;

б) часть 1 исключить; в) части 2–8 считать соответственно частями 1–7.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Законопроект) разработан в целях обеспечения правовых механизмов реализации дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, снижения карательного воздействия и оптимизации баланса процессуальных интересов, нарушенных в результате преступления, а также устранения коллизии между нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Обвинительный приговор без назначения наказания, предусмотренный п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ, как вид обвинительного приговора, является процессуальной формой реализации уголовной ответственности лица за совершенное им преступление. Уголовная ответственность заключается в порицании, осуждении виновного в содеянном преступлении судом, как государственным органом судебной власти, от имени Российской Федерации. Данным видом обвинительного приговора, устанавливается виновность в качестве основания уголовной ответственности и дается отрицательная оценка как содеянному, так и личности подсудимого.

Востребованность в такой процессуальной форме как обвинительный приговор без назначения наказания возникает, когда к моменту постановления приговора достигнуты цели наказания и даже само назначение наказания при последующем освобождении от его отбывания является чрезмерным и не справедливым воздействием государства на личность. Либо это акт прощения со стороны государства (издание акта амнистии), к лицам, не представляющим высокую общественную опасность, и совершившим преступления небольшой и средней тяжести. В случае применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, суд пришел к выводу о возможности их исправления без назначения наказания.

С одной стороны, проявляя гуманизм, государство отказывается от применения к таким лицам санкции нормы уголовного права – наказания, с другой – в приговоре дается оценка содеянному как преступлению. Совершенное преступление не декриминализовано, а значит, суд от имени государства выражает осуждение такому поведению лица, виновность которого установлена и доказана в ходе открытого судебного разбирательства путем непосредственного исследования собранных доказательств на основе принципов уголовного судопроизводства.

Наличие соответствующих оснований постановить такой приговор способствует реализации принципа индивидуализации уголовной ответственности, предоставляя суду соответствующую процессуальную форму. Поскольку у суда имеется выбор в принятии одного из нескольких решений, то соответственно такое решение должно быть мотивировано. Требование мотивированности к приговору вообще не содержится в **ст. 297 УПК РФ**, раскрывающей требования к приговору. При этом из анализа других норм уголовно-процессуального закона следует, что данное требование является одним из необходимых для признания приговора правосудным вне зависимости от его вида.

Требуется также уточнить такое требование к приговору, как справедливость. Справедливость приговора достигается в результате соблюдения права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного ст. 6 Европейской конвенции о правах человека, то есть соблюдения справедливости в процессуальном аспекте. Как итоговый акт правосудия справедлив будет приговор, которым в результате справедливой проце-

дуры уголовного судопроизводства будет осужден виновный, а невиновный оправдан.

В обвинительном приговоре с назначением наказания наказание должно быть соразмерным содеянному и личности виновного (что соответствует общепризнанному принципу справедливости в уголовном праве – ст. 6 УК РФ), то есть справедливым. Справедливость в материальном смысле – требование к наказанию в уголовном праве, а не требование к приговору в уголовном судопроизводстве. Таким образом, в целях единообразия терминологии необходимо закрепить соразмерность как справедливость в материальном смысле (как требование к наказанию в уголовном праве) – это требование к обвинительному приговору с назначением наказания. Не соразмерность назначенного наказания обвинительным приговором является основанием для изменения или отмены приговора при его проверке вышестоящим судом в силу **ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ**.

К моменту постановления обвинительного приговора без назначения наказания цели наказания уже достигнуты, или могут быть достигнуты без назначения наказания, либо отсутствует необходимость в их достижении. Главным вопросом уголовного судопроизводства, является рассмотрение вопроса о признании лица невиновным или виновным в совершении преступления и его наказании. В связи с чем предлагается: уточнить понятие приговора в **п. 28 ст. 5 УПК РФ**.

В УК РФ устанавливаются правовые основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания: 1) изменение обстановки; 2) издание акта амнистии, применение которой не состоит в зависимости от определенного вида и размера наказания; 3) применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему; 4) невозможность назначения в силу положений уголовного закона ни одного из видов наказания, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Процессуальная форма их реализации должна быть определена в УПК РФ, поскольку порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается исключительно данным кодексом. Следовательно, предусмотренные в УК РФ отдельные положения глав 12–14 могут быть реализованы только с учетом положений уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Вместе с тем, в настоящее время в УПК РФ отсутствуют нормы, регламентирующие основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания. С целью устранения указанной правовой коллизии, а также учитывая, что механизм реализации норм уголовного права должен быть закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве, Законопроектом предлагается также внести изменения и дополнения: в **ст. 298** УПК РФ о тайне совещания судей, в **ст. 299 УПК РФ**, содержащую перечень вопросов, подлежащих обсуждению при постановлении приговора, в **ст. ст. 301, 310, 312, 389.9** УПК РФ в части регламентации особого мнения судьи, в **ст. 302 УПК РФ**, раскрывающую виды приговоров, в **ст. 308 УПК РФ**, регламентирующую резолютивную часть обвинительного приговора, в **ст. 432 УПК РФ**, предусматривающую применение судом к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия.

В целях реализации восстановительного подхода в уголовном правосудии предлагается исключить из назначения уголовного судопроизводства в **ч. 2 ст. 6 УПК РФ** указание на карательную цель «назначение справедливого наказания», а также уточнить норму, исключив указание на «освобождение от наказания невиновных», поскольку это является нарушением принципа юридической техники.

Для баланса процессуальных интересов сторон, реализации принципа состязательности и равенства сторон, предлагается уточнить порядок судебных прений, расширив права участников прений и включив в число участников прений законного предста-

вителя несовершеннолетнего подсудимого, уточнив порядок возобновления судебного следствия, для чего внести изменения в **ст. ст. 292, 294** УПК РФ.

Следует отметить, что формирование института постановления такого приговора исторически обусловлено проявлением нравственных начал в уголовном судопроизводстве, а также принципов гуманизма и справедливости, закрепленных в уголовном праве. Внесение соответствующих, коррелирующих между собой, изменений в нормы уголовно-процессуального права, реализующих нормы уголовного права, представляется, будет способствовать тому, что они окажутся востребованными и в судебной практике, которая, в свою очередь, будет характеризоваться большим единообразием, восстановительным подходом к нарушенным в результате преступления правоотношениям.

Появление данного вида обвинительного приговора и его развитие свидетельствуют о трансформации подхода «преступление–наказание» в карательной модели правосудия к подходу «преступление–виновность» в восстановительной модели правосудия в современной парадигме уголовного судопроизводства. Стремление законодателя к дифференциации форм уголовной ответственности и ее индивидуализации должно быть подкреплено соответствующим механизмом правового регулирования, предусматривающим как основания к этому, так и соответствующую процессуальную форму. Кроме того, уточнение механизма реализации уголовной ответственности будет способствовать сокращению уголовной репрессии в случаях, когда в отсутствие четкой регламентации института постановления обвинительного приговора без назначения наказания, суды, при наличии оснований к осуждению без назначения наказания, зачастую, назначают наказание условно. Что в свою очередь, влечет необоснованные бюджетные расходы, связанные с контролем за поведением условно-осужденного в стадии исполнения обвинительного приговора.

ПЕРЕЧЕНЬ АКТОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИХ ПРИЗНАНИЮ УТРАТИВШИМИ СИЛУ, ПРИОСТАНОВЛЕНИЮ, ИЗМЕНЕНИЮ, ДОПОЛНЕНИЮ ИЛИ ПРИНЯТИЮ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не потребует признания утратившими силу, приостановления, изменения, дополнения или принятия актов федерального законодательства.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ К ПРОЕКТУ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Принятие и реализация Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не потребуют дополнительных расходов, финансируемых за счет средств федерального бюджета.

Приложение Г

ПРОЕКТ

ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от «___» _____ 201_ г. № __

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В связи с вопросами, возникшими у судов общей юрисдикции, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 9,14 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции Российской Федерации», постановляет внести изменения в следующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

1. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»:

1) абзац пункта 1 изложить в следующей редакции:

Обратить внимание судов на то, что в силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и мотивированным и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона. С учетом положений статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт о гражданских и политических правах) и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенция о защите прав человека и основных свобод) приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства. Приговор суда является правосудным, при соблюдении требований, указанных в статье 297 УПК РФ и если в результате справедливого судебного разбирательства осужден виновный в совершении преступления, а невиновный оправдан. Назначенное наказание в обвинительном приговоре должно быть соразмерным содеянному и личности виновного, таким образом, несоразмерным является наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости».

2) после пункта 26 дополнить разделом

«Обсуждение вопроса наказания», куда включить пункты 26.1.–26.4. следующего содержания:

«26.1. Если при обсуждении вопросов, указанных в части первой статьи 299 УПК РФ, суд не установил оснований освобождения подсудимого от уголовной ответственности, то с учетом установленных в судебном разбирательстве обстоятельств, суд обя-

зан рассмотреть вопрос наказания и избрать одну из следующих форм реализации уголовной ответственности: осуждение без назначения наказания, осуждение с назначением наказания и его отбыванием или отсрочкой, осуждение с назначением наказания и освобождением от его отбывания.

На основании исследованных доказательств, характеризующих личность подсудимого и содеянного им, посткриминального поведения подсудимого, суд должен разрешить вопрос, подлежит ли подсудимый наказанию за совершение преступления, а также имеются ли основания для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Об этом может свидетельствовать изменение общественной опасности личности или содеянного к моменту постановления приговора: утрата общественной опасности, возможность утраты общественной опасности в результате применения принудительных мер воспитательного воздействия, либо по решению правоприменителя (судейское усмотрение) или законодателя (амнистия).

26.2. Суд может прийти к выводу о постановлении обвинительного приговора без назначения наказания при наличии одного из следующих оснований: 1) изменение обстановки (ст. 80.1 УК РФ); 2) издание акта амнистии, применение которой не состоит в зависимости от определенного вида и размера наказания (ст. 84 УК РФ); 3) применение к несовершеннолетнему осужденному принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ); 4) невозможность назначения в силу положений уголовного закона ни одного из видов наказания, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Например, в случае не возможности назначить наказание определенного вида, предусмотренное санкцией статьи особенной части УК РФ, при осуждении отдельных категорий лиц (иностранных граждан, лиц без гражданства, лиц, не имеющих места постоянного проживания на территории Российской Федерации, а также за совершение преступлений против военной службы).

26.3. В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора без назначения наказания суд должен не только указать основания, в связи с которыми пришел к убеждению об осуждении без назначения наказания, но и мотивы своего решения.

26.4. В резолютивной части суд обязан указать норму Уголовного кодекса РФ, применение которой реализуется в процессуальной форме обвинительного приговора без назначения наказания, а также ссылку на соответствующую часть статьи 302 УПК РФ».

2. В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 9 февраля 20012 г. №3, постановлением Пленума от 2 апреля 2013 г. № 6, постановлением Пленума от 29 ноября 2016 г. № 56):

1) пункт 35 изложить в следующей редакции:

«В соответствии со статьей 432.1 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести суд вправе, постановив обвинительный приговор без назначения наказания, применить к несовершеннолетнему в силу части 1 статьи 92 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия.

Если несовершеннолетний за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления осужден к лишению свободы, суд вправе на основании части 2 статьи 92 УК РФ, за исключением лиц, перечисленных в части 5 статьи 92 УК РФ, освободить его от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием».

2) в абзаце первом пункта 38 слова «или части 1 статьи 432» исключить.

3. В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48, постановлением Пленума от 29 ноября 2016 г. № 56):

абзац 2 пункта 25 изложить в следующей редакции:

«В результате продолженного судебного разбирательства в связи с возражением подсудимого против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по основаниям, предусмотренным пунктом 3 части 1 статьи 24 или статьей 28.1 УПК РФ суд по итогам судебного разбирательства выносит мотивированное постановление (определение)».

Приложение Д

АНКЕТА

Просим Вас принять участие в анкетировании, проводимом в рамках научного исследования на тему «Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления». Надеемся, что Вы ответите на все наши вопросы, и заранее благодарим Вас за сотрудничество.

При согласии с одним или несколькими из предложенных вариантов ответа – поставьте любой знак напротив ответа.

1. В соответствии с пунктом 28 статьи 5 УПК РФ приговор – это решение о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. Как Вы считаете, достаточно ли полно раскрывает данная норма закона указанное понятие или требуется его дополнить:

а) норма является полной и дополнений не требует;

б) дополнить указанием на то, что приговор постановляется в совещательной комнате;

в) дополнить указанием на то, что приговор постановляется именем Российской Федерации;

г) дополнить указанием на то, что возможно вынесение приговора без назначения наказания в предусмотренных законом случаях;

д) свое предложение дополнения данной нормы _____.

2. В каких случаях, на Ваш взгляд, может быть постановлен обвинительный приговор без назначения наказания, предусмотренный пунктом 3 частью 5 статьи 302 УПК РФ:

а) в случаях, предусмотренных ст. 80-1 УК РФ, когда к моменту рассмотрения дела вследствие изменения обстановки, деяние, совершенное впервые и относящееся к категории небольшой или средней тяжести, потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным;

б) в случае применения амнистии;

в) в случае, истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности;

г) в отношении умершего;

д) в случаях, предусмотренных ст. 72 УК РФ (зачет времени предварительного содержания под стражей в срок отбытого наказания), то есть когда наказание отбыто;

е) в случае применения к несовершеннолетнему вместо уголовного наказания принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ (ч. 1 ст. 432 УПК РФ);

ж) поскольку в законе не указаны правовые основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания, п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ должен быть исключен из уголовно-процессуального закона;

з) иное, напишите Ваши предложения по данному вопросу _____.

3. Как Вы считаете, возможно ли постановление приговора в отношении умершего подсудимого, если судебное разбирательство продолжалось по просьбе близких родственников подсудимого в целях его реабилитации, но предъявленное подсудимому обвинение было доказано:

а) в отношении умершего возможно постановление только оправдательного приговора;
б) возможно постановление обвинительного приговора без назначения наказания;
в) невозможно постановление обвинительного приговора;
г) невозможно постановление какого-либо приговора, так как должно быть вынесено постановление о прекращении производства по делу.

4. Какое итоговое решение, по Вашему мнению, должен принимать суд, по смыслу уголовно-процессуального закона, в случае истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности в ходе судебного разбирательства:
а) обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания;
б) обвинительный приговор без назначения наказания;
в) постановление о прекращении уголовного дела.

5. Допустимо ли, по Вашему мнению, в российском уголовном судопроизводстве, постановление приговора заочно (в результате судебного разбирательства без участия подсудимого)?
а) да, допустимо;
б) нет, недопустимо.

6. Если на предыдущий вопрос Вы ответили вариант «б», то укажите наиболее значимую причину недопустимости постановления приговора в заочном порядке:
а) высок риск незаконного осуждения,
б) имеется риск вынесения приговора в отношении умершего;
в) нарушает предусмотренные международным правом требования о праве при рассмотрении любого обвинения быть судимым при личном присутствии;
г) свой вариант: _____

7. Необходимо ли, по Вашему мнению, в части 5 статьи 247 УПК РФ предусмотреть возможность судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории РФ и (или) уклоняется от явки в суд, по уголовным делам о преступлениях любой категории тяжести:
а) да, необходимо;
б) нет, такой необходимости нет.

8. Необходимо ли, по Вашему мнению, в части 4 статье 247 УПК РФ предусмотреть возможность рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого по его ходатайству по уголовным делам о преступлениях любой категории тяжести:
а) да, необходимо;
б) нет, такой необходимости нет.

9.Считаете ли Вы необходимым дополнить статью 247 УПК РФ нормой о том, что в случае подачи ходатайства подсудимым о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие, ему обязательно должно быть разъяснены последствия и порядок обжалования заочного приговора:
а) да, необходимо;
б) нет, такой необходимости нет.

10. Считаете ли Вы необходимым дополнить часть 7 статьи 247 УПК РФ нормой о том, что если уголовное дело рассматривалось в отсутствие подсудимого по его ходатайству, и подсудимому разъяснялись последствия и порядок обжалования заочного приговора, то такой приговор не должен подлежать безусловной отмене по ходатайству осужденного или его защитника в порядке надзора, а может быть пересмотрен в кассационном (а с 1 января 2013 г. – в апелляционном) порядке:
а) да, необходимо;
б) нет, такой необходимости нет.

11. Следует ли дополнить часть 5 статьи 247 УПК РФ перечнем исключительных случаев, в целях сокращения пределов судейского усмотрения:
а) нет, не следует, чтобы не ограничивать все возможные случаи;
б) да, следует. Например: _____

12. Как вы считаете, вправе ли суд возобновить судебное следствие после удаления в совещательную комнату, в случае, если пришел к выводу, что не выяснены существенные обстоятельства, имеющие значение для дела?
а) да, вправе;
б) нет, не вправе.

13. Как вы считаете, вправе ли суд возобновить судебное следствие после удаления в совещательную комнату, в случае, если выявит существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе судебного разбирательства?
а) да, вправе;
б) нет, не вправе.

14. Как Вы считаете, обязан ли судья, оставшийся при особом мнении, изготавливать его текст в совещательной комнате?
а) да, обязан;
б) нет, не обязан.

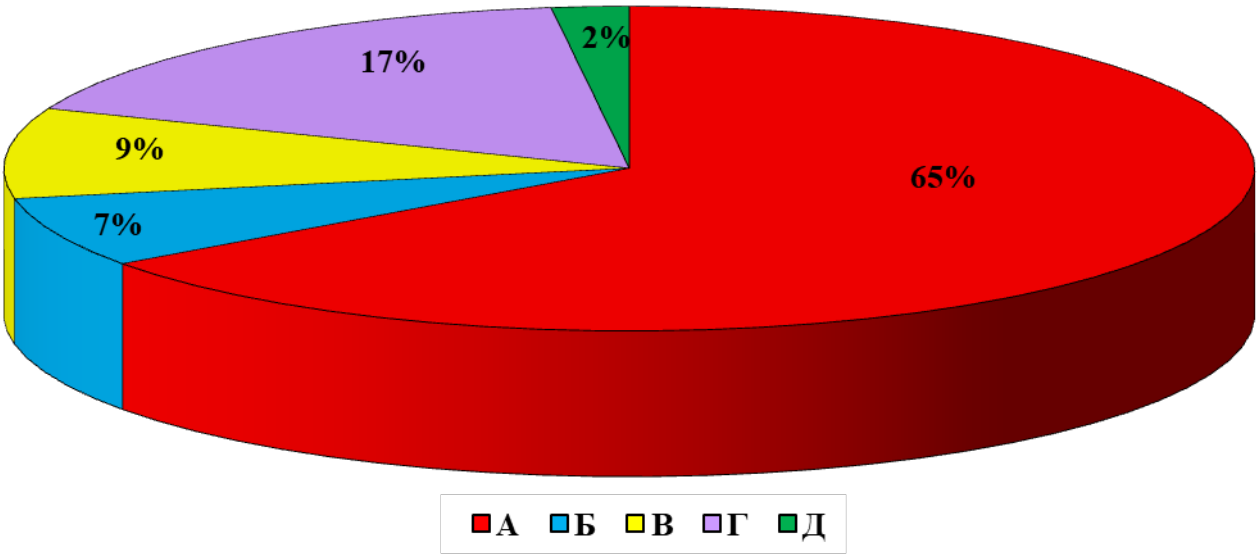
15. Как Вы считаете, требуется ли дополнить ст. 5 УПК РФ или главу 39 УПК РФ понятиями законности, обоснованности, справедливости, мотивированности приговора?
а) не требуется;
б) требуется;
в) иное _____

16. Как Вы считаете, приговор справедлив, когда:
а) назначено справедливое наказание;
б) справедливо судебное разбирательство;
в) справедливо досудебное производство;
г) осужден виновный;
д) оправдан не виновный;
е) иное _____

СПАСИБО ЗА ВАШИ ОТВЕТЫ!

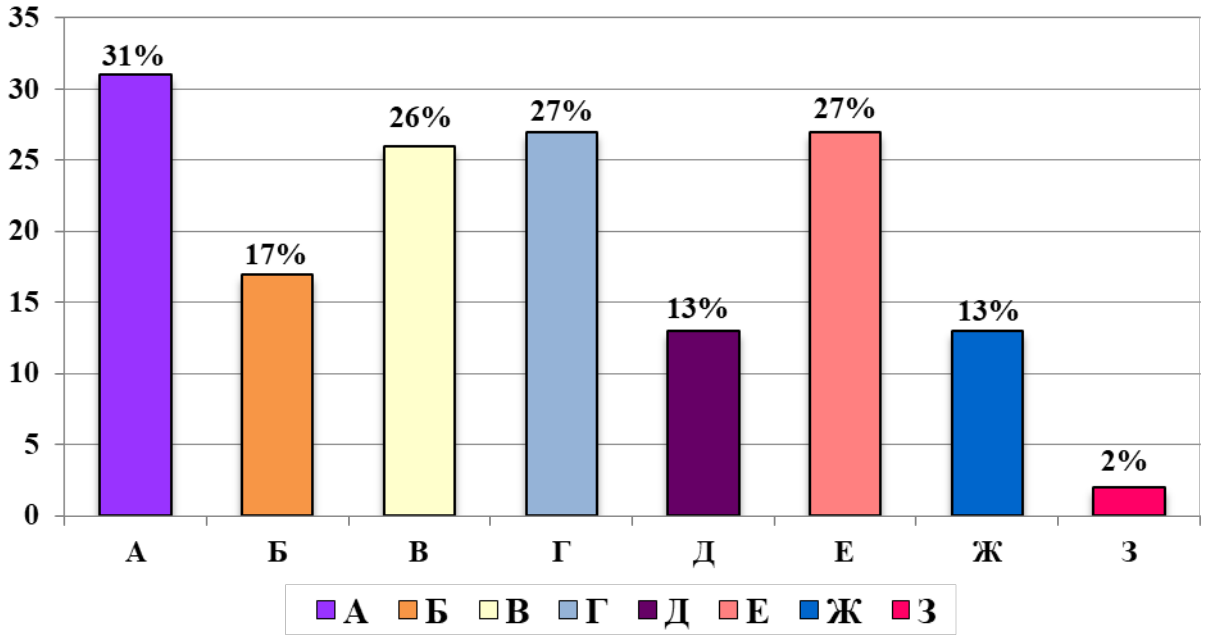
Приложение Е

Результаты анкетирования



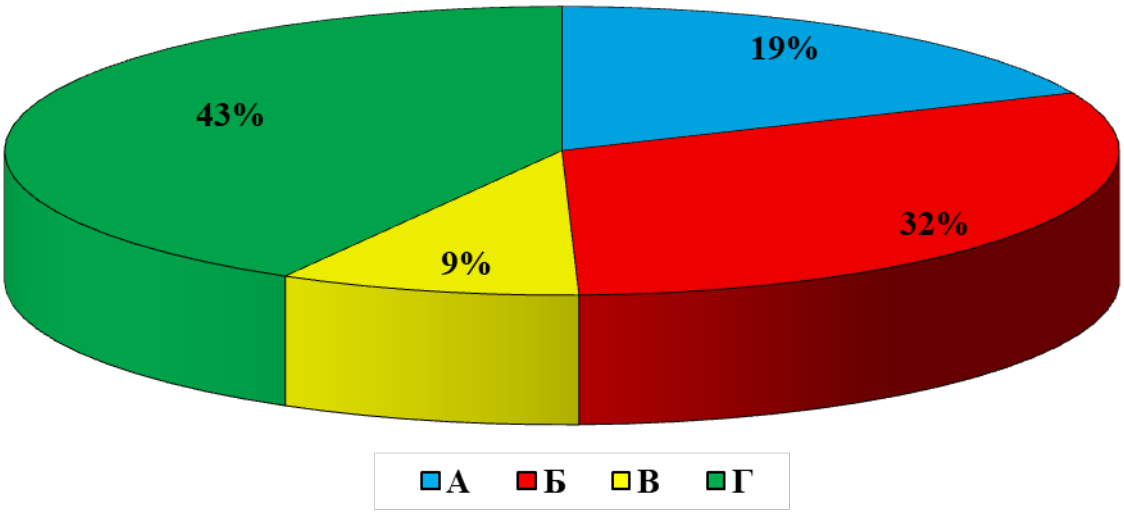
А − норма является полной и дополнений не требует;
Б −дополнить указанием на то, что приговор постановляется в совещательной комнате;
В − дополнить указанием на то, что приговор постановляется именем Российской Федерации;
Г −дополнить указанием на то, что возможно вынесение приговора без назначения наказания в предусмотренных законом случаях;
Д − свой вариант

Рисунок Е.1 – Достаточность понятия приговора в п. 28 ст. 5 УПК РФ



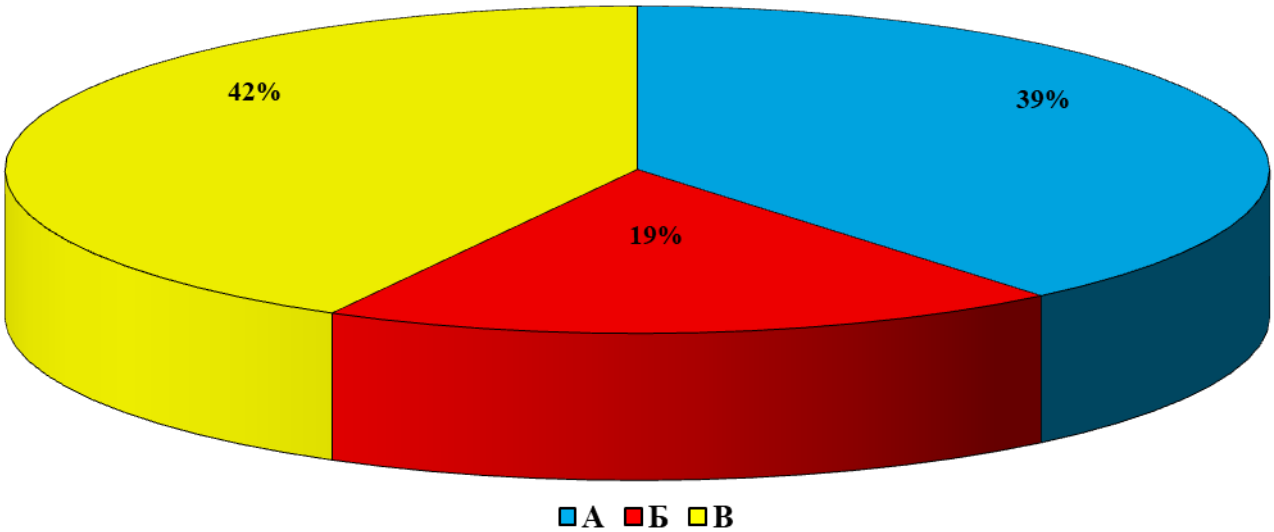
А− в случаях, предусмотренных ст. 80-1 УК РФ, когда к моменту рассмотрения дела вследствие изменения обстановки, деяние совершенное впервые и относящееся к категории небольшой или средней тяжести, потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее перестало быть общественно опасным;
Б − в случае применения амнистии;
В − в случае, истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности;
Г− в отношении умершего;
Д − в случаях, предусмотренных ст. 72 УК РФ (зачет времени предварительного содержания под стражей в срок отбытого наказания), т.е. когда наказание отбыто;
Е − в случае применения к несовершеннолетнему вместо уголовного наказания принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ (ч. 1 ст. 432 УПК РФ);
Ж − поскольку в законе не указаны правовые основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания, п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ должен быть исключен из уголовно-процессуального закона;
З − свой вариант.

Рисунок Е.2 − Основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания



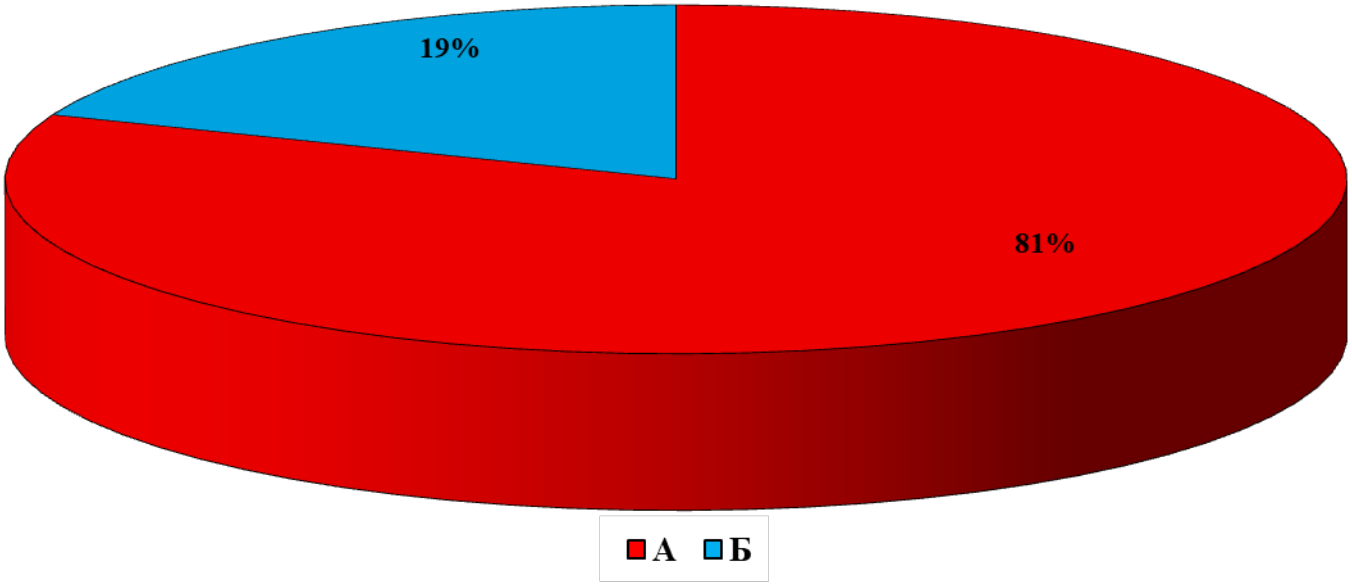
А − возможно постановление оправдательного приговора;
Б − возможно постановление обвинительного приговора без назначения наказания;
В − невозможно постановление обвинительного приговора;
Г − невозможно постановление какого-либо приговора, т.к. должно быть вынесено постановление о прекращении производства по делу.

Рисунок Е.3 − Возможность постановления приговора в отношении умершего, при доказанности обвинения в судебном заседании



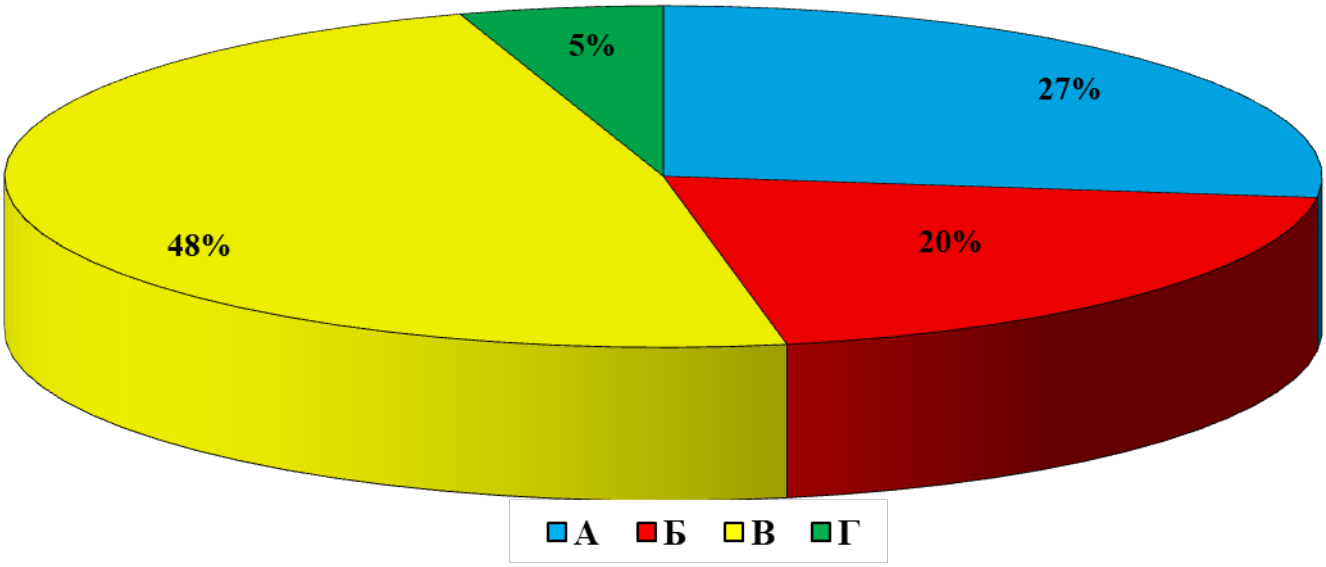
А − обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания;
Б −обвинительный приговор без назначения наказания;
В −постановление о прекращении уголовного дела.

Рисунок Е.4 – Итоговое решение в случае истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности в ходе судебного разбирательства



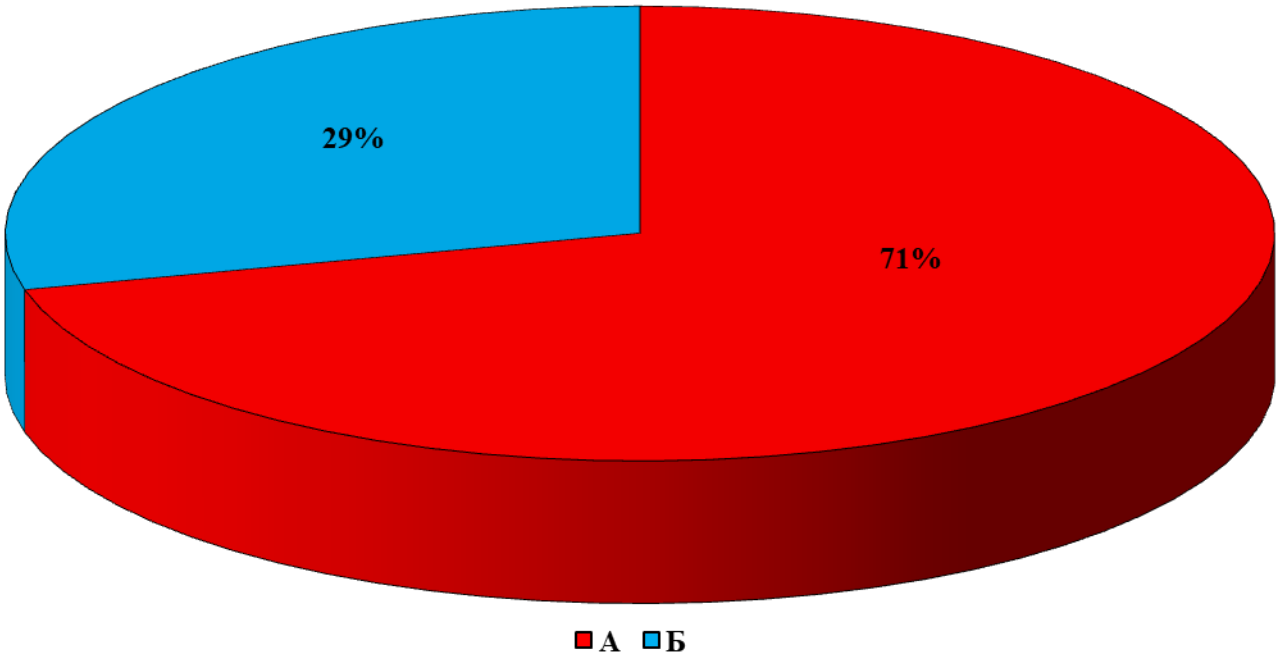
А – да, допустимо
Б – нет, не допустимо

Рисунок Е.5 – Возможность постановления приговора в отсутствие подсудимого (заочно)



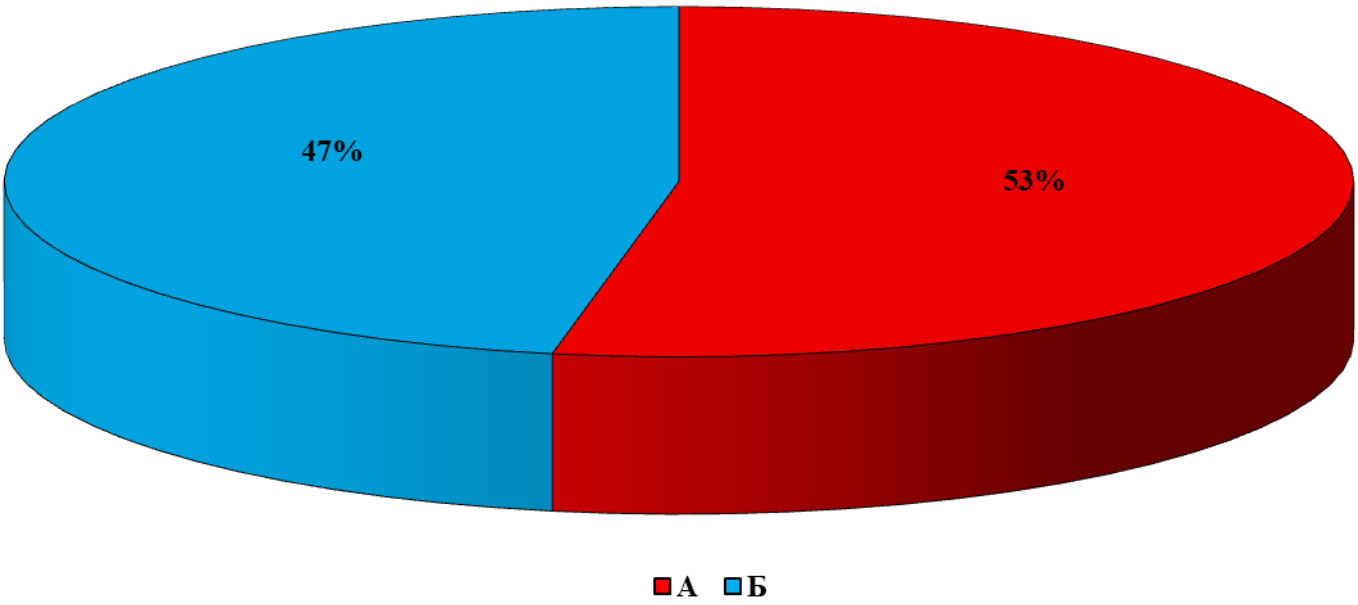
А – высок риск незаконного осуждения,
Б – имеется риск вынесения приговора в отношении умершего;
В – нарушение предусмотренного международным правом требования о праве при рассмотрении любого обвинения быть судимым при личном присутствии;
Г – свой вариант

Рисунок Е.6 – Наиболее значимая причина недопустимости постановления приговора в заочном порядке



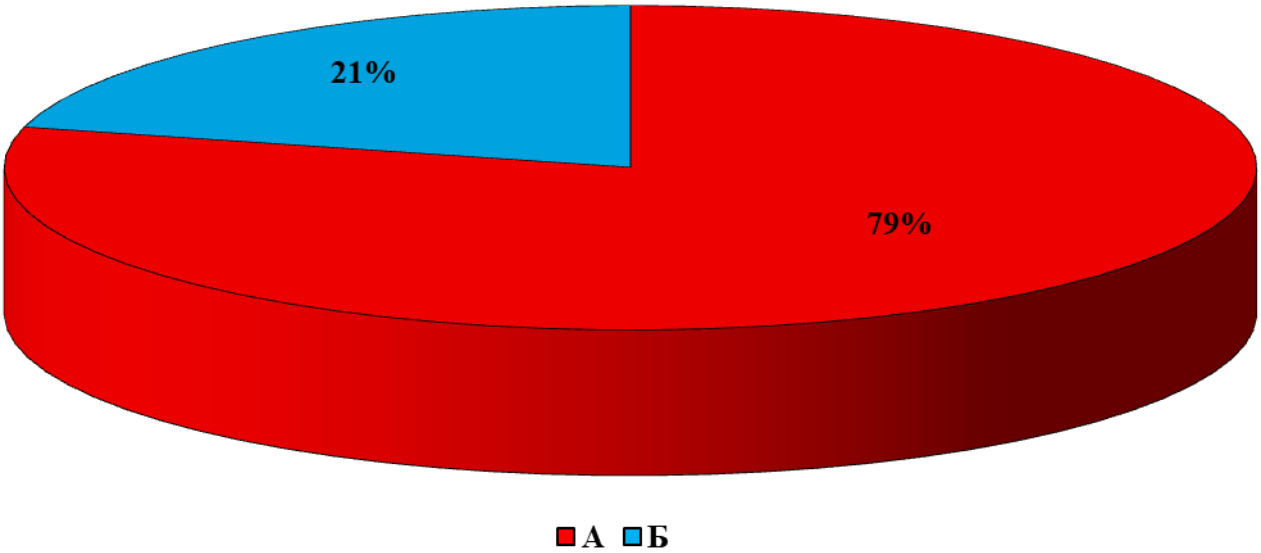
А − да, необходимо,
Б − нет, такой необходимости нет

Рисунок Е.7 – Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого (ч. 5 ст. 247 УПК РФ) по делам любой категории тяжести



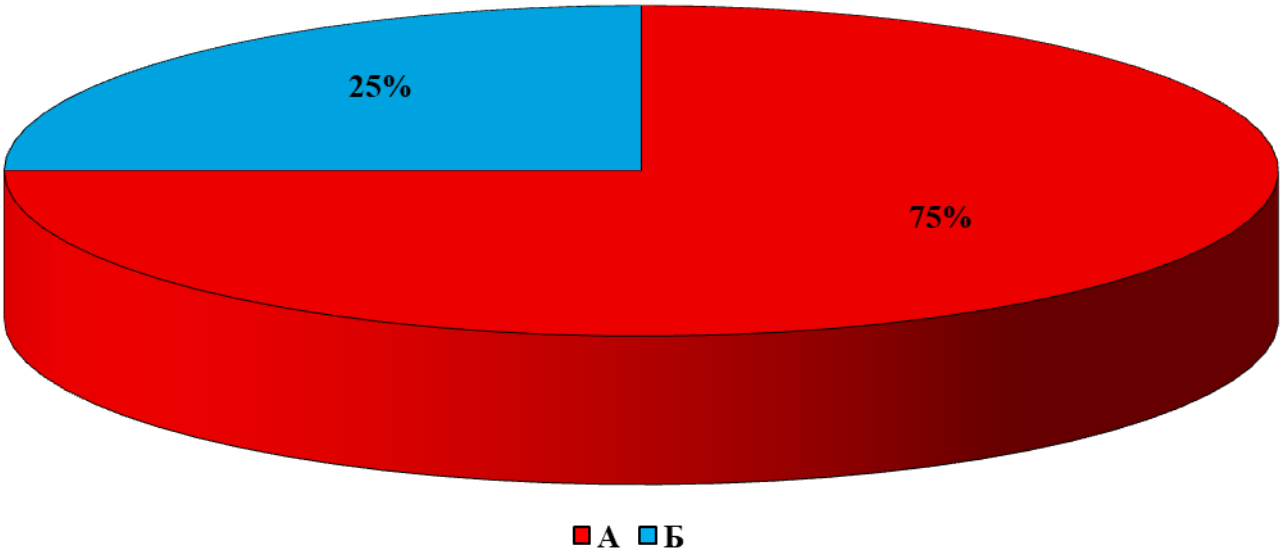
А − да, необходимо,
Б − нет, такой необходимости нет

Рисунок Е.8 − Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого (ч. 4 ст. 247 УПК РФ) по делам любой категории тяжести



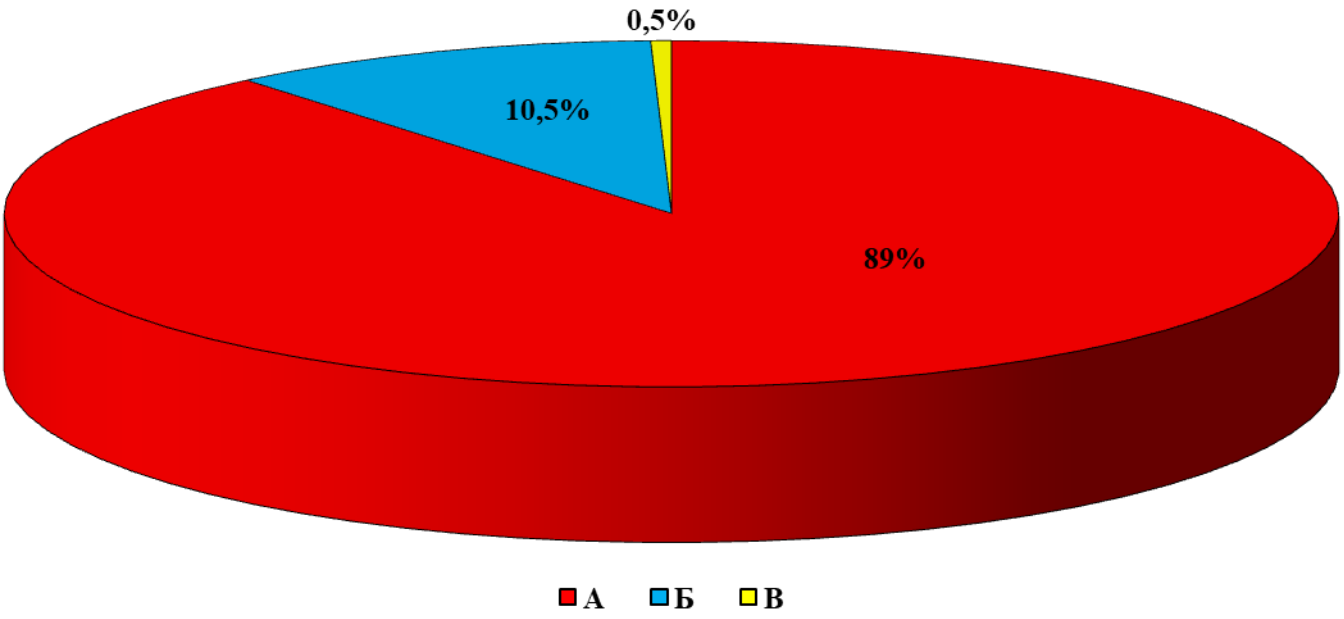
А − да, необходимо,
Б − нет, такой необходимости нет

Рисунок Е.9 − Необходимость разъяснения последствий и порядка обжалования заочного приговора при подаче ходатайства подсудимого в порядке ст. 247 УПК РФ



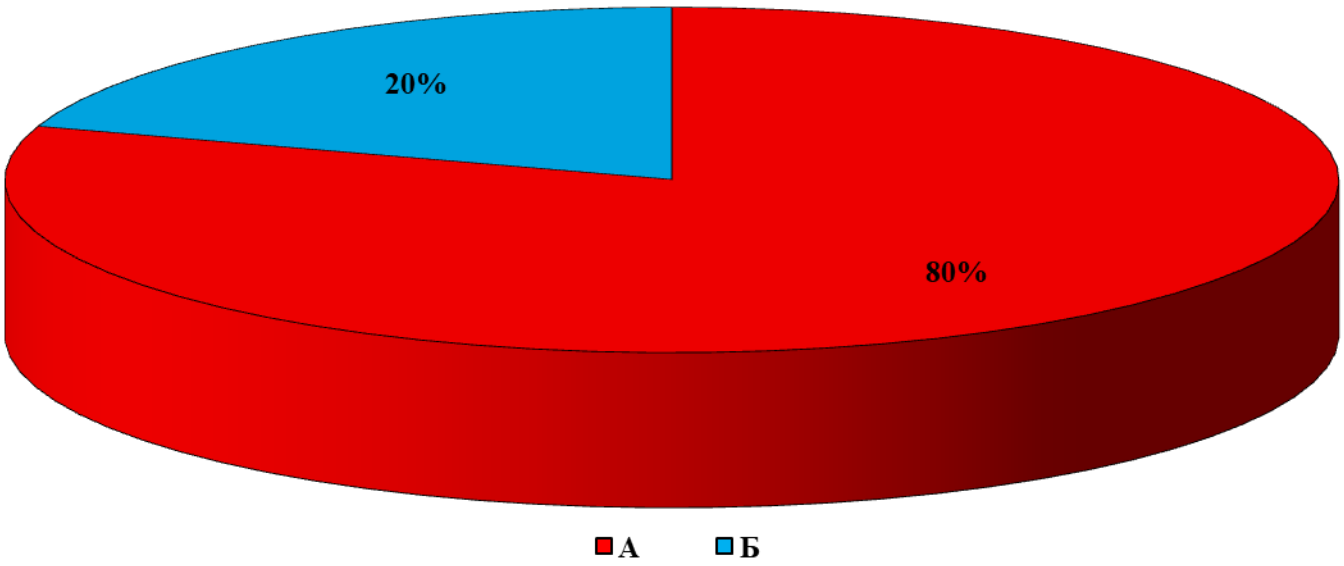
А − да, необходимо,
Б − нет, такой необходимости нет

Рисунок Е.10 – Необходимость дополнить ч. 7 ст. 247 УПК РФ возможностью обжаловать приговор, постановленный заочно по ходатайству подсудимого, в апелляционном порядке



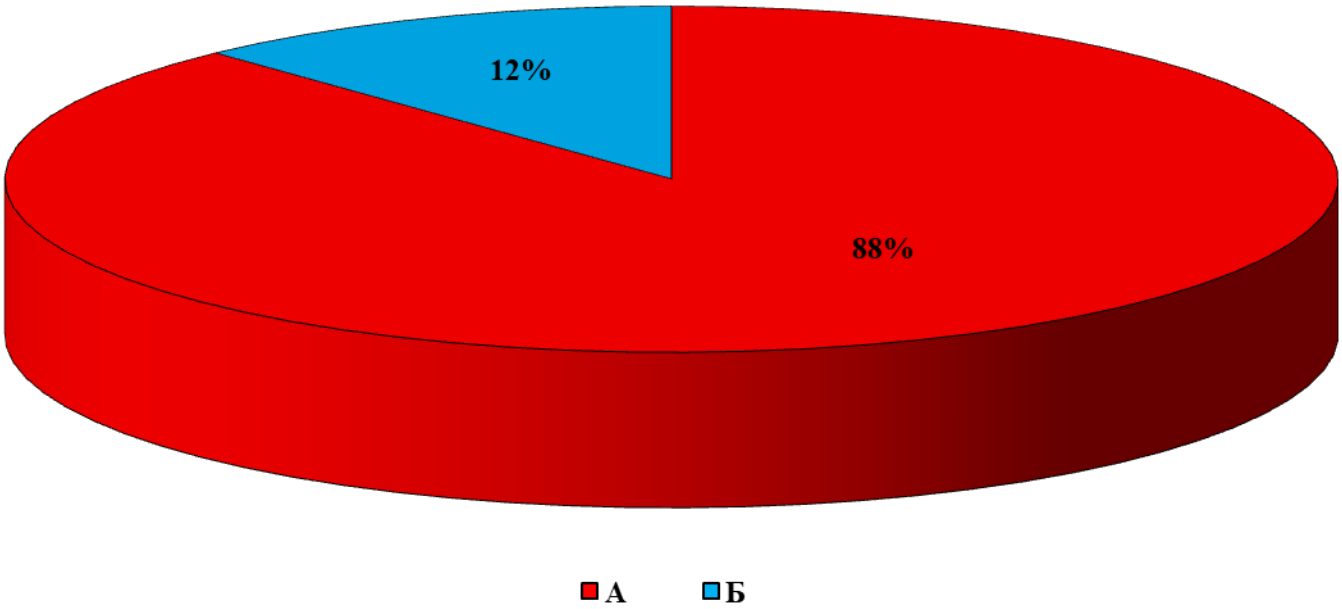
А – да, необходимо,
Б – нет, такой необходимости нет
В – свой вариант

Рисунок Е.11 –Необходимость дополнения ч. 5 ст. 247 УПК РФ перечнем исключительных случаев



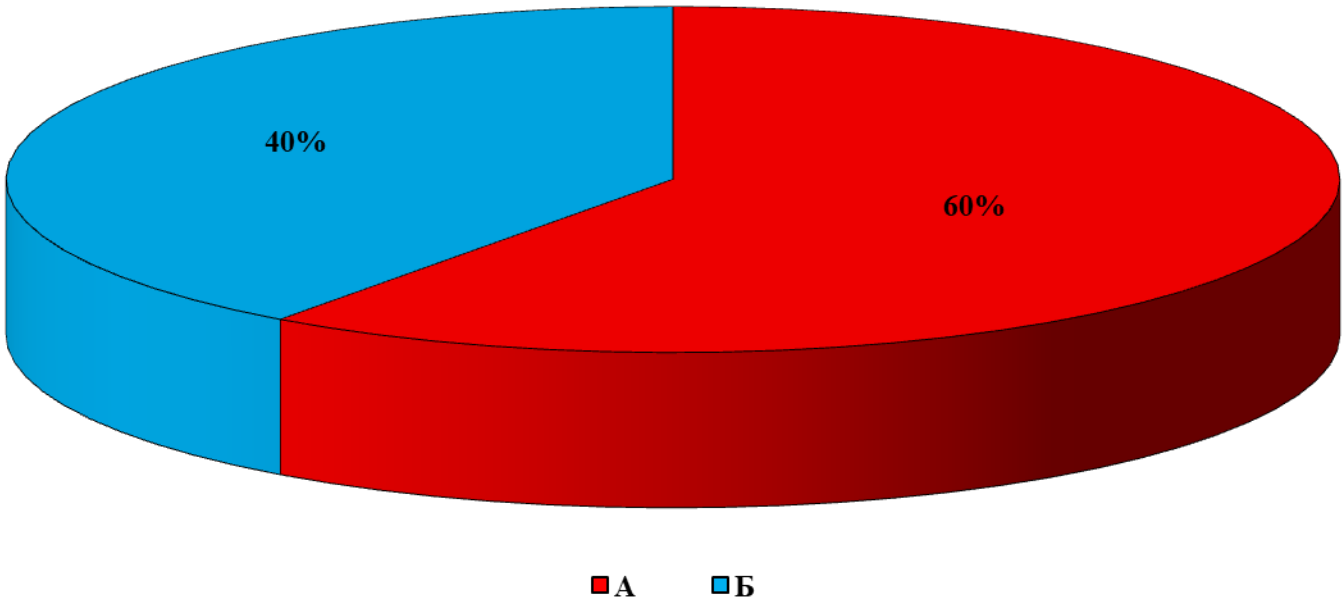
А – да, вправе,
Б – нет, не вправе

Рисунок Е.12 – Право суда возобновить судебное следствие после удаления в совещательную комнату, если суд пришел к выводу, что не выяснены существенные обстоятельства, имеющие значение для дела



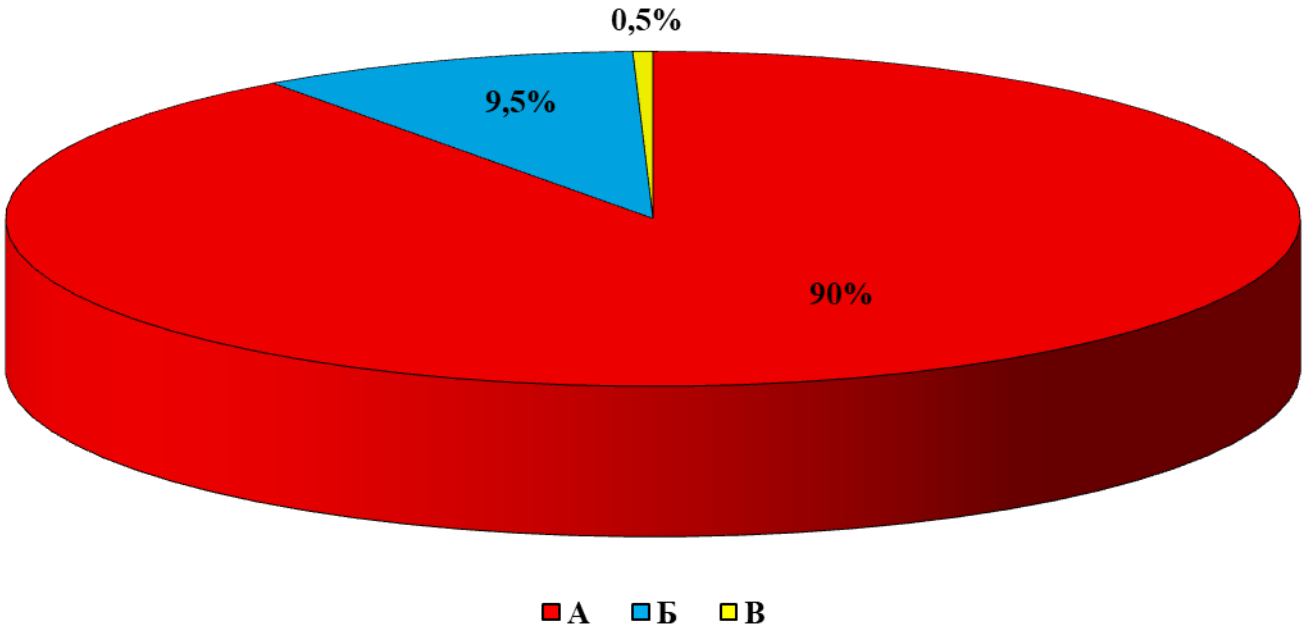
А – да, вправе,
Б – нет, не вправе

Рисунок Е.13 – Право суда возобновить судебное следствие после удаления в совещательную комнату, в случае выяснения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе судебного разбирательства



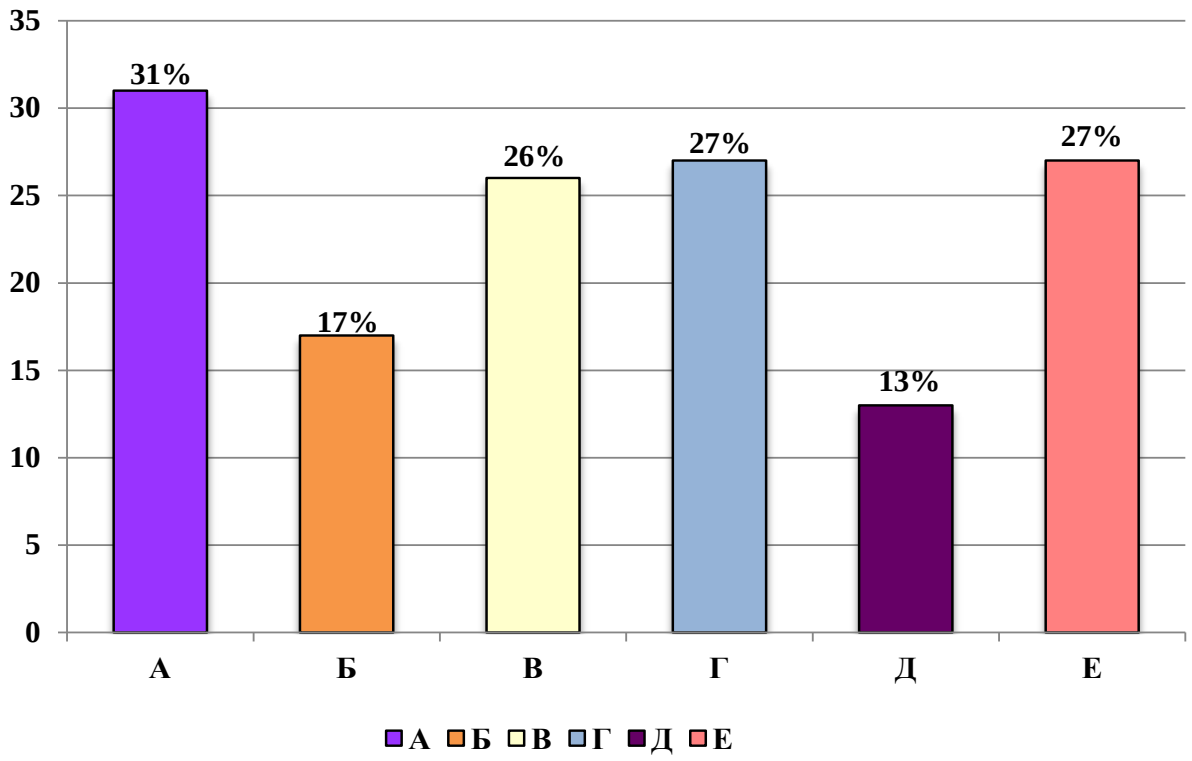
А – да, обязан
Б – нет, не обязан

Рисунок Е.14– Обязанность судьи, оставшегося при особом мнении, изготавливать его текст в совещательной комнате



А − не требуется,
Б − требуется
В − иное

Рисунок Е.15 − Необходимость дополнения УПК РФ понятиями законности, обоснованности, справедливости, мотивированности приговора



Приговор справедлив, когда:
А − назначено справедливое наказание,
Б − справедливо судебное разбирательство
В − справедливо досудебное разбирательство,
Г − осужден виновный,
Д − оправдан невиновный,
Е− иное

Рисунок Е.16 – Справедливость приговора